Т. Д. ЗЛАТКОВСКАЯ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА У ФРАКИЙЦЕВ

VII–V в.в. до н. э.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · 1971

В книге рассматриваются экономика, социальные и политические институты фракийцев — одного из наиболее многочисленных племен Юго-Восточной Европы античного времени. Изучая экономические предпосылки возникновения государства, развитие форм собственности и эксплуатации, трансформацию политической организации родо-племенного общества в органы государственного управления, автор прослеживает пути перехода фракийцев от первобытной формации к раннеклассовому обществу в период от VII до V в. до н. э. Исследование основано на тщательном анализе сообщений древних авторов, памятников материальной культуры, нумизматических материалов и надписей древней Фракии.

Книга рассчитана на историков, этнографов, археологов, философов, а также на широкий круг студентов, аспирантов и преподавателей вузов

Ответственный редактор

С. А. ТОКАРЕВ

ВВЕДЕНИЕ

астоящая работа посвящена изучению процесса становления раннеклассового общества и государства у южнофракийских племен, проходившего в VII—V вв. до н. э. и подготовленного предшествующим экономическим и социальным развитием Фракии. Изучение переходного периода от доклассовых к раннеклассовым обществам, как известно, всегда находилось в поле зрения советской исторической науки и занимало в ней существенное место. Сравнительно недавно эта проблематика вновь стала объектом особенно оживленных дискуссий, в центре внимания которых стояли по преимуществу раннеклассовые общества Азии и Африки. Европейским раннеклассовым обществам уделялось в этой связи меньше внимания.

Между тем европейская история дает немало ярких примеров обществ, стоявших на стадии становления классов и государства. Исследованы, однако, значительно больше и детальнее те из них, которые существовали в средние века. Более же ранние, за исключением классических примероов античности — древних Греции и Рима, освещены гораздо слабее. Между тем очень важно обратить также особенно пристальное внимание на историю обширного племенного мира до и после его вхождения в состав крупных рабовладельческих империй Греции и Рима. Эта история племен и народов античной ойкумены полна примеров имманентных процессов развития социально-экономических отношений, классообразования и возникновения государственности. В дальнейшем эллинизация, а затем романизация коснулись в той или иной степени многих европейских племен, включенных в общий процесс развития античного мира. Но несмотря на нивелирующее культурное и социально-экономическое воздействие античного мира, внутренние тенденции развития его отдельных частей подспудно продолжали существовать и развиваться. Они в разных формах и в различной степени отра-

зились на многих сторонах жизни периферийных народов. Поэтому для выяснения закономерностей исторического процесса изучение этих отдельных народов античного времени и их социально-экономической истории имеет, пожалуй, не меньшее значение, чем изучение классических образцов развития античных Греции и Рима.

С этой точки зрения изучение переходного периода истории от доклассового общества к раннеклассовому во Фракии представляет особый интерес, так как здесь эти самостоятельные черты развития проявлялись особенно ярко, сохранялись дольше и в более чистом виде, чем у многих других народов. Они оказали существенное влияние и во многом наряду с другими социальными и экономическими институтами, привнесенными в более поздние эпохи различными народами (главным образом древними греками, македонцами, римлянами, позже — славянами, турками), определяли особенности развития Балканских стран не только в античную, но и более поздние эпохи.

Процессы, которые происходили во Фракии, нельзя считать узколокальными. Фракийские племена в I тысячелетии до н. э. представляли собой широко распространенную этническую общность. Фракийцы (в широком смысле, включая их северную дако-гетскую часть и южную — собственно фракийскую) занимали земли от Вардар-Моравского бассейна на западе до западного побережья Черного моря и Прутско-Днестровского междуречья на востоке; от Трансильвании и Карпатских гор на севере до Эгейского побережья, проливов и Мало-Азийского полуострова на юге. Поэтому процесс становления раннеклассового общества у фракийцев во многом определил характерные черты для значительной части народов Юго-Восточной Европы. Исследование этого процесса у южной части этих племен приобретает особый интерес потому, что по сравнению с другими европейскими племенами здесь, в Южной Фракии, очень рано (уже в первой половине V в. до н. э.) возникло государство —Одрисское царство. Это раннее появление государственности произошло до включения фракийского общества в сферу глубокого социального и политического влияния греческой цивилизации. Это обстоятельство дает возможность проследить процессы, подготовившие столь раннее развитие, в сравнительно чистом, самобытном виде и изучить их внутренние стимулы и детали развития. С другой стороны, близость крупных центров эллинского мира, характеризуемых более развитой экономикой и ранее достигших государственности, а также других очагов европейской культуры, имевших с Фракией оживленные экономические и уходящие в глубь веков культурные связи, представляла все же некий ускоритель экономического и зависящего от него социального и культурного развития. Выяснение степени этого влияния, сопоставление внутренних и внешних факторов развития представляет интерес с точки зрения взаимоотношений греческого и племенного («варварского») мира.

В работе сделан акцент на исследовании основных линий развития фракийского общества в целом. Такой подход к проблеме при современном состоянии источников по отдельным племенам представляется ра-

циональным. При нем обычно отмечаемое различие уровня развития отдельных племен Фракии дает некоторые преимущества: начальная стадия социально-экономических институтов, улавливаемая в источниках, касающихся наиболее отсталых фракийских племен, может быть дополнена сведениями о более поздних этапах развития этих институтов у других, более развитых фракийских племен.

Хронологические рамки исследования — конец VII—V в. до н. э. — определяются ходом экономического и политического развития южных фракийцев. Нижняя хронологическая граница объясняется завершением к этому времени широких миграций, появлением признаков имущественного и социального расслоения, выделением племенной знати и вождей с чертами власти, отличными от общественных функций руководителей племен родового общества. Верхняя граница — период правления трех первых наиболее крупных одрисских царей — Тереса, Ситалка и Севта I, когда было положено начало Одрисскому царству и намечались главные линии его развития. Однако отмеченный период составляет только ядро исследования; в работе, естественно, иногда приходится выходить за намеченные хронологические рубежи. Если представлялась возможность отметить зарождение какого-либо явления, происшедшее до намеченных хронологических рубежей, то такая возможность использовалась, так же как и другая, дающая основание проследить дальнейшее, более позднее развитие того или иного социально-экономического института. Это давало возможность яснее представить характер исследуемого явления в тот отрезок времени, который является для данной работы основным.

Территориальные границы исследования определяются землями, входившими в состав Одрисского царства. Его границы, насколько мы можем судить, были довольно подвижны, что объясняется не столько лакунами в сообщениях источников, но организационными особенностями этого раннего политического образования. Тем не менее в общих чертах можно составить представление о тех областях Фракии, которые были объединены в Одрисском царстве, хотя эти границы вырисовываются в разных пределах царства с различной четкостью, да и степень подчиненности одрисам отдельных племен не была одинакова (некоторые из них, например, обитавшие в неприступных горах, оставались независимыми). В самых общих чертах границы Одрисского царства в период первых царей могут быть очерчены следующим образом. Река Истр (совр. Дунай) была северной границей царства; побережье Эгейского моря и Пропонтиды (Мраморное море) к востоку от г. Абдеры до Византия — его южной границей; западная граница проходила по нижнему течению р. Неста (совр. Места), среднему течению р. Стримона (совр. Струма) и западнее р. Ойскос (совр. Искр), впадающей в Истр; восточную границу составляло западное побережье Понта Евксинского от устья Истра до Боспора (см. карту 1).

Научная литература по истории ранней Фракии обширна. Подавляющее большинство работ, однако, посвящено публикации памятников ма-

териальной культуры фракийцев, снабженных лишь в некоторых трудах выводами и краткими историческими комментариями, касающимися той или иной отрасли экономической жизни фракийцев. Значительно меньше работ, исследующих различные моменты политической истории Фракии.

Собственно проблеме происхождения Одрисского царства, развития производственных отношений, социальных и политических институтов во фракийском обществе в период становления классового общества и государства специально посвящено только несколько исследований болгарских ученых Д. Димитрова, Х. Данова, А. Милчева, С. Мулешкова, а также недавно вышедшая работа А. Фола. Этих вопросов касаются общие труды по истории Болгарии, как болгарские, так и советские. Разбор мнений по отдельным вопросам сделан в начале каждого раздела этой книги. Здесь же уместно осветить взгляды исследователей по общим проблемам нашей темы.

Среди них прежде всего следует назвать проблему происхождения Одрисского царства, выяснения тех факторов, которые обусловили столь раннее (по европейским масштабам) возникновение этого государственного образования. Среди ученых была популярна теория, ставящая при решении этого вопроса в центр внимания внешнеполитический фактор. Г. Кацаров высказал мысль о том, что одрисам удалось создать большое царство благодаря поддержке Афин, которые предпочли иметь дело с одним сильным властителем Фракии, чем с несколькими мелкими племенами и их правителями. О значительной роли Афин, поддерживающих Одрисское царство (так же как и Боспорское) для укрепления своих торговых позиций, писал М. Ростовцев. Х. Данов в своих работах 40-х годов также присоединялся к этому мнению, добавляя, однако, что при создании Одрисского царства немалую роль играли энергичные и способные одрисские цари[1]. Другой внешнеполитический фактор — персидское завоевание Фракии — как основу создания Одрисской державы выдвигают иные авторы. Они полагают, что опыт персидского похода, в результате которого многие фракийцы были покорены, создал условия для образования единого царства во Фракии, что решающую роль в создании одрисского объединения играло «национальное чувство», появившееся у фракийцев после завоевания персами и способствовавшее объединению их под властью фракийского племени одрисов[2]. Большое значение политическим и географическим факторам,

[1] *Г. Кацаров.* България в древността. София, 1926, стр. 21; *M. Rostovtzeff.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1959, p. 111—112; *Х. М. Данов.* Към историята на Беломорска Тракия през елинистическата епоха. ИП, III, 1946—1947, стр. 129; *он же.* Към социално-икономическото развитие в източна половина на Балканския полуостров през първите 5 века пр. н. е. ИП, V, 1948—1949, стр. 65.

[2] *K. Beloch.* Griechische Geschichte. Berlin — Leipzig, 1923, III, 2, S. 85; *W. Tomaschek* Die alten Thraker. SBWA, CXXVIII, 1893, S. 81; *B. Lenk.* Odrysai. RE, s. v., S. 1091; *М. Тонев.* Приноси към историята на траките. БП, I, 1942, стр. 183; *И. Пастухов* Старите траки в България. София, 1929, стр. 45; *В. Добруски.* Исторически поглед върху нумизматиката на тракийските царе. СНУНК, XIV, 1897, стр. 561.

способствовавшим возникновению Одрисской державы, придает Х. Данов в своей новой работе «Древна Тракия». В отличие от своего первоначального мнения и взглядов упомянутых выше сторонников решающего влияния одного из внешнеполитических факторов, в этой работе он указывает на комплекс внешнеполитических моментов, на политическую обстановку в целом, способствовавшую созданию царства одрисов [3].

В последнее время ряд исследователей истории Фракии при решении вопроса о причинах возникновения царства одрисов указывают на общий социальный и экономический уровень развития Фракии, определивший ее политическую структуру. К сожалению, во многих работах это положение только постулируется. Первый опыт привлечения литературных и археологических источников для исследования этого вопроса проделал А. Милчев, обративший главное внимание не на внешнеполитические факторы, а на симптомы имущественной и классовой дифференциации во фракийском обществе с конца VI и в V в. до н. э.; он же (в очень краткой форме) охарактеризовал сельское хозяйство и ремесло Фракии VII—IV вв. до н. э.; хотя эти две части статьи не поставлены в связь между собою, но и в кратком очерке экономики Фракии нельзя не усмотреть законного стремления автора объяснить происшедшие политические изменения развитием производительных сил страны. Эта же положительная тенденция явно ощущается и в последних двух работах Х. Данова, хотя он больше использует данные литературного и эпического наследия античности, чем источники по истории материальной культуры. При этом автор считает более существенным выяснение вопроса о том, почему именно одрисы стали во главе создающегося государства, чем исследование причин и путей становления фракийского государства вообще. Развитие классового общества, разложение родовых и общинных отношений во Фракии называют в качестве главной причины создания Одрисской державы авторы трудов по истории Болгарии, хотя эти положения в общих работах не всегда конкретизируются [4].

Подводя итог современному состоянию историографии вопроса о причинах, обусловивших возникновение раннего государства во Фракии, следует сказать, что социально-экономические факторы развития фракийского общества в новых работах получили больший акцент, нежели в работах начала века, ставивших в центр внимания только отдельные политические события. Тем не менее еще и теперь во многих

[3] *Х. Данов.* Древна Тракия. София, 1969, стр. 317—362.

[4] *А. Милчев.* Социално-икономическият и обществено-политически строй на траките VIII—IV вв. пр. н. е. ИП, IV, 1948—1949, стр. 526 сл.; *Chr. Donov.* Social and Economic Development of the Ancient Thracian in Homerik, Archaic and Classical Times. «Etudes historiques à l'occasion du XI Congrés Internationale des sciences historiques á Stockholme», I, Sofia, 1960, p. 3—30; *он же.* Древна Тракия, стр. 172—194; «История на България». София, 1953, стр. 20; «История на България». София, 1954. стр. 26; «История Болгарии». М., 1954, стр. 24; «История на България». София, 1961, стр. 24.

работах авторы ограничиваются самыми общими и весьма краткими утверждениями об имущественной дифференциации, о потребности общества в государственном аппарате, о классообразовании и других явлениях, не исследуя причины, пути и динамику их развития. Работы А. Милчева и Х. Данова (60-х годов) составляют значительный сдвиг в изучении этих проблем, однако и после них остается много вопросов, связанных с решением первой проблемы.

Очень сложна и вторая проблема — социально-политическая характеристика Одрисского царства. Существуют самые различные и взаимоисключающие мнения по этому вопросу.

Часть авторов более или менее решительно классифицируют Одрисское царство как племенной союз[5]. Следует с сожалением отметить, что сторонники этого мнения чаще всего не подтверждают его какой-либо аргументацией и высказываются более чем лаконично — в одной-двух фразах; возможно, это объясняется тем, что их работы не были специально посвящены этой проблеме. Такое впечатление производят высказывания Х. Данова об одрисском правителе конца V в. до н. э. Севте, которого он называет «племенным вождем», и о возглавляемом им политическом объединении, которое он именует «племенным союзом». Сходное мнение высказывает в одной из своих работ Д. Димитров, весьма кратко говорящий, что в V в. до н. э. одрисы образовали племенной союз, который лишь к IV—III вв. до н. э. перерос в государственное объединение. Развернутая аргументация в пользу теории племенного союза приведена в работе С. Мулешкова. Он отмечает, во-первых, низкий уровень развития рабовладения во Фракии во времена первых одрисов, что служит, по его мнению, указанием на господство в Одрисском царстве первобытных отношений. Во-вторых, он категорически отрицает наличие каких бы то ни было признаков территориального деления в Одрисском царстве, более или менее четких границ его и сбора регулярной дани. Исходя из отсутствия этих признаков, автор считает, что в VIII- IV вв. до н. э. фракийцы в целом жили первобытнообщинным строем (одни из племен — в начальный период его разложения. другие — в период его расцвета) и что лишь одрисы -- наиболее развитое племя — дошли до стадии создания племенного союза. Стремление автора судить об обществе по признакам, которые характеризуют уровень его развития (формы эксплуатации, формы политической организации, характер армии и др.), следует приветствовать. Однако отсутствие анализа экономических причин, способствовавших возникновению Одрисского царства, односторонний подбор источников и подчас некритическая их трактовка привели автора к неправильным, на наш взгляд, выводам.

[5] *Х. М. Данов.* Югоизточна Тракия по сведения на Ксенофонт. ИИБИ, 1951, № 3—4, стр. 304; *он же.* Из древната икономическа история на Западното Черноморие до установяването на римското владичество. ИБАИ, XII, 1938—1939, стр. 199; *Д. П. Димитров.* Севтополь — фракийский город близ с. Копринка Казанлыкского района. СА, 1957, № 1, стр. 200; *С. Мулешков.* Обществено-икономическият строй на траките от VIII — IV в. пр. н. е. ИИБИ, 1951, № 3—4, стр. 149—177.

Другая, диаметрально противоположная точка зрения высказана в работах, утверждающих, что Одрисское царство было феодальным государственным образованием[6]. Ни один из авторов этого направления не дал подробного или даже краткого обоснования своей точки зрения. Только у Г. Кацарова присутствует обычно фраза об экономической зависимости народа от царя и знати (иногда — «боярства»), откуда можно сделать вывод, что при решении этого вопроса он исходил из характера форм эксплуатации во Фракии.

Авторы многих других работ подчеркивают рабовладельческий характер Одрисского царства. Наиболее четко эта точка зрения выражена в ранних (40-х годов) работах Д. Димитрова и А. Милчева. Д. Димитров в конце 40-х годов относил широкое применение рабского труда к очень раннему времени — к периоду до середины I тысячелетия до н. э. Это положение автор аргументировал не столько фактами развития самих рабовладельческих отношений, сколько данными об имущественном расслоении общества, торговле, чеканке монет и т. п. явлениях, указывающих на сравнительно высокий уровень социально-экономического развития Фракии. Этого уровня, как полагал автор, можно было достигнуть только широким применением рабского труда. В работе поставлен и один из основных вопросов в определении характера фракийского общества: в какой мере труд рабов был использован в производстве страны. Решающее значение для его решения автор придает факту включения фракийских земель в систему развитой рабовладельческой экономики греческих полисов побережья, а затем эллинистических монархий и Римской империи. В работе более позднего времени (1961 г.) утверждение о широком развитии рабовладения в ранней Фракии было значительно смягчено. Главными производителями называется «простой народ» — земледельцы и скотоводы, но отмечается, что труд военнопленных использовался в имениях фракийской знати[7].

А. Милчев[8] относит возникновение рабовладельческих отношений во Фракии к значительно более позднему времени, чем Д. П. Димитров в работе 1949 г.; он полагает, что еще в VI в. до н. э. у фракийцев не существовало рабов, так как низкий уровень развития производительности труда не позволял использовать их в качестве силы, дающей прибавочный продукт. Лишь в указаниях источников об имущественной дифференциации в более позднее время (в V—IV вв.) он видит свидетельство

[6] *Г. Кацаров.* България в древността; *Х. М. Данов.* Из древната икономическа история..., стр. 199; *он же.* Към социално-икономическото развитие..., стр. 62; *Я. Тодоров.* Тракийските царе. ГСУ ИФФ, XXIX, 7, 1932—1933; *G. I. Kazarow.* Beiträge zur Kulturgeschichte der Thraker. Sarajevo, 1916, S. 20; *idem.* Thrace. CAH, VIII, 1930, p. 538.; *M. Rostowzew.* Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Keiserzeit. Stuttgart, 1955, I, S. 339, Anm. 79; *A. Höck.* Das Odrysenreich im fünften und vierten Jahrhundert v. Chr. «Hermes», XXVI, 1891, S. 76—117; *I. Wiesner.* Die Thraker. Stuttgart, 1963, S. 121.

[7] *Д. П. Димитров.* Един нов паметник за античното робство в римска Тракия. София, 1949; «История на България». София, 1961, стр. 24.

[8] *А. Милчев.* Социално-икономическият.., стр. 526—552.

появления рабовладельческих классов и даже крупных рабовладельцев. Неоднократно автор, однако, оговаривается, что образовавшаяся во Фракии рабовладельческая держава была не античного, а «варварского типа». Смысл этой оговорки Л. Милчев не раскрывает; не хочет ли он подчеркнуть ею неразвитость форм рабовладения и рабовладельческого государства?

Взгляды Х. Данова на уровень развития рабовладения во Фракии претерпевали изменения. В конце 40-х годов он полагал, что гомеровский эпос дает основания считать, что фракийцы попадали в рабство к грекам, в самой же Фракии рабов до конца VII — начала VI в. еще не было (пленников убивали, а не обращали в рабство) [9]. Позже такое представление было изменено, и в работе 1960 г. автор указывает на наличие в этот же период у фракийской племенной знати и жречества домашних слуг и работников в поле, находящихся на положении рабов [10]. Таким образом, представления Х. М. Данова относительно рабовладения в ранней Фракии изменялись в сторону углубления во времени истоков этой формы эксплуатации. Наоборот, его представления о рабовладении в V—IV вв. изменились в обратном направлении. Он шел от утверждения о наличии крупных рабовладельцев во Фракии еще в V в. до н. э. и рабов, которые играли существенную роль в производстве этого времени [11], к указанию на отсутствие рабов в античном смысле этого термина (δοῦλοι) в том же V в. до н. э. и утверждению, что главными производителями материальных благ во Фракии были мелкие и средние свободные крестьяне; что слабое развитие рабовладения характерно для внутрифракийских областей и даже греческих полисов по западному побережью Понта [12]. К. Жуглев полагает, что Одрисское царство было государственным образованием рабовладельческого типа, но отмечает и слабое развитие рабовладения и сильные пережитки первобытнообщинного строя в нем [13].

В советской историографии рабовладению во Фракии VII—V вв. до н. э. уделено сравнительно с более поздним временем мало внимания. Авторы «Истории Болгарии» отмечают в доодрисское время развитие работорговли на вывоз и считают, что внутри страны фракийцы чаще убивали пленных, чем обращали в рабов. Более определенно говорится о рабовладении в IV в. до н. э., когда труд рабов применялся в горном деле и ремесле, однако подчеркивается сохранение общины и свободного крестьянства, несущего определенные повинности [14]. Г. В. Блаватская,

[9] *Х. М. Данов.* Към историята на робството в древна Тракия. ИИ, V, 1949, стр. 407.
[10] *Chr. Danov.* Social and Economic Development..., p. 10.
[11] *Х. М. Данов.* Към историята на робството.., стр. 410.
[12] *Х. М. Данов.* Към историята на робството..., стр. 410; *он же.* Югоизточна Тракия..., стр. 300, 311 (эта идея остается основной в этой работе, несмотря на беглое упоминание об участии рабов в производстве в V и начале IV в. до н. э.; см. стр. 311); *он же.* Древна Тракия, стр. 292.
[13] *К. С. Жуглев.* Разкопки и проучвания на могила № 1 — Копринка. ГСУ ФИФ, XLIX, ч. II. София, 1956, стр. 178—185.
[14] «История Болгарии», стр. 23—24.

занимавшаяся историей западного побережья Понта Евксинского в VII—I вв. до н. э., значительное внимание уделила истории внутренней части Фракии. Она считает, что уже в VIII—VII вв. до н. э. среди фракийских племен было распространено патриархальное рабство, источником которого были войны. В дальнейший период, полагает Т. В. Блаватская, с момента возникновения Одрисского царства, фракийцы использовали рабов-пленников у себя в стране или продавали их и своих же соплеменников в Грецию в качестве рабов. Свое мнение автор обосновывает фактами социального и имущественного расслоения и кратким перечнем производственных достижений фракийцев[15].

Можно, таким образом, прийти к заключению, что сторонники теории развитого рабовладения в ранний период существования Одрисского царства исходили из данных, указывающих на имущественное и социальное расслоение среди фракийцев, на наличие монетной системы обращения, на торговые и иные связи с рабовладельческими полисами, и из факта политического объединения разрозненных ранее фракийских племен под эгидой одрисских царей. Главное внимание было обращено, таким образом, не столько на разбор свидетельств о развитии рабовладения во Фракии, сколько на факты, указывающие на слишком высокий для первобытнородового общества уровень развития фракийского общества.

Исследованию других форм эксплуатации у фракийцев в VII—V вв. до н. э. посвящено весьма ограниченное количество работ, но в нескольких исследованиях по иным вопросам авторы касаются и этого сюжета. Специально эта проблема освещена в работе Х. Данова о зависимых земледельцах[16]. В ней автор обратил внимание на те формы эксплуатации, которой подвергались свободные и полусвободные фракийцы. Хотя работа посвящена эллинистическому времени и исследует источники не по собственно фракийским землям, а главным образом по сопредельной с Фракией малоазийской территории, населенной фракийцами, все же ее выводы важны и для нас. На основании терминологического анализа Данов пришел к выводу о зависимости типа илотии (и других сходных форм зависимости), существовавшей у фракийцев некоторых областей Фракии и Малой Азии. Вопрос о соотношении этих форм эксплуатации с рабством решен здесь следующим образом: хотя основная масса населения давала местной и греко-македонской знати многочисленную рабочую силу, а число рабов не было значительным, все же именно рабство определяло характер общественного строя. Позже (1969 г.) по этому вопросу Х. Данов изменил свою точку зрения, он высказал мнение о том, что в древнефракийском обществе образование государства не обозначало возникновения рабовладельческого

[15] *Т. В. Блаватская.* Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. 1952, стр. 17, 18, 54.

[16] *Х. М. Данов.* Към историята на полусвободни селяне през античната епоха. Сб. «Гаврил Кацаров». ИБАИ, XIX, 2, 1955, стр. 111–121, особенно стр. 119; «История на България». София, 1961, стр. 20.

государства классического типа. Он видит в территориальной общине и в свободном крестьянстве основу Одрисского царства. Но почему он определяет фракийскую общину именно как территориальную, из его изложения неясно, как неясна и социальная характеристика Одрисского царства в целом[17]. Одна из работ Д. Димитрова также поднимает вопрос о существовании уже в самой Фракии, в Одрисском царстве царя и земельной аристократии, эксплуатировавших местное население, вынужденное обрабатывать их земли[18]. В работах В. Велкова, посвященных главным образом более поздним эпохам, содержится вывод о том, что в период расцвета Одрисского царства роль рабов в производстве была весьма ограниченной и главными производителями были свободные крестьяне[19].

Несколько работ, посвященных социально-экономическим и политическим проблемам более поздних эпох (в частности, римской), имеют существенное значение для выяснения характера социально-экономических отношений и политического устройства Одрисского царства. Я имею в виду работы, трактующие проблемы развития рабовладения в Дунайских и Балканских провинциях Римской империи[20]. Уровень и особенности социально-экономического развития поздней Фракии часто проливают свет на изучение этих проблем и на более ранних стадиях истории страны. В работах, посвященных изучению рабовладения в античном мире, обычно отмечают меньшую роль рабов во Фракии и Мёзии, чем в других провинциях Римской империи. Упоминания о рабах в надписях I—III вв. н. э. из этих областей сравнительно редки, они сви-

[17] *Х. Данов.* Древна Тракия, стр. 292, 306—317. См. нашу рецензию на эту книгу: ВДИ, 1970, № 2, стр. 202—208.

[18] *Д. П. Димитров.* За укрепените вили и резиденции у траките в предримската епоха. «Изследования в чест на акад. Д. Дечев». София, 1958, стр. 698.

[19] *В. Велков.* Градът в Тракия и Дакия през късната античност (IV—VI вв.). София, 1959, стр. 209, сл.; *он же.* Робовладението в Сердика от началото на IV век в светлината на Константиновото законодателство. «Изследования в чест на Марин Дринов». София, 1960, стр. 345, сл.; *он же.* Die Sklaverei in Nordbulgarien in der römischen Kaiserzeit. AAPh SH, 1963, S. 33 сл.; *он же.* Фракийцы-рабы в античных греческих полисах (VI—II вв. до н. э.). ВДИ, 1967, № 4; *он же.* Робството в Тракия и Мизия през античността. София, 1967.

[20] *Х. М. Данов.* Към история на робството.., стр. 416 сл.; *Б. Геров.* Проучвания върху поземлените отношения в Тракия и Мизия през римската епоха. ГСУ ФФ, L, 1955, стр. 23—27, 30—34; *Д. П. Димитров.* Тракия под римска власт. В кн.: «История на България». София, 1961, стр. 35; *V. Velkov.* Die Sklaverei..., S. 34—39; *idem.* Zur Frage der Sklaverei auf der Balkanhalbinsel wärend der Antike. EB, 1964, N 1, S. 136—138; *Е. М. Штаерман.* Рабство в III—IV вв. в западных провинциях Римской империи. ВДИ, 1951, № 2, стр. 97 сл.; *она же.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, стр. 227, 248—254; *А. П. Каждан.* О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи. ВДИ, 1953, № 3, стр. 84—85; *Т. Д. Златковская.* Мёзия в I—II вв. М., 1951, стр. 7—22; *она же.* Племенной союз гетов под руководством Буребисты. ВДИ, 1955, № 2, стр. 85—86; *З. В. Удальцова.* Кризис рабовладельческого строя и зарождение феодальных отношений в Восточной Римской империи. «Всемирная история», М., 1957, т. 3, стр. 84—85.

детельствуют о том, что количество рабов у отдельных лиц (как правило связанных к тому же с римской администрацией и колонизацией) здесь было невелико. Они же указывают и на то, что процесс развития рабовладения на севере между Дунаем и Балканскими горами (в провинции Нижней Мёзии) проходил значительно быстрее и охватывал гораздо более широкие слои населения, чем на землях к югу от Балканских гор (в провинции Фракии).

Подводя итог состоянию историографии вопроса о путях становления и характере возникшего во Фракии Одрисского царства, следует отметить необычайную пестроту мнений. Авторы высказывают совершенно полярные суждения, определяя его то как племенной союз, то как государственное политическое образование. Но и среди сторонников последнего мнения нет единодушия: одни из них называют Одрисское царство рабовладельческой державой, другие же — рыцарско-феодальной [21].

* * *

Главным источником, послужившим основой для настоящей работы, являются данные античной литературной традиции. Детальный анализ сведений античных авторов о древней Фракии в целом тщательно проделан болгарскими исследователями, написавшими ряд ценных источниковедческих статей [22]. Это в значительной мере облегчает исследование. К проблемам, затрагиваемым в моей работе, относятся очень немногие из сведений античных авторов, чаще всего отдельные фразы или даже только термины. Разбор этих сообщений, степень исторической достоверности, сравнение с другими источниками и т. п. источниковедческий анализ проводятся в соответствующих разделах. Здесь же следует отметить, что многие из сведений античных авторов по социально-политическим проблемам, рассматриваемым в этой работе, заслуживают полного доверия в силу того счастливого обстоятельства, что три главных наших информатора — Геродот, Фукидид и Ксенофонт были не только современниками описываемых событий во Фракии, но и их участниками. Геродот черпал многие из сведений во время своего путешествия по этой стране. Фукидид был полуфракийцем по происхождению, долго жил и умер во Фракии. Ксенофонт возглавлял военный отряд греков-наемников, сражавшихся на стороне одрисского царя Севта против восставших фракийских племен. Исследованию помог также анализ терминов, раскрывающий во многих случаях недостающие раз-

[21] Я, к сожалению, лишена возможности остановиться здесь на разборе взглядов А. Фола, высказанных в его новой книге «Демографска и социална структура на древна Тракия» (София, 1970), которая вышла в свет, когда моя работа была уже в печати.

[22] *Х. М. Данов.* Древна Тракия, стр. 44—73 и указанная там литература.

вернутые характеристики. Сравнение сведений ранних источников с более поздними очень часто позволяло изучить тот или иной институт в его развитии. Применяя ретроспективный метод при изучении некоторых, часто основных явлений (например, община, рабство), видя в последующих путях их развития основу, заложенную в изучаемую мною раннюю эпоху, я привлекала сведения и античной традиции классического времени. Подробный разбор этих, часто фрагментарных и спорных сведений я сочла целесообразным дать в основном тексте.

Уровень экономического развития, предопределивший возникновение государства у фракийцев, устанавливается по данным материальной культуры фракийцев. Экономическому развитию Фракии VII—V вв. до н. э. — теме чрезвычайно важной для истории страны, еще не посвящено специальных монографических исследований. Эта задача назрела, и богатейший материал, собранный болгарскими учеными, дает все основания ожидать в самое ближайшее время выхода в свет обобщающих трудов на эту тему. В этой работе использованы исследования и публикации отдельных памятников материальной культуры фракийцев VII—V вв. до н. э., а также коллекции болгарских музеев. При изучении этого обширного материала мое внимание было обращено на те данные, которые характеризуют уровень развития основных отраслей экономики Фракии и масштаб общефракийских экономических связей.

Весьма ценным источником для моей работы оказались нумизматические данные. Чеканка монет фракийскими племенами уже в VI — начале V в. до н. э., а потом — одрисскими царями послужила ценным источником при изучении не только экономических предпосылок создания государства во Фракии, уровня товарности ее производства и т. п. вопросов, но и характера власти племенных вождей и фракийских царей, а также политической структуры племенных союзов и путей возникновения Одрисского царства.

Открытие надписей на фракийском языке и их дешифровка сделали в последнее время возможным использование фракийских эпиграфических материалов. Помимо важности для нашей темы самого факта наличия письменности фракийские надписи представляют собой ценный источник для исследования вопроса о появлении частной собственности во фракийском обществе и ее удельном весе среди других форм собственности.

В некоторых случаях в работе были использованы сведения, почерпнутые из греческих надписей, а также и лингвистические данные о топонимике и различных специальных терминах, характеризующих социальные институты, как фракийских, так и дошедших в интерпретации древнегреческих авторов.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ФРАКИИ VII – V ВВ. ДО Н. Э.[1]

События политической истории Фракии VII—V вв. до н. э. освещены источниками крайне неравномерно. Можно сказать, что мы осведомлены о них лишь тогда, когда Фракия попадала в водоворот политических событий греческой ойкумены. Многочисленные факты внутренней истории страны, не имевшие отзвука во внефракийских делах, остались для нас неизвестными. Кроме того, нельзя забывать, что описанные события поданы с точки зрения греков; составляя историю греческого мира, античные авторы отмечали те события, которые важны для него; Фракия и фракийцы как бы составляют негативную сторону повествования. Опираясь на эти отрывочные сведения, можно составить представление лишь о некоторых событиях истории Фракии VII—V вв. до н. э.

Переселения фракийских племен внутри своей страны; поход киммерийцев в союзе с фракийцами в Малую Азию через Балканский полуостров; греческая колонизация фракийских берегов Понта Евксинского и Эгейского моря; скифский поход Дария, двигавшегося через Фракию; величайшие две войны античного времени — Греко-персидские и Пелопоннесская; претензии Афин и Спарты, а также частных лиц на фракийские земли и их рудные богатства, выражавшиеся в военных столкновениях, и другие события, потрясавшие Балканский полуостров, не могли не оказать влияния на экономическое и политическое развитие Фракии.

Киммерийское вторжение, бывшее одним из последних отголосков племенных переселений на Балканском полуострове конца II—I тысячелетия до н. э., падает на период, затрагиваемый этой работой. В IX—VII вв. до н. э. часть киммерийцев, одного из первых племенных объединений, упоминаемых исторической традицией в качестве древних насельников степных пространств Северного Причерноморья и Крыма, двинулась под натиском скифов на запад, имея целью своего передвижения Малую Азию. Несколько свидетельств надежных литературных источников, подтверждаемых и ассиро-вавилонскими клинописными документами, указывают на продвижение этой части киммерийцев через Прутско-Днестровское междуречье, восточные балканские области и

[1] В этом разделе дана лишь самая общая канва политических событий; они освещены только в той степени, которая нужна для уяснения экономических и социальных процессов во Фракии, составляющих предмет исследования. При этом главное внимание обращено на то, в какой мере те или иные события влияли на возникновение государства в этой стране.

Библиография трудов по истории Фракии собрана в работах: «История на България». София, 1961, т. I; «История Болгарии». М., 1954, т. I; *Хр. Данов.* Древна Тракия, стр. 13—42; *B. Lenk.* Thrake. RE, VI-A, 1936, S. 414; *G. Kazarow.* Thrace, p. 534 f. См. также библиографию работ по древней истории Болгарии, регулярно выпускаемую Центральной библиотекой Болгарской Академии наук.

Фракию в Малую Азию. Свои походы они совершали совместно с трерами (бесспорно фракийским племенем, локализуемым чаще всего в северо-западной Фракии, рядом с трибаллами), южнофракийским племенем эдонов (обитавшим на нижнем Стримоне) и, может быть, с траллами (жившими на левом берегу нижнего течения р. Неста). Следы киммерийского продвижения и, видимо, длительного пребывания во Фракии хорошо прослеживаются и по археологическим данным. Трудно с определенностью сказать, каково было непосредственное влияние киммерийского вторжения во Фракию.

Безусловно существенное значение для истории Фракии, и экономической и политической, имела греческая колонизация фракийских побережий Эгейского моря, Пропонтиды и Понта Евксинского. Она включила Фракию в круг широких культурных и торговых средиземноморских связей и послужила в определенном смысле ускорителем тех внутрифракийских экономических процессов, которые были подготовлены собственным развитием этой страны (см. карту 6 на стр. 74).

Первые отзвуки наиболее ранних колонизационных действий древних греков на фракийском побережье и столкновений эллинов и фракийцев можно уловить в гомеровском эпосе — повествования о выступлении фракийцев в союзе с Троей, о столкновениях Одиссея с киконами; в эпопее аргонавтов с описанием враждебных действий фракийцев против греческих набегов в Пропонтиде и Западном Причерноморье. Наиболее ранние сведения о колонизации Фракии касаются полуострова Халкидики, где уже в VIII в. до н. э. соперничали в захвате наиболее плодородных мест греки из эвбейских городов Эритрии и Халкиса. Они основали здесь множество мелких поселений, носивших земледельческий (главным образом винодельческий) характер. Демосфен упоминает здесь 32 полиса. Позднее (с середины VII в. до н. э.) восточный берег Халкидики и побережье до р. Стримона колонизовали греки с о. Андроса. Ими были основаны Аканф, Сана, Стагейра, Аргилос.

На Эгейском побережье Фракии от р. Стримона до р. Неста решающую силу в колонизационном движении играл г. Фасос. Заселенный греками с о. Пароса в первой четверти VII в., он с середины VII в. стал активной колонизующей силой не только на самом острове Фасосе, но основал колонии (Неаполис, Ойсиме, Крениды и др.) на противоположном Фасосу берегу фракийского материка, между реками Стримоном и Нестом. Земли эти, богатые золотоносными жилами (особенно в Пангейских горах), достались грекам с большим трудом: фракийцы сайи оказывали им ожесточенное сопротивление, перипетии которого нам известны благодаря поэтическому творчеству Архилоха и эпиграфическим документам. Золото Фасоса и континентальной полосы послужило основой благосостояния фасосцев: Геродот сообщает, что незадолго до Греко-персидских войн их доходы равнялись ежегодно 200—300 талантам (VI, 46); один рудник в Скаптесиле приносил доход в 80 талантов. Вероятно, фасосцами был основан и г. Эйон в устье р. Стримона К востоку от р. Неста фасосцы могли удержать только г. Стриме. Столкновения между местными жителями-фракийцами и колонистами и враждебные

действия на о. Фасосе, очевидно, ограничились начальным периодом колонизации. В дальнейшем был найден modus vivendi, о чем свидетельствуют эпиграфические, нумизматические и литературные источники; они указывают на греко-фракийский синкретизм в религиозных верованиях, языке и материальной культуре Фасоса.

В устье р. Неста в середине VII в. до н. э. пытались обосноваться клазоменцы, заложившие здесь г. Абдеру, но они были изгнаны фракийцами. Закрепиться в этом месте значительно позже (543 г. до н. э.) удалось лишь грекам с о. Теоса. Благосостояние Абдеры, ставшей одним из значительных городов Эгейского побережья, основывалось не столько на плодородии почв, сколько на выгодном расположении ее гавани, служившей началом важного торгового пути, шедшего от берега Эгейского моря в глубь Фракии.

Другой крупный город — Маронея был основан хиосцами на землях киконов в середине VII в. до н. э. Это был центр торговли, главным образом виноторговли, славившийся в Северном Причерноморье и на севере Балканского полуострова; он успешно конкурировал с Фасосом.

Очень рано, еще в VIII в. до н. э., греки с о. Самоса заняли о. Самофракию, откуда было выведено несколько колоний на противоположный фракийский берег, в междуречье Неста и Герба (совр. Марица). Наиболее западная из них — Месембрия, к востоку от нее были основаны Зона, Сале, Темпира и другие города.

Богатства Эгейского побережья Фракии не остались незамеченными наиболее предприимчивыми афинскими политическими деятелями. Афинский тиран Писистрат во время второго изгнания сумел достать в Пангейской области серебро и навербовать наемное войско, которое помогло ему восстановить в 539/38 г. свою власть в Афинах. Весьма вероятно, связи с Фракией у Писистрата возникли еще раньше, во время первого изгнания, т. е. еще с 556/55 по 550/49 г. И в дальнейшем из области р. Стримона он получал доходы, способствовавшие укреплению его власти и финансового положения. Бесспорно, деятельность афинского тирана во Фракии не могла не оказать влияния на события внутрифракийской истории.

Усиленные разработки Писистратом рудных богатств в районе Пангейских гор (но, может быть, и других месторождений Южной Фракии) предполагают использование на рудничных работах местных жителей. Нельзя, однако, исключать возможность работы на рудниках и пришлого люда. По крайней мере известно, что несколько десятилетий спустя именно в этом районе жило смешанное население — множество «эллинов и варваров» (*Herod.*, V, 23).

Мы можем лишь предполагать, что и военное наемничество, практиковавшееся Писистратом во Фракии, не осталось без последствий для истории страны. Участие наемников в битвах, которые Писистрат вел в Аттике, и, возможно, применение этих же войск в качестве полиции после разоружения народа, которое провел тиран в Афинах, включало многих из солдат-наемников в эллинский образ жизни и давало им опыт греческой военной тактики и стратегии.

Со времен Писистрата начинается колонизационная деятельность Афин во Фракии, имевшая существенные социально-экономические последствия для этой страны. Она относительно хорошо освещена в источниках. Эта деятельность была направлена прежде всего на земли Херсонеса Фракийского — важнейшего стратегического пункта на Геллеспонте и связана с именами видных представителей рода Филаидов. В начале правления Писистрата в Афинах Мильтиад, сын Кипсела из рода Филаидов [условно — Мильтиад Старший (I)], основал колонию на полуострове Херсонесе Фракийском (совр. Галлипольский полуостров). При этом он последовал призыву фракийского племени долонков, живших на Херсонесе и подвергавшихся нападению своих соседей фракийцев-апсинтов. После долонков по указанию дельфийского оракула обратились к Мильтиаду с просьбой защитить их от апсинтов. Тяготившийся тиранией Мильтиад принял их предложение и вместе со многими афинянами, пожелавшими поехать с ним, основал колонию. Он защитил полуостров от апсинтов стеной, которая пересекала узкую, восточную часть полуострова с юга на север. После его смерти жители Херсонеса Фракийского устраивали в память о нем жертвоприношения и конные состязания. Власть в Херсонесе наследовал его мын Мильтиад (II), а затем Стесагор (II), старший сын Кимона — брата Мильтиада Старшего (I), а после его смерти — младший сын Кимона Мильтиад [Мильтиад Младший (III)]. Этот последний, стремясь укрепить свои позиции в Херсонесе, женился на дочери фракийского царя Олора — Хегесипиле. Его правление было прервано, когда скифы, преследуя персидскую армию Дария после его неудачного скифского похода, вторглись в область долонков. Однако после их ухода Мильтиад вернулся в Херсонес, где правил до 493 г. до н. э.[2] В результате колонизационной деятельности Афин на Херсонесе возникли города Критоте, Пактие, Элеунт.

Множество мелких греческих поселений на Херсонесе Фракийском, носивших стратегический, торговый и, главное, сельскохозяйственный характер, было основано Лесбосом и Милетом. Лесбосцы основали здесь Сест, Мадит, Алопеконес; жители г. Милета основали колонии Абидос, Кардию и совместно с клазоменцами — Лимне.

Побережье Пропонтиды было ареной колонизационной деятельности двух греческих центров — Мегары и Самоса. На северном (фракийском) берегу мегарцами были в первой половине VIII в. до н. э. основаны Византий и Селимбрия. Роль первого из названных городов во всемирной истории общеизвестна. Географическое положение его на «земляном мосту», почти соединяющем Европу и Азию, плодородные земли, рудные ископаемые (золото и медь) и богатство рыбой обеспечили Византию крупную роль в политической и экономической истории не только Фракии, но и античного мира вообще. Благосостояние города основывалось на сельском хозяйстве и торговле со многими центрами Понта Евксинского, Афинами, внутренней Фракией.

[2] Сведения о смене правителей Херсонеса подробнее см. на стр. 204—205; рис. 12.

Выходцами с о. Самоса были основаны на берегах Пропонтиды Перинт, Герайон тейхос, Бизанте и еще несколько более мелких полисов.

Колонизация западного побережья Понта Евксинского была проведена главным образом поселенцами из Милета. Одной из наиболее ранних его колоний в этой части Понта была Истрия (вероятно, с середины VII в. до н. э.); в конце VII в. основана Аполлония, в VI в. до н. э.—Одесс, Томы и Дионисополь. Несколько позже проходила колонизация Западного Понта Мегарой. Мегарцами были здесь основаны Месембрия и Каллатия (в конце VI в. до н. э.). Экономика занявших удобные гавани милетских колоний (главным образом Истрии и Аполлонии) в основном базировалась на торговле, в которой фракийский хинтерлянд играл огромную роль. Об этом красноречиво свидетельствует распространение импортных греческих изделий во внутренних и особенно соседних с греческими полисами фракийских землях, а также изображения на монетах этих полисов, имеющие отношение к торговой деятельности. Колонии мегарцев, включившиеся позднее в колонизационное освоение Западного Понта, носили главным образом сельскохозяйственный характер.

Процветание и богатство греческих полисов фракийского побережья (особенно Эгейского побережья), широкое распространение греческих изделий — главным образом керамических и металлических, проникновение монет, чеканенных во многих городах греческой ойкумены, в прибрежные и внутренние области фракийских земель, активная торговая и ремесленная жизнь полисов, в которую было втянуто окрестное и специально для этого приехавшее фракийское население, — все это свидетельства и активного восприятия фракийским миром экономических контактов с эллинскими полисами, и его зрелости, обеспечившей возможность этих контактов. Имеется достаточно данных и о социальных последствиях включения Фракии в торговлю античного мира, о чем неоднократно будет говориться ниже. К сожалению, в этой работе я не смогу остановиться на взаимовлиянии фракийской и греческой культур. Оно проявлялось в самых различных областях духовной жизни — в религии, письменности, изобразительном искусстве, архитектуре, мифологии и т. д.

Тем не менее следует подчеркнуть, что греческая колонизация не была фактором, решившим проблему возникновения государства фракийцев: ядро его находилось вдали от морского побережья и эгейских центров, основную роль играли в нем (это ярко подчеркнул Х. Данов) не соседние с эллинскими колониями племена, испытавшие наиболее сильно радиацию греческой экономики и культуры, а глубинные племена, сохранявшие в более чистом виде свой этнокультурный облик, специфическую политическую организацию и находившиеся в центре внутрифракийских экономических районов и коммуникаций. Центром Одрисского царства были внутренние, а не прибрежные районы (*Xenoph.*, Anab., VII, IV, 21; VII, V, 15; VII, VII, 2).

Скифский поход Дария I 513—512 гг. до н. э. и события Греко-персидских войн составили целую эпоху в истории Фракии, ставшей аре-

ной вторжения персов и сделавшейся активной силой в столкновениях греческих и скифских сил с Персидской державой. Огромная армия Дария, устремившаяся к нижнему Дунаю, где персидский царь собирался нанести поражение скифам, двигалась на север через восточные области Фракии: через земли тинов, область расселения одрисского племени, затем земли, лежавшие за Аполлонией и Месембрией, где жили племена скирмиадов и нипсеев. Ни одно из этих племен, как пишет Геродот, не оказало Дарию сопротивления. Только когда армия персов вторглась на земли гетов, живших во внутренней Фракии за Каллатией, Томами и Истрией, ей было оказано сопротивление, не остановившее, однако, движение персов к Истру. Перейдя по мосту эту реку, Дарий не смог, как он надеялся, разбить скифов: они уклонились от сражения и сумели заманить его армию в безводную пустыню, где «великий царь» понес огромные потери. Отступающих назад персов скифы преследовали до Боспора и Пропонтиды.

Х. Данов выразил сомнение относительно справедливости сообщения Геродота о пассивности южнофракийских племен и отсутствии у них какой-либо попытки оказать персам сопротивление[3]. Действительно, стремительное бегство Дария через Фракию после скифского похода и последующая политика Персидского царства по отношению к этой стране указывают на то, что персы ощутили необходимость подчинить Фракию для достижения военных успехов в Европе, будь то Греция или Скифия.

После неудач скифского похода (а по мнению некоторых ученых, еще во время него), Дарий поручил одному из наиболее талантливых своих полководцев Мегабазу подчинить население, жившее по Геллеспонту, а затем во Фракии. Начав выполнение этих задач захватом г. Перинта, Мегабаз с 80-тысячной армией обрушился на Фракию. Уже давно в научной литературе было отмечено, что речь идет не о Фракии в целом, как сообщает Геродот в начале повествования о походе Мегабаза (V, 2), а о прибрежных районах Эгейской Фракии до Стримона, как Геродот уточнил в другом месте (V, 10). Но и здесь подчинены были не все племена; свободными остались, например, доберы, агрианы, одоманты. Несмотря на опорные пункты, созданные во Фракии персами (Миркин и Эйон на нижнем Стримоне в области племени эдонов, Боридза на западном берегу Понта, Дориск на Гебре), эфемерность персидского завоевания здесь была очевидна. Уже в 492 г. Мардоний — полководец нового персидского владыки Ксеркса должен был еще раз пройти по фракийскому побережью, подчинив множество фракийских племен (петы, киконы, бистоны, сапеи, дерсеи и др.) власти персов *Herod*., VII, 108—115) вплоть до наиболее западных (бизалты) из них. Свободными остались лишь сатры (VII, 110, 111). Некоторые авторы (например, Х. Данов), на мой взгляд, преуменьшают степень подчиненности прибрежной Фракии персам. Следует все же считать достоверными данные Геродота, указывающего на определенные формы подчинения

[3] *Х. М. Данов*. Древна Тракия, стр. 331—336.

этой страны Персии. Они выражались, во-первых, во включении европейских фракийских отрядов в состав армии персов (VII, 115); в их участии в строительных и других работах Ксеркса (VII, 23). Во-вторых, следует обратить внимание на выплату дани персидским завоевателям фракийскими племенами; об этом, на наш взгляд, бесспорно свидетельствуют помимо указания Геродота (VII, 108) монеты фракийских племен, найденные в кладах вместе с монетами греческих городов, выплачивавших дань персам. Глубокие надсечки для пробы качества металла на фракийских и греческих монетах и сплав их в слитки служат указанием на отсутствие в этом случае у них денежных функций и делают невозможным предположение о торговле между персами и фракийцами. Тем не менее сторонники включения Фракии в состав Ахеменидской державы в качестве сатрапии (Г. Бенгтзон, К. Белох, Ж. Визнер) также не кажутся мне правыми, так как, во-первых, отсутствуют прямые указания литературных источников об этом факте; во-вторых, его отвергают данные нумизматики. Как известно, в империи Ахеменидов чеканились монеты с изображением бородатого увенчанного короной вооруженного царя (так называемые «дарики»). Чеканка от имени сатрапов — явление позднее (с 400 г.); но и тогда на монетах сатрапов имелось постоянно одно и то же изображение — голова сатрапа в тиаре, лишенная портретных черт. В отличие от этого фракийские племена Эгейского побережья чеканят свою собственную оригинальную монету как раз во время Греко-персидских войн. Это обстоятельство не может не служить указанием на относительную политическую независимость фракийцев. Поэтому скорее можно говорить об экономической, чем о политической зависимости Фракии от Персии.

Не менее существен для истории Фракии период после поражения персов в Греции, когда с 480 г. до н. э. они еще пытались удержать в своих руках фракийское побережье. В это время здесь в полной мере развернулась борьба фракийцев против персов, изобиловавшая яркими эпизодами их сопротивления и драматическими событиями (*Herod.*, VIII, 117, 115; IX, 115, 119). Есть все основания считать, что это был этап истории, сыгравший свою роль в политическом объединении страны. К этому времени относятся указания различных источников об объединении племен, хотя степень и формы их организации, как это будет показано ниже, были самыми различными. Это влияние внешнеполитических событий на объединение общефракийских сил сказывалось и позже.

Было бы неверно считать, что борьба фракийцев против персов носила характер поддержки греков. Напротив, достаточно фактов свидетельствуют о том, что фракийцы имели вполне самостоятельные планы, ставящие целью изгнание чужеземцев из своей страны, будь то персы или греки. В 70-х и 60-х годах V в. до н. э., когда афиняне стремились вытеснить персов из все еще остававшейся за ними Эгейской Фракии и закрепить здесь ключевые позиции в Пристримонских, Пангейских областях и на Гебре, фракийцы оказывали им героическое сопротивление, отстаивая свою независимость. Битвы за города Эйон, Девять Путей,

Драбеск и Датон (будущий Филиппи — Амфиполь) принесли афинянам поражение, нанесенное в ряде случаев объединенными силами нескольких фракийских племен.

В ранний и более поздний период колонизации Фракии Афинами и афинянами нет оснований, как мне кажется, рассматривать интересы этого полиса как стимулирующие общефракийское объединение. Военные успехи Афин при колонизации были обратно пропорциональны степени консолидации фракийцев.

Дальнейшая история одрисско-афинских отношений (IV в. до н. э.) изобилует примерами, свидетельствующими, что Афины поддерживали сепаратистские тенденции в Одрисском царстве.

Краткое изложение крупнейших политических событий конца VI—V в. до н. э., в центре которых стояло столкновение крупнейших сил античной ойкумены того времени — эллинских государств и Персидской державы, важно в данной работе с точки зрения определения их значимости для подготовки общефракийского объединения. Рассматривая их под таким углом зрения, мы можем констатировать постепенное усиление объединительных тенденций и совместных военных выступлений нескольких племенных объединений Фракии. Сведения о пассивности большинства фракийцев во времена скифского похода Дария, а затем Греко-персидских войн, которые дает «История» Геродота, должны восприниматься до некоторой степени критически. В обоих случаях, приняв на себя первые удары выступающей в поход огромной армии персов, фракийские племена нашли в себе силы для того, чтобы сохранить ту степень самостоятельности, которая предотвратила включение Фракии в состав персидской монархии и превращение ее в административную единицу этой державы. Разгром персов в Греции дал фракийцам возможность более активно и эффективно выступить против них, а потом и греков, стремившихся (воспользовавшись ослаблением Ахеменидов) овладеть фракийскими землями и их рудными богатствами. В этот период военные коалиции фракийцев становятся почти системой, имевшей, естественно, определенное влияние на дальнейший ход истории Фракии.

Не считая исключительно эти события главными и определяющими (военные коалиции создавались здесь и ранее, например еще в период Троянской войны), в них тем не менее есть основания усматривать существенные элементы того процесса, который привел к образованию государства у фракийцев.

Усиление Македонии при Теменидах и особенно в период правления Александра I (498—454 гг. до н. э.) и расширение этой державы в восточном направлении захлестнули наиболее западные из южнофракийских племен, живших в нижней части междуречья Аксия (совр. Вардар) и Стримона. Около 80-х годов V в. мигдоны, крестоны и часть бизалтов попали под власть Македонии. Этим событиям следует придавать большее значение, чем это обычно делают. Наиболее ранние признаки фракийского политического объединения заметны именно в этих юго-западных областях, где создался уже в конце VI в. южнофракийский племенной союз. Македонское завоевание до р. Стримона прервало

естественный ход этого процесса. Поэтому среди причин, объясняющих выдвижение юго-восточного племени одрисов в качестве возглавившего объединение фракийцев, нельзя не учитывать и ослабления юго-западных политических объединений фракийцев в результате македонского завоевания.

Одной из задач настоящей работы является изучение причин, приведших к возникновению общефракийского политического объединения. Эта задача представляется более важной, чем изучение причин, поставивших во главе его именно одрисов. Однако именно проблема выдвижения одрисов в качестве руководителей Одрисского царства рассматривалась рядом исследователей, главным образом Х. Дановым[4]. Они отмечали комплекс причин, придавших одрисам руководящую роль в создании государства. Среди них — географические условия тех земель, которые занимало собственно одрисское племенное ядро. Исследователи подробно останавливались на изучении этого чрезвычайно важного фактора. Нижний Гебр и его притоки орошали плодородные земли, бывшие житницей Фракии; невысокие горы были покрыты разнообразными породами ценных деревьев, имели полезные ископаемые. Находясь в центре страны, одрисы речными коммуникациями были связаны со многими районами Фракии и греческими полисами. Бесспорны и стратегические выгоды одрисской племенной территории: возможность расширять свое влияние по притокам рек, отступать и не нести при этом особенно больших потерь при разорении своих небольших поселений.

Так как отсутствуют точные сведения о времени правления первого из одрисских царей — Тереса и, следовательно, точные данные о времени возникновения Одрисского царства, большинство исследователей определяют его датами, колеблющимися между 480 и 460 г. до н. э., или оперируют более округленными датами: середина V в. до н. э. (Б. Ленк, М. Кэри) или, реже, начало V в. до н. э. (Н. С. Державин). Окончательное решение этого вопроса затруднительно; однако твердо известно, что Терес закончил правление не позднее 431 г. Терес стремился распространить свою власть на север до Дуная; был, видимо, в дружеских отношениях со скифами, так как его дочь была замужем за скифским царем Ариапейфом; на юго-востоке он неудачно воевал с фракийским племенем тинов на Пропонтиде. Зависимость от него признавали Аполлония и Месембрия, а возможно, и другие греческие полисы Западного Понта.

Значительно больше сведений у нас о сыне и преемнике Тереса — Ситалке. На время его правления (431—424 гг. до н. э.) падает расцвет раннего Одрисского царства. Отдельные военные походы Ситалка нам детально неизвестны, но именно ко времени Ситалка Одрисское царство достигало тех границ, которые были нами указаны (см. стр. 7) и отражены на карте 1. Обеспечив мир со скифами на северной, дунайской границе своего царства путем взаимной выдачи знатных

[4] *Х. М. Данов.* Древна Тракия, стр. 313—317 и указанная там литература.

перебежчиков, Ситалк стремился расширить свое царство на западе, активно включившись в события Пелопоннесской войны и выступив на стороне Афин. Проведя дипломатическую подготовку и совершив экспедицию против пеонов, Ситалк в 429 г. с огромным войском двинулся через Халкидику и Македонию на помощь афинянам. И в этот период явного политического сближения Фракии и Афин последние, как представляется, нет оснований рассматривать как силу, способствовавшую возникновению Одрисского царства. Ко времени похода Ситалка его царство уже набрало силу и вело вполне самостоятельную политику, лишь в некоторые периоды совпадающую с интересами Афин. Так, в Македонии Ситалк преследовал свои интересы, стремясь поставить на престол вместо царя Пердикки (454—413 гг. до н. э.) более удобную для выполнения его планов личность (вероятно, Аминту). Успехи в Македонии, которая оказалась неспособной противостоять фракийскому войску, опустошение Халкидики вызвали смятение в Греции, где противники Афин имели основание бояться вторжения фракийцев в их области. Несмотря на всю грандиозность этого похода, с военной точки зрения его следует считать неудачным. Тем не менее события этого периода отразили некоторый итог в процессе создания Одрисского государства: расширение его границ, возросшую власть царя, окрепшую военную организацию Фракии, сочетавшую племенной и государственный принципы формирования, а также значительную роль Фракии в политической истории античного Средиземноморья.

Ситалк погиб в 424 г. в походе на трибаллов, по землям которых проходили северо-западные границы его царства. Ему наследовал его племянник по отцу Севт (424—410 гг.), сын Спарадока. Мы мало знаем о войнах фракийцев под руководством Севта I, однако в его время Одрисское царство называют величайшим из царств между Понтом Евксинским и Адриатическим морем. Стабилизация достигнутых его предшественниками пределов страны, увеличение и точная фиксация налогов с фракийцев и греческих городов характеризуют его правление как период, когда были заложены основы организации Одрисского царства.

Следующий из известных нам царей был Медок I или, по другим источникам, Амадок I (вероятно, 405—391 гг. до н. э.). Скорее всего надо присоединиться к мнению тех исследователей, которые считают Медока и Амадока одним и тем же лицом, имя которого или было изменено самим царем, или дошло до нас в двух различных транскрипциях. Начиная с Медока (Амадока), мы знаем имена его соправителей, так называемых парадинастов, появившихся еще во времена Севта I. Так, во времена Медока над племенами меландинов, тинов и транипсов на Понте властвовал его соправитель Майсад, изгнанный позже из своих владений восставшими против него этими племенами. Сын Майсада Севт (будущий Севт II) воспитывался у Медока, а потом с помощью своих сторонников и греческого наемного войска (отряды, сформированные из воинов, входивших в число 10 000 греков, руководимые полководцем и историком Ксенофонтом) вновь подчинил своей

власти племена, которыми владел ранее его отец (около 401 г. до н. э.). В дальнейшем Севту II удалось расширить свои владения, добиться равных прав с Майсадом и, возможно, овладеть всей Фракией.

Для социально-политической истории Фракии V век является определенным рубежом, ограничивающим начальный этап истории Одрисского царства. Однако в этой работе его часто приходится переступать, так как суть явлений, только возникших или начавших свое развитие в период правления первых трех царей, иногда проступает яснее и ярче в более позднее время. В целом я все же стремилась ограничиться пределами V в. до н. э.

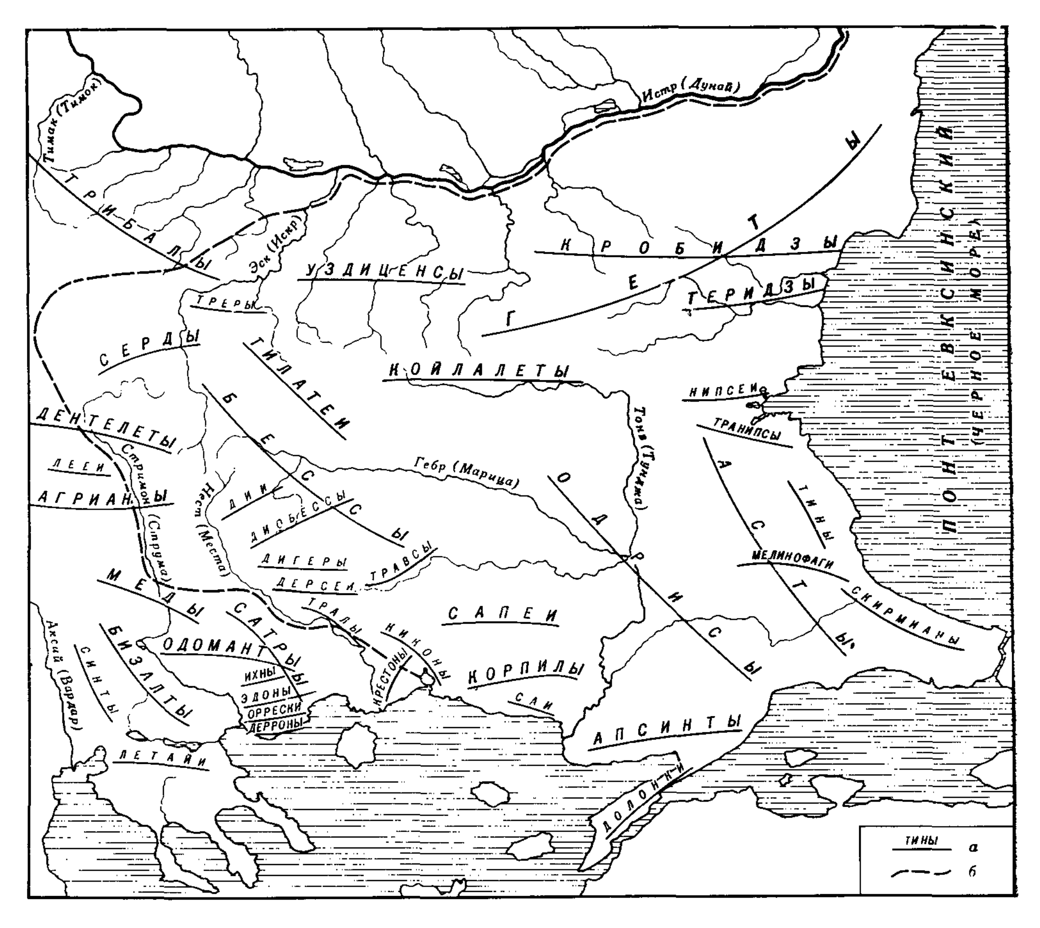
В заключение исторического очерка — несколько слов об этногенезе того народа, социально-экономическому развитию которого посвящена эта работа.

Проблема этногенеза фракийцев находится в стадии изучения. В настоящее время можно говорить лишь о преобладающих в науке тенденциях в решении этой проблемы. В конце прошлого и в начале нашего века господствовала теория (В. Томашек, П. Кречмер, Эд. Мейер), по которой предки исторически засвидетельствованных фракийцев — прафракийцы в конце III—II тысячелетии до н. э. пришли на северо-восток Балканского полуострова из карпатских и пруто-днестровских областей. На землях к югу от Дуная прафракийцы застали более древнюю группу родственных им мизийско-фригийских племен, которую они частично ассимилировали, частично оттеснили на юг, к Эгейскому морю и в западную Малую Азию. Вопрос о том, насколько верна эта теория и были ли предки фракийцев пришлым или исконным населением северо-востока Балканского полуострова, полностью еще не решен. Бесспорно, однако, что в археологической литературе в последнее время усилилась тенденция, подчеркивающая значение автохтонного развития, преемственности культур древних обитателей северо-востока Балканского полуострова, который получил в период письменной истории название Фракии.

Над изучением фракийского языка успешно работают современные лингвисты (В. Георгиев, В. Бешевлиев, К. Влахов, М. Будимир, И. Руссу, А. Карнуа, Л. А. Гиндин и др.), во многом опирающиеся на работы своих предшественников (В. Томашека, Д. Дечева и др.). По распространенному в настоящее время мнению, фракийский язык (или несколько родственных фракийских языков) следует считать самостоятельным языком (или языками), относящимся к индоевропейским языкам восточной группы satəm. Большинство исследователей приходит к выводу о родственной связи фракийского языка с языком древнейших обитателей Балканского полуострова — пеласгов (В. Георгиев, А. Карнуа, Л. А. Гиндин) [5].

Таким образом, можно отметить, что среди исследователей этногенеза фракийцев (как археологов, так и лингвистов) приобретает все

[5] Библиографию работ о фракийском языке см.: «Linguistuque Balkanique», XII, 1967; *В. П. Нерознак*. Фракийский язык. Автореферат канд. дисс. Л., 1970.

Карта 1

Расселение фракийских племен (а) и приблизительные границы Одрисского царства (б)

больший вес теория местного, автохтонного характера древнего фракийского субстрата на Балканах.

Фракийцы с древнейших времен не оставались в стороне от этнокультурных влияний Средиземноморья. Литературная традиция и греческие мифы донесли до нас сведения о связях между фракийцами и греками, усилившихся со времени греческой колонизации фракийского побережья. Фракийские племена были участниками тех крупных этнических передвижений, которые охватили дунайско-балканские земли в конце III, II и начале I тысячелетия до н. э.; они имели своим следствием передвижение некоторых крупных фракийских племен (или их части) — витинов, фригийцев, мизийцев, бебриков и др. — в Малую

Азию и прочное закрепление фракийского этнического пласта на этой территории. Контакты с иллирийской культурой способствовали созданию специфического этнокультурного облика западнофракийских племен. Носителями влияния культур южнорусских степей во Фракии в первой половине I тысячелетия были киммерийцы, которые в IX—VII вв. до н. э. прошли через эту страну и оставили здесь вещественные следы своего пребывания; этнические, культурные и политические связи Фракии со Скифией составляют яркую страницу в истории фракийцев.

Все эти (и другие, менее значительные) контакты Фракии наложили определенный отпечаток на ее культуру и сыграли бо̀льшую или меньшую роль в этногенезе фракийцев. Но местный фракийский субстрат в исследуемое время оставался здесь безусловно ведущим и сохранял доминирующую роль. Это обстоятельство, между прочим, доказывается устойчивостью антропологических признаков, восходящих к фракийским краниологическим показателям, у современных болгар (А. Пулянос, Н. М. Постникова).

Карта расселения наиболее значительных фракийских племен достаточно разработана благодаря исследованиям болгарских ученых. Я привожу ниже карту Х. Данова, внеся в нее лишь некоторые изменения[6] (карта 1).

[6] Эти изменения обоснованы в нашей рецензии на книгу Х. Данова (ВДИ, 1970, № 2, стр. 203).

1

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФРАКИИ

опросы экономического развития Фракии доодрисского и раннеодрисского времени имеют существенное значение для решения нашей темы, так как социальные и политические процессы во фракийском обществе не только были тесно связаны с экономическим развитием страны, но и обусловливались уровнем этого развития[1]. Между тем, как было отмечено во вводной части настоящей работы, экономическим предпосылкам возникновения государства во Фракии в исследованиях, посвященных его изучению, не всегда было уделено должное внимание Рассматривать здесь экономику ранней Фракии в полном ее объеме нет возможности, следует попытаться, однако, дать очерк уровня экономической жизни фракийцев исследуемого времени, акцентируя те аспекты, которые характеризуют предпосылки общефракийского государственного объединения. При этом мы вынуждены останавливаться только на узловых моментах в развитии экономики и на исследовании тех ее отраслей, которые более полно обеспечены источниками

1. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Основу фракийской экономики интересующей нас эпохи составляло сельское хозяйство К сожалению, эта отрасль хозяйства плохо освещена источниками, как письменными, так и археологическими. Поэтому многие стороны сельскохозяйственной деятельности древних фракийцев

[1] Согласно Марксу, « в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни» (*К Маркс, Ф Энгельс* Сочинения, т 37, стр 394—395)

либо остаются совсем нам неизвестными, либо могут быть реконструированы весьма предположительно на основании косвенных свидетельств.

Уже древнейшая греческая литературная традиция сохранила сведения о богатстве и плодородии фракийской земли. Гомер (Il., XI, 21; XVII, 350; XX, 485) несколько раз называет Фракию и Пеонию плодородными (ἐριβῶλαξ); Пиндар (*Pind*., Paean., II) употребляет по отношению к Фракии термин εὔκαρπος. Эти свидетельства относятся к Южной Фракии, прилегающей к Эгейскому морю. Значение земледелия в этом районе очень ярко выступает в повествовании Фукидида о перипетиях Пелопоннесской войны в Халкидике и вообще на северном побережье Эгейского моря: каждая из враждующих сторон стремится прежде всего опустошить поля своих соперников (*Thuc*., IV, 84—88).

Но не только Эгейское побережье, а и более северные области Фракии представляли большие возможности для земледельческого хозяйства. Различные источники, как письменные, так и вещественные, свидетельствуют о значительном развитии земледелия в речных долинах Гебра, Тонза и в еще более северных районах. Речь идет прежде всего о возделывании фракийцами зерновых культур: пшеницы, ячменя, проса, полбы. Геродот (*Herod*., IV, 33—34) сообщает о том, что пшеничная солома применялась фракийскими и пеонскими женщинами при жертвоприношениях Артемиде, т. е. фракийской Бендиде[2]. Очень важны свидетельства Ксенофонта, лично хорошо знакомого с состоянием хозяйства юго-восточной Фракии на рубеже V и IV вв. до н. э. Он не только многократно указывает на обилие всяких продовольственных запасов и наличие богатых деревень в разных районах Фракии — на Фракийском Херсонесе, на Халкидике и в области племени тинов[3], но и прямо называет богатства этих земель — ячмень, пшеница, а также вино, оливки, лук, чеснок (*Xenoph*., Anab., VII, 1, 13 и 37). Не менее любопытно упоминание Ксенофонтом какого-то фракийского племени просоедов (μελινοφάγοι), обитавшего в окрестностях Салмидесса (*Xenoph*., Anab., XII, V, 12).

Сведения о зерновых культурах у фракийцев имеются и у многих более поздних античных писателей. Хотя хронологически эти сведения выходят за пределы интересующей нас эпохи, застойный характер античного земледелия вообще позволяет использовать эти более поздние данные и для характеристики раннефракийского полеводства. Фракийские просо и полба упоминаются Демосфеном в его речи о положении дел на Херсонесе Фракийском, но говорит он о зерновых не этой области, а центральной Фракии (*Demosth*., VIII, 45). Фракийское зерно упоминают Псевдо-Аристотель, Фронтин и Теофраст[4], причем последний дает ему такую характеристику: «Фракийское зерно имеет много шелухи и поздно прорастает. Причина и того и другого — холода. И поэтому фракийское зерно, даже посеянное рано в другом месте, позднее

[2] *G. Kazarow*. Beiträge zur Kulturgeschichte der alten Thraker. Sarajevo. 1916, S. 37.
[3] *Xenoph*., Hell., III, II, 10; V, II, 16; Anab., V, VI, 25; VII, I, 33; VII, III, 5, 9, 43.
[4] *Ps.-Arist*., Oekonom., II, 1351a; *Front*., III, 15, 5; *Theophr*., De caus. plant., IV, II, 5.

прорастает и вызревает и наоборот: зерно, принесенное из другого места и посеянное там, поздно прорастает»[5]. Обычно считается, что Теофраст говорит здесь о фракийской пшенице. Но О. Жарде замечает, что употребление древним ботаником термина πολυχίτων заставляет думать, что речь здесь идет не о пшенице, а о каких-то иных злаках, имеющих твердую оболочку, например о том же просе или полбе[6]. Замечание О. Жарде кажется основательным, но следует иметь в виду, что Плиний Старший, говоря о тех же фракийских злаках со многими оболочками (plurimis tunicis vestitur), прямо называет эти злаки пшеницей (*Plin.*, NH, XVIII, 69). Можно думать, что сведения Плиния восходят к тому же Теофрасту.

Теофраст и Псевдо-Аристотель рассказывают о существовании у племен синтов и медов, обитавших по среднему течению Стримона, какого-то вида ячменя, который могли употреблять в пищу только люди, но не могли есть никакие животные[7]. Впрочем, эти свидетельства весьма сомнительны, и современными ботаническими данными существование такого вида ячменя не подтверждается[8].

Более общие указания на плодородие фракийских земель или на обилие в них хлеба содержатся в сочинениях Лисия, Исократа, Аполлония Родосского, Аппиана, Плиния[9]. Очень любопытен рассказ Арриана о высоких хлебах, через которые должны были пробираться солдаты Александра Македонского в землях гетов на левом берегу Истра (*Arrian*, Anab., 1, 4). Существуют и другие свидетельства о развитии земледелия у фракийцев Мёзии и Дакии в позднее время[10].

Клавдий Гален (*Galen.*, De anim., I, 13) описывает фракийскую рожь, называя ее βρίζα. Слово это, по некоторым свидетельствам, и до сих пор живет в болгарском языке[11]. Но данные Галена, относящиеся ко II в. н. э., нельзя использовать для характеристики фракийского хозяйства более раннего времени, так как рожь вошла в состав культурных растений весьма поздно. Как установлено исследованиями Н. И. Вавилова, она была первоначально засорителем посевов пшеницы, а затем из сорно-полевого растения превратилась в культурное[12]. Можно уверенно говорить, что на Балканском полуострове рожь как полевая культура появилась не ранее первых веков н. э.[13].

[5] *A. Jardé*. Les céréales dans l'antiquité grecque. Paris, 1925, p. 17, not. 1.

[6] *A. Jardé*. Указ. соч., 13, not. 10; ср.: *Б. Стефанов, Б. Китанов*. Култивенни растения и култивенна растителност в България. София, 1962, стр. 178.

[7] *Ps.-Arist.*, De mirab. auscult., 116; *Theophr.*, De odor., II, 4.

[8] См. *Х. М. Данов*. К вопросу об экономике Фракии и ее черноморского и эгейского побережий в позднеклассическую и эллинистическую эпохи. «Античное общество». М., 1967, стр. 132.

[9] *Lys.*, Or., XXXII, 6, 15; *Isocr*, VIII, 24; *Appol. Rhod.*, Arg., I, 793; *App.*, Bell. civ., IV, 108; IV, 428; *Plin.*, NH, XVII, 31.

[10] *G. Kazarow*. Beiträge.., S. 39; *Т. Д. Златковская*. Мёзия в I—II вв. н. э., М., 1954, стр. 13 сл.

[11] *G. Kazarow*. Beiträge..., S. 39.

[12] *Н. И. Вавилов*. Центры происхождения культурных растений. «Труды по прикладной ботанике и селекции», т. XVI, вып. 2. Л., 1926, стр. 130.

[13] *Б. Стефанов, Б. Китанов*. Указ. соч., стр. 128, 180.

Древние фракийцы употребляли зерно не только в качестве пищи для людей и фуража для скота, но и в качестве исходного продукта для приготовления алкогольных напитков типа пива или браги. Интересные сведения сохранил об этом Афиней (*Athen.*, X, 447), ссылающийся на древних авторов. Такой напиток, носивший у фракийцев название *бритон* (βρῦτον), изготовлялся из ячменя. Впервые упоминают его, по свидетельству Афинея, Архилох и Софокл, а затем и другие авторы. Гелланик Митиленский прямо указывает на изготовление фракийцами бритона из ячменя. Гекатей говорит, что пеоны пили бритон из ячменя и какой-то другой напиток — парабию (παραβίη), изготовлявшийся из проса и конниза.

Для решения рассматриваемого вопроса могут быть привлечены и некоторые косвенные данные, указывающие на происхождение названий населенных мест и племен от наименований ячменя, пшеницы и других злаков [14].

Весьма показательные данные о развитии хлебного хозяйства фракийских областей доставляет нумизматика. Монетные типы, в той или иной форме напоминающие о хлебных богатствах фракийских областей, известны в чеканке почти всех античных городов, расположенных во Фракии, и в чеканке местных правителей этой страны (см. табл. I в конце книги). Если мы обратимся к городам Эгейского побережья Фракии, то найдем там колос в качестве лицевого типа серебряных оболов V в. до н. э. города Трагила, а среди добавочных монетных символов колос или зерно встречаются на монетах Амфиполя, Боттиеи, Абдеры, Маронеи, Эноса [15].

Но особенно характерно широкое распространение этих сюжетов на монетах городов Херсонеса Фракийского и европейского берега Пропонтиды [16]. Очень интересна реверсная композиция раннеэллинистических монет города Сеста, на которых Деметра изображена сидящей на корзине с зерном и держащей в руках колосья; ее голова иногда украшена венком из колосьев [17]. Богиня ясно выступает здесь как покровительница не только земледелия вообще, но и специально хлебопашества — главной отрасли хозяйства Херсонеса Фракийского.

Аналогичная тематика находит отражение и в монетной типологии западнопонтийских центров [18].

[14] *Х. М. Данов.* К вопросу об экономике Фракии, стр. 134, прим. 11; *W. Tomaschek.* Die alten Thraker. SBWA, Phil.-hist. Klasse, CXXVIII, 1893, I, S. 87.

[15] MP, S. 131, Tabl. XXIV, *32*; BMC, Macedonia. London, 1879, p. 130; HN, p. 213, 216, 247, 250, 254.

[16] [*A. Sallet*]. Beschreibung der antiken Münzen, I. Berlin, 1888, S. 258—259, Tabl. VI, *62* (Херсонес Фракийский — зерно); S. 232 (Селимбрия — колос); HN, p. 258—261, 266—270 (Алопеконесс, Кардия, Лисимахия, Мадит, Бизанфа, Критоте, Эгоспотамы, Кардия, Сест, Перинт — зерна, колосья, изображения Деметры и Коры).

[17] [*А. Sallet*]. Указ. соч., I, стр. 269 и сл.; *H. Fritze.* Sestos. Die Menas-Inschrift und das Münzwesen der Stadt «Nomisma», I. Berlin, 1907, S. 5, fl., Tabl. I, *5*, *6*, *8*, *24*, *28*.

[18] *Н. А. Мушмов.* Античните монети на Балканския полуостров и монетите на Българските царе. София, 1912, стр. 225, табл. XXIV, *19* (Месембрия — венок из пшеничных колосьев); *B. Pick.* Die antiken Münzen von Dacien und Moesien. «Die antiken Mün-

Еще показательнее наличие интересующих нас сюжетов в монетной типологии фракийских царей IV в. до н. э. Четверо из них — Гебридзельм, Котис I, Керсоблепт и какой-то неизвестный династ Филе — чеканят монету с изображением на оборотной стороне двуручного сосуда — кипселы, применявшегося в качестве мерки для ячменя или пшеницы. Этот тип заимствован ими с монет Кипселы — фракийского города в низовьях р. Гебра, для которого изображение этой зерновой мерки было говорящим типом и в котором, вероятно, чеканились и монеты указанных царей. Фракийские цари не только изображали на своих монетах сосуд, но и добавляли иногда в монетный тип пшеничный колос или ячменное зерно[19].

Все приведенные материалы достаточно определенно свидетельствуют о весьма значительном развитии полеводства у фракийцев на протяжении всей античной эпохи. Высокий уровень земледелия Фракии исследуемого времени опирается на глубокие исторические корни. Именно в Юго-Восточной Европе с древнейших времен (с VI тысячелетия) прослеживается последовательное развитие земледелия, особенно ярко отмечаемое в стоянке Караново I. Как можно судить по данным археологических раскопок, пашенное земледелие здесь можно фиксировать с рубежа VI—V тысячелетий до н. э.[19а] Можно с уверенностью утверждать, что уже в интересующий нас доодрисский и раннеодрисский период фракийцы умели хорошо возделывать пшеницу, просо, ячмень, т. е. все те культуры, которые составляли основу зернового хозяйства современного им античного мира и близлежащих земледельческих территорий.

Несмотря на отсутствие пока анализов древнего зерна из раннефракийских археологических комплексов, несомненно возделывание мягкой пшеницы (Triticum vulgare Vill.): вероятно, именно ее имеют в виду античные авторы, упоминая о пшенице. Эта культура была известна племенам, населявшим Фракию еще в эпоху энеолита и в бронзовом веке[20]. Но, вероятно, большее значение имела твердая пшеница — двузернянка, или эммер (Triticum dicoccum), более распространенная в древности на Балканском полуострове вообще и резко преобладающая в ранних археологических памятниках Болгарии[21]. Пшеница-однозер-

zen Nord-Griechenlands». I. Berlin, 1898, S. 97, ff., Tabl. I, *17—20, 22, 24, 25;* II, *6* (Каллатия — колос); HN, p. 274, 276 (Каллатия, Томы, Дионисополь — Деметра, венок из колосьев).

[19] *В. Добруски.* Исторически поглед върху нумизматика на тракийските царе. «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», XIV, 1897, стр. 585, табл II, *2—4*; стр. 599, табл. I, *14*; МТЦ, стр 209, табл II, *41—43, 59*; стр. 211—212, табл. II, *56—58*.

[19а] *Н. Я. Мерперт.* Ранний бронзовый век Южной Болгарии. М., 1966, стр. 1—30 и указанная там обширная литература.

[20] *Н. Арнаудов.* Върху старинната гола пшеница. «Известия на Ботаническия институт». II, 1951. стр. 129—137.

[21] *Н. Арнаудов, П. Васильева* Принос за изучаване на предисторическите лимеци. ГСУ, Природо-мат. фак-т, XLIV, 3, 1948, стр. 87—112; *Н. Арнаудов.* Указ. соч., стр. 137; *Н. Арнаудов, Н. Петрова.* Изследования върху археологични растителни материали. ГСУ Биол.-геол.-геогр. фак-т, XLVIII, 1, 1955, стр. 105.

пянка (Triticum monococcum L.) — это полба, о которой с пренебрежением упоминал Демосфен. Ячмень (Hordeum sativum или Hordeum vulgare L.), вероятно, представлял, как это было обычно в античности, смесь двурядных и многорядных ячменей[22]. Менее ясно, какое просо имеют в виду античные авторы. Некоторые современные ботаники считают, что Panicum milliaceum L. вошло в число культурных растений Фракии лишь в римское или даже гуннское время[23]. Вряд ли это так: культура проса хорошо была известна населению по берегам Черного моря еще с очень древних времен. В частности, зерна проса были найдены в Румынии в поселении Кокутени[24]. Во всяком случае свидетельства Ксенофонта и Демосфена не позволяют сомневаться в самом широком распространении просяных культур в древней Фракии.

В письменных источниках почти нет указаний на возделывание фракийцами зернобобовых, но вряд ли можно сомневаться в том, что большинство этих культур — чечевица, горох, бобы, вика, чина — было им известно[25]: во-первых, эти культуры были освоены населением Балканского полуострова еще в более древнюю эпоху[26], во-вторых, они занимали значительное место в севообороте и южных и северных соседей фракийцев — греков, с одной стороны, земледельческих племен Северного Причерноморья — с другой (*Herod.*, IV, 7). Зерна вики были обнаружены вместе с зернами пшеницы, проса, ржи в раскопках античного поселения первых веков н. э. при с. Кадин-мост[27]. Посевы бобовых были хорошо известны уже в древности как средство восстановления плодородия почвы и с этой целью чередовались с посевами зерновых культур. Именно о таком применении их жителями Фракии и Македонии говорит Теофраст (*Theophr.*, Hist. plant., VIII, 9, 1).

Это свидетельство Теофраста — единственное известие об агротехнических мероприятиях фракийцев. В остальном ни система обработки полей, ни земледельческие орудия фракийцев нам почти неизвестны. Что во Фракии существовало пахотное земледелие, сомневаться не приходится. Оно засвидетельствовано, в частности, Аполлонием Родосским для Эгейского побережья (*Apoll. Rhod.,* Arg., I, 795) и Овидием для Добруджи (*Ovid.*, Tristia, V, 10). Но почти все пахотные и иные сельскохозяйственные орудия, до недавнего времени находимые на территории Фракии, либо датируются уже первыми веками н. э., либо вовсе не могут быть отнесены к определенной исторической эпохе. Римским вре-

[22] *Б. Стефанов, Б. Китанов.* Културнени растения..., стр. 128—129. См. *Н. Арнаудов.* Принос за изучаване на предисторическия голозърнест ечемик. ГСУ, Биол.-геол.-геогр. фак-т, XLVIII, 1, 1955, стр. 73 и сл.

[23] *Б. Стефанов, Б. Китанов.* Указ. соч., стр. 135, 178, 180.

[24] *G. Buschan.* Vorgeschichtliche Botanik der Cultur- und Nutzpflanzen der alten Welt auf Grund prähistorische Funde. Breslau, 1895, S. 69 ff.

[25] *Б. Стефанов, Б. Китанов.* Указ. соч., стр. 178—179.

[26] *Н. Арнаудов.* Предисторически растителни материали. ГСУ, Природо-мат. фак-т, XLV, 3, 1949, стр. 67—71; *Н. Арнаудов, Н. Петрова* Указ. соч., стр. 93, и др.

[27] *И. Иванов.* Отчет за раскопките при Кадин-мост (Кюстендилско). ИБАД, I, 1910, стр. 186.

менем датируются и редкие изображения пахотных орудий на античных памятниках. Археологические остатки земледельческих орудий первых веков н. э., найденных на территории Фракии, весьма обстоятельно изучены этнографом Л. Дуковым[28]. Его исследование показывает, что техническая вооруженность фракийского земледельца в эту позднюю эпоху примерно соответствовала тому уровню земледелия, какой наблюдался и в других районах античного мира — в собственно Греции, Риме и т. д. Вероятно, и в предшествующие эпохи технико-экономическое развитие земледелия во Фракии и в Греции шло более или менее параллельно, и мы можем без большой натяжки отнести к Фракии те данные о развитии земледельческой техники, которые имеются в отношении античного земледелия вообще.

Эти соображения до некоторой степени подтверждаются и недавними находками пахотных орудий IV—III вв. до н. э. у с. Мирково в окрестностях Пирдопа и в погребении в с. Калояново близ Сливена. У с. Мирково были случайно найдены три железных лемеха, прикреплявшихся к деревянной основе плуга или сохи. Опубликовавший находку А. Милчев датировал эти орудия на основании сопровождающего керамического материала IV—III вв. до н. э.[29] В Калояново такой же лемех был найден в хорошо датированном погребении второй четверти IV в. до н. э.[30]. Эти достоверные в отношении даты находки позволяют отнести к фракийской культуре и некоторые другие подобные орудия, датировавшиеся раньше римским или даже средневековым временем, например два подобных лемеха из Севтополя и его окрестностей[31]. Что касается орудий, которым принадлежали эти лемехи, то с уверенностью трудно сказать, были ли это сохи или род плуга, более вероятно первое[32]. Во всяком случае, эти находки безусловно свидетельствуют о том, что во Фракии уже в IV в. до н. э. применялось для пахоты рало с железным лемехом.

Следует полагать, что фракийское полеводство уже в раннюю эпоху было достаточно эффективным, чтобы можно было создавать значительные запасы зерна. Иначе трудно было бы объяснить то богатство фракийских деревень, о котором говорят античные авторы, и те значительные партии хлеба, которые Фракия была способна выбрасывать на внешний рынок. В античной литературе с V в. до н. э. до римского времени встречаются указания на то, что фракийцы держали продукты земледелия в подземных хранилищах. Об этом упоминают Еврипид, Демо-

[28] *Л. Дуков.* Земеделието и земеделските железни оръдия в българските земи през античността. ИЕИМ, VIII, 1965, стр. 141 сл. См. также работы Хр. Вакарельского, указанные Л. Дуковым, особенно его статью «Стари земеделски сечива» (ГНМ, VI, 1932—1934. София, 1936, стр. 425 сл.).

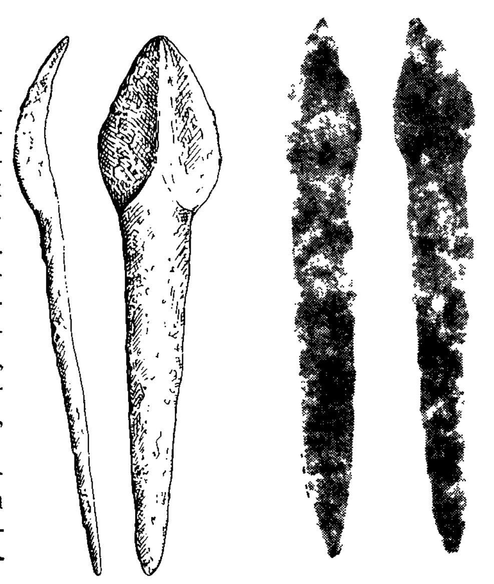
[29] *А. Милчев* Археологическо проучване в околностите на с. Мирково, Пирдопско. «Изследвания в памет на Карел Шкорпил». София, 1961, стр. 422—424, рис. 5.

[30] *М. Чичикова* Тракийска могилна гробница от с. Калояново, Сливенски округ (IV в. пр. н. е.). ИБАИ, XXXI, 1969, стр. 60—62, рис. 16.

[31] *M. Čičicova.* Au sujet du soc thrace. «Apulum», VII/I, 1968, p. 120, fig. 4, 5.

[32] *Л. Дуков.* Указ. соч., стр. 158.

сфен, Афиней (со ссылкой на Анаксандрида, комедиографа V в. до н. э.)[33]. Вероятно, в этих σιροί надо видеть предназначенные для хранения хлеба зерновые ямы, хорошо известные по раскопкам археологических памятников в Северном Причерноморье и детально исследованные советскими археологами[34]. В античной литературе эти зернохранилища описаны Колумеллой и особенно Плинием, который прямо говорит об их применении в Испании, Африке, Каппадокии и Фракии (*Colum.*, De re rust., I, 6, 15; *Plin.*, NH, XVIII, 306—307).

1. Железные лемехи (из фракийских могильников IV в. до н. э.)

Возделанное фракийскими крестьянами зерно шло не только на удовлетворение потребностей земледельца, на пропитание войск, подобных наемникам Ксенофонта, на пополнение запасов фракийских царей и фракийской знати, но и вывозилось за пределы страны через греческие города Эгейского и Черноморского побережий. Правда, прямые свидетельства о таком вывозе относятся к несколько более позднему времени, чем интересующая нас эпоха (к IV или началу III в. до н. э.), но можно думать, что за одно столетие, протекшее с конца V до конца IV в. до н. э., потенциал фракийского земледелия не мог значительно измениться и что вывоз фракийского хлеба в Грецию мог осуществляться в V в. до н. э. в той же или почти в той же мере, что и в IV в.[35]

Прежде всего должно быть упомянуто указание Псевдо-Аристотеля на фискальное мероприятие Котиса I, который, нуждаясь в деньгах, велел подданным посеять для него (видимо, сверх обычной нормы) по три медимна зерна. Собранный урожай был продан, вероятно, на рынках греческих городов Эгейского побережья и дал Котису необходимые суммы (*Ps. Arist.*, Oekonom., II, 2, 1351a). Рассказ об аналогичных действиях Керсоблепта содержится среди стратегем Полиена (*Polyaen.* Strateg., VII, 32). Х. М. Данов, специально разбиравший эти рассказы,

[33] *Eurip.*, Phrixus, fr. 7, *Demosth.*, VIII, 45; *Varro*, I, 57; *Athen.*, IV, 131 a.

[34] Например *И. Б. Зеест*. Земляные зернохранилища Пантикапея. КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 80—83, *В. Д. Блаватский*. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 130—134.

[35] *Б. Геров*. Проучвания върху поземлените отношения в Тракия и Мизия през римската епоха (I—III вв.). ГСУ, ФФ, т. L, 2, 1956, стр. 18.

справедливо связывает их с той ролью, которую играл вывоз хлеба из Фракии в страны Эгейского мира [36].

Существуют и прямые свидетельства вывоза из Фракии больших партий зерна. Диодор Сицилийский сообщает о том, что Лисимах отправил в 305—304 гг. родосцам, осажденным Антигоном, 40 тыс. медимнов пшеницы и столько же ячменя (*Diod*., XIX, 77; XX, 96). Деметрий Полиоркет снабжал фракийским зерном Афины, осажденные его противниками (*Plut*., Apophtegm., 183-B; *Demetr*., 33—34). Можно упомянуть и об афинском декрете начала III в. до н. э. в честь Филиппида, который способствовал отправке Лисимахом в Афины 10 тыс. медимнов пшеницы (*Dittenb.*, Syll., 374). Что фракийские области и в дальнейшем являлись поставщиками зерна для средиземноморских государств, можно судить по отправке большого количества хлеба в Рим наместником Мёзии Тиберием Плавтием Сильваном во времена Нерона [37].

Эти данные позволяют большинству современных исследователей считать Фракию, по крайней мере в эллинистическое и более позднее время, одной из житниц античного мира и сравнивать ее в этом отношении с Северным Причерноморьем, отнюдь не ставя, однако, знака равенства между этими областями [38].

Заинтересованность греков в зерновых богатствах Фракии проявляется, как нам кажется, в самом обилии упоминаний об этих богатствах в античной литературной традиции. В этом отношении интересны уже упоминавшиеся замечания Теофраста об особенностях фракийского зерна (*Theophr*., IV, II, 5). Из этих замечаний следует, что уже к IV в. до н. э. делались попытки пересаживать зерновые культуры из Фракии в другие районы и, наоборот, сеять во Фракии зерно из других областей античного мира [39].

Возделывание зерновых культур было несомненно главной, но отнюдь не единственной отраслью фракийского земледелия. Наши источники позволяют нам говорить о культивации во Фракии ряда технических, овощевых и плодовых культур. Из первых должна быть упомянута прежде всего конопля. Геродот рассказывает (*Herod*., IV, 74), что фракийцы выделывают из конопли ткани, чрезвычайно похожие на льняные. «В Скифии растет конопля, очень похожая на лен, только гораздо толще и выше его; она там засевается, но растет также и в диком состоянии; фракийцы приготовляют себе из нее платье, до такой степени похожее на льняное, что человек неопытный, не сможет узнать, сделано ли платье из конопли или из льна, а кто никогда не видел конопляной материи, тот примет такое платье за льняное». Этот рассказ можно как будто понять в том смысле, что фракийцы пользуются для ткачества скифской коноплей. Но такое представление было бы в корне

[36] *Х. М. Данов*. К вопросу об экономике Фракии, стр. 135—136.
[37] CIL, III, 3608.
[38] Например: *J. Weiss*. Die Dobrudscha im Altertum. Sarajevo, 1911, S. 21; *G. Kazarow*. Beiträge..., S. 39.
[39] Ср. *A. Jardé*. Les céréales..., p. 17.

ошибочным. Конопля (Cannabis sativa L.) несомненно произрастала и возделывалась и в самой Фракии[40]. Геродот же заговорил о фракийцах в этом месте описания Скифии не для того, чтобы сказать об использовании ими скифской конопли, а для того, чтобы подчеркнуть возможность выделывать из конопли очень тонкие ткани, похожие на льняные. Скифы, надо полагать, таких тканей выделывать не умели.

Впрочем, во Фракии произрастала не только конопля, но и лен (Linum usitatissimum L.). Тот же Геродот говорит о девушке-пеонке из области Стримона, которая пряла лен (*Herod.*, V, 12). Семена льна были найдены при раскопках памятника еще энеолитической эпохи у с. Капитан, но использовались ли эти семена древнейшим населением в пищу или лен употреблялся в ткацком деле, сказать невозможно[41]. Для античной эпохи использование волокон льна для прядения не подлежит никакому сомнению, тем более что при раскопках в Севтополе были обнаружены и остатки льняных тканей[42].

Из огородных культур фракийцев мы можем уверенно назвать только лук и чеснок. Афиней (*Athen.*, IV, 131-a) в рассказе о свадьбе дочери фракийского царя Котиса I и афинского полководца Ификрата говорит, что последний получил среди других даров хранилище в 12 локтей, наполненное луком. Один из пассажей комедии Аристофана «Ахарняне» (*Aristoph.*, Acharn., 163) воспринимается обычно как свидетельство большого пристрастия фракийцев к употреблению чеснока[43].

Нам очень мало известно фракийское садоводство. Античные авторы почти не говорят о плодовых деревьях во Фракии. Правда, эпитет ἐριβῶλαξ, употребляемый Гомером по отношению к Фракии, обозначает «плодородная» вообще, что может относиться к произрастанию как зерна, так и плодов. Вероятно, именно плоды фруктовых деревьев имеет в виду Пиндар, когда говорит о богатой лозами и плодами фракийской земле (*Pind.*, Paean., II). Но эти свидетельства относятся к Южной Фракии, прилегающей к Эгейскому морю. Обилие в этом районе различных плодов несомненно, оно засвидетельствовано и другими авторами[44]. В частности, Теопомп говорит о произрастании смоковницы и маслины в долине Стримона (*Theop.*, 230).

Можно, однако, полагать, что не только в приморской Фракии, но и в других районах фракийской территории были распространены и культивировались различные плодовые деревья. По мнению ботаников, во Фракии на протяжении всей античной эпохи возделывались яблоня, гру-

[40] *Б. Стефанов, Б. Китанов.* Указ. соч., стр. 178. Отметим, что некоторые исследователи само греческое название конопли — κάνναβις производят из фракийского языка (*W. Tomaschek.* Die alten Thraker, II, 1, S. 13; ср.: *G. Kazarow.* Beiträge..., S. 42, note 8). Впрочем, корни этого слова пытались искать в иранских, славянских и в других языках (см. *В. И. Абаев.* Осетинский язык и фольклор. М.— Л., 1949, стр. 170, 198; *В. Д. Блаватский.* Земледелие..., стр. 82—83).

[41] *Н. Арнаудов.* Предисторически растителни материали..., стр. 57—61.

[42] *Н. Арнаудов, Н. Петрова.* Изследования..., стр. 93—95.

[43] *G. Kazarow.* Beiträge..., S. 38.

[44] *App.*, Bell. civ., IV, 108; *Liv.*, XLV, 30.

ша, слива, вишня, орех, айва, шелковница и другие породы плодовых деревьев[45]. Существует, правда, весьма неблагоприятный отзыв Помпония Мелы о климате и плодородии Фракии: он пишет, что, за исключением приморской части (имеется в виду Эгейская Фракия), вся эта страна не имеет ни благоприятного климата, ни почвы, холодна и неплодородна, что посеянное здесь очень скудно вырастает, что плодовые деревья редки (*Pomp. Mela,* De chorograph., II, 2). Но этот отзыв, несомненно, слишком суров и не отвечает действительному положению.

Материалы об очень существенной отрасли экономики фракийцев — скотоводстве крайне скудны: они ограничены отрывочными и фрагментарными сведениями литературных источников и гомеровского эпоса. Разбор остеологического материала из раскопок во Фракии еще не проведен, что лишает пока возможности сделать какие-либо заключения о составе стад. Мало сведений о формах собственности на скот. Между тем, присутствие многочисленных изображений коня, быка и представителей других видов домашнего скота на монетах фракийских племен и царей; сведения Гомера о роли колесниц с быстрыми конями во фракийском войске; данные погребальных и посвятительных рельефов, на которых фигурируют чаще всего изображения всадника на коне; сведения письменных источников о загонах для скота во фракийских деревнях, о продаже крупного и мелкого рогатого скота из Фракии в греческие полисы — все это свидетельства широкого развития скотоводства у фракийцев, особенно, естественно, у горских племен. Они подтверждают справедливость установившегося в античной традиции мнения о фракийцах как о прекрасных наездниках и умелых скотоводах.

Немного больше мы знаем о фракийском виноградарстве и виноделии. Вино из Южной Фракии было хорошо известно в Греции еще в гомеровское время. В «Илиаде» Нестор побуждает Агамемнона устроить угощение для вождей ахейского войска, так как у него в палатках много вина, которое ему ежедневно доставляют корабли ахейцев из Фракии (Il., IX, 72). Скорее всего речь идет о вине из окрестностей того города Исмара (позднейшей Маронеи) в земле киконов, который взял и разграбил Одиссей (Od., IX, 39—46, 162—165). В поэме Гомера содержится настоящий дифирамб этому исмарскому вину, божественному питью, сладкому, как мед (Od., IX, 196—211). Вино района Исмара-Маронеи, видимо, вообще было хорошо известно в античности, так как его упоминают и другие авторы[46]. Очень характерна типология монет города Маронеи: на них обычно бывают изображены гроздья и лозы винограда[47].

Столь же известны производством вина и некоторые другие центры на южном побережье Фракии. О фасосском вине имеются свидетельства античных авторов[48], но гораздо больше о популярности этого вина

[45] *Б. Стефанов, Б. Китанов.* Култичешни растения, стр. 178.
[46] *Archiloch,* fr. 7; *Plin.,* NH, XIV, 54.
[47] *Н. А. Мушмов.* Античните монети, стр. 217 сл., табл. XXII, 20, 22, 23; XXIII, XXIV, *1, 2, 4, 6—8.*
[48] *Xenoph.,* Symp., IV, 41; *Theophr.,* Hist. plant., IX, 18, 11; ср. *Athen.,* I, 31f, 32a.

могут сказать тысячи фасосских амфорных клейм V—III вв. до н. э., находимых в разных районах античного мира[49]. Славился виноделием и город Менда на Халкидике[50], который также, по-видимому, довольно широко экспортировал свое вино. Об этом можно судить по находкам недавно идентифицированных мендских амфорных клейм[51], на которых изображается Дионис, возлежащий на спине осла, с канфаром в руке. Этот же сюжет наряду с изображениями Диониса, виноградной лозы, амфоры, канфара, грозди служит обычным лицевым типом мендских монет V в. до н. э.[52]. На эгейском берегу Фракии, между устьями Неста и Стримона, лежала и область Библина (*Steph. Byz.*, s. v. Βιβλίνη), где производилось высокосортное сладкое библинское вино, уже в VI—V вв. до н. э. экспортировавшееся даже в Италию и Сицилию (*Athen.*, I, 31а). О значении виноградарства для жителей Аканфа в Халкидике говорит рассказ Фукидида о взаимоотношениях Брасида и этого города (*Thuc.*, IV, 84, 88). В монетной типологии почти всех греческих городов Эгейского побережья Фракии наличествуют, если не господствуют, сюжеты, связанные с виноградарством, виноделием и потреблением вина: лоза, гроздь, амфора, ойнохоя, канфар, Силен, Дионис и др.

Таким образом, все Эгейское побережье Фракии представляло собой зону активного виноградарства и виноделия, имевшего экспортный характер. Вероятно, именно это обстоятельство послужило основой для легенды о том, что изобретателем этого рода хозяйственной деятельности был фракиец Евмолп (*Plin.*, NH, VII, 199).

Гораздо труднее определить место виноградарства в хозяйственной жизни причерноморских и особенно внутренних областей Фракии. Обращает на себя внимание тот факт, что уже в городах Фракийского Херсонеса и европейского берега Пропонтиды в монетной чеканке почти совершенно отсутствуют те «винодельческие» и дионисические сюжеты, которые безраздельно господствовали в типологии монет Эгейской Фракии. Только на монетах Алопеконеса и Сеста встречается иногда такая символика: голова Диониса, гроздь, канфар, амфора, тирс[53]. Но в подавляющем большинстве городов этого района в монетной типологии преобладали, как мы уже отмечали, эмблемы, связанные с зерновым хозяйством, что несомненно отражало решающее значение здесь хлебопашества.

Та же картина наблюдается и в городах западного побережья Черного моря. Из всех городов только Дионисополь использовал в своей монетной типологии венки из виноградных листьев и изображение Дио-

[49] *A.-M. Bon et A. Bon.* Les timbres amphoriques de Thasos. Paris, 1957.

[50] *Athen.*, I, 23b, 29d, e; IV, 129; *Pollux.*, Onom., VI, 15; ср. *Demosth.*, XXXV, 10.

[51] *V. Grace.* Standard pottery conteiners of the ancient Greek World. «Hesperia», Suppl. VIII, 1949, p. 186; tabl. 10, *1*; *И. Б. Брашинский.* Из истории торговли Северного Причерноморья с Мендой в V—IV вв. до н. э. (по амфорным клеймам). НЭ, III, 1962, стр. 45—48, табл. I.

[52] *Н. А. Мушмов.* Античните монети, стр. 394 сл., табл. XLIV, *1, 2, 5, 6, 7;* XLIX, *11, 13—15, 18.*

[53] *Н. А. Мушмов.* Античните монети, стр. 308, 314, табл. XXXIII, *1, 2*; XXXIV, *4.*

ниса, конечно[54]. Можно предполагать, что само название этого города связано с той ролью, которую играло в нем виноградарство[55]. Но в целом виноделие в остальных городах фракийского побережья Черного моря хотя и существовало, не могло занимать значительного места в их экономике. Если верить Овидию, то в северной части этого побережья виноград и не мог вызревать по климатическим условиям (*Ovid*, Tristia, III, 10). Но мы хорошо знаем, что греки наладили виноделие и в более суровых условиях Северного Причерноморья, так что неблагоприятный отзыв Овидия об условиях жизни в Томах надо в значительной степени отнести за счет его желания разжалобить своих корреспондентов[56].

О возделывании винограда и виноделии у самих фракийцев имеются только косвенные свидетельства. Античная литературная традиция довольно часто упоминает об употреблении фракийцами вина, о склонности их, как и скифов, к невоздержанному пьянству[57]. Но сведений о возделывании винограда и о виноделии у фракийцев в античной литературе немного. Прежде всего следует остановиться на свидетельстве Помпония Мелы о возделывании во Фракии виноградных лоз. В уже упоминавшемся неблагоприятном отзыве о климатических условиях Фракии Помпоний Мела говорит, что виноград там может возделываться только при условии, что лозы прикрываются от холода (*Pomp. Mela*, De Chorogr., II, 2). Это свидетельство, несомненно, относится не к Эгейскому побережью Фракии, а к более северным ее районам. Аналогичные условия существовали и в Северном Причерноморье, в частности на Боспоре, где, по свидетельству Страбона, приходилось присыпать на зиму виноградные лозы землей (*Strabo*, VII, 3, 18). Эти неблагоприятные условия не составляли, однако, непреодолимых трудностей для античного виноградарства; мы знаем теперь на основании изучения археологических материалов об очень значительном развитии виноградарства и виноделия на Боспоре[58]. Надо думать, что и во Фракии, где климат был в целом мягче и благоприятнее, чем в Восточном Крыму, или на Тамани, трудности разведения винограда успешно преодолевались. Уже само замечание Помпония Мелы свидетельствует об этом. Более того, можно предположить, как это было сделано В. Ф. Гайдукевичем по отношению к Боспору, применение во Фракии особого способа выращивания винограда «в расстилку» и культивацию стелющихся сортов виноградных лоз, которые удобно было накрывать от зимних холодов[59].

Весьма важно также упоминание Страбона об уничтожении лоз и

[54] *B. Pick.* Die antiken Münzen..., S. 130, Taf II, *16*, *17*
[55] *J. Weiss.* Die Dobroudscha im Altertum. Sarajevo, 1926, S. 21.
[56] Ср. *Б. Геров.* Към въпроса за лозарството в Долна Мизия през римско време. ИБАИ, XIX, 1955, стр. 190, прим.
[57] *Xenoph.*, Anab., VII, III, 24—33; *Plato*, De leg., 637; *Athen.*, IV, 131a; X, 442e, f; XII, 531e и др.
[58] *В. Д. Блаватский.* Земледелие..., стр. 86 сл.; *В. Ф. Гайдукевич.* Виноделие на Боспоре. МИА, № 85. 1958, стр. 352 сл.
[59] *В. Ф. Гайдукевич.* Указ. соч., стр. 353.

отказе от употребления вина гетами при Биребисте (*Strabo*, VII, 3, 11). Из этого свидетельства можно вывести заключение о том, что еще до Биребисты, т. е. до I в. до н. э., геты умели возделывать виноградную лозу, тем более это следует предполагать по отношению к населению более южных областей Фракии. Йордан, говоря о неплодородности земель в Мёзии в окрестностях Никополя на Истре, с удивлением отмечает, что некоторые люди там даже не знают виноградарства, а вино покупают себе в соседних местностях (*Jord.*, Get., 267). Речь идет о каких-то скотоводческих племенах, соседи которых в той же Мёзии занимались виноградарством и виноделием не только для удовлетворения собственных потребностей, но и для продажи. Особенно интересен изданный при Адриане или при Антонине Пие закон (Digestae, XLXIII, 19, 16), предусматривающий тягчайшее наказание за повреждение виноградных лоз в Мёзии. Еще позднее, уже при императоре Пробе, были предприняты меры к насаждению виноградной лозы в Мёзии[60]. Б. Геров, несомненно, прав, относя эти мероприятия лишь к Верхней Мёзии, так как в Нижней Мёзии виноградарство не только издавна уже существовало, но и пользовалось особым покровительством закона[61].

К исследованию вопроса о виноградарстве и виноделии во Фракии могут быть привлечены и некоторые археологические материалы. Назовем прежде всего довольно многочисленные находки типичных виноградарских ножей, сделанные в разных местах — в Мадаре, в Хасковском, округе, в окрестностях Казанлыка и др.[62], а также находки двузубых мотыг — дикельтов, которые Л. Дуков, видимо, совершенно справедливо считает орудиями для обработки почвы в виноградниках[63]. Во Фракии пока еще не открыто такого количества винодельческих предприятий, какое известно в Северном Причерноморье, но это объясняется, вероятно, лишь слабой изученностью античных поселений во Фракии. Первой ласточкой в этом отношении является винодельческий комплекс первых веков н. э., открытый Ц. Дремсизовой в сельскохозяйственной вилле в Мадаре[64]. Мы не будем здесь перечислять всех надгробных и вотивных рельефов, на которых изображаются предметы, имеющие отношение к виноградарству и виноделию,— грозди, бочки, амфоры, бурдюки и т. д.; упомянем лишь часто приводимые дионисические вотивные рельефы с изображением всего процесса изготовления вина сатирами[65]. Все это достаточно ясно говорит о значительном развитии виноделия в античной Фракии.

[60] *Aurel. Victor*, XXXVII, 2; SHA, Vopisc., Vita Probi, XVIII.
[61] *Б. Геров.* Към въпроса за лозарството..., стр. 187 сл.
[62] *Л. Дуков.* Земеделието и земеделските железни оръдия, стр. 173—175, табл. IX.
[63] Там же, стр. 152—153, табл. I, *13, 14*.
[64] *C. Dremsizova.* Villa romaine aux environs de Madara. AAPh SA, Sofia, 1962, p. 117—118, Fig. 8; *Ц. Дремсизова.* Нови данни за икономиката на Долна Мизия през римската епоха. ИНМК, I, 1960.
[65] *E. Kalinka.* Antike Denkmäler in Bulgarien. Wien, 1906, S. 133, N 144, fig. 40; *М. И. Ростовцев.* Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре. ИАК, 40, 1911, стр. 29—30; *G. Kazarow.* Beiträge..., S. 41—42, Fig. 9 и др.

Следует, правда, оговориться, что все приведенные археологические материалы либо совсем не поддаются точной датировке, либо датируются временем более поздним, чем интересующее нас, главным образом уже первыми веками н. э. Но во всяком случае, они неопровержимо доказывают, что культивация виноградной лозы и виноделие были распространены в античную эпоху по всей Фракии, и нет оснований предполагать, что эта отрасль сельскохозяйственного производства получила здесь развитие только в римское время. Наоборот, можно думать, что виноградарство и виноделие существовали и во внутренней, и в причерноморской Фракии еще в раннеантичное время. Некоторым подтверждением этого положения могут служить открытые в разных местах Болгарии каменные площадки со стоками и цистерны, которые исследовавший их Д. Цончев с основанием считает приспособлением для выработки вина и датирует (по крайней мере часть из них) еще гальштаттской эпохой[66]. Интересно свидетельство братьев К. и Х. Шкорпил о том, что современное население северо-восточной Болгарии называло такие площадки *шарап-таш*, т. е. «винные камни», и связывало их с изготовлением вина. Сами Шкорпилы ошибочно считали эти сооружения жертвенными камнями[67]. Такие давильни бывают как стационарные, вырубленные в скале, так и передвижные, сделанные из каменных плит. Они найдены или зарегистрированы по всей территории Болгарии — в Пловдивском, Старо-Загорском, Софийском, Сливенском, Варнском, Ямбольском, Хасковском, Тырновском и других районах.

Раннее возникновение виноградарства у фракийцев косвенно подтверждается и нумизматическими данными. Дионисические сюжеты — основное содержание типологии ранних фракийских племенных монет VI—V вв. до н. э.[68]. Правда, распространение культа Диониса в эту раннюю эпоху не следует связывать обязательно с развитием виноделия, так как первоначально бог Дионис имел функции покровителя не только виноградарства и виноделия, но и земледелия вообще. Однако на монетах фракийских властителей из племени одрисов конца V в. до н. э. и последующего времени присутствуют символы, несомненно относящиеся уже к собственно виноделию, а не только к культу Диониса, да и сам культ Диониса к этому времени стал пониматься главным образом как культ покровителя виноделия и виноградарства. Так, на монетах V и IV вв. до н. э. фракийского царя Амадока I (Медока) встречаем изображение виноградной лозы и грозди. Монеты современных ему владетелей Бергея, Саратока, Тереса II украшены изображениями грозди, лозы, са-

[66] *Д. Цончев.* Старините около Хасковските топло-минерални извори. ГНБП, 1937/1939, стр. 306 сл.; *D. Končev.* Contribution à l'etude de la viticulture et de la vinification dans l'antiquité et au Moyen âge en Bulgarie. AAPh SA, Sofia, 1963.

[67] *К. и Х. Шкорпил.* Североизточна България в географическо и археологическо отношение. СНУНК, VII, 1892, стр. 66

[68] *Т. Д. Златковская.* Ранние монеты южнофракийских племен. (К вопросу о происхождении культа Диониса.) НЭ, VII, 1968, стр. 3—22.

тира, амфоры, ойнохои[69]. Вряд ли можно сомневаться в том, что все эти сюжеты попали в монетную типологию одрисов не случайно.

Все сказанное свидетельствует о том, что земледелие у фракийцев не только было развито достаточно широко, но и стояло на весьма высоком по тем временам уровне. В современной литературе встречается иногда утверждение, что фракийцы, по крайней мере в ранний период, стояли на весьма низкой ступени развития и занимались преимущественно примитивным скотоводством, ведя кочевой или полукочевой образ жизни. Нам уже приходилось в нашей работе, посвященной истории Мёзии, возражать против этого взгляда применительно к эпохе, предшествовавшей римскому завоеванию. Но, не занимаясь тогда историей Фракии более ранних эпох, мы допускали возможность такой характеристики фракийцев времен Геродота. Теперь мы вынуждены решительно отказаться от такого допущения. Более того, нам представляется необходимым возражать и против того представления о сравнительно слаборазвитой экономике Фракии и относительно низком культурном уровне ее населения, которое высказывал, например, в некоторых своих старых работах Х. Данов[70]. Следует признать, что на протяжении всей античной эпохи земледелие составляло основу хозяйственной жизни большинства фракийских племен и было достаточно интенсивным, чтобы обеспечить сравнительно высокий уровень жизни самих фракийцев и доставить возможность фракийской знати вести широкую экспортную торговлю хлебом.

Приведенные данные о состоянии главной отрасли хозяйства фракийцев свидетельствуют о сравнительно высоком для античного времени уровне его развития, обеспечившем появление прибавочного продукта и возникновение товарного производства. Эти обстоятельства были основой для появления имущественного, социального расслоения и эксплуатации, которые лежат у истоков классового общества и государства[71].

2. РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Приступая к рассмотрению ремесленного производства во Фракии, я имею в виду не только констатировать высокий уровень его, но и проследить зарождение и развитие межфракийских экономических связей, подготовивших, как мне представляется, возникновение первого крупного фракийского политического объединения. Так как изучение под таким углом зрения всех видов ремесла фракийцев заняло бы в этой ра-

[69] *В Добруски.* Исторически поглед., стр. 577—581, 623—625, табл. I, *8, 10, 12*; III, *1, 2, 4—8* и рис. на стр. 577 и 578; МТЦ, стр. 203—207, табл. I, *12—18, 22—24, 26, 29, 30, 33—35, 37*; VIII, *21*; HN, p. 283.

[70] *Т. Д. Златковская.* Мёзия в I—II вв. н. э., стр. 13; *Х. М. Данов.* Из древната икономическа историята..., стр. 198—199.

[71] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 23, стр. 520; т. 26, ч. I, стр. 19—20.

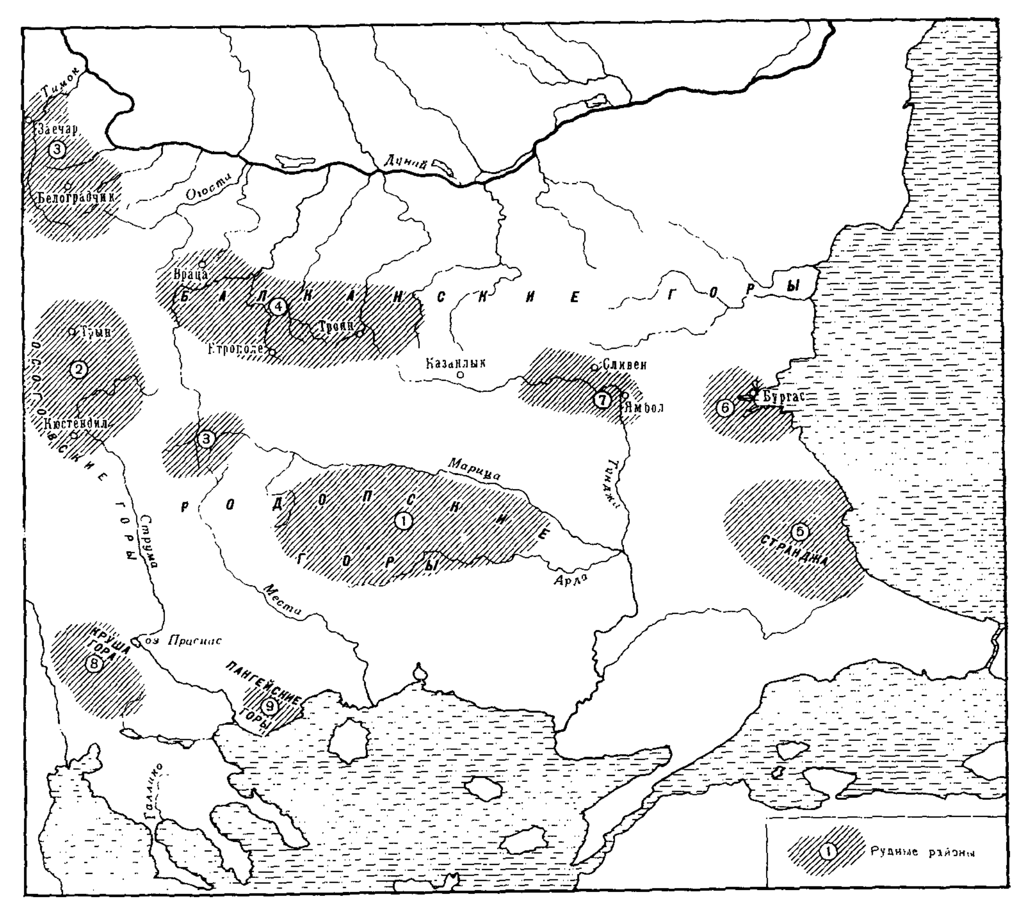
боте непропорционально много места, я сочла целесообразным исследовать две, но зато основные отрасли ремесленного производства Фракии: во-первых, металлургию и металлообработку и, во-вторых, гончарство.

МЕТАЛЛУРГИЯ И МЕТАЛЛООБРАБОТКА

Металлургия и металлообработка были ведущими отраслями ремесленного производства у фракийцев. Обилие рудных месторождений в разных районах Фракии и богатство страны лесом создавали благоприятные условия для раннего развития добычи металлов – меди, серебра, золота, железа. Правда, античная литературная традиция сохранила очень мало сведений о горнодобывающей промышленности у фракийцев. Грекам были хорошо известны только золотые и серебряные рудники в Эгейской Фракии — Скаптесиле, Пангей, Датос. Эти рудники часто упоминаются у античных писателей разного времени[72]. Благодаря этим разработкам и вся Фракия рассматривалась иногда как область, очень богатая золотом и серебром. О добыче полезных ископаемых в глубинных областях Фракии античные авторы ничего не сообщают, но косвенным свидетельством металлодобывающей деятельности в Родопских горах служит прочно установившаяся в античном мире репутация племени бессов как хороших шахтеров. Вегеций называет бессов лучшими строителями штолен и подкопов при осадных работах, само минное дело получило в позднем Риме название cuniculi unore Bessorum. О добывании бессами золота упоминается в оде ноланского епископа Паулина (*Paul. Nolan.*, Carm., XVII) Впрочем, в последнем случае под бессами могут пониматься фракийцы вообще.

Гораздо больше, чем литературная традиция, могут дать для характеристики древнего фракийского горнодобывающего производства археологические памятники. Во многих районах Фракии, главным образом в горных, встречаются остатки древних шахт, плавильных печей, скопления шлаков и другие следы металлургического ремесла. К сожалению, в огромном большинстве случаев эти памятники не могут быть датированы и чаще всего приписываются деятельности римлян или позднейших средневековых саксонских рудокопов. Существует старая традиция самое введение горнодобывающего производства во Фракии приписывать римлянам. Хотя это представление противоречит богатым археологическим данным, свидетельствующим об очень интенсивной металлообработке, существовавшей во Фракии еще в бронзовую эпоху, оно дожило до наших дней. Изучение древних рудников и остатков металлургического производства во Фракии является насущной задачей, но и сейчас уже можно твердо говорить о том, что многие рудные месторо-

[72] *Herod.*, VI, 47; VII, 112; *Ps.-Eurip.*, Rhesos, 972; *Thuc.*, I, 100, IV, 105; *Xenoph.*, Hell., V, 2, *Liv.*, XLV, 29; *Diod.*, XXXI, 8, 5; *Strabo*, VII, 7, 4; fr 33, 34; *App.*, Bell. civ., 443 и др. (см. *P. Perdrizet* Skaptésylé. «Klio», X, 1910).

Карта 2
Рудные районы Фракии

ждения эксплуатировались в доримское время, в частности в интересующую нас раннежелезную эпоху.

Одним из важнейших горнодобывающих и металлургических районов были Центральные Родопы, откуда происходит множество местных бронзовых и железных изделий VII—V вв. до н. э., где открыты остатки печей для плавки руды, шлаки и т. п. (карта 2, *1*). Вероятно, древние разработки железных руд были и в Западных Родопах, но с большей уверенностью можно говорить о древней разработке руд на крайнем западе Фракии, в Осоговских горах и в районе Трына (карта 2, *2*): этот район уже в раннежелезное время был центром разработки серебряных, а может быть, и золотоносных руд.

Большие возможности для развития горнодобывающих и металлообрабатывающих ремесел давали и Балканские горы. Здесь в северо-западном углу Фракии, в районе современных Заечара и Белоградчика разрабатывались пириты и халкопириты (возможно, и свинцово-серебряные руды) (карта 2, *3*). Другим источником металлургического сырья был большой район, тянувшийся от совр. Врацы к юго-востоку до городов Етрополе и Трояна, где добывали железо, медь и серебро (карта 2, *4*).

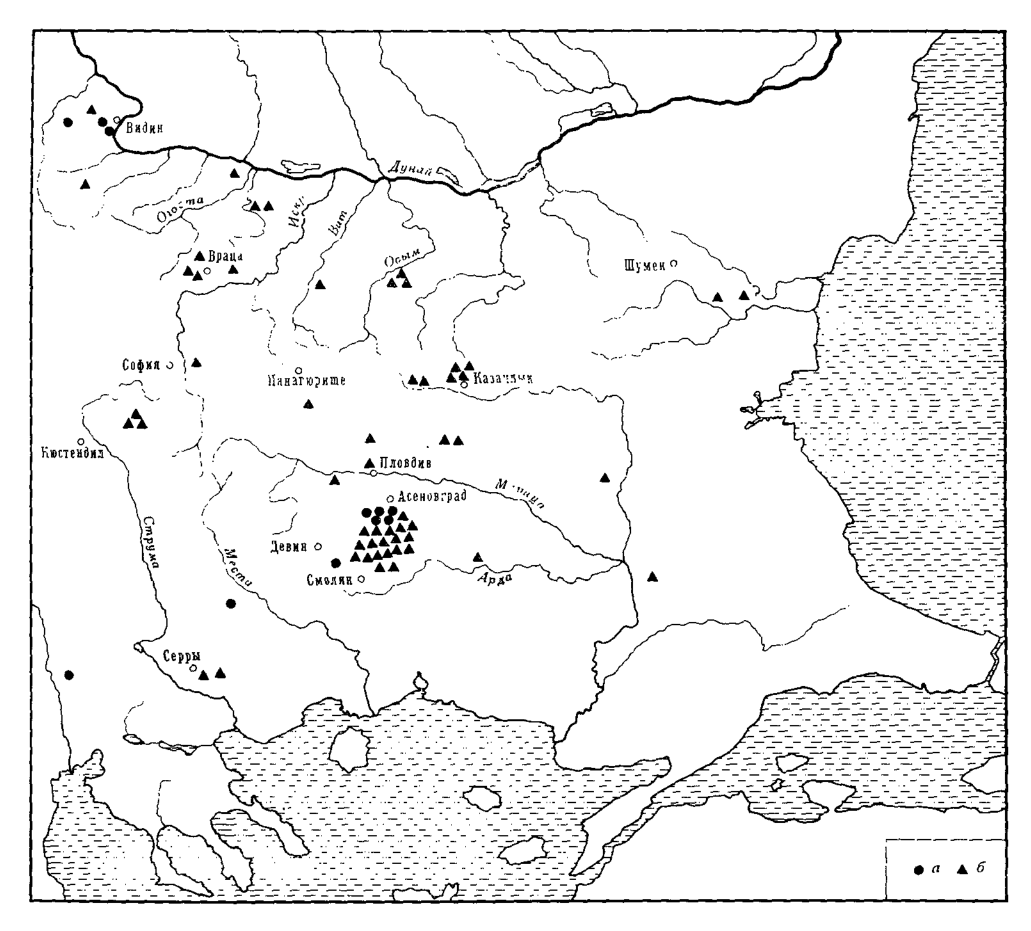
Для восточной Фракии с уверенностью можно говорить о добыче металла в Странджа Планина (медь и железо) (карта 2, *5*) и в окрестностях Бургаса (медь) (карта 2, *6*). Эксплуатация медных и железных руд производилась в бассейне Тунджи, в районе Ямбола и Сливена (карта 2, *7*), но у нас нет данных для определения древности находимых здесь следов рудничной деятельности.

Много сведений сохранилось о добыче серебра и золота в Эгейской Фракии — в бассейне р. Галликон и гор Дизорон (Круша Планина), около озера Прасиас (карта 2, *8*). Важнейшим же центром был здесь район Пангейских гор (карта 2, *9*) [73].

Рассмотренные районы разработки железных и медных руд и добычи драгоценных металлов имели очень большое значение в экономической жизни Фракии. Они стали центрами, откуда металлические изделия, а иногда и металл распространялись по всей Фракии. Главным из таких центров являлись, видимо, Центральные, а отчасти и Западные Родопы. Большое значение имел и металлургический центр в западной части Балканского хребта (совр. районы Врацы, Етрополе, Трояна и северо-западнее — Заечарско-Белоградчикский район). Для западной Фракии весьма существенны были производственные центры в районах Трына, Кюстендила и Осоговских гор, а также добывающий район в низовьях р. Стримона, включая Пангейские горы. Меньшее значение имели металлургические центры в Странджа Планина, в Восточных Родопах и в некоторых других районах Фракии.

Один из симптомов появления общефракийских связей следует усмотреть в том, что металлообработка производилась и в тех районах, где руда не добывалась и куда металл доставлялся в слитках. Так, раскопки Севтополя и его курганного некрополя позволяют утверждать наличие в городе производства металлических украшений и других предметов. При раскопках кургана 1 в с. Копринке найдены бронзолитейные формы. Между тем древняя добыча медных руд в районе Казанлыка не засвидетельствована. Литейные формочки найдены и в других местах, например в крепости Голям Острец к юго-западу от Севлиево. Показательны наблюдения Ц. Дремсизовой над железными изделиями из могильника у с. Янково и из других находок района совр. Шумена. Она пришла к выводу, что эти железные предметы имеют местное происхо-

[73] Подробнее вопрос о центрах горнодобывающих районов во Фракии разобран нами в специальной статье (*Т. Д. Златковская, Д. Б. Шелов.* Фибулы Фракии VII—V вв. до н. э. СА, 1971, № 4), где дана библиография по этому вопросу.

Карта 3
Распространение очковых (а) и однопружинных (б) фибул

ждение и изготовлены все в одной железоделательной мастерской или в близко расположенных мастерских, связанных между собой и влиявших друг на друга в отношении техники, моделей и пр. Это было возможно лишь в том случае, если эти мастерские находились где-то в том же районе, т. е. в значительном отдалении от железодобывающих центров. Эти и подобные им примеры свидетельствуют, что не только готовые изделия из металла (о них мы будем говорить дальше), но и металл как сырье являлись во Фракии объектом торговли и перевозились на большие расстояния из мест его добычи и выплавки к металлообрабатывающим мастерским.

Отсутствие комплексов, связанных с металлообрабатывающим производством, и редкость находок инструментов или форм, к этому про-

изводству относящихся, заставляют обратиться для выяснения уровня развития бронзолитейного, ювелирного и кузнечного ремесел к самим изделиям ремесленников. Особенно благоприятным объектом для такого изучения являются фибулы, выделывавшиеся обычно из бронзы или серебра, но иногда и из железа и золота. Фибулы могут быть взяты в качестве показательного материала, во-первых, потому, что они представлены многими локальными и хронологическими типами и вариантами и дают представление о распространении металлических изделий; во-вторых, они достаточно широко применялись всеми слоями населения и могут считаться характерными для культуры фракийцев; в-третьих, фибулы сравнительно хорошо датируются; в-четвертых, фибулы всегда привлекали к себе внимание исследователей и благодаря этому большинство их находок опубликовано и может быть привлечено в нашем обзоре.

Эти соображения дают основание избрать именно фибулы в качестве предмета исследования для некоторых заключений, касающихся экономических предпосылок политической консолидации Фракии[74].

Самыми древними из фибул раннего железного века на фракийской территории были, пожалуй, так называемые очковые фибулы (см. рис. 2, *3*). Широко распространенные в первой половине I тысячелетия до н. э. по всему району гальштаттской культуры, особенно в западной части Балканского полуострова, эти фибулы встречаются и на территории западной Фракии. Иллирийское происхождение этой формы фибул ни у кого не вызывает сомнения. Но можно предполагать, что бронзовые очковые фибулы, найденные во Фракии, здесь же и выделывались. Об этом говорит самый район их распространения: они встречаются почти исключительно в Центральных Родопах, в древнем центре бронзолитейного производства, между современными городами Асеновградом и Смоляном. Датируются местные очковые фибулы VIII—VII вв. до н. э.

Находки этих наиболее ранних фибул расположены кучно, в районе добывания руд в Центральных Родопах и почти не выходят за его пределы (см. карту 3, *а*).

Перейдем к рассмотрению второго вида фибул — дуговидных однопружинных, распространенных на Балканах в раннежелезную эпоху, легко выделяющихся от остальных фибул благодаря форме своей дужки (рис. 2, *1*). Они датируются несколько более поздним временем, главным образом VII—VI вв. до н. э.

За исключением одной (фессалийской) разновидности этого типа, все дуговидные однопружинные фибулы имеют центром своего распространения тот же небольшой район Центральных Родоп между Асеновградом и Смоляном, где концентрировались и находки очковых фибул и где находился важнейший очаг древней металлургии. В этом районе най-

[74] Более подробный разбор центров производства фибул во Фракии VII—V вв. до н. э., распространение их из этих центров по разным областям страны, а также библиографию по этим вопросам см.: *Т. Д. Златковская, Д. Б. Шелов.* Указ. соч.

дено более трети всех дуговидных однопружинных фибул. Видимо, здесь производилась выработка этих фибул, хотя исходные формы их имели южное происхождение (греческое островное или материковое). Однако (в отличие от более ранних фибул) из Центральных Родоп эти фибулы по удобным речным путям проникали в бассейн рек Марицы и Тунджи, а также в северо-западную Фракию, к племенам Дунайского бассейна, жившим по рекам Осым, Вит, Искр и Огоста, реже они доходили до северо-восточной Фракии (в район совр. Шумена). Одну из разновидностей фибул этого типа (фессалийскую) изготовлял еще один центр производства, расположенный на севере, в районе совр. г. Врацы, что свидетельствует о включении и северных областей в активную производственную деятельность (см. карту 3, *б*).

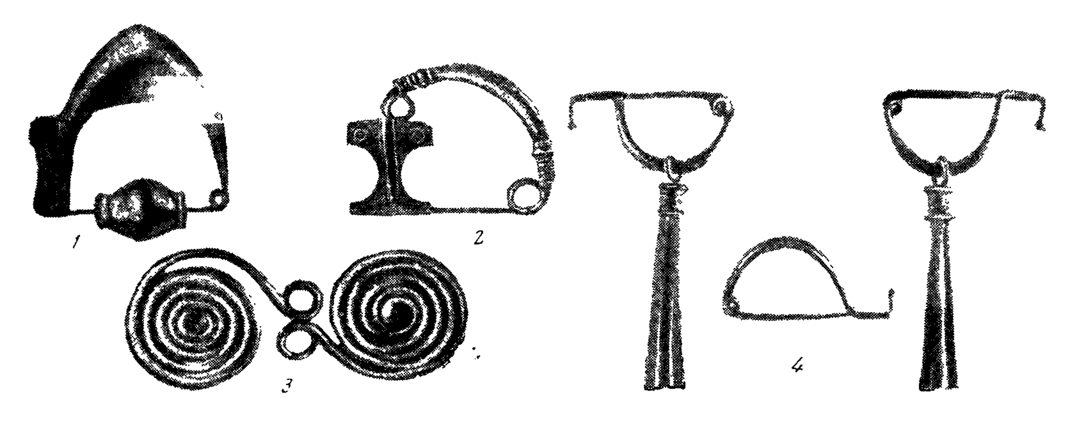
Таким образом, пользуясь материалом распространения однопружинных фибул VII—VI вв. (т. е. во время, непосредственно предшествующее возникновению Одрисского царства), мы можем отметить нарастание общефракийских экономических связей. Эти связи проявлялись в появлении общефракийских обмена и торговли, о чем можно судить на основании проникновения фибул этого времени в области, далеко расположенные от центров их изготовления.

Следующую большую группу составляют двупружинные дуговидные фибулы. Принято считать, что двупружинные фибулы являются дальнейшим развитием однопружинных дуговидных фибул. В появлении второй спиральной пружины с основанием видят варварское влияние на первоначальный греческий тип фибулы. Датируются двупружинные фибулы весьма приблизительно, обычно VII—VI вв. до н. э. (рис. 2, *2*).

На основании данных о местах производства и ареале двупружинных фибул можно также сделать некоторые выводы (карта 4). Одним из центров их производства по-прежнему остаются Центральные Родопы, где изготовлялись фибулы одной из разновидностей этого типа — узелковые. (рис. 4, *в*). Отсюда узелковые фибулы попадали на север Фракии, достигая бассейна Дуная (от р. Вит и далее к востоку до припонтийского района вблизи современной Варны). В это же время на северо-западе Фракии в междуречье Искра и Огосты в районе совр. г. Врацы четко выделяется и другой центр производства двупружинных фибул, изготовлявший фибулы двух других разновидностей этого типа — с треугольным и прямоугольным приемником (рис. 4, а, б). Продукция этого центра также широко распространялась по всей Фракии от верхнего и нижнего течения Струмы и Тимока на западе до р. Русенский Лом на востоке, от р. Дуная на севере до Родоп и нижней Струмы на юге.

К концу VI в. до н. э. фибулы всех рассмотренных типов выходят из употребления и им на смену приходят однотипные дуговидные фибулы, получившие в болгарской научной литературе наименование фракийских. Эти фибулы распространены в очень большом количестве по всей Фракии и почти совсем не встречаются за ее пределами (рис. 2, *4*).

Принято считать, что фибулы фракийского типа произошли от более ранних однопружинных дуговидных фибул, которых они сменяют где-то на рубеже VI и V вв. до н. э. Материалы о центрах производства

2. Фибулы VIII—V вв. до н. э. из Фракии

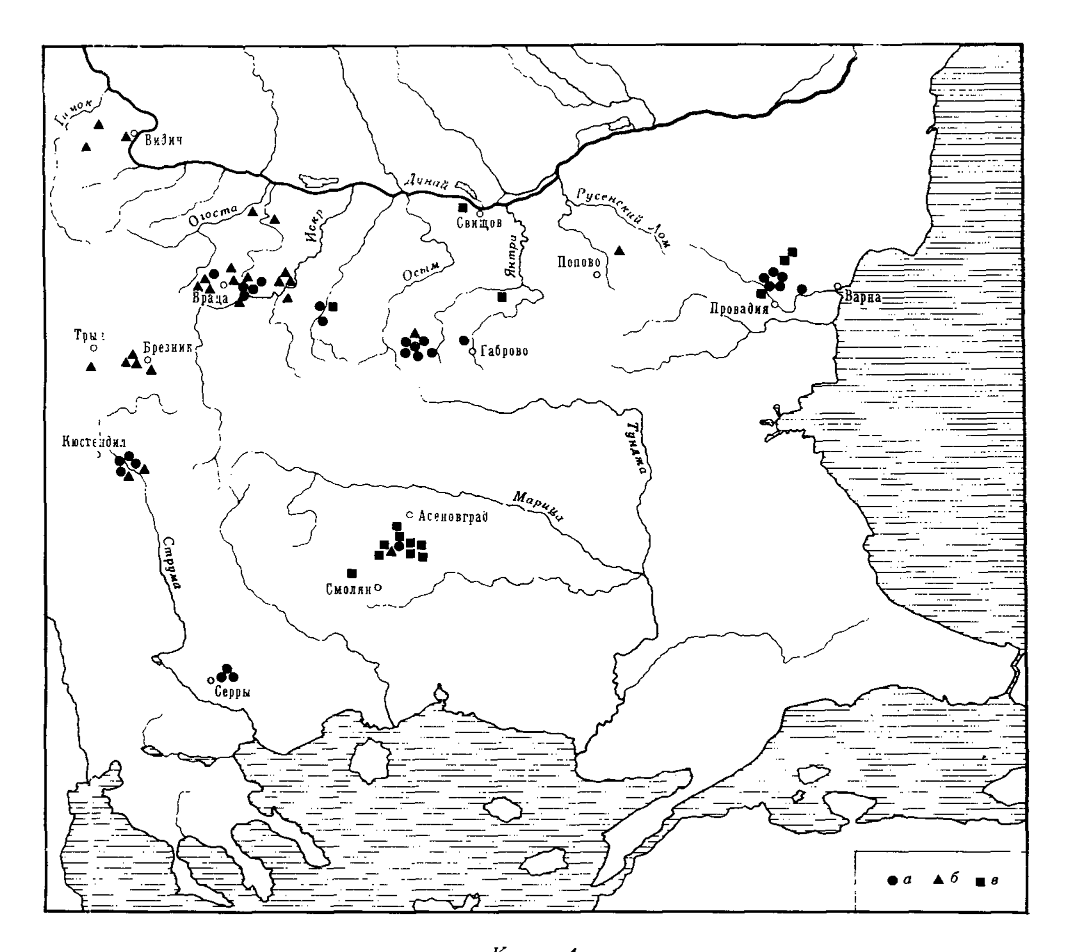
1 — ладьевидная, *2* — двупружинная, *3* — очковая; *4* — фракийского **типа. (Две** фибулы по бокам — с подвесками)

и распространении этих наиболее поздних из разбираемых фибул еще более определенно указывают на экономические связи, которыми была охвачена вся страна (карта 5). Появляется новый производственный район в северо-восточной Фракии, в междуречье современных Камчия и Провадийской реки (район Варны), где производят фибулы I разновидности фракийского типа, вероятно, на привозном сырье. Радиация его деятельности также широка, охватывая север и юг страны, но она не заходит на крайний северо-запад. Продолжает проявлять значительную активность производственный центр на юге, в Родопах, где производятся главным образом фибулы II разновидности этого типа. Его продукция распространяется в бассейне Дуная, как в северо-западной, так и в северо-восточной Фракии. В междуречье Искра и Огосты по-прежнему интенсивно функционируют металлические мастерские, изготовлявшие фракийские фибулы III разновидности также и для всей западной (до р. Янтра) части страны.

Очень важно то обстоятельство, что с VI в. до н. э. вся Фракия производит единый вид этой металлической продукции, хотя центры производства находятся в различных, часто отдаленных областях страны. Симптоматично и то, что этот вид имеет местную, чисто фракийскую форму, не заимствованную от иноземных образцов, как это можно было отметить в отношении более ранних видов.

Рассмотрение фибул, употреблявшихся во Фракии в VII—V вв. до н. э., позволяет сделать некоторые выводы, достаточно важные прежде всего для определения общего уровня производства во Фракии в раннежелезную эпоху.

На протяжении всего этого времени во Фракии производились фибулы разного типа, либо по ввозимым извне образцам, либо собственных оригинальных моделей. Производство это было организовано на базе использования местных металлических руд в разных областях

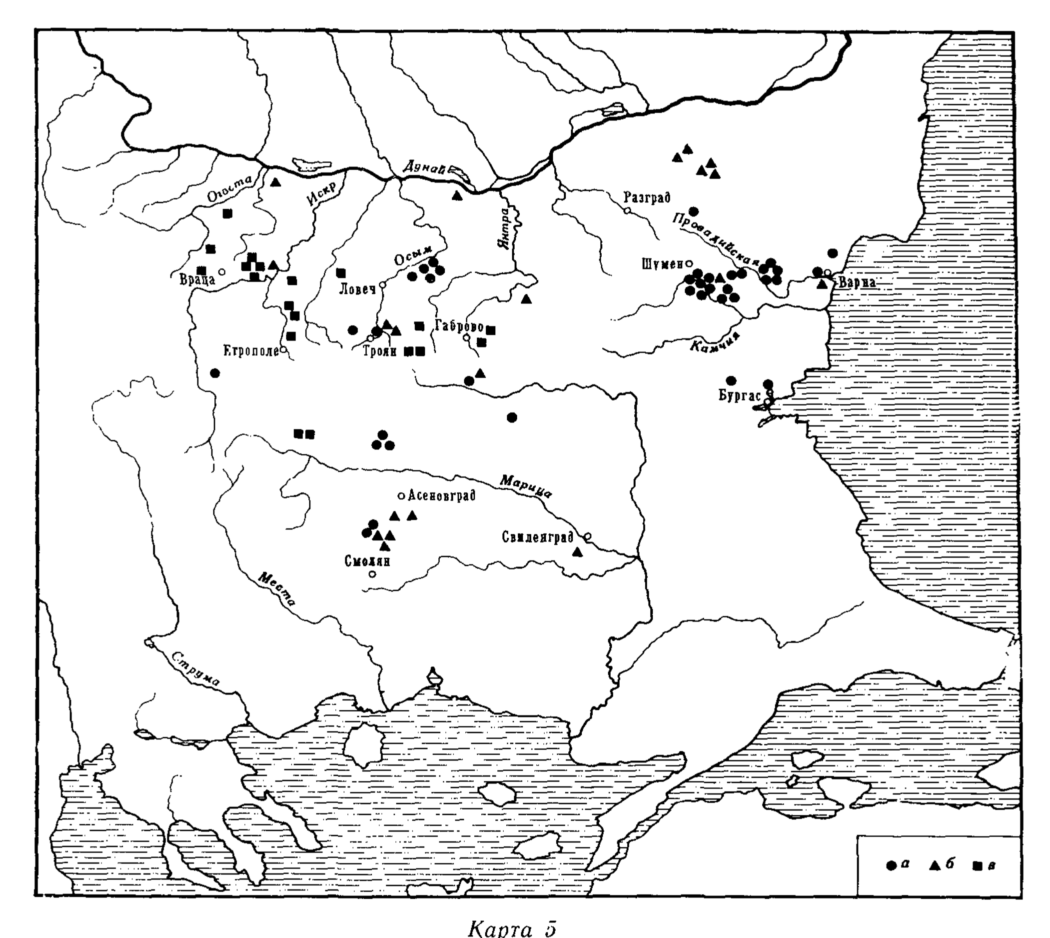
Карта 4

Распространение двупружинных фибул

а — фибулы I разновидности, *б* — фибулы II разновидности, *в* — фибулы III разновидности

страны, в том числе в Центральных Родопах, во Врачанско-Егропольско-Троянском районе, в областях Кюстендила — Трына и, возможно, в районе Провадии. Первоначально изготовлялись фибулы из бронзы, а потом и из железа, серебра и золота. Фибулы, производимые в разных областях Фракии, имели довольно большое распространение за пределами производящего района, иногда на всей территории страны, что говорит о высокой товарности производства и широко развитой торговле металлическими украшениями у фракийцев.

Эти данные дают также возможность наметить те этапы и пути в развитии экономики Фракии VII—V вв. до н. э., которые, как нам ка-

Карта 5

Распространение фибул так называемого «фракийского типа»

а — фибулы I разновидности, *б* — фибулы II разновидности, *в* — фибулы III разновидности

жется, приближали страну к возникновению политического единства. В VIII—VII вв. до н. э. это производство было основано на местном сырье и обслуживало нужды соседнего племени или союза племен. С VII—VI вв. до н. э., т. е. со времени, непосредственно предшествующего возникновению Одрисского царства, можно отметить нарастание общефракийских экономических связей. Они проявились в проникновении изделий в области, далеко расположенные от центров их производства, что указывает на возникновение торговли или обмена между различными фракийскими племенами. Так, из района Центральных Родоп, населенных главным образом племенами бессов, фибулы проникали в между-

речье Марицы и Тунджи, где жили племена одрисов, артакиев, койлалетов и тех же бессов.

Очень насыщены изделиями из южных родопских центров и области Дунайского бассейна от р. Огосты на западе до восточных областей Фракии и Пропонтиды, т. е. области трибаллов, мёзов, гетов, кробидзов, теридзов и других северофракийских племен.

Другой крупный производственный центр металлических изделий, функционировавший на северо-западе, в междуречье Огосты и Искра, расположенный в областях расселения трибаллов, снабжал своими изделиями племена к югу от него, на верхней и нижней Струме — сердов, денгелетов, одомантов и др., а также и к востоку, до р. Русенский Лом, т. е. мёзов, уздиценсов и другие северные и северо-восточные племена.

Весьма существенно, что распространение разобранной нами металлической продукции четко укладывается в те границы, которые, судя и по литературным свидетельствам, составляли пределы Одрисского царства[75]. Это обстоятельство было одним из симптомов создания общефракийского экономического единства, послужившего основой возникающей политической организации.

Появление в самом конце VI—V в. до н. э. единого общефракийского типа фибул («фракийский тип») нельзя не связать с усилением процесса экономической и политической консолидации фракийских племен, который начался в более раннее время. Проявлением этого было создание общефракийских типов материальной культуры, некоторой унификации металлической продукции, изготовляемой по всей стране. Использование привозного сырья из соседних или отдаленных мест было еще одной стороной этого же процесса.

Фибулы фракийского производства могут служить как бы эталоном при определении фракийского происхождения других металлических украшений и утвари. Сравнение форм, технических приемов изготовления, состава металла, системы украшений и т. п. позволяет прийти к заключению о местном происхождении многих других бронзовых, серебряных и железных изделий раннефракийской эпохи: браслетов, гривен, золотых нагрудников, некоторых типов металлических сосудов, а также вооружения (мечи, шлемы, панцири, щиты, копья, стрелы), конского снаряжения и других металлических предметов, встречаемых главным образом во фракийских погребениях.

[75] Отсутствие находок на юге, в Эгейской Фракии и в районе между Тунджей и Черным морем, объясняется, вероятно, отсутствием здесь значительных археологических изысканий по фракийской культуре.

КЕРАМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Керамическое производство в ранней Фракии исследовано пока гораздо слабее, чем металлообработка. Эта объясняется рядом причин.

Производственные комплексы — гончарные мастерские, обжигательные печи — до сих пор не найдены. Раннефракийские поселения, которые могли бы дать большое число керамических обломков, почти совершенно еще не раскапывались, а богатые фракийские гробницы, которые дают нам основные сведения о вооружении, украшениях, парадной утвари фракийской знати, почти совсем не содержат простой обиходной керамики. Все эти обстоятельства чрезвычайно затрудняют общий обзор керамического производства Фракии интересующей нас эпохи и делают его до известной степени фрагментарным.

Только недавно начато систематическое исследование рядовых фракийских могильников, главным образом в северо-восточной Болгарии и в Румынии, которые позволяют составить представление о наборе бытовых сосудов фракийского населения эпохи образования фракийского царства [76].

В недавнее время Д. Пончевым [77], а затем М. Чичиковой [78] были сделаны первые попытки общего рассмотрения фракийской керамики доэллинистического и эллинистического времени.

Согласно исследованию М. Чичиковой [79], многие фракийские керамические формы периода раннего железного века в ряде случаев продолжают традиции более ранней бронзовой эпохи: канфаровидные сосуды, плоские или глубокие чаши с высокими ручками и др. Хотя некоторые формы этой керамики связывают ее с культурами раннего железного века Центральной Европы и северо-запада Балкан (Словакия, Венгрия, Румыния, Югославия), а также с одновременными культурами Греции и Малой Азии [80], невозможно сомневаться в том, что все эти раннефракийские сосуды, сделанные без гончарного круга, являются местной продукцией.

[76] *М. Мирчев.* Раннотракийският могилен некропол при с. Равна. ИБАИ, XXV, 1962; *он же.* Тракийският могилен некропол при с. Добрино. ИНМВ, I (XVI), 1965; *Ц. Дремсизова.* Надгробни могили при с. Янково. ИБАИ, XIX, 1955; *она же.* Могилният некропол при с. Бранчево (Коларовградско). ИБАИ, XXV, 1962; *Ц. Дремсизова-Нелчинова.* Могилен некропол при с. Друмево, Коларовградско. «Археология», 1965, № 4; *она же.* Тракийски некропол в с. Кюлевча, Шуменско. «Археология», 1966, № 4; *Л. Геров.* Могилни погребения при с. Долно Сахране, Старозагорско. ИБАИ, XXVIII, 1965; *А. Милчев.* Археологическо проучване в Севлиевско и Троянско. ГСУ ФИФ, L, 1, 1957 и др.

[77] *Д. Пончев.* Сивата тракийска керамика в България. ГНМП, III, 1959.

[78] *M. Cičikova.* Développement de la céramique thrace à l'époque classique hellénistique. AAPh SA, Sofia, 1963.

[79] *М. Чичикова.* Керамика от старата желязна епоха в Тракия. «Археология», 1968, № 4, стр. 15 сл.

[80] Там же, стр. 17 сл.

Принято считать, что только введение в употребление гончарного круга является надежным свидетельством выделения керамического производства как ремесла[81]. Но это не значит, что после введения круга вся керамическая продукция становится ремесленной, а домашнее приготовление глиняной посуды исчезает и что до появления круга все гончарство имело домашний характер и не выделилось еще в особую отрасль ремесленного производства. В частности, во Фракии уже в VIII—VII вв., по-видимому, существовали специализированные мастерские, выделывавшие обиходную керамику, хотя и без применения гончарного круга. Об этом свидетельствует прежде всего чрезвычайно высокий профессиональный уровень изготовления некоторых глиняных сосудов этого времени[82]. В пользу этого предположения говорит и известная стандартизация форм и широкое распространение однотипных сосудов[83].

О профессиональном ремесленном изготовлении глиняных сосудов говорит, по нашему мнению, и тот факт, что некоторые из них точно повторяют формы металлических изделий этого времени, в частности золотых сосудов Вылчитрынского клада[84]. Подобное явление очень хорошо известно в ремесленном керамическом производстве более поздних эпох, в том числе и в античном мире, и, как увидим, во фракийской круговой керамике V—IV вв. до н. э.

Гончарный круг появился во Фракии в конце VI в. до н. э.[85]. Одним из наиболее ранних комплексов, в котором встречаются местные сосуды, изготовленные на гончарном круге, является фракийский курганный могильник у с. Добрино Провадийского округа, датируемый исследовавшим его М. Мирчевым концом VI и первым десятилетием V в. до н. э.[86] Но таких сосудов в этом некрополе найдено всего 4, тогда как лепных — более 70. В ранних погребениях расположенного сравнительно недалеко Равненского некрополя (Равна I), относящихся, по-видимому, к тому же времени, что и некрополь при Добрино, сосуды, сделанные на гончарном круге, совсем не встречаются. Зато в более поздних могилах того же некрополя у Равны, принадлежащих уже V в. до н. э. (Рав-

[81] См. например: *Д. П. Димитров.* Севрополь — фракийский город близ с. Копринка Казанлыкского района. СА, 1957, № 1, стр. 199.

[82] См., например, сосуд из Царевграда (Енджe): *Р. Попов.* Могилните гробове при с. Енджe. ИБАИ, VI, 1923, стр. 101, рис. 96.

[83] Укажем, например, высокие биконические сосуды VI—V вв. с языкообразными выступами, часто служившие урнами в некрополях. Они встречаются не только по всей северо-восточной Болгарии, от Черного моря до Осыма, но и на левом берегу Дуная, в Румынии, т. е. на всей территории расселения гето-мезийских племен.

[84] *В. Миков.* Златно съкровище от Вълчитрън. София, 1958, стр. 29 сл. Мы имеем в виду чаши с вертикальными ручками из Новграда Свищевского округа (там же, стр. 30—31, рис. 18), Нове (ИБАИ, XXX, 1967, стр. 100, рис. 32, *а*), Островул Марe (MAIV, 1953, стр. 613, табл. XXXVI) и др.

[85] *М. Чичикова.* Керамика от старата железна епоха, стр. 24; *М. Čičikova.* Développement de la céramique thrace, p. 42.

[86] *М. Мирчев.* Тракийският могилен некропол при с. Добрино, стр. 52—53.

на II), мы находим наряду с лепной посудой большое число сосудов, сделанных на гончарном круге: кратеровидные урны, миски, кувшины и пр.[87].

В течение V в. до н. э. поделка керамики на круге стала применяться гончарами по всей Фракии: кружальная посуда местного изготовления этого времени встречается во многих археологических комплексах как Южной Фракии (Езерово, Пловдив, Дуванлий, Долбоки, Байлово и др.), так и к северу от Балканского хребта (упоминавшиеся уже некрополи Добрино и Равна, Кюлевча, Деветак, Александрово, Обретеник и др.). Эта посуда довольно разнообразна по формам, но ее объединяют некоторые технические признаки, отличающие местную фракийскую керамику от привозных керамических изделий[88]. Обычно эта посуда в болгарской литературе именутся «сивой фракийской керамикой» из-за присущего большинству сосудов темно-серого цвета, хотя среди этой группы встречаются и красноглиняные экземпляры. Принадлежность всей этой группы местному фракийскому производству ни у кого сомнения не вызывает[89].

Уже в V—IV вв. до н. э. фракийские керамисты достигли большого мастерства, воспроизводя на гончарном круге весьма сложные формы. Некоторые из них подражают греческим сосудам — расписным или чернолаковым амфорам V в. до н. э.[90], кратерам[91].

Гораздо более распространенными формами фракийской кружальной керамики, широко вошедшими в повседневный быт местного населения (притом не только богатой и аристократической верхушки, но и рядовых фракийцев), были глубокие миски с плоским дном и расходящимися кверху стенками, обычно несколько загнутыми внутрь[92]. Они встречаются во всех могильниках V—IV вв. до н. э. Почти столь же популярными были во Фракии и кувшинчики с вертикальной ручкой, петля которой поднималась над устьем сосуда[93]. Такие кувшинчики получают две вертикальные ручки, и форма их приближается к форме греческого канфара[94]. Позднее, в IV—III вв. до н. э., среди фракийской круговой керамики появляются и прямые подражания аттическим чернолаковым

[87] *М. Мирчев.* Раннотракийският могилен некропол при с. Равна.
[88] *Д. Пончев.* Сивата тракийска керамика, стр. 128—130.
[89] Там же, стр. 130—131; *К. Жуглев.* Разкопки и проучвания на могила № 1 — Копринка, II, СГУ ФИФ, XLIX, 2, 1955, стр. 113 сл.
[90] *И. Велков.* Могилни гробни находки от Брезово. ИБАИ, VIII, 1935, стр. 6, рис. 7.
[91] *Б. Филов.* Златен пръстен с тракийски надпис. ИБАД, III, 1913, стр. 211—212, рис. 122; 125; *он же.* Надгробните могили при Дуванлий, стр. 152, рис. 176; *M. Čičikova.* Développement de la céramique thrace, p. 42, fig. 4, *2, 4*; *М. Мирчев.* Раннотракийският могилен некропол при с. Равна, табл. XII, *4*; XIII, *5*; XVII, *3*; XXIII, *3*; XXVII, *4*; XXVIII, *5, 6*; *Ц. Дремсизова.* Могилният некропол при с. Браничево, рис. 2 и 6; *она же.* Надгробни могили при с. Янково, рис. 14; *она же.* Тракийски погребения от Коларовградско. ИНМК, II, 1963, табл. II, *1*; III, *1*; *М. Чичикова.* Тракийска гробница от с. Калояново, Сливенски окръг. ИБИД, XXXI, 1969, стр. 76, рис. 27.
[92] *M. Čičikova.* Développement de la céramique thrace, p. 43, pl. 6.
[93] Там же, рис. 5, *1, 2.*
[94] *Л. Гетов.* Могилни погребения при с. Долно Сохране, стр. 206, рис. 5.

канфарам[95]. Вообще среди этой группы фракийских сосудов весьма распространены подражания греческим формам[96].

Фракийские гончары использовали в качестве моделей для своих изделий не только античную керамику, но и греческие металлические сосуды[97].

Перечисленные сосуды не исчерпывают, разумеется, всех форм фракийской круговой керамики. Но они достаточно определенно характеризуют основное направление ее развития в V—IV вв. до н. э. Бросается в глаза, что почти все формы этой керамики тесно связаны с формами привозных античных глиняных или металлических сосудов. Фракийские керамисты, работая на гончарном круге, либо прямо воспроизводят эти привнесенные извне формы, либо лишь слегка видоизменяют их, сообразуясь с запросами местного населения[98]. Это явление может говорить о формировании самих навыков гончарного производства на круге у фракийцев под влиянием греческого керамического ремесла, о заимствовании гончарного круга фракийцами у греков. Переняв от греков эти технические достижения, фракийские мастера-керамисты, однако, сумели быстро овладеть новыми для них навыками и внедрить в быт своих соплеменников большое количество разнообразной и иногда весьма сложной по форме и выработке гончарной посуды.

По качеству фракийская керамика очень различна. В лучших своих образцах она не уступает привезенной античной керамике, но имеются и весьма грубо и небрежно сделанные сосуды. Это различие отмечает К. Жуглев при анализе местной керамики из кургана 1 у с. Копринка[99],

[95] *М. Чичикова.* Находка от глинени съдове при Згалево. ИБАИ, XVIII, 1952, стр. 346, рис. 352; *она же.* Développement de la céramique thrace, p. 47, fig. 10; *Д. Цончев.* Сивата тракийска керамика, стр. 99 сл., рис. 13—16; *Ц. Дремсизова.* Могилният некропол при с. Браничево, стр. 175, рис. 16, 2.

[96] Укажем, например, на сосуды в форме асков из Вырбицы, Злокучене, Казанлыка и Бузовграда.

[97] Например, широкие кратеровидные урны, сделанные в подражание античным бронзовым и серебряным сосудам, найдены в кургане 17 некрополя у Дуванлия, в могилах у Букьевцы Оряховского района и у Торос Луковицкого района (*Б. Филов.* Надгробните могили при Дуванлий, стр. 152, рис. 177; *В. Миков.* Материали от железната епоха. ИБАИ, XXI, 1957, стр. 300, рис. 9; *И. Велков.* Могилна гробна находка при Торос. ИБАИ, XI, 1937, стр. 417, рис. 200). Можно привести и другие примеры. Выше уже говорилось о распространении во Фракии в IV в. серебряных глубоких чаш с округлым дном, иногда украшенных каннелюрами. Одна такая чаша с гравированием и позолоченным орнаментом происходит из погребения у Вырбица (*Б. Филов.* Надгробните могили при Дуванлий, рис. 188, 189). И в том же погребении найден керамический сосуд, воспроизводящий ту же форму в серой глине (там же, рис. 200б). Глиняные чаши такой формы встречены также в Згалево и в Севтополе (*М. Чичикова.* Находки от глиняни съдове при с. Згалево. ИБАИ, XVIII, 1952, стр. 345, рис. 344; *M. Čičikova.* Développement de la céramique thrace, p. 43, fig. 7, *2*; ср. там же кернос из Севтополя, рис. 8). Следует упомянуть также о попытках фракийских гончаров воспроизвести специфическую форму бронзовых двуручных ситул (*Ц. Дремсизова.* Могилният некропол при с. Браничево, стр. 179, рис. 20; *она же.* Тракийският некропол в с. Кюлевча, стр. 43), широко распространенных в IV в. до н. э.

[98] *M. Čičikova.* Développement de la céramique thrace, p. 47—48.

[99] *К. Жуглев.* Разкопки и проучвания на могила № 1 — Копринка, II, стр. 113—115.

но вряд ли можно согласиться с его делением всей «сивой» керамики на «сивую фракийскую» и «обыкновенную сивую». Различие в качестве зависит, вероятно, от умения мастеров, от технических возможностей мастера и от того, на какого потребителя рассчитывал он свою продукцию. Освоение фракийскими мастерами гончарного круга и внедрение его в керамическое производство не вызвали исчезновения лепной посуды, изготовленной от руки. Как и в других античных обществах, в том числе и в самой Греции, лепная керамика продолжала употребляться наряду с круговой. Наблюдение над материалом показывает, что лепная керамика присутствует в том или ином количестве во всех значительных комплексах классического и эллинистического времени, погребальных и бытовых. При этом роль ее в хозяйственной жизни была не везде одинакова: в районах, отдаленных от торговых путей и ремесленных центров, особенно в горных, процент лепной посуды среди всех керамических находок значительно выше, чем, например, в бассейне Марицы или в прибрежных областях. Так, даже в горных районах Старой Планины, расположенных более или менее близко от наиболее развитых областей древней Фракии, круговая керамика V—IV вв. до н. э. занимает сравнительно небольшое место среди всех керамических находок[100]. Еще заметнее это в глубине Родопских гор, где в V—III вв. до н. э., видимо, в основном применялась лепная керамика[101]. Но эти выводы должны еще быть проверены при помощи подсчета керамических сосудов по разным районам не только по публикациям, но и по археологическим коллекциям музеев и археологических экспедиций. Пока они базируются только на общих впечатлениях и не могут считаться окончательными.

Здесь нет надобности рассматривать формы, орнаментацию, технику всей этой лепной керамики. Следует лишь указать, что, согласно распространенному мнению, она обязана своим происхождением деятельности не керамистов-профессионалов, а женщин-хозяек, которые делали такую посуду для употребления в собственном хозяйстве[102]. В отношении некоторой части лепной керамики это верно. Но и среди фракийской сероглиняной посуды, сделанной от руки, имеются сосуды, резко выделяющиеся из общей массы лепной керамики качеством глины и обжига. Эти сосуды очень близки к круговой фракийской керамике и иногда с трудом от нее отличимы. Издатели большого керамического комплекса из пещеры Деветаки подразделяют всю фракийскую (непривозную) посуду IV—I вв. до н. э. на три группы: 1) сосуды местного производства, сделанные от руки; 2) сосуды домашнего производства, сделанные от руки; 3) сосуды местного производства, сделанные на круге[103]. Керамика первой группы, хотя и изготовлена без гончарного

[100] *Л. Милчев.* Археологическо проучване в околностите на с. Мирково, Пирдопско. «Изследования в памят на Карел Шкорпил». София, 1961, стр. 417—419, 421; *он же.* Археологическо проучване в Севлиевско и Троянско, стр. 510—520.

[101] *М. Деянова, В. Найденова.* Археологически проучвания при с. Доспат, Смолянски окръг. «Родопски сборник», II. София, 1969, стр. 231—232, рис. 4 и 5.

[102] *M. Čičikova.* Développement de la céramique thrace, p. 40.

[103] *В. Миков, Н. Джамбазов.* Деветашката пещера. София, 1960, стр. 153, 160—161.

круга, видимо, принадлежит к изделиям специализированных керамических мастерских[104]. Выделение этой посуды пока только начато, но можно думать, что дальнейшее ее изучение позволит обнаружить новые стороны в развитии фракийского керамического ремесла.

Говоря о керамическом производстве, нельзя не упомянуть о выделке во Фракии керамики крупных форм — кирпича и пифосов. Изготовление обожженного кирпича было начато, видимо, в конце IV в. до н. э. По крайней мере, первые кирпичные постройки возникают здесь в это время — это погребальные склепы в Казанлыке и в окрестностях Севтополя[105]. Кирпич для этих построек изготовлялся здесь же, в Севтополе, причем следует указать на весьма развитые формы кирпичного производства: изготовление в деревянных формах не только прямоугольного, но и лекального кирпича и кирпича с косыми стенками для строительства купольных гробниц[106]. Наличие на кирпичах штемпелей подчеркивает ремесленный характер всего кирпичного производства. Вряд ли это производство могло возникнуть сразу в такой развитой и совершенной форме. Можно предполагать, что оно уже прошло к концу IV в. какой-то путь развития и что первые опыты выделки обожженного кирпича во Фракии относятся к несколько более раннему времени[107]. Может быть, некоторые навыки производства кирпича были получены еще раньше в процессе выделки сырцовых кирпичей, употреблявшихся во Фракии не только во времена существования Севтополя[108], но и значительно раньше, по крайней мере уже в первой половине V в. до н. э.[109]. Однако о ремесленном характере производства сырцовых кирпичей мы говорить пока не можем.

Изготовление пифосов во Фракии также известно с конца IV в. до н. э. благодаря находкам в Севтополе. И это производство выступает перед нами как вполне сложившееся ремесло, в котором были заняты многие мастерские, клеймившие свою продукцию разными штемпелями[110]. Клейма эти, равно как и встречающиеся на пифосах знаки, обозначающие вместимость сосудов[111], служат явным доказательством не только значительного развития керамического ремесла, но и высокого уровня товарности керамического производства.

[104] Ср. замечание К. Жуглева (Указ. соч., стр. 125).
[105] *В. Миков.* Античната гробница при Казанлък. София, 1954; *Д. П. Димитров.* Севтополь — фракийский город близ с. Копринка, стр. 211; *М. Чичикова.* Поява и употреба на тухлата като строителен материал у траките в края на IV и началото на III в. пр. н. е. ИБАИ, XXI, 1957, стр. 133—134.
[106] *М. Чичикова.* Поява и употреба на тухлата..., стр. 139 сл.
[107] Ср. *Д. П. Димитров.* Градоустройство и архитектура на тракийския град Севтополис. «Археология», 1960, № 1, стр. 15.
[108] *Д. П. Димитров.* Севтополь — фракийский город..., стр. 206; *он же.* Градоустройство и архитектура..., стр. 7, 10, 14.
[109] *Б. Филов.* Надгробните могили при Дуванлий, стр. 16, рис. 18.
[110] *М. Чичикова.* Печати с изображения на накити върху питоси от Севтополис. «Изследования в чест на акад. Д. Дечев». София, 1958, стр. 475 сл.; *M. Čičikova.* Les timbres sur pithoi de Seuthopolis. BCH, XXXII, 1958, p. 466 f.
[111] *Д. П. Димитров.* Севтополь — фракийский город.., стр. 212, рис. 15.

Изготовление амфарной тары во Фракии неизвестно. Среди амфарных материалов, находимых на поселениях и некрополях Фракии, пока не выделены экземпляры, которым могло бы быть приписано местное происхождение. Не исключено, что такие амфоры будут найдены в дальнейшем.

Любопытно в этом отношении обнаружение в Кабиле амфоры, видимо уже позднеэллинистического времени, с клеймом, имитирующим родосские амфорные клейма [112]. Эта находка свидетельствует о попытках со стороны фракийских гончаров подражать выделке привозной амфорной тары. Во всяком случае, не технические трудности лимитировали возможности производства остродонных амфор: мы видели, что уже в V в. до н. э. фракийские керамисты успешно воспроизводили сложные формы плоскодонных парадных амфор.

Проделанный обзор двух ведущих отраслей ремесла Фракии дает возможность отметить высокий уровень их развития, во многом сближающийся с уровнем передовых центров античного мира. К VI в. до н. э. ремесло Фракии совершило значительный шаг вперед. В керамическом производстве он выразился в применении гончарного круга. В металлическом ремесле прогресс прослеживается в усилившейся товарности этого вида производства, в возникновении общефракийского обмена и торговли.

Возникновение к этому же времени (VI в.) общефракийского типа металлических изделий также указывает на процесс экономической консолидации фракийских племен.

3. ТОРГОВЛЯ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Развитие торговых отношений внутри Фракии, установление торговых контактов с другими странами античного мира, укрепление экономических связей между отдельными районами этой страны, возникновение денежного обращения и создание общефракийского рынка — все эти явления имели большое значение для социально-политического и культурного развития фракийских племен и в конечном счете для появления у них государственности.

Сведения о развитии торговли очень важны для нашей темы. Товарность производства, как отмечал К. Маркс, — чревычайно показательный критерий для определения уровня экономического развития общества. Торговля является результатом появления регулярного прибавочного продукта и общественного разделения труда и имеет своим следствием установление связи между отдельными сферами производства, превращающимися в зависимые отрасли общественного производства [113].

[112] *А. Балканска.* Местна имитация на гръцки амфорен печат от Тракия. «Археология», 1963, № 4, стр. 43.

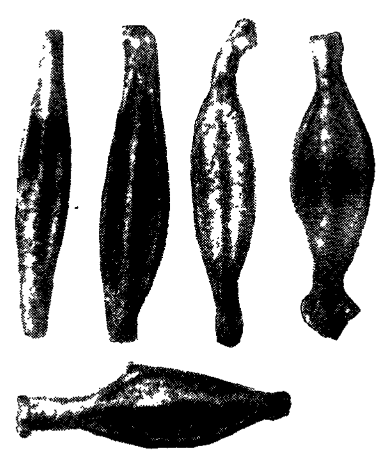
[113] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 23, стр. 364, 520.

Ф. Энгельс также придавал большое значение превращению продуктов в товары при изучении процесса становления государства. С возникновением товарного производства он связывал появление эксплуатации и частной собственности на землю, а с денежным обращением — появление и новой общественной силы — государства [114].

О торговых связях в древней Фракии VII—V вв. до н. э. свидетельствуют многие источники, и письменные и вещественные. О развитии торговли у фракийцев, отразившейся в известиях античных писателей или в распространении предметов фракийской материальной культуры, мы уже говорили вскользь при изучении фракийского земледелия и ремесла. Разбирать здесь фракийскую торговлю в полном объеме нет возможности. Это потребовало бы анализа всех категорий археологического материала из раннефракийских поселений и некрополей, установления происхождения и датировки каждой вещи и каждой группы вещей, выделения импортных изделий и продукции местного производства, выяснения исходных пунктов и путей, по которым привозные изделия поступали в разные области Фракии, определения возможности миграции предметов собственно фракийского изготовления как внутри страны, так и за ее пределы и т. д. В применении к огромному большинству фракийских археологических реалий эта работа никогда не предпринималась и даже сами эти вопросы не ставились. Совершенно понятно, что вся эта огромная историко-археологическая работа не может быть проделана в рамках настоящего исследования. Поэтому я и в этом разделе прибегаю к тому приему, который уже использовала при разборе фракийского сельского хозяйства и ремесла: к анализу лишь отдельных, наиболее ярких сторон хозяйственной жизни для определения рубежей, достигнутых фракийской экономикой к моменту возникновения во Фракии государственности.

В отношении торговли целесообразнее всего остановиться на развитии денежных отношений, на возникновении собственной монетной чеканки и образовании денежного рынка. Этот аспект истории фракийской торговли важен прежде всего потому, что в использовании и в выпуске денег наиболее ярко отражается не только товарность производства, но и высокая организация самой торговли, достигшей уже такого уровня, когда появляется необходимость в создании всеобщего эквивалента стоимости. Денежное обращение, полностью зависимое от развития торговли, в то же время само оказывает значительное влияние на торговые отношения и определяет их уровень. С другой стороны, рассматривая монетное дело и денежное обращение во Фракии, мы можем ограничиться определенным, сравнительно небольшим кругом нумизматических материалов и по состоянию этого «товара товаров» представить себе массу разнообразных реальных ценностей, которые находились в торговом обороте.

[114] *Ф. Энгельс* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 113.

3. Бронзовые монеты-стрелки из Фракии

Денежное обращение во Фракии интересующего нас времени складывалось из двух элементов: денежных знаков, выпускавшихся фракийскими племенами или фракийскими династами, и монет, чеканенных греческими городами как на территории самой Фракии, так и за ее пределами. Я вкратце рассмотрю нумизматические памятники обеих категорий и попытаюсь определить их роль в денежном обращении и в экономической жизни фракийцев VI—V вв. до н. э.

Прежде всего следует остановиться на своеобразных монетовидных знаках в виде литых бронзовых наконечников стрел, встречающихся в Восточной Фракии и в некоторых местах Северо-Западного Причерноморья (рис. 3). Эти монеты-стрелки известны в трех районах: в Южной Фракии около Бургасского залива, в стране гетов в районе дельты Дуная и в Скифии в окрестностях Днепро-Бугского лимана.

К первому району относится множество находок монет-стрелок, сделанных на полуострове Атия в Бургасском заливе[115]. Наиболее крупная из них — сосуд, в котором хранилось более тысячи бронзовых литых монет-стрелок; неподалеку была обнаружена и часть глиняной формы для отливки этих стреловидных слиточков.

Наиболее интересной находкой монет-стрелок во втором из указанных районов является не опубликованный еще клад, содержащий более тысячи экземпляров стрелок в амфоре, найденный у с. Журиловка к северу от Истрии[116]. Румынский исследователь Г. Севериану опубликовал небольшой клад бронзовых литых монет-стрелок, найденный также в Бессарабии около Измаила[117]. В Тариведи, около Истрии[118], при архе-

[115] *Т. Герасимов.* Съкровище от бронзови стрели-монети. ИБАИ, XII, 2, 1939, стр. 424—425, рис. 210, 211; *И Панделеев* Нови археологически находища в Бургазско. ИБАИ, V, 1928—1929, стр. 238 (4 монеты-стрелки из фракийских погребений на полуострове Атия); *Т. Герасимов.* Съкровище от бронзови стрели-монети, стр. 426; *он же.* Домонетни форми на пари у тракийското племе асти. «Археология», 1959, № 1—2, стр. 86 (2 стрелки с городища у с. Русокастро, 2 — из крепости у с. Болгарово и с. Черново); *он же.* Колективни находки на монети през последните години. ИБАИ, XV, 1946, стр. 240 (множество стрелок из с. Страпджа).

[116] *F. Preda* Vîrfuri de săgeţi cu valoare monetară descoperite pe litoralul de nord-vest al Mării Negre. «Analele universitatii C. I. Parhon», Seria ştiinţe sociale, N 16, 1961, p. 11, fig. 2; *D. M. Pippidi, D. Berciu.* Din istoria Dabragei. I. Bucureşti, 1965, p. 109.

[117] *G. Severianu.* Sur les monnaies primitives des Scythes (lingots-monnaies en forme de pointes de fleche). BSNR, 1926, N 57—58, p. 1—6.

[118] *Gh. Ştefan.* Şantierul arheologic Histria. SCIV, V, 1954, N 1—2, p. 105, fig. 26, *3, 4*; *R. Vulpe.* Săpăturile de la Tariverdi (1954). SCIV, VI, 1955, N 3—4, p. 546, fig. 18, *2—4*; *D. M. Pippidi, D. Berciu.* Указ. соч., стр. 109.

ологических раскопках неоднократно находили такие же стрелки (общее число их там превышает два десятка). Встречаются эти стрелки при раскопках и в самой Истрии[119].

В третьем районе находок — в Днепро-Бугском лимане монеты-стрелки встречаются весьма часто на острове Березани[120], а также в других местах[121].

В том, что рассматриваемые литые стрелки представляют собой металлические денежные знаки, ни у кого сейчас сомнения не вызывает. Но происхождение и датировка этих монет окончательно еще не установлены. Издавая клад с полуострова Атия, Т. Герасимов предположительно датировал его на основании формы сосуда, в котором он находился, IV—III вв. до н. э.[122] Т. В. Блаватская совершенно справедливо обратила внимание на архаическую форму монет-стрелок и высказала предположение, что они были введены в обращение до того, как получили широкое распространение боевые трехгранные стрелы «скифского» типа, т. е. не позже конца VI или начала V в.[123]. Этой же примерно датировки придерживается теперь большинство других исследователей, касающихся вопроса о монетах-стрелках[124].

Недавно вопрос о датировке монет-стрелок был вновь рассмотрен П. О. Карышковским. Подробно проанализировав формы монет-стрелок и сравнив их с формами боевых скифских стрел VII и первой половины VI в. до н. э., он пришел к выводу, что выпуск монет-стрелок лежит в тех же хронологических пределах, т. е. в VII или в первой половине VI в., хотя они могли, конечно, изготовляться и позже[125]. Соображения П. О. Карышковского представляются весьма убедительными; археологические слои и комплексы, в которых встречаются монеты-стрелки, также говорят об их широком распространении еще в VI в. до н. э., в том числе и в первой половине столетия; видимо, обращение этих стрелок, начавшееся не позднее первой половины VI в., имело место на протяжении довольно значительного времени и прекратилось лишь в

119 *I. Preda* Указ. соч., стр. 12.

120 *И. В. Фабрициус.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, табл. XXI, 1, 3; *В. В. Лапин.* Экономическая характеристика Березанского поселения. «Античный город». М., 1963, стр. 38—39; *он же.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, стр. 142—146; *Б. Н. Граков.* Легенда о скифском царе Арианте. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 106—108, рис. 3.

121 В Ольвии (*В. М. Скуднова.* Монеты-стрелки из Ольвии. СГЭ, X, 1956, стр. 38—39; *В. В. Лапин.* Греческая колонизация, стр. 143), на одном из городищ в Николаевской области и на городище у с. Роксаланы, где локализуется древний Никоний (этими сведениями мы обязаны любезному сообщению П. О. Карышковского).

122 *Т Герасимов.* Съкровище от бронзови стрели-монети, стр. 425.

123 *Т В. Блаватская.* Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, стр. 40—41.

124 *В. М Скуднова.* Указ. соч., стр. 39; *F. Preda.* Указ. соч., стр. 13; *D. M. Pippidi, D. Berciu.* Указ. соч., стр. 109; *В. В. Лапин* Греческая колонизация, стр. 145—146; *Б. Н. Граков.* Указ. соч, стр. 105, 111, 112; *Т. Герасимов.* Домонетни форми на пари, стр. 86.

125 *П. О. Карышковский.* Монетное дело и денежное обращение Ольвии VI в. до н. э.—IV в. н. э. Автореферат докт. дисс. Л., 1969, стр. 20.

V в. до н. э., будучи вытеснено обращением чеканенной греческой монеты [126].

Гораздо сложнее решается вопрос о том, где и кто выпускал монеты-стрелки. Т. Герасимов уверенно приписывает изготовление стрелок Бургасского района местным фракийским племенам, а находки таких стрелок в районе Истрии и Ольвии объясняет торговыми связями. Так же рассматривают эти стрелки Т. В. Блаватская, В. М. Скуднова [127] и Б. Н. Граков, причем последний исследователь предполагает сложный путь проникновения самой идеи использования стрелок в качестве средства обмена от скифов, у которых при этом применялись боевые стрелы, к фракийцам, а затем обратное проникновение уже самих монет-стрелок от фракийцев к скифам [128]. Румынские исследователи как будто бы склонны считать все монеты-стрелки скифскими [129]. При этом Ф. Преда, связывая распространение этих денежных знаков со скифами, в то же время полагает, что выпуск их был начат греческими городами Причерноморья для обеспечения торговли с окружающими варварами [130]; только позже они могли выпускаться и племенами Северо-Западного Причерноморья. Наконец, В. В. Лапин настойчиво связывает ольвийские и березанские монеты-стрелки с денежным делом греческих поселений — Ольвии и Березани, а может быть, даже с какой-то древней общностью населения греческих полисов Подунавья и Побужья и отрицает возможность появления этих денежных знаков в результате развития обмена у негреческих племен [131]. Последнюю точку зрения следует решительно отвергнуть. Невозможно представить себе, чтобы милетские греки, прекрасно знакомые уже с чеканенной монетой, обосновавшись в Северо-Западном Причерноморье, начали бы вдруг выпускать литые денежные знаки стреловидной формы для внутреннего обращения в греческих полисах или даже для торговли с окружающим туземным населением, если само население не знало такой формы денежного обращения.

Стрелковидные денежные знаки несомненно являлись примитивной формой всеобщего эквивалента у народов, еще не знакомых с настоящей металлической монетой, но уже нуждающихся в создании такого всеобщего эквивалента. Представляется очень интересной и плодотворной попытка Б. Н. Гракова увидеть в обилии наконечников стрел в скифских памятниках Причерноморья свидетельство того, что первоначально денежные функции в скифском обществе выполняли обычные боевые на-

[126] *Bh. Stefan.* Указ. соч., стр. 104; *R. Vulpe.* Указ. соч., стр. 546—547; *В. М. Скуднова.* Указ. соч., стр. 39; *В. В. Лапин.* Греческая колонизация, стр. 145; *D. M. Pippidi, D. Berciu.* Указ. соч., стр. 109.

[127] *Т. Герасимов.* Съкровище от бронзови стрели-монети, стр. 426—427; *он же.* Домонетни форми на пари, стр. 86—87; *Т. В. Блаватская.* Указ. соч., стр. 40; *В. М. Скуднова.* Указ. соч., стр. 39.

[128] *Б. Н. Граков.* Указ. соч., стр. 108, 112—113; впрочем, Б. Н. Граков допускает и возможность производства «местных подражаний» стрелкам-монетам на Березани (стр. 108).

[129] *G. Severeanu.* Указ. соч.; *D. M. Pippidi, D. Berciu.* Указ. соч., стр. 109.

[130] *F. Preda.* Указ. соч., стр. 8, 14—16.

[131] *В. В. Лапин.* Экономическая характеристика, стр. 39; *он же.* Греческая колонизация, стр. 145—146.

конечники стрел[132]. Косвенным подтверждением этой гипотезы служит и скифская легенда о царе Арианте и его регистрации численности скифов при помощи стрел (*Herod.*, IV, 81). Б. Н. Граков совершенно справедливо сопоставляет стрелы у скифов с такими средствами примитивного денежного обращения, как раковины каури в Индии, железные ассагаи у негров банту, бобы какао в Мексике и т. д.[133]. Можно было бы добавить сюда и бронзовые ножи у китайцев, и железные прутья-обелой в Греции, и бронзовые топоры кельтов, и многое другое[134]. Если бронзовые наконечники стрел приобрели в скифском обществе значение средства обмена, то естественно ожидать и возникновения здесь же производства монет-стрелок, рассчитанных специально на обращение. Считать, что эти монеты-стрелки привозились из Фракии, вряд ли было бы правильным. Отливка монет-стрелок могла производиться и в греческих поселениях, в частности на Березани или в Ольвии (в этом можно согласиться с В. В. Лапиным), но самое их появление было связано не с традициями греческого денежного обращения, а с зарождением примитивной всеобщей меры стоимости в виде наконечников стрел у окружающих племен[135].

Что касается фракийцев, то у них не засвидетельствовано накопление или обращение наконечников стрел, подобно тому как это можно заметить у скифов. В то же время вряд ли можно сомневаться в справедливости предположения Т. Герасимова о местном изготовлении монет-стрелок в районе Бургаса, скорее всего в древней Атии[136]. Об их местном происхождении свидетельствует не только большое количество их находок в этом районе, но и наличие глиняной формы для их отливки и косвенно — богатство этого района медными рудами, несомненно использовавшимися в древности. Сопоставление всех этих фактов позволяет прийти к заключению, что фракийцы должны были заимствовать форму своих первых денег у своих северных соседей, по примеру которых они и начали еще в пределах VI в. до н. э. отливать монеты-стрелки. Мы оставляем в стороне вопрос о происхождении той группы монет-стрелок, которая зарегистрирована находками в районе дельты Дуная. Возможно предполагать как проникновение туда этих денежных знаков из Южной Фракии или из Скифии, так и местное их изготовление.

Обращаясь вновь к распространению монет-стрелок на территории Южной Фракии, мы должны будем констатировать их довольно ограниченное территориальнсе обращение. Все находки сделаны в одном районе на расстоянии не более 50 км от полуострова Атия, где можно предполагать центр их производства. Можно считать, что эти денежные знаки служили средством межплеменного обмена для фракийских племен, обитавших в этом районе.

[132] *Б. Н. Граков.* Указ. соч., стр. 111 сл.
[133] Там же, стр. 110—111.
[134] *P. Einzig.* Primitive money in its ethnological, historical and economic aspects. Oxford, 1966.
[135] *П. О. Карышковский.* Указ. соч., стр. 20.
[136] *Т. Герасимов.* Домонетни форми на пари, стр. 86, прим. 1.

Можно согласиться с мнением Т. Герасимова о том, что выпуск монет-стрелок принадлежал фракийскому племени (или, скорее, группе племен) астов [137], занимавших прибрежную территорию от Византия до Аполлонии.

Если принять во внимание засвидетельствованную Страбоном (*Strabo*, VII, f. 48) и признаваемую большинством исследователей [138] принадлежность астов к одрисскому союзу племен, т. е. как раз к той группе фракийцев, которая сыграла решающую роль в создании первого фракийского государственного образования, то вышеприведенная атрибуция монет-стрелок приобретает новое значение как свидетельство социально-экономического развития фракийских племен и появления у них примитивной формы всеобщей меры стоимости как раз на пороге перехода их к государственности.

Вторым районом древней Фракии, где относительно рано возникла потребность в создании собственных средств денежного обращения, была юго-западная область расселения фракийских племен, та часть междуречья Месты и Вардара, которая непосредственно прилегает к Эгейскому побережью. В конце VI и первой четверти V в. до н. э. в этом районе выпускаются богатые серии серебряных монет с разнообразными типами изображений, помеченные названиями племен дерронов, бизалтов, ихнов, орресков, эдонов, зееллев, летайев, дионисиев или именами их царей [139] (см. табл. II в конце книги).

Мне уже приходилось аргументировать то положение, что перечисленные племена должны быть отнесены к числу юго-западных фракийских племен [140]. Позднее мы вернемся к анализу типологии, надписей и других данных всех этих раннефракийских монет. В связи с задачами

[137] *Liv.*, XXXIII, 40, 7; *Strabo*, VII, 6, 1—2, fr. 48; *Steph.* Buz., s. v. Ἀσταί; *Plin.*, HN, IV, II, 45. На связи астов с Месембрией указывает и эпиграфические документы (см. *Х. Данов.* Към историята на Тракия и западното Черноморие от втората половина на III в. до средата на в. пр. н. е. ГСУ, ФИФ, XLVII, 1952, стр. 119 и сл.).

[138] *W. Tomaschek.* Die alten Thraker, I, S. 84; *J. Wiesner.* Die Thtaker. Stuttgart, 1963, S. 21; *Chr. M Danov.* Zur historischen Geographie der Ostthrakischen Stämme vor und zur Zeit des Odrysenreiches (VI—IV Jhdt v. u. Z.). «Etudes historiques», III, Sofia, 1966, S. 14, 22.

[139] MP, S. 48—50, 55—57, 63—66, 89—92, 144—146; HN, p. 194—203 f.; *I. N. Svoronos.* L'Héllenisme primitif de la Macédoine prouvé par la numismatique et l'or du Pangée JIAN, XIX, 1918—1919; *E. Babelon.* Traité des monnaies grecques et romaines, I, 2. Paris, 1901, p. 1033—1077; *F. Imhoof-Blumer.* Monnaies Grecques. Amsterdam, 1883, p. 65—66, 79—82, 85—86, 98—110; *B. Head.* Catalogue of Greek Coins in British Museum, V: Macedonia. London, 1879, p. 140—151. При использовании этих каталогов следует принимать во внимание работы Геблера, посвященные доказательству наличия большого количества фальшивок среди всех этих монет (см. *H. Gaebler.* Fälschungen makedonischen Münzen. «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften», I—VIII, Philosophisch-historische Klasse. N 12 (1931), N 22 (1935), N 31 (1936), N 30 (1937), N 29 (1938), N 17 (1939), N 14 (1941), N 16 (1942); MP, S. 207—218).

[140] *Т. Д. Златковская.* Ранние монеты южнофракийских племен. НЭ, VII, 1968, стр. 3—22; *она же.* Проблемы становления государственной власти у южнофракийских племен. «Разложение родового строя и формирование классового общества». М., 1968, стр. 294—305.

настоящего раздела нас будут интересовать только те данные, которые могут пролить свет на функциональное назначение раннефракийской чеканки, на роль этого серебра в денежном обращении, т. е. главным образом распространение фракийских монет.

Данных об обращении всех этих фракийских серебряных монет очень немного. Места находок большинства экземпляров неизвестны. Можно указать только несколько точно зарегистрированных находок таких монет во Фракии.

Вполне понятны находки этого серебра в Пангейской области, хотя сведений о таких находках у нас немного (1 монета — на южном склоне Пангейских гор и 2 — в Амфиполе)[141]. Значительно больший интерес представляет распространение этих монет на землях, лежащих к северу от места их чеканки. По р. Места и по верхнему течению Искра[142] южнофракийские монеты проникали и далее на север, в район современной Софии[143].

Монеты южнофракийских племен встречаются и восточнее, в бассейне верхнего течения Марицы, в районе Пазарджика (здесь особенно интересна находка десяти декадрахм племени дерронов, входивших в состав небольшого клада, найденного у с. Величково[144]) и Пловдива[145].

Несмотря на малочисленность сведений о находках рассматриваемых монет, мы все же можем сделать некоторые общие выводы. Хорошо прослеживается путь южнофракийских монет от берегов Эгейского моря в глубь Фракии, совпадающий, видимо, с торговым путем, связывавшим эти районы. Он шел по долине Месты, а в верховьях ее делился на две ветви: одна переходила на Белый Искр и вела на север в район современной Софии, другая по верховьям Марицы или, скорее, по правому ее притоку Яденице выходила в долину Марицы выше слияния ее с Тополницей. По этому пути, видимо, попадали южнофракийские и ранние фасосские монеты в районы Пазарджика и Пловдива. Здесь

[141] *P. Amandry.* Chronique des fouilles en 1947. BCH, LXXI—LXXII, 1948, p. 439; *idem.* Chronique des fouilles en 1954. BCH, LXXIX, 1955, p. 282.

[142] *Т. Герасимов.* Колективни находки на монети през 1939 г. ИБАИ, XIII, 1941, стр. 344; *он же.* Колективни находки на монети през 1946 г. ИБАИ, XVII, 1950, стр. 317, 318; Монетни съкровища, намерени в България през 1962 и 1963 г. ИБАИ, XXVII, 1964, стр. 240; *он же.* Колективни находки на монети през последните години. ИБАИ, XV, 1946, стр. 237, 242; *он же.* Колективни находки на монети през последните години (1950). ИБАИ, XVIII, 1952, стр. 403.

[143] *Т. Герасимов.* Сокровища от монети, намерени в България през 1960 и 1961 г. ИБАИ, XXVI, 1963, стр. 257; *он же.* Монетни съкровища, намерени в България през 1958 и 1959 г. ИБАИ, XXV, 1962, стр. 229.

[144] *Т. Герасимов.* Монетни съкровища, намерени в България през 1962 и 1963 г., стр. 241; *он же.* Колективни находки на монети през 1951, 1952 и 1954 г. ИБАИ, XX, 1955, стр. 609 (эти статеры, однако, могут быть и фасосскими); *он же.* Колективни находки на монети през 1934, 1935 и 1936 г. ИБАИ, XI, 2, 1938, стр. 323.

[145] *Т. Герасимов.* Монетни съкровища, намерени в България през 1962 и 1963 г., стр. 237; *он же.* Находка от декадрахми на трако-македонското племе дерони. ИБАИ, XI, 2, 1938, стр. 249—257; *он же.* Декадрахма на тракийското племе дерони. ИБАИ, XX, 1955, стр. 576—577; *Th. Gerassimov.* A hoard of decadrachms of the Derrones from Velitchkovo (Bulgaria). N. Chr., 1937, p. 76.

они сталкивались с денежными знаками, поступавшими по долине Марицы с востока: в некоторых кладах (например, в кладах из сел Виноградец и Горни Домлян) серебряные монеты южнофракийских племен встречены среди массы монет Париона и Херсонеса Фракийского[146] В Величково (Згарлий), где были обнаружены декадрахмы дерронов, еще ранее был найден электровый статер города Кизика V в. до н. э.; статеры эти распространялись по долине Гебра с востока, вероятно с побережья Черного моря[147].

Возможно, серебро южнофракийских племен распространялось и в северо-западном направлении по Струме или Вардару, в район античного Астиба (совр. Штип)[148]. Южнофракийские монеты могли попадать туда либо по Струме и Струмице, либо по Вардару и Брегальнице. Следует упомянуть также и находки в Кюстендилском районе, на берегу Струмы[149].

В восточном направлении, в бассейн нижней Марицы монеты южнофракийских племен, видимо, совсем не попадали.

Следует обратить внимание на одну особенность монет южнофракийских племен — обилие очень крупных номиналов, весом от 20 до 40 *г*. Она существенно отличает эти монеты от тех, которые ходили на античном рынке одновременно с ними. В другой связи я подробно остановлюсь на разборе этого явления и приведу таблицы весов (см. стр. 82—84). Здесь же надо отметить, что эти монеты имели характер абсолютных ценностей, а не условных, как это бывает при развитых формах монетной чеканки. Естественное развитие средств обмена идет от товаро-денег через обращение металлических слитков к монете[150]. В данном случае перед нами не просто товар, не слитки благородного металла, а ценности, удостоверенные путем чекана эмблемы и легенды на монетах. Однако необычайно высокий вес значительного количества наших монет свидетельствует о связи их торгового и монетного веса. Это как бы переходная форма от слитков к монете.

Раннефракийские серебряные монеты использовались как платежное средство и как средство накопления ценностей западнофракийскими племенами. Тезаврация этих монет в районах к западу и северу от Радопских гор свидетельствует о том, что они охотно принимались племенами внутренней Фракии. Мы не можем сказать, служили ли они средством местного обмена на внутрифракийских землях, но они несомненно воспринимались там как стабильная ценность, пригодная для образования и сокрытия сокровищ.

Во второй половине V в. до н. э. начинается чеканка собственной

[146] *Т Герасимов* Монетни съкровища, намерени в България през 1962 и 1963 г., стр 237 и 241.
[147] *Б. Филов.* Нови находки от античната гробница при Дуванлии. ИБАИ, IV, 1927,
[148] См. *Т Д. Златковская.* Ранние монеты южнофракийских племен, стр. 8—9.
[149] *Т Герасимов* Колективни находки на монети през 1933 и 1934 г ИБАИ, VIII, 1934, стр. 471. Монеты могли принадлежать либо анонимному фракийскому чекану, либо ранним выпускам Фасоса
[150] *А. Н. Зограф.* Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 38.

монеты фракийскими царями одрисов или их парадинастами (см. табл. III в конце книги). Наиболее ранними из этих монет были серебряные тетрадрахмы, драхмы и диаболы евбейско-аттической весовой системы, чеканенные Спарадоком в третьей четверти V в. На лицевой стороне тетрадрахм изображается всадник, вооруженный двумя копьями, на младших номиналах — конь и протома коня. На обороте всех монет во вдавленном квадрате — орел, клюющий змею или держащий ее в клюве [151]. В. Добруски и Н. Мушмов полагали, что аверсные типы монет Спарадока заимствованы с монет македонских царей Александра I и Пердикки [152], но более приемлемо видеть в них отражение собственно фракийских представлений, ранее проявившихся уже в типологии южнофракийских племенных монет. Тип же оборотной стороны, несомненно, заимствован с монет Олинфа, что позволило В. Добруски считать монеты Спарадока чеканенными на олинфском монетном дворе [153].

Севт I в последней четверти V в. до н. э. продолжает чеканить серебряную монету по аттической весовой системе. На его дидрахмах изображается всадник на скачущем коне, а на драхмах — конь [154]. Н. А. Мушмов и всадника севтовых монет считает заимствованным с тетрадрахм г. Сермиле, но несомненно более прав В. Добруски, считающий этого всадника чисто фракийским мотивом [155]. Очень своеобразны типы оборотных сторон монет Севта: реверс его монет занят двустрочной или трехстрочной надписью Σεύθα κόμμα или Σεύθα ἀργύριον. Такое оформление реверса совершенно необычно в практике греческого монетного дела V в. до н. э., да и само содержание надписей находит себе лишь немногие параллели в греческой нумизматике.

Монеты Спарадока и Севта I известны в сравнительно небольшом числе экземпляров, и ни об одном из них нельзя сказать, откуда он происходит. Поэтому мы не можем определить, в каких районах осуществлялось обращение этих монет. Но самый факт выпуска этими династами монет нескольких номиналов, в том числе и таких небольших, как драхмы и диаболы, свидетельствует о том, что чеканка эта имела целью удовлетворение потребностей местного внутреннего рынка в повседневном средстве обращения.

Еще яснее это проявляется в чеканке монет последующих династов. Около рубежа V и IV вв. и в первой половине IV в. до н. э. выпускаются монеты, помеченные именами Амадока и Медока. Независимо от того, считать ли эти два имени модификацией одного имени или видеть в их носителях двух или даже трех разных лиц (см. стр. 26), следует признать, что монеты с этими именами составляют довольно значительную группу, включающую в себя и серебряные диаболы аттического ве-

151 *В. Добруски.* Исторически поглед върху нумизматиката на тракийските царе, стр. 563—565, табл. I, *1—4*; МТЦ, стр. 199, табл I, *1—3, 5—7*.
152 *В. Добруски.* Указ. соч., стр. 563; МТЦ, стр. 199.
153 *В. Добруски.* Указ. соч., стр. 563—564.
154 *В. Добруски.* Указ. соч., стр. 572, табл. I, *5—7*; МТЦ, стр. 201, табл. I, *8—11*.
155 МТЦ, стр. 200, *В. Добруски.* Указ. соч., стр. 572.

са, и бронзовые монеты разной величины и достоинства [156]. На всех этих монетах представлен двулезвийный топор — распространенное типичное фракийское оружие и сакральный символ, подчеркивающий фракийское происхождение самих монет и выпускавших их правителей [157]. В то же время на другой стороне этих монет присутствуют типы, явно заимствованные из монетного дела Маронеи, а на крупных медных монетах — даже имена греческих городских магистратов. Предполагается, что вся эта чеканка производилась на монетном дворе Маронеи, которая зависела от фракийских царей и платила им дань [158]. Но если монеты с именами Медока и Амадока чеканили в приморской Маронее, то сфера их обращения включала и внутреннюю Фракию, насколько это можно судить по двум известным нам находкам этих монет. Бронзовая монета Амадока была найдена в старой каменоломне у с. Белово (повидимому ныне Замен в верхнем течении Струмы), а монета с именем Медока происходит откуда-то из района Панагюрище [159].

То же самое можно сказать и о монетах Тереса II (некоторые исследователи считают его Тересом III). Они чеканены все из бронзы, по типам и стилю совершенно аналогичны монетам Амадока-Медока, выпущены примерно в то же время и в той же Маронее [160]. Известна одна находка такой монеты у с. Перушица к юго-западу от Пловдива [161].

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что серебряная и медная монета, выпускавшаяся фракийскими царями в конце V и первой половине IV в. до н. э. в греческих городах Эгейского побережья, была предназначена для обращения на внутреннем фракийском рынке и имела хождение на всей территории, попадавшей под власть одрисских правителей, выпустивших эту монету [162]. Это же можно предполагать и по отношению к серебряной и медной чеканке фракийских парадинастов этого времени, известных нам только по их нумизматическим памятникам, — Саратока, Бергея, Спокеса и др. [163]. Все они выпускали свою монету, судя по типологическим особенностям ее, в Эгейской Фракии, на Фасосе, в Маронее, в Абдере.

Хотя монеты собственной фракийской чеканки и имели хождение во

[156] *В. Добруски.* Указ. соч., стр. 577—579, табл. I, *8—10*; МТЦ, стр. 202—204, табл. I, *14—18*; *А. Рогалски.* Една неизвестна бронзова монета на тракийския владетел Меток. ИВАД, XIII, 1962, стр. 17, рис. 1; *он же.* Към въпроса за тракийски владетели с имената Медок и Амадок. ИМВ, I (XVI), 1965, стр. 109—115.

[157] *В. Добруски.* Указ. соч., стр. 579.

[158] Там же; *А. Рогалски.* Една неизвестна бронзова монета, стр. 18—19.

[159] *В. Добруски.* Указ. соч., стр. 579; А. Рогалски. Една неизвестна бронзова монета, стр. 17.

[160] *В. Добруски.* Указ. соч., стр. 581, табл. I, *12*; МТЦ, стр. 204—205, табл. I, *22—24, 26*.

[161] *В. Добруски.* Указ. соч., стр. 578.

[162] Совершенно непонятно мнение Д. Николова относительно того, что преимущественно бронзовый чекан фракийских владетелей свидетельствует о натуральном характере внутреннего обмена (*Д. Николов.* Нови колективни находки от монети на Парион, Тракийски Херсонес и Аполония Понтика. «Археология», 1963, № 4, стр. 39—40).

[163] *В. Добруски.* Указ. соч., стр. 623—625, табл. III, *1—8*; МТЦ, стр. 206—208, табл. I, *28—38*; стр. 283.

Фракии, однако не они, а иноземная импортная монета составляла основу денежного обращения в этой стране в конце VI, в V и IV вв. до н. э. Монета эта была довольно разнообразна. Мы уже упоминали о проникновении во Фракию архаических монет Фасоса и Абдеры и о тех путях, которыми они могли попасть в глубь фракийских земель. Приток некоторого количества серебряных, а затем и медных монет, чеканенных в городах Эгейского побережья Фракии, продолжался и позднее и по тем же путям, т. е. по Месте и Струме, с одной стороны, и по Марице и ее притокам — с другой. Но определяли состояние денежного рынка Фракии не эти монеты, попадавшие туда время от времени, а постоянно обращавшиеся среди фракийцев монеты других категорий. Из серебра V—IV вв. до н. э. это прежде всего тетраболы Херсонеса Фракийского и малоазийского города Париона (см. табл. IV, *1*, *2* в конце книги).

Небольшой город Парион в Мизии в юго-западном углу Пропонтиды чеканил в V и IV вв. до н. э. большое количество серебряной монеты [164].

Очень обильно чеканилось и серебро Херсонеса Фракийского. В каком именно городе оно выпускалось, мы не знаем, так как надписей на херсонесских серебряных монетах нет. Может быть, чеканка производилась в нескольких центрах и имела федеральный характер [165]. Датировка рассматривамых монет также не разработана, как и датировка монет Париона. Они относятся суммарно к 480—350 гг. до н. э. [166].

Хронологическая нерасчлененность чеканки Херсонеса и Париона не позволяет дать и сколько-нибудь точного определения времени зарытия кладов этих монет. Вследствие этого мы можем говорить о распространении во Фракии монет Херсонеса и Париона лишь в применении к большей части V и всему IV в. до н. э. в целом, не определяя более точных дат отдельных находок. Только когда в кладе кроме этих монет содержатся и упоминаются какие-либо другие, лучше датируемые монеты, оказывается возможным судить о более узкой дате комплекса. На этом основании можно датировать клад с. Тенево южнее Ямбола V в. до н. э. Тому же столетию принадлежит и клад из Горни Домлян [167]. Вероятно, первой половиной IV в. должен быть датирован огромный клад, найденный в нижнем течении Гебра, в округе Диматихон, на современной турецкой территории [168]. Ко времени Филиппа II и Александра Македонского относятся клады, найденные в верховьях Гебра, у с. Памидово

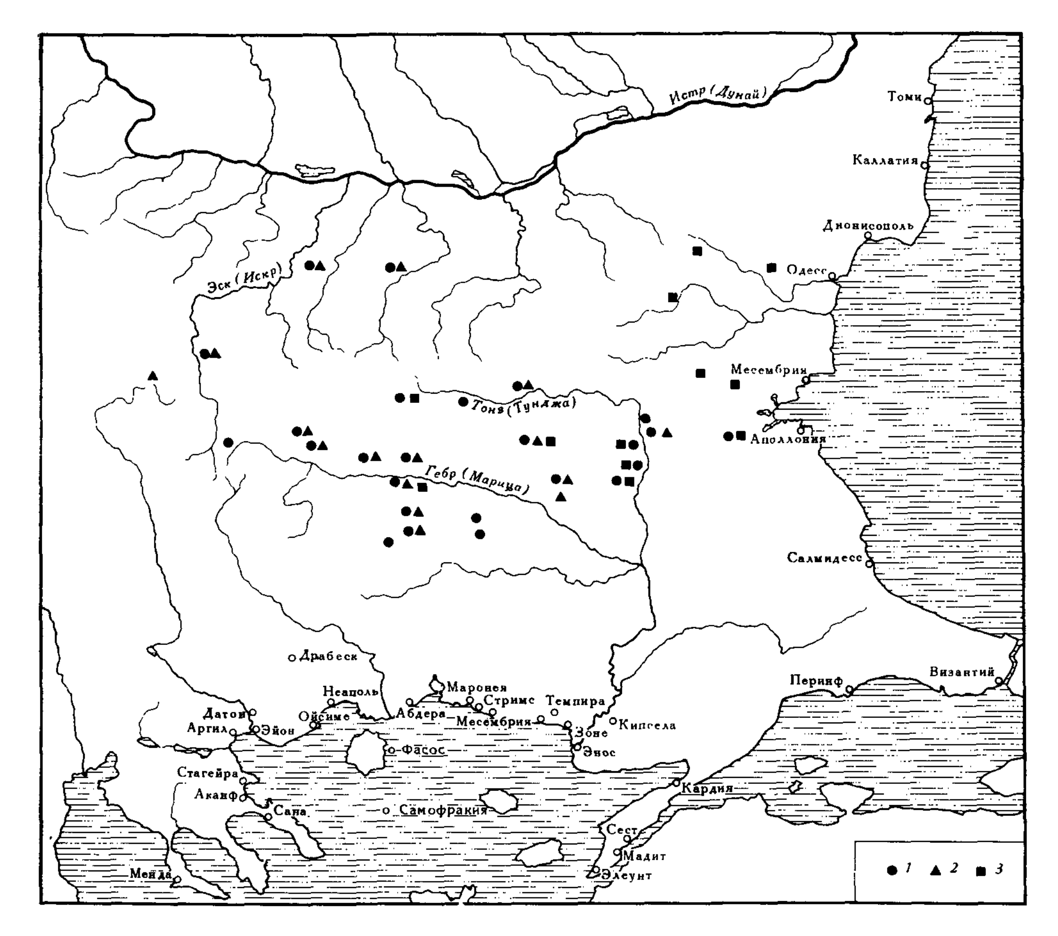
164 *W. Wroth*. Catalogue of the Greek Coins of Mysia. London, 1892, p. 94—97, tabl. XXI, 6—9; ср. *Т. Герасимов*. Монетни съкровища, намерени в България през 1962 и 1963 г., стр. 242; Д. Николов (указ. соч., стр. 41) ошибочно датирует более поздние монеты Париона даже 350—300 гг. до н. э., ссылаясь при этом на Б. Хеда, хотя последний ясно относит их ко времени «около 400 г.»

165 HN, p. 258; BMC. Catalogue of Greek Coins. The Tauric Chersonese, Sarmatia, Dacia, Moesia, Thrace. London, 1877, p. 182—186.

166 HN, p. 257.

167 *Т. Герасимов*. Монетни съкровища, намерени в България през 1962 и 1963 г., стр. 237; *он же*. Колективни находки от монети през 1956 и 1957 г. ИБАИ, XXII, 1959, стр. 359.

168 *E. Tacchella*. Monnaies autonomes d'Apollonia de Thrace. RN, 1898, p. 214.

Карта 6
Распространение монет Париона (1), Херсонеса Фракийского (2) и Аполлонии Понтийской (3)

Пазарджикского района, у с. Марицы Самсоновского района, а также в окрестностях Софии [169].

Создастся впечатление, что в Западную Фракию тетраболы Париона и Херсонеса стали проникать позже, чем в бассейны нижнего и среднего течения Гебра и Тонза; но ограниченность и неточность хронологических данных не позволяют настаивать на этом предположении.

Серебряные тетраболы Херсонеса Фракийского и Париона порознь

[169] *Т. Герасимов.* Колективни находки на монетите през 1939, стр. 345; *он же.* Монетни съкровища, намерени в България през 1962 и 1963 г., стр. 239; *он же.* Колективни находки на монети през последните години (1950), стр. 403.

или вместе встречаются почти на всей территории Южной Фракии. Сравнительно недавно перечень их находок (а также находок серебра Аполлонии Понтийской) дал Д. Николов[170]. Перечень его, однако, неполон, поэтому полезно составить карту находок монет Херсонеса Фракийского и Париона, хотя и она, конечно, не может претендовать на исчерпывающую полноту (см. карту 6).

Прилагаемая карта ясно очерчивает район распространения серебра Херсонеса Фракийского и Париона. Район этот охватывает бассейны рек Марицы и Тунджи и их притоков в пределах междуречья Тунджи и Арды. За пределами этого района к востоку лежит лишь одна находка[171]. Совершенно очевидно, что монеты Париона скорее всего могли попасть сюда из расположенной рядом Аполлонии Понтийской. Других находок интересующих нас монет в причерноморской части Фракии пока неизвестно. В северо-восточную Фракию они совершенно не проникают, там обращается другая монета, о чем мы будем говорить дальше.

Что касается самых южных районов Фракии, то находок монет Париона и Херсонеса Фракийского в них мы почти не знаем. Однако это обстоятельство, вероятно, должно быть объяснено не отсутствием обращения этих монет в Эгейской Фракии, а крайне слабой археологической изученностью территорий к югу и юго-востоку от Родопских гор и полным отсутствием регистрации нумизматических находок на этих территориях. У Е. Тачеллы есть глухое указание на частые и многочисленные находки занимающих нас монет в нижнем течении Марицы[172]. Весь бассейн этой реки представляется областью преимущественного распространения обоих видов серебра V—IV вв. до н. э. Это подчеркивается и совместными находками тетраболов Херсонеса и Париона в комплексах с монетами Маронеи, Фасоса, Абдеры, Афин. Об этом же свидетельствует и редкость находок рассматриваемых тетраболов за пределами очерченной области.

На запад и на север от бассейна Марицы серебро Херсонеса и Париона проникает в незначительном количестве. Монеты попадали сюда, видимо, с верхнего течения Марицы, а затем по Искру или через горные перевалы с верховьев Тунджи на Осым. Во всяком случае, совершенно несомненно, что монеты Париона и Херсонеса Фракийского попадали в земли севернее Старой Планины редко и едва ли не случайно; основным же районом их обращения была Южная Фракия.

В кладах, где монеты Херсонеса и Париона встречаются вместе, число первых обычно в несколько раз превосходит число вторых. В большом кладе из Димотихона, содержавшем до 1000 оболов, три четверти составляли оболы Херсонеса и одна четверть — оболы Париона[173]. Близкая пропорция наблюдается и в кладе из Трояново. Во всех боль-

170 *Д. Николов*. Указ. соч., стр. 40.
171 *Т. Герасимов*. Монетни съкровища, намерени в България през 1958 и 1959 г., стр. 229—230.
172 *E. Tacchella*. Указ. соч., стр. 214—215.
173 *E. Tacchella*. Указ. соч., стр. 214.

ших хорошо сохранившихся кладах число оболов Херсонеса в 3—5 раз превосходит число монет Париона[174]. Это позволяет предположить, что таково было соотношение общего количества монет Херсонеса и Париона, находившихся во Фракии, и что рассматриваемые клады создавались путем тезаврации монеты, поступавшей в розничный оборот на внутрифракийских рынках.

Говоря об обращении рассматриваемых групп монет вообще, следует подчеркнуть, что область их преимущественного распространения охватывает основной район расселения одрисов и бессов, составлявший центр Одрисского государства, т. е. тот район, раннее и прогрессивное развитие которого хорошо прослеживается и по разнородным археологическим материалам, частично уже рассмотренным выше.

Вряд ли распространение серебряных монет Париона и Херсонеса Фракийского по всей Южной Фракии можно рассматривать как свидетельство прямых связей этих центров со всеми теми землями, где эти монеты встречаются. Очевидно, эти монеты использовались как платежное средство всеми греческими и фракийскими торговцами этих районов. Кажется вполне убедительным предположение Д. Николова, поддержанное Й. Юруковой, о том, что распространение указанных тетраболов отражает торговую активность не столько выпускавших их городов, сколько стоявших за их спиной Афин и Афинского морского союза[175]. Совместные находки этих тетраболов с монетами Абдера, Фасоса и других тесно связанных экономически и политически с Афинами городов, а также с монетами самих Афин подтверждает это предположение.

В монетных кладах юго-восточной Фракии вместе с тетраболами Херсонеса Фракийского и Париона встречаются иногда и серебряные монеты Аполлонии Понтийской (см. табл. IV, *3* в конце книги)[176]. Выпуск этих монет производился в Аполлонии на протяжении почти всего V в. и значительной части IV в. до н. э. Обращает на себя внимание и тот факт, что все находки этих монет сделаны в восточной части Южной Фракии. В кладах монет Херсонеса и Париона, найденных в западной части страны, аполлонийские монеты отсутствуют. Все эти наблюдения заставляют нас прийти к выводу, что аполлонийские тетраболы обращались в некотором довольно ограниченном количестве на рынках восточной Фракии, в бассейне нижнего течения Марицы и Тунджи; дальше на запад эти монеты почти совсем не проникали. Зато они имели свою собственную сферу обращения, куда не попадали или почти совсем не попадали ни монеты Париона, ни тетраболы Херсонеса Фракийского.

[174] *Д. Николов.* Указ. соч., стр. 41—42; *Д. Цончев.* Колективни находки на монети ГНМП, IV, 1960, стр. 212; *V. Dobrusky.* Trouvaille de monnaies grecques en Bulgarie. RN, 1895, p. 103—106.

[175] *Д. Николов.* Указ. соч., стр. 40; *Й. Юрукова.* По-важни открития и развитието на нумизматиката в България през последните двадесет години. «Археология», 1964, № 3, стр. 77.

[176] HN, 277; *B. Pick.* Observations sur les monnaies autonomes d'Apollonia de Thrace, RN, 1898, p. 222—224; ср. *E. Tacchella.* Monnaies d'argent autonomes d'Apollonia de Thrace. RN, 1903, p. 40.

Это были восточные причерноморские районы Фракии, к востоку и северо-востоку от нижнего течения Тунджи. Вопреки старым представлениям Е. Тачеллы, именно в этих районах было сделано несколько находок крупных кладов, состоявших целиком или в основном из аполлонийских серебряных монет[177]. Эти находки свидетельствуют не только о значительной торговой активности Аполлонии Понтийской в северном направлении[178], но и об использовании аполлонийской монеты уже в V в. до н. э. коренным населением северо-восточной Фракии — кробидзами и теридзами, а может быть, и гетами[179].

Аполлонийские серебряные тетраболы, естественно, встречаются в виде кладов и в той части Фракии, которая непосредственно примыкает к Черноморскому побережью около Аполлонии[180]. Эти территории населяла в то время, когда здесь обращались интересующие нас монеты, восточная группа одрисских племен, входившая в только что возникшее государство одрисов. Единство денежного обращения на этой территории и на более северных землях кробидзов и гетов, выражающееся в распространении не только аполлонийского серебра, но и кизикского электра, о чем мы сейчас будем говорить, свидетельствует, как нам представляется, о значительной экономической общности всей этой восточной части раннефракийского государства.

Нам остается остановиться еще на обращении во Фракии электровых статеров Кизика (табл. IV, *4* в конце книги). Эти монеты, одни из самых популярных в античном мире, получили особенно широкое распространение в VI—IV вв. до н. э. на причерноморских рынках и могут рассматриваться как специфически припонтийское международное средство обращения[181]. На землях Фракии найдено довольно значительное число кизикских статеров и более дробных подразделений этой электровой монеты. В свое время сводка всего этого материала была составлена Т. Герасимовым[182]. С тех пор коллекция кизикинов, найденных в Болгарии, несколько увеличилась[183].

[177] *Т. Герасимов.* Находка със сребърни монети на Аполония на Черно моря. РП, I, 1948, стр. 134—148; *он же.* Колективни находки на монети през 1951, 1952, 1953 и 1954 г.; *он же.* Колективни находки на монети през 1955 г. ИБАИ, XXI, 1957, стр. 325.

[178] Ср. *Х. Данов* Западният бряг на Черно море в древността. София, 1947, стр. 139.

[179] *S. P. Noe.* A Bibliography of Greek Coins Hoards. 1937, p. 86; *B. Mitrea.* «Dacia», VII—VIII, 1941, p. 152.

[180] *Т. Герасимов.* Монетни съкровища, намерени в България през 1958 и 1959 г., стр. 229—230; *он же.* Колективни находки на монети през 1951, 1952, 1953 и 1954 г., стр. 605, 611.

[181] Среди многочисленных работ, отражающих роль кизикинов в Причерноморье, укажем: *K. Regling.* Der griechische Goldschatz von Prinkipo. ZfN, XLI, 1931; *M. Rostovtzeff.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941, II, p. 587; III, p. 1453 f.; *А. Н. Зограф.* Античные монеты. МИА, 16, 1951, стр. 41, 126, 174; *Д. Б. Шелов.* Кизикские статеры на Боспоре. ВДИ, 1949, № 2; *S. Dimitriu.* O moneda divisionară dîn Cyzic, la Histria. SCIV, 1957, N 1—4; *П. О. Карышковский.* Об обращении кизикинов в Ольвии. НЭ, II, 1960.

[182] *Т. Герасимов.* Находки от електронови монети на град Кизик от България. ГНМ, VII, 1943.

[183] *Д. Цончев.* Електронов статер от Кизик. ГНАМП, IV, 1960, стр. 215, рис. 1; *Т. Ге-*

Предлагаемая карта распространения кизикинов во Фракии позволяет сделать некоторые выводы о характере их обращения. Прежде всего, все находки кизикинов сделаны либо в восточной причерноморской части Фракии от Добруджи до Бургасского залива, либо на территории Верхнефракийской низменности, в бассейнах рек Марицы, Тунджи и Арды. В южной, эгейской части Фракии и на нижнем течении Марицы находки кизикских статеров не засвидетельствованы.

Из этого можно сделать заключение, что кизикины попадали во Фракию не через Эгейское побережье, как тетраболы Херсонеса и Париона, а через западно-понтийские города Аполлонию, Месембрию, Одесс. Распространяясь на прилегающих к побережью восточнофракийских землях, они обращались здесь наряду с монетами припонтийских городов, в частности с аполлонийскими тетраболами, которые могли составлять по отношению к ним разменную монету. Из района среднего течения Тунджи они попадали в бассейн Марицы, наиболее развитый в экономическом отношении район Фракии, и распространялись по нему вплоть до верховьев Искра, т. е. точно так же, как серебряные тетраболы городов Геллеспонта. Невозможно сомневаться в том, что здесь уже не аполлонийские монеты, а серебро Херсонеса и Париона (а в западной части района — может быть, и фракийские племенные серебряные монеты) играло роль разменного средства по отношению к электровым кизикинам.

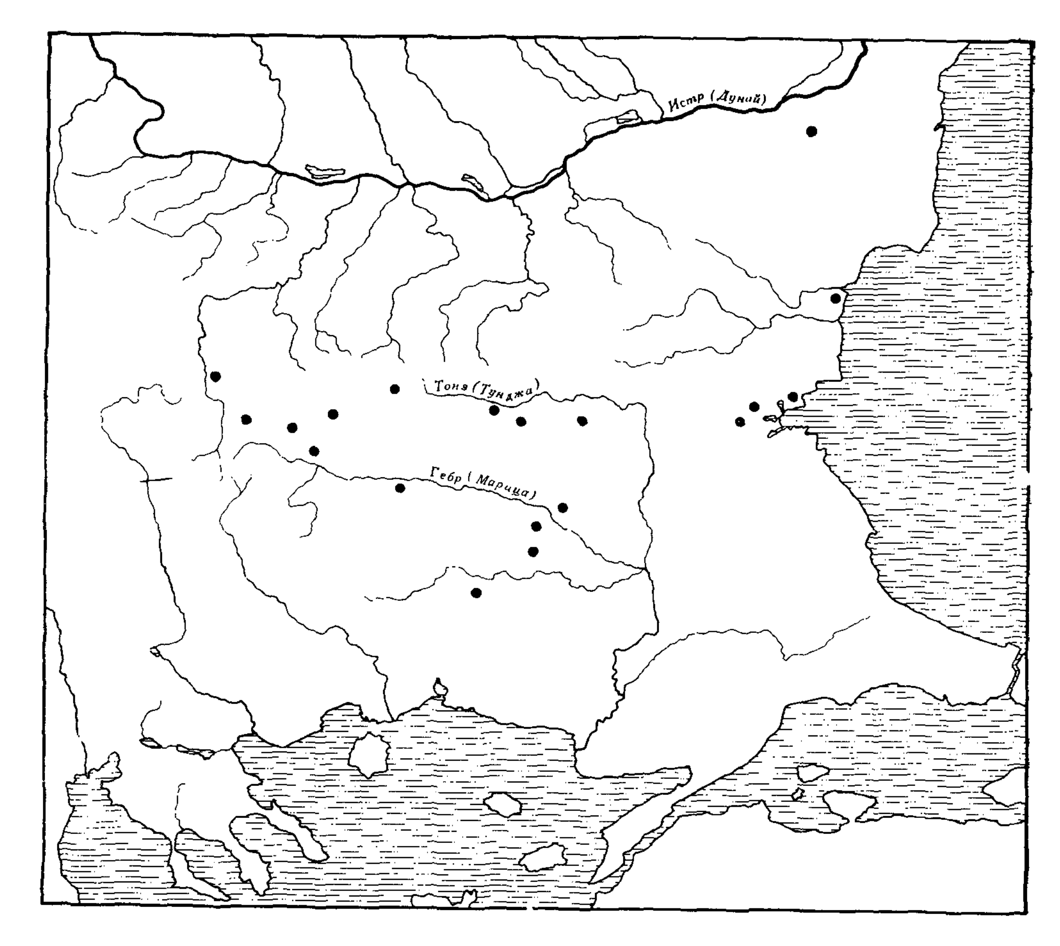
Параллельное обращение кизикинов и разнородной серебряной (а позднее и медной фракийской) монеты по всему их ареалу во Фракии объясняет одну примечательную особенность: во Фракии встречаются главным образом кизикские статеры, а не их более мелкие номиналы.

Действительно, на более чем 70 известных нам статеров, найденных во Фракии, приходится всего 3 гекты и одна гамигекта, тогда как в Ольвии, например, большинство кизикских монет составляли именно эти мелкие номиналы[184]. Несомненно, во Фракии кизикские статеры служили (как и на Боспоре, впрочем[185]) международным платежным средством при значительных торговых сделках, но не обращались на внутренних фракийских рынках в качестве повседневной разменной монеты: для этого они были слишком ценны. Распространение находок кизикских статеров преимущественно в наиболее плодородных и экономически развитых районах фракийской равнины позволяет предположительно связать эти находки с основной отраслью фракийского хозяйства

расимов. Колективни находки на монети през последните години, стр. 243; *он же.* Колективни находки на монети 1946 г., стр. 325; *он же.* Монети съкровища, намерени в България през 1958 и 1959 г., стр. 231; *он же.* Монетни съкровища, намерени в България през 1962 и 1963 г., стр. 243.

[184] *П. О. Карышковский.* Об обращении кизикинов в Ольвии, стр. 8—10; *он же.* Монетное дело и денежное обращение Ольвии, стр. 20.

[185] *Д. Б Шелов.* Кизикские статеры, стр. 94—96; *он же.* Монетное дело Боспора IV—II вв. до н. э. М., 1956, стр. 82—83.

Карта 7
Распространение монет г. Кизика

бассейнов Марицы и Тунджи — с производством товарного зерна и хлеботорговлей [186].

Представление Б. Филова о том, что сравнительно частые находки кизикских статеров в Южной Фракии свидетельствуют о непосредственных связях Фракии с Кизиком, и попытка его на этом основании увидеть в Кизике важнейший центр производства драгоценных изделий ионического стиля из фракийских могил [187] безусловно должны быть от-

[186] *Т. В Блаватская.* Западнопонтийские города, стр. 42—43.
[187] *Б. Филов* Нови находки от античната гробница при Дуванлий, стр. 54; *он же.* Надгробните могили при Дуванлий, стр. 234—235.

вергнуты. Как и везде, кизикские электровые статеры были во Фракии всеобщим средством обмена, которым пользовались купцы и торговцы из любых городов и областей[188]. Может быть, можно видеть в значительном распространении кизикинов некоторое отражение роли афинской торговли во Фракии, поскольку зависимость кизикского монетного дела от Афин в период расцвета последних хорошо известна[189]. Но и в этом вопросе нельзя идти дальше самых осторожных предположений. По определению Т. Герасимова[190], подавляющая часть кизикинов из болгарских находок датируется примерно 550—480 гг. до н. э.; довольно многочисленна и группа кизикинов 480—410 гг.; к 410—330 гг. относится всего один статер. Однако делать из этого вывод о преимущественном распространении статеров Кизика во Фракии в VI и начале V в. до н. э. невозможно, так как кизикины обычно долго держались в обращении и экземпляры ранних хронологических групп нередко бывают находимы в гораздо более поздних комплексах[191]. Подобные случаи зарегистрированы Т. Герасимовым и в болгарских находках.

Предпринятый нами краткий обзор основных категорий нумизматических памятников Фракии VI—IV вв. до н. э. позволяет прийти к некоторым общим выводам относительно денежного обращения в этой стране.

Сравнительно ранее, даже по условиям античного мира, возникновение самостоятельной чеканки серебра у юго-западных фракийских племен и одновременное использование товаро-денег в виде бронзовых монет-стрелок их восточными сородичами свидетельствуют о достижении уже в VI в. до н. э. этими группами фракийцев той степени хозяйственного развития, на которой появление всеобщего эквивалента становится настоятельной потребностью.

Распространение первых фракийских денег и ранних монет фракийских царей, а также привозной архаической греческой монеты указывает на то, что в торговые операции с применением этих средств обращения были рано втянуты фракийцы на значительных территориях в разных районах страны. Топография монетных находок, наряду с другими археологическими данными, выявляет связи между различными частями Фракии. Эгейская Фракия, бассейны Места, Струмы и Вардара, Верхнефракийская низменность в междуречье Марицы и Тунджи, восточное причерноморское побережье Фракии оказываются связанными многими речными и сухопутными путями, по которым развивалась торговля собственными и привозными товарами. Хотя денежное обращение каждого из этих районов имело свои специфические особенности, существовали явления и средства, связывавшие отдельные районы в общую экономическую систему.

Исследованные в этой главе материалы также дают возможность

[188] *Т. Герасимов.* Находки от електронови монети, стр. 73.
[189] *Д. Б. Шелов.* Кизикские статеры, стр. 97.
[190] *Т. Герасимов.* Находки от електронови монети.
[191] *Д. Б. Шелов.* Кизикские статеры, стр. 94—95.

сделать выводы об экономических предпосылках создания государства у фракийцев. Во-первых, они указывают на высокий уровень развития не только товарности производства и товарного обращения, но также денег и денежного обращения, т. е. они указывают на развитие тех явлений, которые служат основой возникновения денежных и земельных богатств, а вместе с ними эксплуатации, классов и государства. Во-вторых, они позволяют заглянуть в те хозяйственные процессы, которые обеспечили возможность сравнительно ранней консолидации фракийского мира и возникновение единого фракийского государства, объединившего множество фракийских племен.

О значении этих весьма ценных материалов для изучения социальных и политических институтов фракийских племенных союзов, а затем и фракийской государственности мы будем говорить дальше.

2

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

кудость источников, по которым можно было бы изучить производственные отношения во Фракии, заставила некоторых исследователей обходить эти проблемы молчанием.

Между тем изучение производственных отношений во Фракии VII—V вв. до н. э. дает возможность проследить их в наиболее чистом виде как явления, возникшие и развивавшиеся здесь в результате внутренних, имманентных процессов, происходивших во фракийском обществе. Изучение характера производственных отношений должно дать ответ на вопрос о том, в чьем владении находились средства производства (о формах собственности на средства производства) и каковы были формы эксплуатации.

1. ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ

ОБЩИННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Нечеткие и малочисленные свидетельства, на которых приходится основываться при изучении общинной собственности, заставляют обратить внимание как на источники, которые не были еще использованы для изучения этой проблемы, так и привести некоторые аргументы в пользу того или иного толкования уже привлекавшихся данных [1].

Прежде всего следует использовать те источники, которые указывают на наличие р а н н и х форм общинной собственности.

В этой связи следует обратить внимание на одну из особенностей фракийской монетной чеканки VI—V вв. до н. э. Уже приходилось упо-

[1] *Х. Данов.* Древна Тракия. София, 1969, стр. 299—311; *A. Fol.* Die Dorfgemeinde in Thrakien im ersten Jahrtausend v. u. Z. «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte». I. Berlin, 1969.

минать о том (стр. 70), что среди фракийских денежных знаков, выпущенных от имени различных племен, обращает на себя внимание обилие серебряных монет огромного веса — около 40 и 30 г. Столь крупные номиналы — явление для античной эпохи более чем редкое; их выпуск был связан с особыми, чрезвычайными обстоятельствами. Монеты такого веса — аттические декадрахмы чеканились в трех пунктах древней Греции — в Афинах, Сиракузах и Акраганте. Однако во всех случаях они выпускались не как ходячая монета, а в ознаменование каких-либо крупных событий, т. е. носили коммеморативный характер. В Афинах они чеканились с 490 по 480 г. до н. э. в ознаменование победы при Марафоне; вскоре после этого декадрахмы чеканили в Сиракузах — по случаю победы царя Гелона I над карфагенянами (об этом свидетельствует Диодор, рассказывающий, что жена Гелона I царица Демарета для выпуска этих монет использовала выкуп, который был уплачен карфагенянами за пленных соотечественников) [2].

В отличие от этого совершенно очевидно, что тяжелые монеты, чеканившиеся от имени фракийских племен дерронов, оррресков, ихнов, эдонов и бизалтов, — отнюдь не экстраординарная, а повседневная ходячая монета. Особенно это положение ярко выражено в чеканке дерронов. Достаточно сказать, что из 20 известных нам монет племени дерронов 18 являются декадрахмами (весят от 34,7 до 41,21 г) [3], т. е. 90% монет выпускались в самом крупном номинале, столь редком для монетной чеканки античного мира. Весьма обильна чеканка крупных номиналов и у других племен Южной Фракии. Очень редкие серебряные монеты весом около 28 г (октодрахмы) составляют здесь основу монетного обращения [4], что видно из следующих данных [5].

	Монеты бизалтов	Монеты эдонов	Монеты ихнов	Монеты оррресков
Известно монет	9	2	6	14
Из них октодрахмы (вес ок. 28 г)	6	2	3	2

Сравнительно небольшой процент октодрахм у оррресков все же не меняет общей картины. Кроме того, следует учесть, что такие крупные номиналы, как октодрахмы и статеры (ок. 10 г), вместе составляют в чеканке оррресков 35,03% от общего количества известных нам монет этого племени:

[2] *А. Н. Зограф.* Античные монеты. МИА, № 16, 1954, стр. 46—47.

[3] См. каталог монет дерронов в работах: *I. N. Svoronos.* L'Hellénisme primitif de la Macédoine prouvé par la numismatique et l'or du Pangée. JIAN, XIX, 1918—1919; *Т. Герасимов.* Находка от декадрахми на трако-македонското племе дерони, ИБАИ, XI, 2, 1937, *он же.* Декадрахма на тракийското племе дерони. ИБАИ, XX, 1955.

[4] Учитывая элемент случайности и возможность дальнейших нумизматических находок, мы все же уверены в том, что разительное преобладание крупных номиналов монет над мелкими не может быть изменено.

[5] Общее количество монет высчитано на основании каталога Г. Геблера (MP, S. 48—50, 55—57, 63—66, 89—92, 144—146) и Б. Хеда (HN, p. 192 f.).

Вес монет, в г	Число монет	Вес монет, в г	Число монет
Ок. 28	2	Ок. 4	3
Ок. 10	4	Ок. 1	8

Если принять во внимание, что в это время во всем окружающем фракийцев античном мире самыми распространенными номиналами были статеры — монеты весом 8—12 *г*, то становится ясным, что перед нами — специфическое явление, которое требует объяснения. Серебряная монета весом в 40 или 20 г в архаическую эпоху — целое состояние. Известно, например, что медими пшеницы продавался в Афинах и в восточной половине Эгейского побережья в IV в. до н. э. по 5—9 драхм[6]. Закупки, которые можно было произвести, пользуясь монетами таких крупных номиналов, как это было у указанных племен, не могли быть произведены частными лицами для своих личных нужд и предполагают приобретения для крупного коллектива людей.

Нельзя ли в этой особенности фракийской монетной чеканки усматривать отзвук древней формы коллективного производства и связанного с ним коллективного потребления, в которых принимало участие все племя или его значительная часть? Может быть, в этом явлении следует видеть сохранение древней традиции, проявлявшейся в VI—V вв. в форме торговых сделок, производимых для общих нужд племени?

Аналогичные соображения, касающиеся коллективного потребления, возникают при исследовании склада сосудов, служивших коллективным вместилищем продуктов для сравнительно большой группы лиц, обнаруженного в г. Пловдиве и датируемого VIII—VI вв. до н. э.[7]

Община, основанная на родственных отношениях, явственно проглядывает во фракийских эпиграфических материалах даже в сравнительно позднее для нашей темы время — в надписях эллинистического и римского периодов. Многие названия фракийских деревень происходят от личных имен и племенных наименований[8], что дает повод связывать возникновение этих деревень с поселением родственных коллективов. Особенно любопытно упоминание в одной из надписей «границ поля бендипаренов»[9], так как в наименовании жителей поселения звучит имя богини Бендиды, которая (помимо функций, идентичных с греческой бо-

[6] *А. Jardé.* Les céréales dans l'antiquité grecque. Paris, 1925, p. 179; *Х. М. Данов.* К вопросу об экономике Фракии и ее Черноморского и Эгейского побережий в позднеклассическую и эллинистическую эпохи. «Античное общество». М., 1967, стр. 136.

[7] Склад этих сосудов найден в г. Пловдиве при постройке училища; 38 сосудов, фракийских по форме, лежали в яме, служившей местом хранения (экспозиция Пловдивского музея, раздел «Железная эпоха»).

[8] От личных имен: IGBR, III, 2, N 1690[12]: κώμης Σκεδαβριης (от Σκελης — см. *D. Detschew.* Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957. S. 457); N 1690[47]: κώμης Κρασαλοπαρων (от Crasinia, Grasinius — см. *D. Detschew*, Указ. соч., стр. 266); N 1690[34]: κώμης Κουρπισου (от Curpennius, Curspena, Curspia — см. *D. Detschew.* Указ. соч., стр. 264).

От племенных наименований: IGBR, III, 1, N 1473; κωμητῶν Βρεντοπαρων (от βρέναι — см. *D. Detschew.* Указ. соч., стр. 86); III, 2, N 1711: κωμῆται Σκασκοπαρηνοι — см. *D. Detschew.* Указ. соч., стр. 456.

[9] IGBR, III, 1, N 1455.

гиней Артемидой) была «объединительницей, богиней-защитницей родовых объединений и совместно живущих» [10].

Для изучения общинных отношений представляет интерес и отрывок из «Анабазиса» Ксенофонта (VII, V, 12—13). В последнем русском издании (1951 г.) он переведен следующим образом: «Здесь у Салмидесса многие из плывущих в Понт кораблей садятся на мель и их прибивает затем к берегу, так как море тут на большом протяжении очень мелководно. Фракийцы, живущие в этих местах, отмежевываются друг от друга столбами и грабят корабли, выбрасываемые морем на участок каждого из них» (разрядка моя. — *Т. З.*). Аналогично переводят это место Г. Кацаров и, судя по трактовке этого текста, Б. Геров [11] и А. Фол. У последнего эта точка зрения проведена в наиболее категорической форме: он указывает на то, что участки принадлежали частным владельцам или главам патриархальных (видимо, малых?) семей; в целом он видит в событиях у Салмидесса указание на «типично территориальную общину» [12]. При такой трактовке греческого текста создается впечатление, что прибрежные участки у Салмидесса находились в частной собственности отдельных фракийцев. Перевод греческого текста должен быть, однако, как мне кажется, иным. Следует обратить внимание на то, что Ксенофонт, дважды говоря о тех, кому принадлежат огороженные участки, употребляет не единственное, а множественное число: «Фракийцы, живущие в этих местах, устанавливают у себя межевые столбы, и каждые (ἕκαστοι) грабят потерпевших у них (καθ' αὑτούς) кораблекрушение». Если принять такую трактовку текста, то отрывок воспринимается иначе: очевидно, что речь идет об участках, захваченных не одним человеком, а группой лиц, являющихся коллективными владельцами этого участка. Таким образом, текст «Анабазиса» дает повод говорить не о частном владении землей (в данном случае — что-то вроде рыболовецкого угодья), а о коллективном.

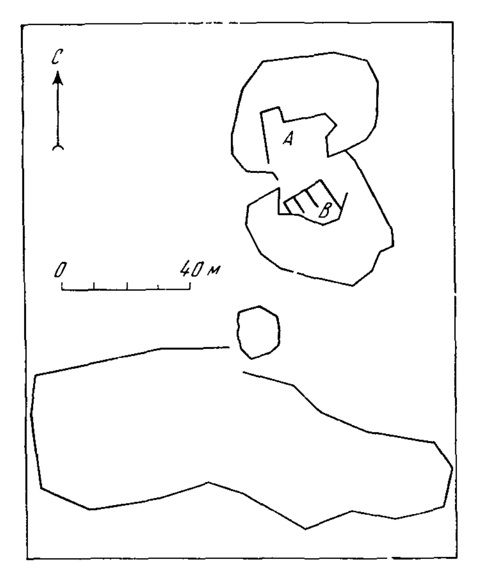
Существенно было бы выяснить, о каких хозяйственных коллективах может идти здесь речь, но текст «Анабазиса» не дает ответа на этот вопрос. В этой связи мы позволим себе привлечь данные археологических раскопок также из Южной Фракии, которые проливают некоторый свет на его решение, хотя и они, безусловно, носят локальный характер. В Родопах, у с. Драгойново Первомайского района в Болгарии обнаружено несколько фракийских поселений: у Малкия Асар, Церквище, Езеровско землище [13] (рис. 4 и 5). Постройки на поселениях у Драгой-

[10] *W. Tomaschek.* Die alten Thraker. «Sitzungsberichte der Wiener Akademie», Phil.-hist. Klasse, 1894, II, 1, S. 47.

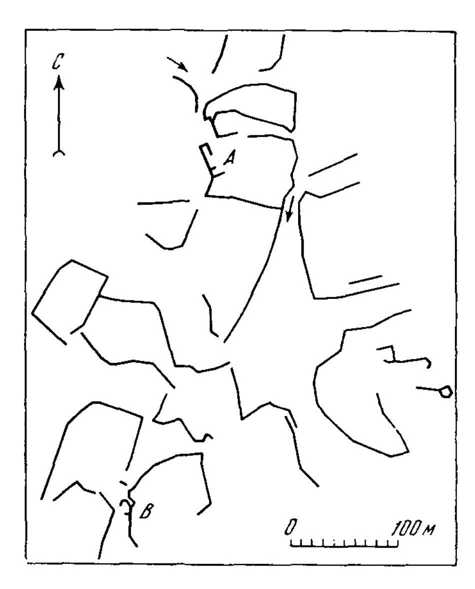
[11] *G. Kazarow.* Beiträge zur Kulturgeschichte der Thraker, Sarajevo, 1916, S. 46; *Б. Геров.* Проучвания върху поземлените отношения в нашите земи през римско време. ГСУ ФФ, т. 50, 1955, стр. 21.

[12] *A. Fol.* Указ. соч., стр. 313.

[13] *И. Велков.* Драгойново — един тракийски селищен център. ИБАИ, XIX, 1955, стр. 86—94. Датировке этого интересного памятника уделено мало внимания. Судя по тем литературным аналогиям, к которым прибегает И. Велков, фракийское поселение у Драгойново бытовало в V—IV вв. до н. э., т. е. оно по времени близко событиям, описываемым Ксенофонтом в «Анабазисе».

4. План фракийского поселения у с. Церквище близ Драгойнова
А, В — здания

5. План фракийского поселения у с. Малкия Асар близ Драгойнова
А, В — здания

нова вызывают большой интерес. Несмотря на то, что они не все раскопаны, все же можно составить себе представление об их размерах. На поселении у Малкия Асар здания имели площадь 240 и 120 м² (рис. 5, А, В), на поселении у Церквище — 225 и 360 м² (рис. 4, А, В). Назначению построек автор публикации не уделяет внимания. Однако многочисленные фрагменты тонкостенной керамики, круглая плитка, служившая для закрытия дымохода, найденные около них, и толщина стен этих построек (0,6—0,7 м) дают основание считать их жилищами.

В археологической и этнографической литературе обычно принято называть дома таких (да и несколько меньших) размеров самой различной планировки «большими домами», служившими жилищами для большесемейных коллективов. Б. Н. Граков при раскопках на скифском Каменском городище на Днепре, хронологически близком (IV в. до н. э.) к поселению у Драгойново, обнаружил несколько наземных жилищ и землянок больших размеров. Например, одно из них имело площадь 140 м², другое — 160 м², площадь третьего доходила до 200 м². Автор раскопок полагает, что в жилищах проживали большие патриархальные семьи, объединенные в одну семейную общину с общим культом очага [14]. Большие дома были распространены у древних германцев [15].

[14] *Б. Н. Граков.* Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 61, 62, 63.
[15] *W. Radig.* Die Siedlungstypen in Deutschland und ihre frühgeschichtlichen Wurzeln. Berlin, 1955, S. 55—64; *idem.* Frühformen des Hausentwicklung in Deutschland. Berlin, 1958, S 42—56; *F. Behn.* Die Entstehung des deutschen Baurenhauses, Berlin, 1957, passim

Весьма интересен, например, материал из раскопок поселения Эзинге в голландской провинции Гронинген [16]. В слое, датируемом IV в. до н. э., найден дом, длина которого превышала 24 м, а ширина равнялась 8 м (192 м²), в наиболее сохранившихся слоях III—I вв. до н. э. наряду с небольшими домами обнаружены и крупные (например, 23×7,2 м), которые исследователи считают жилищем больших родственных коллективов [17] или большой семьи, ведущей общее хозяйство [18]. Большие дома IV в. до н. э. — I в. н. э. обнаружены в западной, северной и восточной Германии [19]. Эти дома древних германцев следует считать жилищами больших семей, наличие которых в античное время засвидетельствовано у Цезаря и Тацита [20]. Более подробные сведения, касающиеся состава больших семей у германцев, можно извлечь из варварских правд; древнейшие части текста этих источников свидетельствуют о том, что в первые века нашей эры большая семья у германцев Западной Европы состояла из трех поколений: супругов, их женатых сыновей и детей этих последних [21]. К аналогичным выводам о соответствии больших домов большесемейным коллективам приходят и исследователи поселений черняховской культуры. Э. А. Рикман в сводной работе о больших домах носителей этой культуры [22] приходит к выводу, что они «были местом обитания патриархальных больших семей». Размеры этих домов колеблются в округленных цифрах от 90 до 130 м². Эти примеры можно умножить [23]. Среднее число членов большесемейных коллективов, конечно, было различным. М. О. Косвен приводит цифры, характерные для эпохи распада большой семьи: 70—60—50 человек, тут же отмечая, что раньше семьи были крупнее — 100 и более человек [24]. Он же приводит и максимальное число: 200—300 человек в задруге у словенцев, 250 — у болгар [25].

[16] *W. Radig.* Frühformen des Hausentwicklung..., S. 50—55; *F. Behn.* Указ. соч., стр. 15—16; *И. Н. Гроздова.* Типы крестьянских домов в Нидерландах и Бельгии в первой половине XIX в. «Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы». М., 1968, стр. 223.

[17] *W. Radig.* Frühformen des Hausentwicklung..., S. 57.

[18] *И. Н. Гроздова.* Указ. соч., стр. 223.

[19] *Н. М. Листова.* Крестьянские жилище Германии, Австрии и Швейцарии в XIX в. «Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы». М., 1968, стр. 182.

[20] *М. О. Косвен.* Семейная община и патронимия. М., 1963, стр. 126—132; *он же.* Патронимия у древних германцев. «Изв. АН СССР», серия истории и философии, т. VI, 1949, № 4, стр. 356—359; *Э. А. Рикман.* К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа. СЭ, 1962, № 3, стр. 136—137.

[21] *А. Д. Удальцов.* Родовой строй у древних германцев. «Из истории западноевропейского феодализма». МОГАИМК, 1935, вып. 107, стр. 11—12; *А. И. Неусыхин.* Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956.

[22] *Э. А. Рикман.* Указ. соч. стр. 133—134.

[23] Например: *Г. И. Анохин.* К проблемам заселения страны и возникновения поземельной общины в древней Норвегии. «Культура и быт народов Зарубежной Европы». М., 1967, стр. 51—54 и указанная там литература.

[24] *М. О. Косвен.* Семейная община и патронимия, стр. 65.

[25] Там же, стр. 49. Такие же цифры приводят Л. В. Маркова («Сельская община у болгар в XIX в.» — «Славянский этнографический сборник». М., 1960, стр. 67—68), Н. Н. Грацианская («Постройки словацкого крестьянства в XIX — начале XX в».— Там же, стр. 201, 203, 254).

Большие дома скифов, германцев и племен черняховской культуры, бывшие, по заключению исследователей, обиталищами большой семьи, могут (до некоторой степени) служить эталоном при определении и тех родственных коллективов, которые населяли дома во фракийском поселении у с. Драгойнова: следует полагать, что это были большесемейные общины с характерным для них хозяйственным единством.

Второй, не менее существенной для нас особенностью поселения у с. Драгойнова являются его каменные ограды. Они следуют рельефу местности и огораживают значительные пространства (1600, 1750, 5400 и даже 9600 м^2), внутри которых и находились описанные выше большие дома. Характер и назначение огороженных пространств автор раскопок определяет, привлекая отрывок из трагедии Эсхила «Персы» (ст. 869 и сл.). Эсхил, участвовавший в афинской экспедиции 475 г. за г. Эйон в устье р. Стримона, в области племени эдонов, называет фракийские жилища « ἔπαυλος ». Термин этот, по отношению к фракийским поселениям употребленный и у Аполлония Родосского (Argon., I, 798, сл.), в греческой литературе имеет два значения: 1) загон для скота и 2) жилище. Вместе с однокоренным словом αὐλή (огражденное стеной место, в котором имеется жилище и загоны для скота) оно сближается по смыслу с нашим словом «двор» или (благодаря приставке ἐπί-) приобретает значение «все то, что относится ко двору»[26]. Сопоставление термина « ἔπαυλος », употребленного Эсхилом, с данными раскопок у Драгойново дает представление о дворах, окруженных оградами, с расположенными на них жилищами. Любопытно, что дворы, окруженные частоколом, у фракийцев из племени тинов засвидетельствованы и в рассказе Ксенофонта. На назначение этих оград указывает сам Ксенофонт: «Из-за мелкого скота дома были окружены со всех сторон высокими частоколами» (Anab., VII, IV, 14). Внутри такого двора находилось у тинов и жилище, что явствует из того же места в рассказе Ксенофонта. Описание Ксенофонта поразительно совпадает с данными из Драгойново (разница в материале, из которого сделаны ограды, не представляется нам в данном случае существенной).

Небезынтересно в этой же связи обратить внимание на термин, которым Ксенофонт в том же «Анабазисе» обозначает проводников-фракийцев, вынужденных указывать грекам дорогу среди огороженных частоколами дворов своей деревни. Здесь (Anab., VII, IV, 14) Ксенофонт говорит о ὁ δεσπότης τῆς οἰκίας . Обычно это выражение переводят «хозяин дома» или «владелец дома»[27]. Нам, однако, представ-

[26] *И. Велков.* Драгойново, стр. 91—93. Так же трактует слово αὐλή и *М. О. Косвен* («Семейная община и патронимия», стр. 101). Иначе выражение Эсхила Θρῃκίων ἐπαύλων трактует Ф. Бласс (*F. Blass.* Aeschylos «Perser» und die Eroberung von Eion. «Rheinisches Museum für Philologie», N. F., XXIX, 1874, S. 842), полагающий, что оно обозначает свайные постройки, о которых говорит Геродот (V. 16). См. также: ***P. Perdrizet.*** Scaptésylé. «Klio», X, 1910, p. 8; *G. Kazarow.* Beiträge..., S. 27.

[27] *Ксенофонт.* Анабазис. М.-Л., 1951, стр. 203, *Х. Данов.* Югоизточна Тракия по сведения на Ксенофонт. ИИБИ, 1951, № 3—4, стр. 300.

ляется возможным передавать его другим значением: «глава домашнего очага (или хозяйства или семьи)», так как слово οἰκία имеет все эти значения и отнюдь не ограничено понятием «дом» (в смысле «здание», «строение»). Нельзя ли, таким образом, это выражение Ксенофонта наряду с термином «ἔπαυλος» («огороженный двор с жилищем на нем»), употребленным Эсхилом, а также данные археологии о больших домах считать доказательствами существования у фракийцев Родопских областей в V—IV вв. до н. э. большесемейных коллективов, являвшихся хозяйственными единицами? Нельзя ли видеть в них ту хозяйственную категорию, которую в этнографии принято называть «домохозяйство» или «двор» и которая соответствует тому, что у римлян обозначалось терминами domus и familia; у сербо-хорватов — «куча» «кыпца» или «задружна куча»; у восточных славян — «дом», «дворище» [28] и т. п.

Приведенные соображения дают основание возражать тем исследователям, которые считают фракийскую общину уже в V в. до н. э. типично территориальной [29].

Высказывая эти предположения, еще раз следует подчеркнуть, что они основаны на материале лишь некоторых областей Фракии; поэтому трудно сказать, в какой мере большесемейная община была характерна для всей страны [30] и что в целом в ней еще не ощущалось веяние новой раннеклассовой эпохи. Роль соседских, территориальных связей во фракийской общине эпохи становления государства прослеживается по рассмотренным выше источникам плохо [31]. Однако необходимо принимать во внимание множество других сведений об уровне развития у фракийских племен исследуемого времени торговли, денежного обращения и ремесла, о глубоком имущественном расслоении, о возникновении классовых антагонизмов и классов, о появлении множества лиц,

[28] *М. О. Косвен.* Семейная община и патронимия, стр. 47.

[29] А. Фол не прав, противопоставляя родовую общину (Sippengemeinde) патриархальной домовой общине (patriarchalische Hausgemeinde), которая-де приходит на смену родовой (см. *A. Fol.* Указ. соч., стр. 313, 316). На самом деле домовая община является одним из последних, наиболее поздних этапов общины, основанных на принципах родства (см. *Ф. Энгельс.* ПСЧСГ, стр. 61—62, 134, 139; там же см. указание на работы М. М. Ковалевского специально по этому вопросу).

[30] При всей скудости источников все же совершенно очевидно, что большие размеры жилищ, подобных жилищам Драгойнова, не были повсеместными. Так, например, при раскопках Ясатепе в Пловдиве жилище имело размеры 48 и 28 м² (*П. Детев.* Материалы за праистория на Пловдив. ГНМП. III, 1959, стр. 64—67, рис. на стр 43), а в Винице Шуменского района — 8,12; 9,65; 14,62 м² (*Цв. Дремсизова-Нелчинова.* Тракийско селище в чаша язовир «Виница». ИНМШ, 1967, № 4).

[31] В последней работе по древней Фракии профессор Х. М. Данов придает этим связям решающее значение и полагает, что есть основания считать фракийскую общину, по крайней мере уже со времени Гекатея (т. е. с VI в. до н. э.), земледельческой (см *Х. Данов.* Древна Тракия, стр. 303—307). Однако под термином «земледельческая община» Х. М. Данов, видимо, подразумевает не определенную ступень в развитии общинных отношений (1), родовая, 2) сельская — территориальная — земледельческая община), а сельский характер фракийских поселений, отличных от городов (полисов) греков· его аргументация построена только на том, что фракийские поселения в античной традиции называются не полисами, а деревнями (комами).

оторванных от своего родового коллектива, и о других явлениях, имевших следствием возникновение государственных образований. Принимая во внимание, кроме разобранных источников, и эти данные, вероятно более правильно все же классифицировать большинство фракийских общин этого периода как соседско-большесемейные, т. е. как общины переходной формы[32], стоящие между архаической, основанной на отношениях кровного родства, и территориальной земледельческой общиной, по классификации К. Маркса[33].

Данные о коллективных формах землепользования у фракийцев и в более позднее, чем исследуемое, время сообщают нам многие источники. Речь идет, прежде всего, о тех сведениях, которые можно почерпнуть из 24-й оды третьей книги од Горация[34].

11. vivunt et rigidi Getae,	11. Живут и непреклонные геты,
12. immetata quibus iugera liberas	12. Которым неразмежеванные участки земли
13. fruges et cererem ferunt.	13. Приносят свободные плоды и урожай хлебов.

Упомянутые здесь «неразмежеванные участки земли» (immetata iugera) указывают на общинную форму землепользования, сохранение неподеленной между членами общины пахотной земли и, возможно, на коллективное потребление урожая, собираемого с этой земли (liberae fruges — «свободные плоды» — возможно, надо понимать как «никому в отдельности не принадлежащие»). Наличие общей неразмежеванной земли в более раннее, чем горациево, время можно усмотреть и в свидетельстве Арриана (Anab., I, 4) о том, что воины Александра Македонского не могли пройти через густые хлеба на полях гетов и должны были раздвигать колосья сариссами, с трудом продвигаясь вперед. Материалы римского времени дают основание утверждать, что в Придунайских областях и во Фракии общинные связи были чрезвычайно прочными[35]. Об этом свидетельствуют как многочисленные надписи о границах полей, находившихся в ведении сельских общин[36], так и ряд других данных.

[32] К. Маркс говорил о первобытных общинах, «отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования и обозначающих фазы последовательной эволюции» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 19, стр. 417).

[33] Там же, стр. 403, 413—414, 417.

[34] О научной ценности этой оды мне приходилось говорить раньше (см. *Т. Д. Златковская*. К вопросу об общинном землевладении в период становления классового общества (по фракийским материалам). СЭ, 1970, № 5, стр. 52—53).

[35] *Е. М. Штаерман*. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, стр. 230, 231; *А. Ранович* Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М., 1949, стр. 247 сл.; *Т. Д. Златковская*. Мёзия в I—II вв. н. э. М., 1951, стр. 20, 86—87; *О. В. Кудрявцев*. Эллинские провинции Балканского полуострова в II в. н. э. М., 1954, стр. 306; *A. Bodor*. Contribuţii la problema agriculturii în Dacia înainte de cucerirea romană. SCIV, t. VII, N 3—4, 1956, p. 253—266; t. VIII, N 1—4, 1957, p. 137—148; *M. Macrea*. Procesul separării oraşului de şat la Daci. «Studii şi referate privind istoria Romîniei». Bucuresti, 1954, I, p. 137—140.

[36] *Б. Геров*. Указ. соч., стр. 50—51; *А. Ранович*. Указ. соч., стр. 246; *В. Велков*. По някои проблеми на късноантично село в Тракия. ИИI, V, 1958; *A. Fol*. Указ. соч.

Доказывая существование общинных отношений в некоторых из западных провинций Римской империи, Е. М. Штаерман обратила внимание на два различных термина в надписях для обозначения сельских жителей: vicani и possessores. Виканы и поссессоры выступают как представители двух различных категорий населения. Поссессоры — владельцы частных имений (сам термин possessio идентичен терминам villa или fundus). Село (vicus) противопоставляется в известном смысле вилле, отличаясь от нее, в частности, тем, что оно находилось на земле, не поступившей в частную собственность ветеранов, колонистов и других наделявшихся землей лиц. Достоверность такой трактовки указанных терминов и для фракийских земель подтверждается интересной надписью из Малой Скифии (Добруджа), где речь идет об установлении межевых столбов между землями жителей села Бутеридавы (vicani Buteridavenses) и землями частного владельца (villa)[37]. Особенно же интересна для нас надпись 238 г. н. э. из южнофракийской деревни Скаптопары, в которой фигурируют оба термина — convicanus и conpossessor. И хотя в данной надписи они относятся к одному и тому же лицу — Аврелию Пирру, существование этих двух терминов в лаконичном лексиконе лапидарного документа подтверждает мнение о различии понятий, определяемых ими. Следует отметить, что наряду с обычными для восточных провинций городскими должностями во Фракии имелась и специальная должность арбитра по размежеванию общинных земель: κριτὴς καὶ ὁροθέτης[38].

Не менее важны и другие, хотя и косвенные, свидетельства существования общинных отношений во Фракии. Среди них отмечают обычай, бытовавший у солдат — выходцев из Придунайских областей и Фракии, объединяться для совместных религиозных и иных действий по принципу племенной принадлежности или по месту жительства в одном селе, в чем они резко отличались от солдат, происходивших из других областей Римской империи, объединявшихся для аналогичных целей по принципу принадлежности к тому или иному военному подразделению (легиону, кагорте, але)[39]. В этом обычае солдат, навербованных во фракийских землях, усматривают проявление обычая взаимопомощи соседей при различных работах, который практиковался у жителей областей до вступления их в римскую армию[40]. Значительная роль племен-

и др. Из Южной Фракии происходит множество надписей, упоминающих ὅρος (IGBR, III, № 1092, 1390, 1550), τεθέντες ὅροι ἀγροῦ (IGBR, III, № 1455^{2-8}, 1472^{2} ^{5} ὅροι κώμης (IGBR, III, № 1514), ὅρος φυλῆς (IGBR, III, 1036), ὅρος χορτοκοπίων (IGBR, III, № 1401^{7}) и др.

[37] CIL, III 14447; По чтению этой надписи В. Пырваном, частным владельцем был фракиец, по чтению И. Руссу — римлянка. Но в той и в другой трактовке надписи деление на владельцев, с одной стороны, общинных, с другой — частных земель сохраняется.

[38] IGBR, III, 1401; *А. Ранович*. Указ. соч., стр. 246.

[39] *Е. М Штаерман*. Указ. соч., стр 230 и прим. 12—14 (автор приводит интересные надписи из района Сердики и Филиппополя).

[40] *Е М. Штаерман*. Рабство в III—IV вв. н. э. в западных провинциях Римской империи. ВДИ, 1951, № 2, стр. 97.

ных и сельских общин проявилась в римское время и в наличии здесь племенных и сельских культов (например, богиня Скоптитиа, имя которой связано с названием села; бог Тасибастен, почитавшийся в городе Тасибаста; богиня Монтана, получившая свое имя от civitas Montanensium; сходного происхождения, вероятно, были и некоторые эпитеты фракийского всадника) [41].

Все эти данные указывают на жизненность общинных традиций и в более позднее, чем изучаемое, время.

СОБСТВЕННОСТЬ ЦАРЯ НА ЗЕМЛЮ

Исследователи истории Фракии неоднократно касались весьма важного вопроса — о собственности царя на земли Одрисского царства. Весьма определенно высказался в этом плане Д. П. Димитров [42], указав на раздачи фракийскими царями земель своим приближенным, а также на термин Ксенофонта «земля отцов», примененный по отношению к завоеванным землям; еще более определенно говорит Д. П. Димитров о царских землях в эллинистическое время и связывает их развитие с ростом крупных земельных владений, концентрировавшихся вокруг укрепленных вилл. С его теорией близко сходится мнение А. Фола, считающего, что одним из основных путей возникновения города во Фракии был рост поселений вокруг крепости (хориона, тюрсиса) — резиденции басилея (ville royale); в этой специфике фракийского города А. Фол видит указание на объединение населения под властью царя, который становится верховным собственником земли [43]. Х. Данов, лишь вскользь коснувшийся этой проблемы в работе 1951 г. [44], позже более подробно остановился на некоторых ее аспектах; он обратил внимание на свидетельства о приказах фракийских царей своим подчиненным засевать для царских нужд специальные участки земли [45].

Первый из аргументов сторонников теории верховной собственности фракийского царя на землю — царские раздачи. Действительно, Ксенофонт в «Анабазисе» упоминает многочисленные раздачи царем деревень, поселений, крепостей (Anab., VII, II, 25, 36, 38; VII, III, 19; VII, V, 8; VII, VI, 43; VII, VII, 1, 2, 50). Корнелий Непот (*Corn. Nep.*, Jphicr., III, 4) также сообщает о том, что царь Котис I в благодарность за военную помощь отдал афинскому полководцу свою дочь в жены и подарил ему обширное владение. Существенны и привлеченные Х. Дановым свидетельства Псевдо-Аристотеля и Полиена, указывающие на право

[41] *Е. М. Штаерман.* Кризис рабовладельческого строя..., стр. 231 и прим. 18—19, где автор ссылается и на надписи из фракийских областей.

[42] *Д. П. Димитров.* За укрепените вили и резиденции у траките в предримската епоха. «Изследования в чест на акад. Д. Дечев». София, 1958, стр. 695—696.

[43] *A. Fol* De développement de la vie urbaine dans les pays entre le Danube et la mer Egée jusqu'a la conquête romaine. EB, 1965, № 2—3, p. 317.

[44] *Х. М. Данов.* Югоизточна Тракия.., стр. 304.

[45] *Х. М Данов* К вопросу об экономике Фракии..., стр. 136—137

царя вводить экстраординарные меры, обеспечивающие дополнительный доход путем специального засева земли. Важны и соображения Д. Димитрова и А. Фола о возникновении города вокруг укрепленной царской резиденции. Добавим, что в качестве материала, дающего повод для анализа сходных явлений, может быть привлечена надпись Касандра из Потидеи, свидетельствующая о том, что македонский царь превращал завоеванные земли в царскую собственность и раздавал затем в качестве награды за военную службу [46]. В целом эти свидетельства дают, как кажется, основание для утверждения о существовании во Фракии царской собственности на землю.

Так же как Х. М. Данов, я считаю, что еще не настало время для законченной характеристики сельскохозяйственного производства во Фракии и царской земельной собственности [47]. Тем не менее хочется высказать некоторые дополнительные соображения о царской собственности на землю во Фракии, возникшие при изучении имеющихся в нашем распоряжении ограниченных материалов.

В этой связи следует обратить внимание на два сообщения Ксенофонта. В первом из них он дает совет царю, как лучше заботиться о стране, которую считаешь «своей собственной»: εἰ δὲ καὶ τῆς χώρας προνοεῖσθαι ἤδη τι δεῖ ὡς σῆς οὔσης (Anab., VII, VII, 33). Во втором (VII, III, 31) он говорит, что с помощью греков Севт обретет те обширные земли, которые он оставил, хотя они принадлежали его отцу. Последний отрывок интересен в том отношении, что он делает более или менее ясной причину, по которой фракийские цари считали земли фракийских племен царскими. Она кроется в завоевании, превращавшем земли фракийцев, свободные от поборов, дани и т. п., в подвергавшиеся различного рода обложениям. Вручая царю греческих солдат, Ксенофонт говорит ему: «С ними, если это будет угодно богам, ты обретешь и те обширные земли, которые тебе пришлось оставить, хотя они и принадлежали твоему отцу, и множество коней, мужей и прекрасных жен, и тебе не придется добывать все это грабежом, но эти люди сами поднесут их тебе как подарки» (Anab., VII, III, 31). Эту же мысль можно заметить и в словах самого Севта (Anab., VII, II, 34). Надо отметить, однако, что сказанное о собственности царя на землю можно с большим основанием относить к землям завоеванных силой фракийских племен, тогда как на территории племени одрисов, из которого происходил сам царь, ему приходилось считаться с происходящим захватом части общинных земель родовой знатью, представителем которой он сам являлся.

Следует обратить внимание на то, что дарения фракийского царя всегда обозначаются в источниках глаголом δίδωμι (давать, дарить)

[46] *M. Rostowzew*. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats. Leipzig — Berlin, 1910, S. 251; *С. И. Ковалев*. Македонская оппозиция в армии Александра, «Изв. ЛГУ», 1930, № 2, стр. 162; *А. С. Шофман*. История античной Македонии, ч. 1. Казань, 1960, стр. 111 и прим. 3.

[47] *Х. М. Данов*. К вопросу об экономике Фракии..., стр. 136.

и производными от него[48]. Эта устойчивая терминология симптоматична. Она указывает на передачу земли только в дар (но не продается царем и не покупается), что может служить указанием на право собственности царя на даримую им землю.

Как можно судить по источникам, земля служит царю средством уплаты приближенным лицам за различные оказанные ему услуги, военачальникам, способствовавшим захвату власти над фракийскими племенами (*Xenoph.*, Anab., VII, II, 36; VII, III, 19; VII, V, 8; VII, VI, 43; VII, VII, 50), он предлагает землю в качестве выкупа за свою невесту (VII, II 36) и т. д. Поводом для царских земельных дарений, таким образом, являются услуги, оказанные лично царю, который выступает, как кажется, в качестве частного лица. С другой стороны, следует отметить, что Севт раздает земли в самых различных частях страны. Он дарит населенные пункты как на побережье, так и далеко от него, в глубине страны, обещает командирам греческого войска земли столько, сколько они пожелают. Создается твердое впечатление, что Севт распоряжается самовольно не своим родовым наделом (который должен был бы находиться на собственно одрисской племенной территории и скорее всего быть сосредоточенным в одном месте), а землей Одрисского царства, т. е. выступает не как частное лицо, но фигурирует в качестве главы государства, политического ее руководителя. Это дает основание предполагать, что во Фракии не существовало различия во владении землей царем как политическим руководителем государства и царем как частным лицом, т. е. отсутствовала грань между частноправовыми и публичноправовыми категориями в отношении собственности царя на землю.

Отсутствие этой грани дает повод в этом разделе высказать некоторые соображения о наследовании земли царями Фракии. Претензия Севта на земли ряда фракийских племен (меландинов, тинов и тринипсов), основанная на том, что ими владел его отец, проходит красной нитью через разделы «Анабазиса», посвященные Фракии. Она особенно четко сформулирована в речи Севта, в которой он подчеркивает, что это — отцова земля (*πατρῴα χώρα*), его, Севта, отечество, его царство и что отец Севта — Майсад всеми этими землями ранее обладал, пока его не изгнали взбунтовавшиеся племена (VII, II, 32—34).

Это право, кажущееся Севту бесспорным, а нарушение его — беззаконием, не было общепризнанным во фракийском обществе. Как только власть одрисов ослабела, племена, бывшие в подчинении у Майсада, изгнали царя и освободились таким образом от обязательств перед ним. Восстановление этого права потребовало длительной войны.

Хотелось бы осветить, хотя бы в незначительной мере, очень важный для нашей темы вопрос о соотношении царской земельной собственности и общинной собственности. Судя по имеющимся материалам, мож-

[48] *Xenoph.*, Anab., VII, II, 38 — δίδωμι (δώσω); VII, VI, 43— ἀποδίδωμι (ἀποδώσειν); VII, VII,1— δίδωμι (δεδόμεναι); VII, VII, 50—ἀποδίδωμι (ἀποδώτω) *Corn. Nep.*, Jphicr., III, 4.

но сказать, что экономической формой реализации собственности царя на землю была дань, собираемая с подданных. Т. е. одним из проявлений права собственности царя было владение землей через посредство общинника и пользование ею путем взимания дани с него[49]. Возможно, между собственностью царя и общины были соотношения собственности верховной и подчиненной[50].

Власть фракийского царя приобрела функции племенных органов власти, представлявших некогда интересы всего племени и действовавших от имени совокупности свободных членов племенной общины. Захват одрисскими царями права верховной собственности на землю был результатом присвоения ими права коллективной собственности членов племени на землю. В сосуществовании общинной и царской собственности во Фракии скорее всего следует видеть сочетание традиций общинно-родового общества (со свойственной ему коллективной собственностью членов племени на землю) и возникающих характерных особенностей раннеклассового государства, когда царь начинает выступать как суверен и действует от имени народа, захватывая его права, в том числе и право на земельную собственность, превращая землю всего народа в свою (resp.— государственную) землю. Подобный процесс, соответственно измененный, происходил на землях провинций Римской империи, которые объявлялись государственной собственностью (императора — в императорских провинциях или римского народа — в сенатских провинциях, в том числе и во Фракии[51]). Здесь эта государственная собственность выступает как реликт ager publicus, хотя практически в период империи провинциальные земли потеряли свойства общественной собственности римского народа, могли покупаться и продаваться[52].

Существенны и поземельные отношения между царем и лицом, получившим от него в дар деревни, укрепленные поселения и т. п. Ниже будет сделана попытка обосновать тезис о том, что царь оставался верховным собственником и тех деревень, укрепленных селений и т. п., которые были им подарены, и что права их новых владельцев были ограничены.

[49] Полное отсутствие сведений о людях, работающих в царских хозяйствах, документов хозяйственной отчетности из царских дворцов, о самих этих обширных дворцах и хранилищах запасов и других свидетельств существования крупных дворцовых хозяйств (подобных древневосточным или крито-микенским) во Фракии не кажется случайным. Впрочем, решить этот вопрос могут лишь дальнейшие археологические исследования в Болгарии.

[50] Об этих двух формах собственности, вместе составляющих так называемую разделенную собственность, см.: *А. В. Венедиктов.* Государственная социалистическая собственность. М.—Л., 1948, главы II и III; *И. М. Дьяконов.* Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. ВДИ. 1967, № 4, стр. 17—19.

[51] *Б. Геров.* Указ. соч., стр. 28—29.

[52] *Е. М. Штаерман.* Кризис рабовладельческого строя..., стр. 30.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Сложные экономические и социальные процессы развития общинно-родового общества ведут к изменению коллективной формы собственности на землю. Ф. Энгельс указывает на те бреши, которые были пробиты этими процессами в родовом строе. Среди них он прежде всего отмечает возникновение обмена, затем товарного производства и, наконец, денег и денежного обращения, сделавших возможным появление частных денежных и земельных богатств. Возникновение частной собственности является одним из главных симптомов разрушения родового строя. Ф. Энгельс рассматривает частное богатство как *один* из тех новых социальных элементов, которые взрывают общества, основанные на родственных отношениях [53].

Ряд исследователей истории доримской Фракии высказывались положительно относительно возникновения и существования частной земельной собственности в этой стране до н. э. Г. Кацаров упоминает знать, которая жила в своих поместьях (Güter). А. Милчев считает, что с V в. до н. э. земля находилась в руках рабовладельческого класса и свободных мелких производителей. Х. Данов неоднократно возвращался к этому вопросу, указывая, что значительные и наиболее плодородные земли находились в руках племенных вождей и приближенных к ним знатных лиц. Эту же мысль высказывает Б. Геров. Д. П. Димитров значительно подкрепил эту точку зрения, расширив аргументацию в ее пользу за счет литературных и археологических свидетельств о существовании укрепленных вилл правителей [54].

Для большинства названных ученых вопрос о частной собственности во Фракии VII—V вв. до н. э. не был предметом специального исследования, поэтому их высказывания носят главным образом общий характер. Исключение составляет очень интересное и широко аргументированное исследование Д. П. Димитрова об укрепленных виллах, касающееся, однако, только возникновения крупной земельной собственности во Фракии. Другие исследователи используют главным образом один источник — «Анабазис» Ксенофонта, точнее, указывают те параграфы его, которые свидетельствуют об одном (и, как думается, не единственном и не главном) из путей создания частной собственности — царских раздачах и дарениях. Сознавая всю сложность этой проблемы вообще и во Фракии, лишенной сколько-нибудь ценных источников по этому вопросу, в частности, я только хочу ввести в научный оборот некоторые новые источники и интерпретировать старые, ее касающиеся, чтобы высказать некоторые соображения, отнюдь не претендующие на всестороннее и окончательное решение этого сложного комплекса вопросов.

[53] *Ф. Энгельс.* ПСЧСГ, стр. 26, 100, 167.

[54] *G. Kazarow.* Beiträge.., S. 16; *А. Милчев.* Социално-икономическият и обществено-политически строй на траките VIII—IV в. пр. н. е. ИИ, VI, 1948—1949, стр. 546; *Х. М. Данов.* Югоизточна Тракия..., стр. 299; *Б. Геров.* Указ. соч., стр. 18; *Д. П. Димитров.* За укрепените вили..., стр. 683—699.

Дробление собственности крупных родственных коллективов. Выделение собственности малых семей

Ф. Энгельс, прослеживая пути возникновения частной собственности, в качестве одного из них отмечает: «Право отдельных лиц на владение земельными парцеллами, предоставленными им первоначально родом или племенем, упрочилось теперь настолько, что эти парцеллы стали принадлежать им на правах наследственной собственности»[55]. Этот же путь можно проследить и во Фракии.

Разбирая материалы из Драгойнова в разделе об общинной собственности, мы акцентировали те признаки, которые указывают на коллективный принцип владения у фракийцев. Теперь следует рассмотреть их с иной точки зрения: не дают ли они сведений, указывающих на вызревание иных, частнособственнических тенденций во фракийском обществе? В этой связи еще раз следует обратить внимание на ограды, окружающие дворы поселения (рис. 4 и 5). Как отмечалось, это весьма капитальные сооружения, построенные из крупных каменных блоков, глубоко вбитых в землю; между ними засыпана забутовка из более мелких камней. Толщина этих оград весьма внушительна: от 1,10 до 1,30 *м*[56]. Ограды дворов могут служить указанием выделения домохозяйств, состоящих, как уже приходилось отмечать, из больших семей. Последние четко отделяют свое имущество от других подобных коллективов. Капитальность сооружений подобных оград дает возможность считать, что эти участки скорее всего не переделялись, по крайней мере, что домохозяйства владели ими в течение очень долгого времени, оправдывающего строительство подобного рода. По-видимому, собственность большесемейного коллектива на приусадебный участок и скот была отделена от общей собственности рода, которая могла сохраняться на другие виды имущества, в том числе на пахотную землю. Во всяком случае, перед нами явление, указывающее на дробление родовой собственности на собственность более мелких родственных коллективов. В этом явлении следует, вероятно, видеть начало процесса возникновения частной собственности, которое обычно совпадает с возникновением семейной общины[57]. Важно, что и во Фракии объектом большесемейной собственности становится приусадебный участок, подобно тому как он же при распаде большой семьи на малые в первую очередь становится объектом частной собственности[58].

Выделение большесемейной собственности из родовой сопровождалось во Фракии бурными столкновениями. Ксенофонт (Anab., VII, V, 13) рассказывает, что установление пограничных столбов между прибреж-

[55] *Ф. Энгельс.* ПСЧСГ, стр. 167.
[56] *И. Велков.* Драгойново..., стр. 86—94.
[57] *М. О Косвен.* Семейная община и патронимия, стр. 115; *А. И Першиц.* Развитие форм собственности в первобытном обществе. СЭ, 1955, № 4, стр. 27—28 и указанная там литература.
[58] *М О. Косвен* Указ. соч.

ными участками сопровождалось целыми сражениями, нередко приводившими к убийствам[59].

Материалы из Драгойнова дают, как представляется, возможность судить и о начале другого, сравнительно более позднего, чем только что описанный, этапа в процессе возникновения частной собственности на землю во Фракии. Некоторые черты этого поселения, прослеживающиеся в его планировке, указывают на хозяйственное обособление малых семей. Это явление можно заметить в начавшемся делении крупных большесемейных дворов на более мелкие. Так, план северного двора в Церквище указывает на то, что двор хотя еще не разделился полностью, но его две части уже явно начали обособляться. Этот процесс сказался в появлении на этом когда-то общем дворе двух отдельных домов (рис. 4, А и В).

Очень много для выяснения процесса выделения малых семей и появления частной собственности могло бы дать изучение жилищ на поселении. К сожалению, раскопки в Драгойнове дали очень мало в этом отношении. Интерес вызывает план одного из домов (В) в северной половине поселения у Церквище, разделенного перегородками на три части; эти перегородки не доходят до противоположной стены, деля на три части лишь северо-западную половину дома, тогда как его юго-восточная часть осталась неподеленной. Из-за отсутствия указаний о месте расположения очага можно лишь предполагать, что перед нами начало выделения малых семей, отмеченное появлением «углов», отгороженных частей дома, при сохранении его общей (неподеленной) части. Размеры этих отгороженных частей дома (36, 30 и 24 *м*²) не противоречат предположению о пребывании здесь малых семей. Более показателен в этом же отношении совершенно самостоятельный малый двор, расположенный близ самого большого из дворов Драгойнова, в южной части Церквище. Малые размеры этого дворика (он подовальной формы, диаметры его 12 и 15 *м*) существенно отличают его от всех других и указывают на небольшой коллектив в качестве его владельца, скорее всего — малую семью.

Существенно отметить, что домохозяйства, дворы которых составляют сравнительно с другими меньшую площадь (3500, 4800, 5400 *м*² и т. п.), группируются в единое поселение с примыкающими друг к другу оградами, тогда как очень большие родственные коллективы, дворы которых занимают бо̀льшую площадь (например, 9600 *м*²), выделились в отдельные хутора (нижняя часть рис. 4). Не является ли это признаком большей хозяйственной самостоятельности сравнительно более крупных и богатых домохозяйств? Любопытно, что все отмеченные выше симптомы появления малых семей на поселении Драгойново мы наблюдали именно в этих наиболее крупных домохозяйствах, каждое из которых составляло отдельный хутор. Очевидно, здесь происходило выделение малых семей ранее, чем в других больших семьях, меньших по чис-

[59] *Xenoph*., Anab., VII, V, 13: «Рассказывают даже, что до размежевания многие из них погибали, убивая друг друга при грабежах».

лу членов и, вероятно, менее экономически подготовленных к началу этого процесса.

Последствия появления частной собственности на землю со всей ясностью сформулированы Ф. Энгельсом: «Полная, свободная собственность на землю означала не только возможность беспрепятственно и неограниченно владеть ею, но также и возможность отчуждать ее. Пока земля была собственностью рода, этой возможности не существовало. Но, когда новый землевладелец окончательно сбросил с себя оковы верховной собственности рода и племени, он порвал также узы, до сих пор неразрывно связывавшие его с землей»[60].

Этот процесс отрыва от земли свободного общинника очень ярко отразился во фракийских материалах. Это прежде всего многочисленные свидетельства о нарушении принципа совместного проживания членов одного рода или племени на одной территории, расселение их по всей стране и за ее пределами. Как известно, Ф. Энгельс видел в этом «перемешивании» результаты торговой деятельности, перемены занятий и процесса отчуждения земельной собственности[61] — явлений, несвойственных родовому строю. Развитие этого процесса можно проследить во Фракии в его различных проявлениях. Среди них прежде всего надо указать на широкое участие фракийцев в наемных войсках многих государств и отдельных полководцев античного мира. Первые сведения о фракийцах-наемниках относятся к очень раннему времени — началу VII в. до н. э., к периоду так называемой Лелантской войны. Это была длительная война между двумя крупнейшими городами острова Евбеи — Халкидой и Эритрией за Лелантскую равнину, славившуюся своими горячими ключами и богатыми медными и железными рудниками. Плутарх, ссылаясь на Аристотеля, сообщает, что на помощь Халкиде были посланы войска из Фракии (*Plut.*, Amat., 17). Учитывая, что Халкида приблизительно с 730 г. до н. э. проводила интенсивную колонизацию Южной Фракии и что Лелантская война началась около 700 г. до н. э., можно считать хронологически допустимым присутствие вспомогательного отряда из фракийцев в халкидской армии. В этом случае, как и в более позднее время, о котором у нас есть определенные сведения, речь может идти только о военном наемничестве, так как греческие колонии, выведенные Халкидой во Фракию, конечно, не имели права военного набора фракийцев, пленники же в качестве воинов, как правило, не использовались. Значительно ярче наемничество отражено в источниках, описывающих время Писистрата. И Геродот и Аристотель — два источника, освещающие связи Писистрата во Фракии, отмечают существенную роль солдат, навербованных в этой стране, для восстановления власти тирана в Афинах. Геродот (I, 64) сообщает, что Писистрат, в третий раз подчинив себе Афины, укрепил свою власть «многочисленными наемниками» (ἐπικούροισί τε πολλοῖσι). Эти данные подтверждает и Аристотель (Ath. pol., 15, 2), трактующий те же события: «Оттуда он (Пи-

[60] *Ф. Энгельс.* ПСЧСГ, стр. 167.
[61] Там же, стр. 168.

систрат. — *Т. З.*) переехал в окрестности Пангея. Запасшись там деньгами и навербовав солдат, он на 11-м году приехал в Эритрию...» Изображения конной охраны в варварском костюме, появившиеся со времени Писистрата на аттических вазах, можно поставить в связь с этими сообщениями.

Приведенные свидетельства нельзя рассматривать как повествующие о событиях случайных или кратковременных. Масштаб военного наемничества во Фракии V в. до н. э. явствует из более поздних сообщений. Свидетельства об участии фракийцев в наемных войсках в период Пелопоннесской войны очень многочисленны[62]: 1000 фракийских солдат-наемников в афинском флоте во время операции против г. Менды (*Thuc.*, IV, 129), 1300 наемников из фракийского племени диев, пришедших в Афины для участия в Сицилийской экспедиции (*Thuc.*, VII, 27); большое количество наемников-одомантов, набранных их царем по требованию Клеона (*Thuc.*, V, 6); об одомантах-наемниках сообщает и Аристофан (Acharn., 153); 1500 солдат из Фракии в армии Брасида. Таким образом, во время Пелопоннесской войны южнофракийские племена составляли большую часть наемнического контингента.

Весьма значительным было количество фракийцев-наемников в составе армии Кира Младшего во время похода 10 000 греков: например, 800 фракийцев-пелтастов, набранных Клеархом главным образом в Херсонесе (*Xenoph.*, Anab., I, II, 9); фракийцы-наемники под руководством фракийца Милтокита (*Xenoph.*, Anab., III, II, 7).

Наемничество не было единственной формой получения заработка для оторванных от общины и племени фракийцев. Вероятно, они находили применение своему труду и в различных отраслях хозяйства. В этом отношении интересно донесение Мегабаза Дарию о том, что делалось после персидского завоевания (в конце правления Гиппия) в области нижнего Стримона, вокруг г. Миркина, который персидский царь подарил милетскому тирану Гистиею за его верность персам (*Herod.*, V, 124). В этом донесении он сообщает, что около Миркина «там, где имеются в изобилии корабельный лес, дерево для весел и серебряные рудники, живет множество эллинов и варваров, которые, признавши его (Гистиея. — *Т. З.*) главенство над собою, будут делать все, что бы он ни приказал, днем или ночью» (*Herod.*, V, 23). Мегабаз опасается, что Гистией сможет опереться на поддержку смешанного населения на нижнем Стримоне, использовать его для строительства на корабельных верфях и в рудниках. Возможно, эта ситуация создалась и раньше, и опасения персов, как отметил П. Юр[63], возникли по ассоциации с ролью этой области в возвышении и обогащении Писистрата еще в середине VI в. Не может быть сомнений также и в том, что разработка золотых приисков в Скаптесиле, о которой сообщает нам Фукидид (IV, 105), ве-

[62] *Л. П. Маринович.* Греческие наемники в конце V — начале IV в. до н. э. ВДИ, 1958. №4, стр. 75, прим. 18; *G. Kazarow.* Beiträge..., S. 75, 76.
[63] *P. W. Ure.* The Origin of the Tyrannis, JHS, XXVI, 1906, p. 61—62.

лась руками наемных рудокопов, скорее всего из числа местных жителей.

Этот процесс расселения и отрыва от исконного места жительства коснулся не только мужчин-фракийцев, но и женщин-фракиянок. Весьма популярно в античной традиции имя Фии — статной женщины, вместе с которой Писистрат, нарядив ее богиней Афиной, вернулся после первого изгнания в Афины. Геродот считает, что она происходила из дема пеанийцев в Аттике (I, 60), но Аристотель приводит и другое мнение — что она была фракиянкой (Ath. pol., 14, 4). Профессию ее указывает тот же Аристотель — она была продавщицей венков. Это сообщение подтверждается изображением богини Афины с венком на голове[64] на монетах времени первой реставрации Писистрата. Широкую известность во всей Греции в дни Сапфо и Эзопа приобрела гетера из Навкратиса по имени Родопис, фракиянка по происхождению, как указывает Геродот (II, 134—135). Судя по имени, она была из Южной Фракии, из области Родопских гор[65]. Можно привести и другие примеры.

Наиболее ярким свидетельством рассматриваемого процесса было появление грабителей[66]. Эта категория населения Фракии, превратившаяся в более позднее время в социальное бедствие[67], четко улавливается уже в VI — начале V в. до н. э. благодаря фракийским надписям этого времени, содержащим заклинания против грабителей[68].

Появление множества рабов фракийского происхождения в полисах Греции и в других странах, о чем подробнее будет сказано ниже, следует связывать не только с разорением общинников, но и с потерей ими свободы. Конечно, многие из фракийцев попадали в рабство во время войн, но Геродот указывает и на иной его источник: «У фракийцев,— сообщает он, — существует обычай продавать своих детей на чужбину» (V, 6). Важно отметить указание источника на постоянство института продажи детей, ставшее обычаем (ὁ νόμος). О продаже детей в рабство у бизалтов сообщает и логограф Харон из Лампсака (*Athen*., XII, 520 d.). Сведения Геродота и Харона вводят нас в круг явлений, связанных чаще всего с тяжелым долговым правом. Они свидетельствуют о случаях обеспечения долга не землей (или не только землей), но личностью должника или его детей. Лишив человека свободы, лишали его

[64] *P. W. Ure*. Указ. соч., стр. 56.

[65] Возможно, правы Х. Данов («Към историята на робството в древна Тракия». ИП, V, 1949, стр. 408) и В. Велков («Робството в Тракия и Мизия през античността». София, 1967, стр. 32), считающие, что Фия, так же как гетера Родопис, была рабыней, но точных данных об этом нет.

[66] *Д. П. Димитров*. Революционни брожения в Тракия и Мизия през римско време. ИП, III, 1946/47.

[67] Удивительно, что С. Мулешков не заметил всех этих категорий лиц, оторванных от своих родовых коллективов, и даже категорически отрицает возможность их появления («Обществено-икономическият строй на траките от VIII—IV в. пр. н. э». ИИБИ, 1951, № 3—4, стр. 167).

[68] Имеются в виду четыре надписи на серебряных сосудах из Башевой могилы у с. Дуванлия; надпись на серебряном блюде из кургана у с. Александрово Ловчанского района; надпись на надгробной плите из с. Кьолмен Преславского района. Подробнее об этих надписях см. стр. 108—112.

этим и земли, тем более что рабов, как правило, не оставляли во Фракии, а продавали на чужбину. К сожалению, отсутствуют данные о самом процессе, а имеются, как видим, свидетельства лишь о его результатах [69].

Эта конечная ситуация очень сходна с той, которая сложилась в Аттике конца VII — начала VI в. до н. э. перед реформами Солона. Хорошо известны стихотворения Солона, рисующие картину разорения бедняков, многие из которых, проданные в рабство на чужбину, влачат позорные цепи (*Solo*, 23, 3). Солон вернул на родину многих проданных в рабство на чужбину (*Solo,* 24, 9), запретил продавать в рабство дочерей и сестер (*Plut*., Sol., 23, 2) и т. д. Об этой ситуации в Афинах Ф. Энгельс писал: «Если сумма, вырученная при продаже земельного участка, не покрывала долга или если заем не был обеспечен залогом, то должник вынужден был продавать своих детей в рабство в чужие страны, чтобы расплатиться с кредитором. Продажа детей отцом — таков был первый плод отцовского права и моногамии! А если кровопийца все еще не был удовлетворен, он мог продать в рабство и самого должника. Такова была светлая заря цивилизации у афинского народа» [70].

И хотя сходство итогов социально-экономических процессов не всегда свидетельствует о сходстве самих процессов на всем протяжении их развития, все же есть основания высказать предположение о том, что во Фракии, подобно тому как это было в Аттике, обнищание и порабощение земледельцев связано с потерей ими экономических связей со своей общиной и отрывом их от основного средства производства — земли. Пути, по которым шел этот процесс, намечаются исследователями различно [71]. Г. Свобода [72] видит в этих-явлениях действие долгового права. Он полагает, что обеспечение долга личностью должника было древнейшим институтом; долговое право возникло в Аттике в конце VII — начале VI в., во-первых, в результате несостоятельности должника и обращения его в рабство, во-вторых, как следствие добровольного заклада земли и личности должника, приводившего последнего к состоянию полусвободного. В. Вудхауз [73], исходя из принципа неотчуждаемости земли, считал, что крестьянин передавал кредитору за полу-

[69] Исследование процесса возникновения частной собственности в результате разложения общинно-родовых отношений заставляет меня возразить А. Фолу, который полагает, что во Фракии «собственность на землю развилась не от общины к частному владельцу, а от нее (т. е. общины.— *Т. З*) к царю» (*А. Фол*. Възникване и развитие на мекедонския град през VI—II вв. до н. э. ГСУ ФИФ, т. VII, кн. II, стр. 143). Указанный этим исследователем путь, безусловно, существовал (см. ниже), но он отнюдь не был единственным.

[70] *Ф. Энгельс*. ПСЧСГ, стр. 112.

[71] Изложение и глубокий критический анализ работ по этому вопросу дан в книге: *К. К. Зельин*. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. М., 1964, стр. 198—218; в дальнейшем я широко пользуюсь данными этого исследования.

[72] *H. Swoboda*. Beiträge zur griechischen Rechtsgeschichte. Weimar, 1905; *К. К. Зельин*. Указ. соч., стр. 199.

[73] *W. Y. Woodhouse*. Solon the Liberator. London, 1938; *К. К. Зельин*. Указ. соч., стр. 200—201.

ченную ссуду сначала право на получение $^1/_6$ доли урожая, а не сумевши выкупить это право и все более увязая в долгах, вынужден был увеличивать отдаваемую долю урожая до $^5/_6$ и т. д.; исчерпав эти возможности, он, как полагает этот исследователь, брал ссуду под залог своей личности и членов своей семьи, превращаясь в случае дальнейших неудач в раба; землю в таком случае захватывал кредитор. Д. Лотце[74] более последовательно придерживался в своих рассуждениях соблюдения принципа неотчуждаемости земли в Аттике; он считает, что кредитор превращал несостоятельного должника в зависимого земледельца: должник, владея той же землей, что и раньше, должен был теперь работать на кредитора, отдавая $^1/_6$ и бо̀льшие доли урожая. Н. Хэммонд[75] в отличие от Лотце и Вудхауза обосновывал идею существования в Аттике двух видов землевладения: в форме 1) неотчуждаемого участка, принадлежавшего роду или большой семье и 2) отчуждаемого участка, находившегося в частной собственности. Владельцы первого вида участков в случае невыплаты ссуды становились издольщиками — гектоморами. Владельцы же участков второго вида в аналогичном случае теряли землю, а сами, по мнению Хэммонда, превращались в рабов.

Таким образом, авторы работ, касавшихся земельной проблемы и генезиса института гектоморов и рабов-должников в Аттике конца VII — начала VI в., исходили из принципа сохранения основ родового права, в частности сохранения принципа неотчуждаемости коллективных родовых участков земли. Однако их априорная предпосылка расходится, как правило, с их же выводами. Так, по Вудхаузу, должник превращается сначала в гектомора, но потом в раба, которого можно продать на чужбину; совершенно очевидно, что этот проданный раб терял право владения участком. Применение продажи земли с правом выкупа, которую Вудхауз считает единственной формой передачи земли кредитору, ничего не меняло, так как это право часто практически не осуществлялось. Та форма владения землей (через захват личности должника), которую отстаивает Лотце, также указывает по существу на одну из форм присвоения земли. Теория же Хэммонда исходит из наличия отчуждаемых участков в Аттике. Таким образом, сторонники теории сохранения принципа неотчуждаемости участков в Аттике предсолоновой эпохи не столько доказывают его существование, сколько изучают формы отхода и нарушения этого принципа.

Более обоснованные выводы из изучения социально-экономических отношений делают другие исследователи. К. М. Колобова с большим основанием видит в продаже земли с правом выкупа древнейшую форму присвоения земли («хитроумные видоизменения родового права»); она указывает на существование еще в досолоновскую эпоху различных форм движения земельных участков (ипотеку, ограниченную возмож-

[74] *D. Lotze.* Hektemoroi und vorsolonisches Schuldrecht. «Philologus», Bd. 102, H. 1—2. Wiesbaden, 1958, S. 1—12; *К. К. Зельин.* Указ. соч., стр. 209—212.

[75] *N. G. Z. Hammond.* Land Tenure in Attika and Solon's Seisachtheia. JHS, LXXXI, 1961; *К. К. Зельин.* Указ. соч., стр. 213—215.

ность продажи) и их концентрацию[76]. К. К. Зельин также решительно выступил против безоговорочного признания неотчуждаемости земли в ранней Аттике. Он считает, что должно быть учтено не только разнообразие форм реализации того или иного юридического принципа (в данном случае — принципа неотчуждаемости земли), но и фактическое нарушение, обход права[77]. В свете данных об имущественной дифференциации фракийского общества, основанной главным образом на концентрации земельных богатств, сам факт присвоения общинных земель (находившихся как в коллективном пользовании рода, так и в пользовании больших семей) кажется более чем вероятным.

Следует ли, однако, считать, что во Фракии в VII—V вв. до н. э. принцип отчуждаемости земельных участков приобрел юридическую силу? Или же больше оснований видеть в появлении обедневших свободных, выбитых из привычных условий родового быта, примеры «обхода» принципа неотчуждаемости земли, все еще действующего? Основывалось ли отчуждение земли во Фракии на долговом праве или же проводилось насильственным образом, путем захвата, оккупации? Каково было соотношение той и другой формы экспроприации? Судя по масштабам фракийской эмиграции, данным о глубокой имущественной поляризации общества (см. стр. 162—168), можно полагать, что исследуемый период включал несколько этапов перехода от случайных и единичных нарушений этого принципа до возникновения юридических и социальных отношений, уже основанных на нем. Не может быть сомнений в том, что долговое право, очень суровое у народов, стоящих на ранней ступени исторического развития, и в жизни фракийцев играло большую роль. Однако вслед за К. К. Зельиным, исследовавшим аналогичную ситуацию в Аттике VI в. до н. э., мне представляется, что фактор насильственной экспроприации земли и во Фракии играл немаловажную роль. Кровавые сражения у Салмидесса при захвате участков земли и установлении межевых столбов (*Xenoph.*, Anab., VII, V, 13), о которых уже упоминалось, дают достаточно оснований для такого утверждения.

Подводя итог сказанному, можно прийти к заключению, что одной из форм возникновения частной земельной собственности было отчуждение земельных участков общинников при сохранении свободы тех лиц, которые ранее ими пользовались и вынуждены были теперь уходить из родных мест в поисках применения своего труда, т. е. что в этом случае развитие частной собственности происходило путем захвата земли, но не личности.

Другой путь захвата земли в частную собственность приводил сначала к захвату личности, к превращению должника (или его детей) в рабов, а затем, как следствие первого обстоятельства, и к захвату земли. Затруднительно сказать, чем следует объяснять различие в юридическом положении экспроприированных лиц: величиной долга, разли-

[76] *К. М. Колобова.* Издольщина в Аттике. ПИДО, 1934, № 11—12; *она же.* Революция Солона. «Ученые записки ЛГУ», серия истор. наук, вып. 4, 1939.
[77] *К. К. Зельин.* Указ. соч., стр. 218—241.

чием видов землепользования или же другими причинами. Однако при констатации этих конечных результатов, связанных с возникновением частной собственности во Фракии, надо постоянно иметь в виду ограниченный масштаб отмеченных выше явлений. Ведущая роль свободного крестьянина, жизненность общинных отношений и сравнительно небольшая роль рабовладения, о чем нам еще придется говорить, отражали иные, доминирующие социально-экономические процессы во Фракии. Экспроприация земли и рабство-должничество улавливаются лишь как тенденция развития и чаще выступают в незавершенной форме — в виде различных поборов или прямой эксплуатации труда свободных фракийцев, остающихся членами общины, коллективными владельцами общинных земель.

Царские дарения

Появление в результате внутреннего развития родового общества частной собственности на землю шло параллельно с другим процессом, в основе которого лежали царские дарения. Выше я указывала на различные случаи царских дарений, поводом для которых служили услуги, оказанные царю различными лицами. Чаще всего в «Анабазисе» упомянуты обещания царя подарить поселения Ксенофонту (VII, II, 36; VII, V, 8; VII, VI, 43; VII, VII, 50) [78], что объясняется спецификой этого источника. Тем не менее ясно, что Севт собирался расплачиваться и с другими руководителями греческого войска землями Фракии. Имеются и другие данные о многочисленных [79] земельных дарениях Севта своим приближенным, оказавшим ему различные услуги. Любопытна фигура фракийца Медосада — правой руки Севта II. Не располагавший до победы Севта сколько-нибудь значительным имуществом (VII, VII, 9), Медосад становится богатым в результате верной службы царю. Он принимал самое активное участие в борьбе за подчинение царю племен, удачно проводил несколько дипломатических миссий, будучи послом Севта (VII, I, 5; VII, II, 10 и 24; VII, VII, 1 и 11). Аналогичную карьеру делает в войске одрисского царя и грек из Маронеи по имени Гераклид. И другой источник, Корнелий Непот, рассказывает о земельных дарениях фракийского царя за оказанную ему военную поддержку (*Corn. Nep.*, Iphicr., III, 4).

Думается, все же не случайно все примеры дарений касаются лиц, оказавших царю услуги, главным образом военные, связанные с покорением восставших или завоеванием новых племен. Это был один из путей, ведущих к формированию служилой знати, обязанной своим возвышением царю.

[78] Он так и не расплатился с Ксенофонтом, с которым у него испортились отношения (Anab., VII, III, 19), но первоначально он явно намеревался отдать ему поселения Ган, Висанфу и Неон.

[79] Гераклид, приближенный Севта, говорит Ксенофонту: «Может быть, ты захочешь получить в этой стране укрепленные стенами города и поселения, какие уже получили многие (разрядка моя.— *Т. З.*) из нас» (*Xenoph.*, Anab., VII, III, 19).

Дарения царя обозначаются в «Анабазисе» Ксенофонта различными терминами: деревня (κώμη : VII, VII, 1; VII, VII, 2), укрепленное поселение (χώρα, χωρίον : VII, II, 25; VII, II, 38; VII, III, 19; VII, VI, 43; VII, VII, 50)[80], крепость (τεῖχος : VII, V, 8).

О правах лиц, получивших от царя земельное дарение, можно высказать лишь самые предварительные соображения. Они основываются на двух речах Медосада, передаваемых Ксенофонтом в «Анабазисе». В первой из них (VII, VII, 3) Медосад — владелец одной из подаренных ему царем деревень выражает свое возмущение Ксенофонту по поводу того, что греческое войско, остановившееся на постой, расхищало имущество его деревни: «Ксенофонт [говорил Медосад], вы поступаете несправедливо, опустошая наши деревни (τὰς ἡμετέρας κώμας πορθοῦντες)». Ниже будет высказано предположение, что этот эпизод следует толковать как свидетельство получения Медосадом дани с крестьян «его деревни», выражавшейся в каких-то долях с их урожая. Во второй речи (VII, VII, 16), сказанной Медосадом по тому же поводу, он продолжал: «Наши друзья по справедливости не должны были бы испытывать от вас никакого зла. Ведь то зло, которое вы причиняете им, вы наносите нам, так как они ведь наши (ἡμέτεροι γάρ εἰσιν)». Если в первой речи Медосад называет «своей» деревню, то во второй «своими» он называет «друзей», под которыми следует подразумевать ее жителей[81]. Это выражение дает как будто повод говорить о личной зависимости крестьян от владельца деревни. Однако из всего контекста следует, что Медосада волнует не судьба крестьян, а только ущерб, который греки наносят их имуществу. Последнее обстоятельство скорее свидетельствует о существовании экономических обязательств, которые были тем больше, чем более устойчивым было имущественное положение крестьян. Это обстоятельство все же склоняет к мысли, что выражение «они ведь наши» и в этом случае указывает на право собирать дань. Царское дарение, таким образом, меняло только объект внесения подати[82].

Как кажется, передача права сбора дани частному лицу не лишала царя статуса верховного собственника земли. Существенно в этой связи обратить внимание на то, что Медосад, требуя, чтобы Ксенофонт со своими воинами прекратил грабеж его деревни, выступает не от своего

[80] М. И. Максимова специально занималась выяснением значения термина χωρίο у Ксенофонта в «Анабазисе»; применительно к поселениям малоазийских племен она устанавливает три их значения: 1) укрепленное место для хранения запасов, 2) небольшое укрепленное поселение; 3) центральное крупное укрепление с улицами и цитаделью (*М. И. Максимова*. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, стр. 127). Если выбирать из этих трех значений термина, то в наших случаях ближе всего второе.

[81] Это ясно из ответа Ксенофонта Медосаду (*Xenoph.*, Anab., VII, VII, 18).

[82] В раннеклассовых средневековых европейских обществах очень ярко был выражен процесс превращения публично-государственных повинностей в частные, во многих случаях происходивший вследствие дарственного акта короля. Несмотря на сходство в отдельных чертах развития этого процесса, во Фракии его отличают сохранение за царем собственности на землю, а за земледельцами — личной свободы, ограниченность прав знати, получавшей дар, и масштаб явления.

имени, т. е. не от имени владельца царского дарения, а от имени правителя юго-восточной части царства Севта и призывает в поддержку своим требованиям представителя царя всего Одрисского царства Медока: «И мы приказываем вам — я от лица Севта и этот человек (самый влиятельный из фракийцев, пришедших к Севту от одрисского царя.— *Т. З.*) от Медока — уйти из этой страны» (VII, VII, 2). На авторитет Севта Медосад ссылается и еще раз (VII, VII, 16: «Я ведь только говорю — и Севт говорит то же самое...»). Потеряв после ответной речи Ксенофонта поддержку представителя одрисского царя, Медосад явно меняет тон: очевидно, поддержка одрисского царя имела вполне реальную силу.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в источниках отсутствуют указания на случаи дарения, продажи и т. п. земли, которые осуществлялись бы кем-либо, кроме самого царя или правителей отдельных частей Фракии (парадинастов). Если принимать во внимание этот argumentum ex silentio, то можно считать, что речь идет об ограниченной собственности на землю лиц, получивших ее в дар от царя или парадинаста. Может быть, права этих владельцев земли были аналогичны тем, которые известны нам по македонским данным: здесь цари отдавали свою собственность во владение на время или же пожизненно[83]. В. Тарн высказывает мнение, что каждый новый царь переутверждал владельцев[84].

В исторической литературе уже было обращено внимание на то, что различные категории права пользования, владений и т. п. обозначались в античных, в частности греческих, источниках различными терминами[85]. В «Анабазисе», напротив, как уже было отмечено, дарение земли во всех случаях обозначается глаголами, в основе которых лежит один и тот же глагол «давать», «дарить». Не может ли это обстоятельство служить указанием на одинаковые права лиц, получающих дарение? В этом новом для Фракии виде землевладения, несмотря на зачаточные его формы, можно заметить начало еще одного из путей возникновения частной собственности на землю. Царь, владеющий землями Одрисского царства, отдает часть своих прерогатив (сбор дани в какой-либо местности) частному лицу, чаще всего дружиннику.

Переплетение государственной и частной собственности на землю, вообще характерное для докапиталистических формаций[86], четко выступает и во Фракии.

[83] *А. Фол.* Възникване и развитие на македонския град..., стр. 147 и прим. 21, где указаны эпиграфические источники и литература по этому вопросу. Правда, все эти материалы относятся ко времени не ранее середины IV в. до н. э.

[84] *W. Tarn.* Antigonos Gonatas. Oxford, 1913, p. 193.

[85] *Е. И. Голубцова.* Формы зависимости в эллинистической Малой Азии. ВДИ, 1967, № 3, стр. 29—32; *С. Л. Утченко.* Доклад на конференции античников 29 мая 1968 г. в Москве (Архив Института всеобщей истории АН СССР).

[86] *К. Маркс.* Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 15: «У античных народов противоречивая форма государственной земельной собственности и частной земельной собственности, так что последняя опосредствуется первой, или сама государственная земельная собственность существует в этой двойной форме».

Выделение частной земельной собственности малых семей из коллективных владений родственных групп, таким образом, сочетается у фракийцев, как и у многих других варварских народов, с захватом земли правителем государства, его соправителями, дружинниками и другими приближенными лицами. Здесь идут параллельно два взаимосвязанных процесса появления частной собственности: в результате распада общинно-родовых отношений и в результате возникновения молодого государства.

Индивидуальная собственность на вещи

Развитие частной собственности ярко проявилось в стремлении указать имя хозяина ценной вещи или написать магическую формулу с целью отпугнуть грабителя. Значительная часть известных нам фракийских надписей VI—V вв. (все они сделаны с помощью греческого алфавита) выполняет именно эти функции. Сакральный характер этих надписей указывает на ограниченность применения письменности. Но сам факт ее появления и применение сравнительно развитой формы письма — буквенно-звукового — безусловно, существенное явление в духовной культуре страны, тесно связанное с общим уровнем ее развития[87].

В нашем распоряжении 9 надписей на сосудах из глины и серебра, на перстнях и других предметах из богатых погребений главным образом V в. до н. э.[88]. Надписи эти, как отмечают изучавшие их ученые, не содержат имени мастера, их сделавшего: они выбиты или прочерчены уже после изготовления вещей; кроме того, качество гравировки надписей много грубее, чем изображений на сосудах.

I. Надпись ΔΑΔΑΛΕΜΕ на серебряном блюде. Башева могила[89].

II. Надпись ΔΑΔΑΛΕΜΕ на серебряном блюде. Башева могила[90].

III. Надпись ΔΑΔΑΛΕΜΕ на серебряном ритоне. Башева могила[91].

IV. Надпись ΔΑΔΑΛΕΜΕ на серебряной чаше. Башева могила[92].

V. Надпись ΣΚΥΘΟΔΟΚΟ на золотом перстне. Голяма могила[93].

VI. Надпись ϘΟΤΥΟΣ ΕΓΓΗΙΣΤΩΝ на серебряном блюде. Курган у с. Александрово Ловчанского района[94].

VII. Надпись ΙΠΠΟΜΑΧΘΣ на глиняном блюде. Кукова могила[95].

VIII. Надпись ΤΗΡΗΣΑΜΑΤΟΚΟΥ ΠΑΔΡΥ на серебряном сосуде. Браничево (IV—III вв. до н. э.)[96].

[87] *В. А. Истрин.* Возникновение и развитие письма. М., 1965, стр. 531.

[88] Даты более ранние или более поздние отмечены в прилагаемом ниже перечне надписей особо.

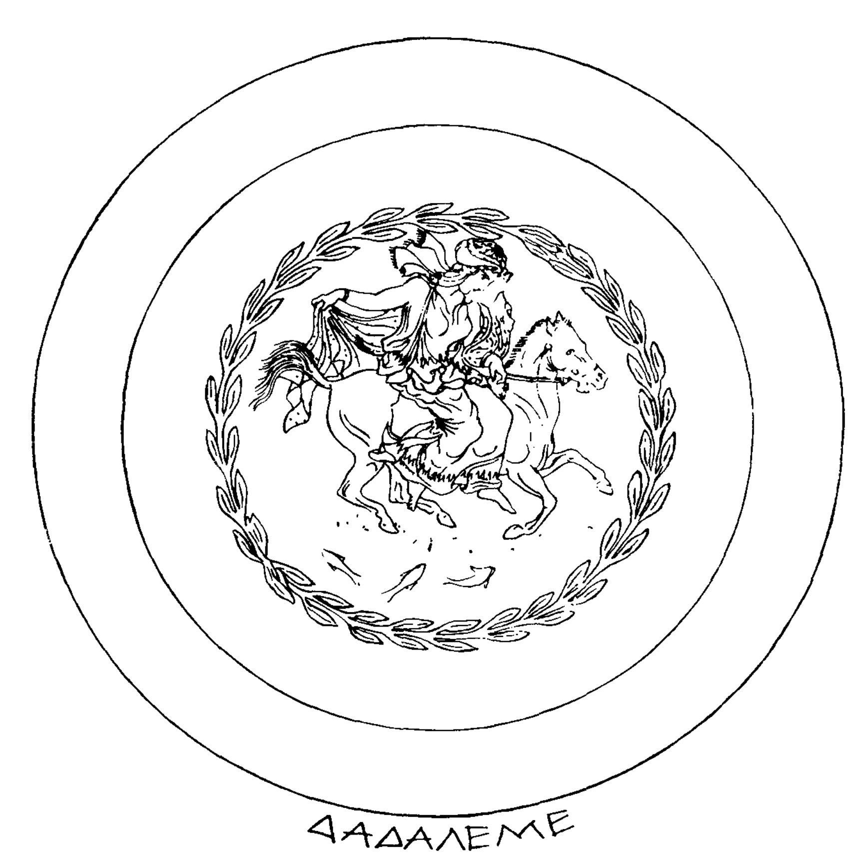
[89] *И. Велков.* Могилни гробни находки от Дуванлий. ИБАИ, VI, 1930—1931, стр. 10; *Б. Филов.* Надгробните могили при Дуванлий в Пловдивско. София, 1934, стр. 63.

[90] *И. Велков.* Указ. соч.; *Б. Филов.* Указ. соч., стр. 65—66.

[91] *И. Велков.* Указ. соч.; *Б. Филов.* Указ. соч., стр. 67.

[92] *И. Велков.* Указ. соч., стр. 12; *Б. Филов.* Указ. соч., стр. 67.

[93] *Б. Филов.* Новооткрити тракийски гробници от Дуванлий, ИБАИ, VII, 1932—1933, стр. 226; *он же.* Надгробните могили при Дуванлий, стр. 105.

6. Серебряное блюдо с надписью из Башовой могилы

IX. Надпись ΕΒΑΡ. ΖΕΣΑΣΝ ΗΝ ΕΤΕΣΑ ΙΓΕΚ. Α ΝΒΛΑΒΑΗΓΝ ΝΥΑΣΝΛΕΤΕΔΝΥΕΔΝΕΙΝΔΑΚΛΤΡΣ́ на надгробной плите. Кьолмен, Преславский район (VI в. до н. э.) [97] (см. табл. V в конце книги).

[94] *В. Добруски.* СНУНК, XVIII, 1901, стр. 769; *Б. Филов.* Паметници на тракийското изкуство. ИБАД, VI 1916—1918, стр. 33; *он же.* Надгробните могили при Дуванлий стр. 180; *G. Seure.* «Revue arch.», 1922, № 1, p. 60 (или «Archéologie thrace», IIe série, 2. partie, Paris, 1925, p. 33).

[95] *Б. Филов.* Дуванлий. Надгробните могили при Дуванлий, стр. 58.

[96] *Ц. Дремсизова.* Надгробна могила при с. Браничево, Коларовградско. «Изследования в чест на акад. Д. Дечев». София, 1957, стр. 450—451.

[97] *В. Георгиев.* Тълкованието на старшния тракийски надпис от с. Кьолмен, Преславско. «Археология», 1965, № 4, стр. 1—9.

Обратимся к переводу и толкованию этих надписей.

I—IV. Итог полемики о смысле надписи ΛΑΔΑΛΕΜΕ на четырех сосудах из Башевой могилы подвел В. Георгиев, который предложил их новое толкование. Он полагает, что надпись содержит три фракийских слова: Δα, δαλε με : «Земля (Деметра), спаси (защити) меня»[98]. Надпись представляет собой, по мнению В. Георгиева, заклинание, которое должно было охранять прах покойного[99]. Последнее утверждение автор подкрепляет тем, что в одном из сосудов находились обожженные кости покойного. Таким образом, надпись как будто не имеет отношения к вопросу о собственности. Обратим, однако, внимание на то, что ΔΑΔΑΛΕΜΕ написано не только на сосуде с прахом и костями покойного, но и на трех других без остатков кремации. Более вероятно поэтому предположение, что надпись сделана в качестве заклинания для спасения от грабителей и сохранения нетронутыми в могиле сосудов (а не праха!).

V. Надпись ΣΚΥΘΟΔΟΚΟ на золотом перстне из Голяма могила с высокохудожественным изображением всадника представляет собой фракийское имя Σκυθοδοκος [100] в родительном падеже [101] и воспринимается как имя хозяина перстня.

VI. Слово ἐγγηΐστων в надписи на серебряном блюде из Александрово Б. Филов первоначально толковал как название какого-то фракийского племени; впоследствии он отказался от этого предположения[102]. Новую трактовку надписи дал В. Георгиев: «Котиса. Пусть будут лежать в земле». К чему относятся слова «Котиса» — к костям покойника или же к самому предмету, В. Георгиев решает по-разному: то восстанавливает — «[эти предметы] Котиса», то, исходя из сходства в размерах сосудов с костями из Башевой могилы и сосуда из Александрово, — «[пепел и кости] Котиса». Находка поступила в музей без описания погребения, и решить этот вопрос окончательно трудно. Позволю себе только заметить, что если исходить из размеров сосудов, то александровский сосуд ближе по своим габаритам к башевским сосудам без костей, чем к сосудам с костями.

VII. Надпись ΙΠΠΟΜΑΧΣ , процарапанную на глиняном блюде, Б. Филов читает Ἱππόμαχ(ο)ς [103]. Отсутствие безударной гласной *о* в окончании имени представляет собой характерное для фракийского языка явление[104], и перед нами, таким образом, фракизированное имя гре-

[98] *В. Георгиев.* Тракийският език. София, 1957, стр. 5—9.
[99] Там же, стр. 6, 22.
[100] *Б. Филов.* Надгробните могили при Дуванлий, стр. 105, 232, 240.
[101] Уже Б. Филов толковал окончание -*о* (вместо -*ου*) как старинную генетивную форму. Наличие именно этого окончания родительного падежа ед. числа подтверждено надписью на сосуде из Делул Грэдиштей в Орэштие, Румыния: Decebalus per Scorilo — Децебал, сын Скорило; о том, что Децебал был сыном Скорило, свидетельствует Фронтин (об этом см: *В. Георгиев.* Указ. соч., стр. 25).
[102] *Б. Филов.* Паметници на тракийското изкуство, стр. 31, сн. 3; *он же.* Надгробните могили при Дуванлий.
[103] *Б. Филов.* Надгробните могили при Дуванлий, стр. 58.
[104] *В. Георгиев.* Указ. соч., стр. 14.

ческого происхождения, которое трудно (судя по месту находки сосуда с надписью в погребении) связать с именем какого-либо фракийского бога [105].

Еще более невероятно, имея в виду фракийский политический строй первой половины V в. до н. э. и полную сохранность сосуда, было бы предположить, что перед нами остракон. Скорее всего надпись представляет собой имя владельца сосуда.

VIII. Надпись из с. Браничево В. Георгиев переводит: «Терес Аматоков. Отец-покровитель, помоги (защити)» [106]. В. Георгиев не исследует здесь вопроса о том, к чему относятся слова «Терес Аматоков (сын)». Судя по тому, что обожженные кости найдены в амфоре, стоящей отдельно от остального погребального инвентаря [107], можно полагать, что Терес Аматоков был хозяином сосуда (что, конечно, не исключает и того, что он же был здесь похоронен).

IX. Трехстрочная надпись из с. Кьолмен — явление уникальное. Ее толкование и языковая характеристика, сделанные академиком В. Георгиевым, имеют огромное значение для вопросов этногенеза фракийцев, их религиозной истории и для индоевропейского языкознания. Важна она и для данного раздела. Автор публикации предлагает следующий перевод:

> Ебар (сын) Зесаса, я 58 лет жил здесь.
> Не повреждай этого,
> Не оскверняй самого покойника, чтобы тебе не
> сделали того же.

Перед нами, как и в надписях I—IV, VIII, заклинание против грабителей, которые могут потревожить и разграбить могилу. Не вызывает сомнения, что надписи имеют магический смысл, в основе их лежит стремление оградить могилу от разграбления при помощи сакральной формулы [108]. Другой смысл этих надписей, также ощущаемый во всех этих текстах, — это стремление сохранить за умершим те вещи, которые принадлежали ему при жизни. Надпись IX особенно характерна в этом отношении. Заклинание, выраженное императивной формой глагола, повторяется в надписи из с. Кьолмен дважды: во второй и в третьей строках. В надписи в третьей строке точно указан объект: «не оскверняй самого покойного» (по-фракийски: N ua(s?) sn letedn ued (n). Слово

[105] Посвящения божествам делались фракийцами чаще всего на фрагментах сосудов; представление об этом дают нам фракийские надписи на черепках VI—V вв., открытые К. Леманом на о. Самофракии, где было святилище Кабиров (см. *K. Lehmann* Documents of the Samothracian Language. «Journal of the American School of Classical Studies at Athens», XXIV, 1955, p. 93—100).

[106] *В. Георгиев.* Указ. соч., стр. 23—25.

[107] *Ц. Дремсизова* Указ. соч., стр. 446.

[108] В. Георгиев приводит идентичные стандартные формулы, встречаемые на фригийских надгробиях («Тълкуването на старинния тракийски надпис от с. Кьолмен», стр. 5).

let-ed-n соответствует латинскому mortuum — «покойник»; это слово родственно слову letum — «смерть»[109]. При изучении лапидарного памятника, где каждое слово выбивалось на камне, естественно предположить, что в надписи во второй строке («не повреждай этого») речь идет не о покойнике, а о погребальном инвентаре.

Приведенные надписи являются свидетельством развившейся к концу VI в. до н. э. индивидуальной собственности на ценные вещи (ювелирные изделия, богатую утварь и т. п.). Заклинания против грабителей отражают сложившуюся идеологию собственника вещей, еще более четко выраженную в надписях с именами владельцев.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ФОРМАХ СОБСТВЕННОСТИ В РЕМЕСЛЕ И РУДНОМ ДЕЛЕ

Высокий уровень ремесленного производства и рудного дела во Фракии дает основания предполагать соответствующие формы производственных отношений, в частности форм собственности. Для выяснения их приходится прибегать к косвенным свидетельствам, очень ограниченным и спорным источникам. Возможно, поэтому отсутствуют специальные работы, посвященные этой проблеме. Я попытаюсь осветить лишь некоторые ее аспекты. Они касаются прежде всего гончарного производства.

Гончарное производство

Материалом для исследования служит интересная коллекция гончарных изделий из раскопок Севтополя, опубликованная М. Чичиковой[110]. Это около 160 фрагментов горл или венчиков пифосов, каждый из которых имеет один или несколько знаков, сделанных штампом. Материал датируется концом IV—III в. до н. э. Автор этой интересной публикации группирует эти штампы по форме (круглые, прямоугольные); отдельно выделяет штампы со знаками (буквами?) и те, которые оттиснуты при помощи металлических украшений (фибул и серег). Особый раздел посвящен выяснению назначения этих штампов. В обширной эпиграфической литературе о назначении клейм на античной керамической продукции мало освещен вопрос о целях клеймения пифосов[111]. М. Чичикова, видимо, права, считая, что его надо решать в том же плане, как это сделано по отношению к амфорным клеймам. Она склоняется к мысли, что перед нами клейма, удостоверяющие принадлежность гончарных изделий определенным керамическим мастерским, знак владельца мастерской, т. е. приходит к выводу о существовании частной собственности и

[109] *В. Георгиев.* Указ. соч., стр. 7.

[110] *M. Čičikova.* Les timbrées sur pithoi de Seuthopolis. BCH, 1958, XXXII, II, p. 466—481; *М. Чичикова.* Печати с изображения на накити върху питоси от Севтополис. «Изследования в чест на акад. Д. Дечев». София, 1958, стр. 475 сл.

[111] *М. Чичикова.* Указ. соч., стр. 482, прим. 1—7.

7. Урна из с. Болярово

гончарном производстве[112]. Этот вывод, правильный, на наш взгляд, для конца IV в. до н. э., к которому относятся пифосы из Севтополя, естественно, не может быть применен для исследуемого времени, когда клеймение гончарных изделий вообще еще отсутствовало. Тем не менее клейма на пифосах из Севтополя сохранили, как нам кажется, черты, относящиеся к более ранней эпохе и свидетельствующие о ранних этапах возникновения собственности во фракийском ремесле. В этой связи следует обратить внимание на некоторые особенности севтопольских клейм.

Первая особенность, которую нам хотелось бы отметить, — это сохранение в клеймении принципа орнаментальности. В отличие от клейм греков, ставивших их один раз на каждом изделии, фракийские клейма на пифосах во многих случаях поставлены несколько (2, 4, 6) раз; клейма нанесены через равные промежутки[113], так что стремление придать им вид орнамента очевидно (см. табл. VI в конце книги).

Эта связь фракийского клеймения гончарных изделий с орнаментом особенно четко видна и на очень интересном сосуде из с. Болярово Елховского района (рис. 7). Это урна из фракийского погребения, на которой между четырьмя ручками расположены четыре одинаковых стилизованных изображения фигуры животного[114]. На одной из этих фигур оттиснуто изображение двух фибул фракийского типа, точно таких же, какие можно видеть на клеймах севтопольских пифосов. Урна из Болярово как бы сочетает орнамент с клеймением. С одной стороны, и это правильно отмечает М. Чичикова[115], изображение на теле одного из четырех орнаментальных животных фибул (являющихся к тому же самостоятельной эмблемой) скорее воспринимается как клеймо, нежели как орнамент. С другой стороны, однако, совершенно очевидна орнаментальная функция изображений фибул — настолько органически они обе включены в изображение фигуры животного.

[112] *M. Čičikova*. Указ. соч., стр. 477; *М. Чичикова*. Указ. соч., стр. 483—485.
[113] *M. Čičikova*. Указ. соч., стр. 471, рис. 8; стр. 473, рис. 13, 14.
[114] *В. Миков, Г. Георгиев, Н. Джамбазов*. Водач за археологическия музей. София, 1952, табл. XIV и стр. 28; *А. Милчев*. Трако-кимерийски находки в българските земли. ИБАИ, 1955, XII, ч. 2, стр. 366.
[115] *М. Чичикова*. Указ. соч., стр. 487.

В научную литературу уже прочно вошел вывод о том, что орнаментация сосудов в доклассовых и раннеклассовых обществах не случайна, а связана со специфической племенной символикой; являясь как бы опознавательным знаком определенного племени или нескольких родственных племен и т. п., она указывала на принадлежность им этих сосудов и на изготовление их ими. На сосуде из Болярова, датируемом V [116] или IV в. до н. э. [117], можно констатировать появление обычая клеймения. Оно возникает у фракийцев, как представляется, из орнаментации в тот период, когда появилась необходимость отметить изготовление сосуда не племенным коллективом, а отдельным лицом или семьей. На боляровской урне можно заметить начало этого процесса: клеймо не фигурирует как самостоятельный знак, оно еще органически связано с орнаментацией, но оно уже есть. Дальнейшее развитие этого процесса отражено во множестве различных клейм IV—III вв. до н. э. на пифосах из Севтополя, опубликованных в указанных работах М. Чичиковой и связываемых ею с появлением частных мастерских.

Интересно отметить и другую особенность фракийских клейм на пифосах. Среди многих изображений внимание привлекают четыре их вида: штампы с изображением двулезвийного топора [118]; восьмилепестковой розетты с точкой или кружком в центре [119]; штампы, оттиснутые с помощью украшений — фибул и серег [120]. Появление изображения двойного топора на фракийских клеймах нельзя считать случайным. Уже в очень ранние эпохи двойной топор — орудие труда или оружие приобрел здесь функции культового предмета [121]. Не без основания эти секиры связывают с культом Диониса: фракийцы их использовали для заклания животных, приносимых в жертву этому божеству; бесспорна также связь их и с культом богини Котис, символом которой они являлись [122]. В этом символе-секире, тесно связанном со столь популярным во Фракии культом, есть основание видеть проявление общефракийской символики: общефракийский характер культа Диониса отмечает античная традиция со времен Геродота. Постоянное присутствие изображений, связанных с этим культом, на монетах одрисских царей и племен подтверждает такую его трактовку [123].

С точки зрения отражения общефракийской символики следует при-

116 *А. Милчев*. Указ. соч.

117 *В Миков, Г. Георгиев, Н. Джамбазов* Указ. соч., стр. 28.

118 *M. Cičikova*. Указ. соч., стр. 473, рис. 14, табл. XXIX, 3; *М. Чичикова*. Указ. соч., рис. 5—7.

119 *M. Čičikova*. Указ. соч., стр. 471, рис. 10, табл. XXVIII, *1—9*.

120 Там же, стр. 479, рис. 15, табл. XXVIII, *1—6; М. Чичикова*. Указ. соч., стр. 475—485, рис. 1—10.

121 *Р. Попов*. Културен живот на предисторическия човек в България, ч. II. София, 1930, стр. 25, рис. 11; *А. Милчев*. Трако-кимерийски находки в български земи, стр. 367; Т. Герасимов предполагает, что ими пользовались как денежными знаками («Колективни находки на монети през 1940 г.» ИБАИ, XIV, 1943, стр. 283).

122 *А. Милчев* Трако-кимерийски находки в български земи, стр. 367.

123 *Т. Д. Златковская*. Ранние монеты южнофракийских племен (к вопросу о происхождении культа Диониса). НЭ, т. VII, 1967, стр. 14.

влечь и наиболее часто фигурирующее на клеймах пифосов изображение многолучевой розетты с шаром в центре. Конечно, орнамент из розетт характерен для античного мира вообще, и было бы неверно видеть в нем чисто фракийский узор. Но следует отметить, что именно розетта в виде круга с шаром в центре, от которого расходятся 8 лучей, фигурирует в качестве постоянного символа на фракийских монетах, как в доодрисское, так и в одрисское время [124]. Его считают обычно солярным знаком [125] и также ставят в связь с культом Диониса — бога, которого во Фракии считали солнцем (*Macrob*., Sat., I, 18, 11) и «приносящим свет», на что указывает один из его эпитетов — φεραυγής (*Nonn*., Dion., 38, 81). Прямая связь восьмилучевой розетты с общефракийским культом Диониса дает основание считать и этот знак общефракийским символом.

Вероятно, этот же смысл имел и другой символ на клеймах пифосов — фибулы, названные современными археологами «фракийскими», потому что центром их производства и распространения была Фракия. То же самое можно сказать и еще об одном изображении на клеймах — серьгах местного изготовления в виде открытых подвесок, большое количество которых находят в богатых погребениях Фракии и сопредельных с нею стран. Если в изображениях секиры и розетты следует усматривать проявление, так сказать, идеологического единства (общефракийский культ), то вторую пару изображений (т. е. серьги и фибулу) можно рассматривать как символ фракийского единства в материальной культуре (характерные фракийские украшения) [126].

Появление в качестве клейм на гончарных изделиях общефракийских символов, два из которых фигурируют также и на фракийских монетах, дает повод ставить вопрос о том, не царские ли клейма перед нами. Не были ли в таком случае фракийские пифосы с этими знаками изготовлены в царских мастерских?

Существование царских мастерских в эллинистическое время (с IV в. до н. э.) — факт, достоверно установленный. Клейма с именами царей и

[124] Там же, табл. на стр. 12—13.

[125] *B. Head*. BMC. Macedonia, pl. XXVI; *I. N. Svoronos*. L'Hellénisme primitif. , p. 201; *Т. Герасимов*. Декадрахма на тракийското племе деронии. ИБАИ, XX, 1955, стр. 577.

[126] М. Чичикова права, заметив, что изображения на клеймах севтопольских пифосов часто совпадают с фасосскими амфорными клеймами, на которых, между прочим, тоже есть двойной топор и розетта. Следовало бы объяснить, почему именно фасосские эмблемы были популярны в центре Фракии. Нет оснований считать, что в торговле Фракии доминировали связи именно с этой греческой колонией. Скорее надо предположить, что совпадение в сюжетах изображений на фасосских и севтопольских клеймах объясняется единой этнической средой и культурой, их породившей, именно фракийской средой, игравшей на Фасосе не только в древнее, но еще и в римское время огромную роль (*H. Seyrig*. Quatre cultes de Thasos. BCH. LI, 1927, p. 214—219; *P. Collart*. Phylippes, ville de Macédone. Paris, 1937, p. 91; *P. Poilloux*. Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos. Paris. 1954, p. 14—17, 339, 355; ***P. Bernard***. Céramiques de la primière moitié du VIIe siècle à Thasos. BCH, LXXXVIII, 1964, I, p. 142—144; *F. Salviat*. Décrets pour Epié fille de Dionysios· déesses et sanctuaries Thasiens. BCH, LXXXIII, 1959, I, p. 379—381).

их титулами найдены на Боспоре[127], в Пергаме[128]. Их следует трактовать как обозначение продукции из керамических мастерских, принадлежавших государству в лице царей[129]. Основанием для этого вывода послужили как царские имена на клеймах, так и надписи Βασιλική и Βασιλικός на них. На фракийских пифосах нет, как видим, подобных обозначений. Но для аналогии с Боспором и Пергамом есть все же основания. Прежде всего — присутствие на группе клейм пифосов тех же эмблем (двойного топора и восьмилепестковой розетты с шаром в центре), что и на монетах, выпускавшихся одрисскими царями. Совпадение это может служить указанием на царскую прерогативу как выпуска монет (что бесспорно), так и изготовления пифосов с этими клеймами. Очень важно в этой связи указать на группу боспорских клейм на черепице с надписью Βασιλική и эмблемой, изображающей трезубец и дельфина. Подобные эмблемы имеются на статерах боспорских царей Игиэнонта и Перисада из династии Спартокидов[130]. В. В. Шкорпил с полным основанием полагает, что это совпадение эмблем на черепице с надписью «царская» и на монетах боспорских царей является указанием на то, что дельфин и трезубец были именным знаком Спартокидов. Полная аналогия этому явлению во фракийском материале заставляет и нас сделать вывод, что на фракийских пифосах с эмблемой двойного топора и розеттой описанного типа стоит клеймо царских мастерских. Есть и более этнически близкая аналогия царскому клеймению, причем уже не на черепице, а на сосудах. Мы уже упоминали надпись на сосуде из Делул Грэдиштей «Decebalus per Scorilo»[131], переведенную В. Георгиевым «Децебал, сын Скорило»[132]. Скорило, царя даков («Scorylo Dacorum dux»), во время гражданской войны в Риме упоминает Фронтин (Strateg., I, 10, 4).

Важно отметить и еще одно обстоятельство. Если, как считают, пифосы из-за своих размеров, веса и отсутствия ручек — сосуд нетранспортабельный[133], трудно объяснить, почему пифосы с такими же клеймами, как в Севтополе, находят и в других местах Болгарии, достаточно отдаленных друг от друга. Так, из известных нам находок пифосов с клеймами следует упомянуть фрагмент устья пифоса, найденный близ Со-

[127] *Б. Н. Граков*. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 204—208; *В. Ф. Гайдукевич*. Строительные керамические материалы Боспора. Там же, стр. 266.

[128] *C. Schuchhardt*. Altertümer von Pergamon, Bd. VIII, 2: Die Inschriften von Pergamon, II. Berlin, 1895, S. 393.

[129] *В. Ф. Гайдукевич*. Указ. соч., стр. 293; см. также: *Б. Н. Граков*. Эпиграфические документы..., стр. 208—209.

[130] *Б. Н. Граков*. Эпиграфические документы..., стр. 208; *В. Ф. Гайдукевич*. Указ. соч., стр. 278.

[131] *C. Daicoviciu*. Noi contribuţii la problema statului dac. SCIV, VI, N 1—2, 1955, p 57, 59, 200—202, fig. 7—9.

[132] *В. Георгиев*. Тракийският език, стр. 25.

[133] *Б. Н. Граков*. Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции VI—IV вв. до н. э. ИГАИМК, вып. 108, 1935, стр. 151.

фии[134]; изображение на его клейме (восьмилучевая розетта) сходно (но не идентично: оттиснуто другим штампом!) с изображением на некоторых клеймах, оттиснутых на севтопольских экземплярах[135]. Другая подобная находка — клеймо на пифосе из с. Долно Сахране близ Севтополя: изображение восьмилучевой розетты[136] сходно с севтопольским и софийским клеймами.

То обстоятельство, что эти нетранспортабельные сосуды найдены в различных областях Фракии, скорее всего указывает на изготовление их в нескольких расположенных в различных местах страны мастерских[137]. Сходные же изображения на штемпелях этих мастерских могут служить указанием на то, что хозяином их было одно и то же лицо. Наиболее правильно будет считать, что этим лицом был царь, так как невозможно предположить, чтобы в одрисское время во Фракии кто-либо кроме царя имел бы гончарные мастерские, расположенные в различных местах страны. Не случайно, видимо, и то обстоятельство, что на пифосах из Долно Сахране, Софии и Севтополя стоят штампы восьмилепестковой розетты с точкой в середине, т. е. как раз с той эмблемой, которую мы склонны приписывать царским мастерским.

Во всех этих сравнительно поздних севтопольских и других эпиграфических материалах (IV—III вв. до н. э.) мы склонны видеть завершение и более яркое проявление процесса возникновения царской собственности в ремесленном производстве, который начался в более раннее время. Можно полагать, как это и было на Боспоре[138], что царские клейма на гончарных изделиях Фракии фигурируют не только в результате появления царских мастерских, но и вследствие укоренившегося права царей на земельную собственность, включавшего также и право на источники сырья для гончарного производства — глину. Однако ограниченный материал, касающийся лишь одной из отраслей гончарного производства, а именно пифосов, не дает, конечно, возможности делать выводы о всем гончарном производстве или (тем более) ремесленном производстве Фракии в целом.

Рудники

Наша осведомленность о формах владения рудниками обязана сведениям античных авторов о Пангейских рудниках и о доходах, которые получали с них афинский тиран Писистрат и крупнейший греческий историк и афинский полководец Фукидид, сын Олора.

[134] *М. Станчева.* Археологически материали за предримска София. ИБАИ, XXIX, 1966, стр. 232, рис. 4.

[135] Например: *M. Čičikowa.* Указ. соч., рис. 13, табл. XXVII, 8.

[136] *Л. Гетов.* Могилни погребения при с. Долно Сахране, Старозагорско. ИБАИ, XXVIII, 1965, стр. 206 рис. 6.

[137] К сожалению, авторы публикаций не рассматривают качество глины. Возможно, анализ глины подтвердил бы наше предположение.

[138] *В Ф. Гайдукевич.* Указ. соч., стр. 271.

Писистрат и Пангейские рудники

Сведения о деятельности Писистрата во Фракии (конец 50-х — начало 30-х годов VI в. до н. э.) ограничиваются 64-м разделом 1-й главы «Истории» Геродота и 2-м разделом 15-й главы «Афинской политии» Аристотеля. Геродот (I, 64) рассказывает нам, что Писистрат в третий раз подчинил себе Афины благодаря помощи союзников и доходам (χρημάτων συνόδοισι), получаемым частью на месте, частью с берегов р. Стримона. Сходно и сообщение Аристотеля (Ath. pol., 15, 2) о том, что в период второго изгнания Писистрат переехал в окрестности Пангейских гор, где запасся доходами (χρηματισάμενος). Слово χρῆμα (и производные от него) имеет, как известно, несколько значений, из которых в данном контексте приемлемы следующие: имущество, деньги, доход, прибыль[139]. Сделать выбор среди этих терминов трудно. Однако место во Фракии, где Писистрат добывал, по свидетельству источников, свои доходы,—у р. Стримона (по Геродоту), в окрестностях Пангеев (по Аристотелю), не без основания наводит исследователей на мысль, что речь идет о доходах с рудников, которыми была столь богата область нижнего Стримона и соседние с нею Пангейские горы. Приток серебра в Афины в период около 550 г., когда тиран начал чеканку знаменитых афинских монет с изображением Афины и совы[140], подтверждает это предположение.

Было бы важно решить, каковы были права Писистрата на эти рудники, что́ давало ему право получения доходов с них. Как уже было отмечено, источники ни разу не сообщают нам, что Писистрат владел рудниками, но только о том, что он владел доходами с них. Если бы была полная уверенность, что эта терминология вполне продуманна и неслучайна, то можно было бы определенно утверждать, что афинский тиран получил у фракийцев рудник на откуп и таким образом приобрел с него доход. Но у нас нет в этом полной уверенности, а только лишь возможность предполагать, что сведения Геродота и Аристотеля точны. Этому способствуют два обстоятельства. Во-первых, источниковедческие соображения. Совершенно очевидно, что Аристотель опирался не только на сведения Геродота (хотя и использовал их — Ath. pol., 14, 3) — все его данные о фракийском периоде пребывания тирана полнее геродотовых (ср., например., *Herod.*, I, 61, и Ath. pol., 15, 2), а иногда и расходятся с ними (ср., например, Ath. pol., 14, 4 и *Herod.*, I, 60). Тем не менее в отношении использования рудников оба источника совершенно единодушны — Писистрат имел с них лишь доходы. Это обстоятельство дает больше оснований воспринимать терминологию источников как вполне выработанную и предполагать, что владение доходами не означало при-

189 Вряд ли можно его переводить в данном случае как «налог». Писистрат был во Фракии частным лицом и не имел, уходя в изгнание, никакого войска; обложение же налогом фракийских племен потребовало даже у царей Персии с их огромной армией очень интенсивных усилий, которые отнюдь не всегда имели успех.

140 *P. W. Ure.* The Origin of Tyrannis, p. 52, note 8; p. 53, note 2.

обретение рудника в частную собственность. Второе обстоятельство, подтверждающее это предположение, заключается в том, что получение доходов с Пангейских рудников носило временный характер и право на эти доходы не передавалось по наследству: Писистратиды доходы с этих рудников уже не получали. Ясно также, что ни Писистрат, ни его сыновья не владели землей, на которой был расположен рудник: удалившемуся в изгнание после смерти тирана его сыну Гиппию македонский царь Аминта I в доказательство своей дружбы предлагает жить в Анфемунте (*Herod.*, V, 64), неподалеку от тех мест, которые приносили столь большой доход его отцу и куда Гиппия мог бы уехать, сохранись по праву наследования эти места в собственности сыновей Писистрата.

Если отбросить возможность завоевания Пангейского рудника и обложения жителей его налогом и учесть временный характер получения доходов с него Писистратом, то следует скорее всего предполагать, что афинский тиран получил часть копий на откуп, заключив с фракийцами выгодную для обеих сторон сделку. Во всяком случае, рудник не был его частным наследственным владением, как это иногда считают[141].

Фукидид и рудник в Скаптесиле

Вопрос о владении рудниками во Фракии тесно связан также с биографией Фукидида — знаменитого историка древности. Известно, что Фукидид получал доход с золотых приисков в Скаптесиле, находящихся в восточной части Пангейских гор[142], что доход с этого рудника он использовал для сбора информации у очевидцев и участников Пелопоннесской войны, чтобы написать свою «Историю»; что здесь, в тени платана, он писал свой знаменитый труд и, вероятно, здесь же был убит.

О том, на каком основании Фукидид владел рудником в Скаптесиле или доходами с этого рудника, в античной литературной традиции существуют различные версии.

Первая из них высказана Марцеллином и Плутархом. Биограф Фукидида Марцеллин сообщает нам, что Фукидид был потомком Мильтиада Старшего (I), Стесагора и Мильтиада Младшего (III), женившегося на Хегесипиле — дочери фракийского царя Олора (V. Thuc., 4—13). Важнейшим доказательством такого происхождения, указывает биограф (V. Thuc., 14), «считают его большой достаток (τὴν πολλὴν περιουσίαν), имущество во Фракии и золотые рудники в Скаптесиле». Этот параграф жизнеописания дает как будто основание считать, что Фукидид получил в наследство от своих знатных предков — правителей Херсонеса (последним из которых был его прадед, Мильтиад Младший (III), женатый на дочери фракийского царя Олора) богатство во Фракии и золотые прииски в Скаптесиле. Аналогичны и еще более определенны све-

[141] Ф. Шахермейер (*F. Schachermeyer*. R. E., s. v. Peisistratos, S. 179) и Ж. Визнер (*J. Wiesner*. Die Thraker. Stuttgart, 1963, S. 80) употребляют термин «Besitz».
[142] *P. Perdrizet*. Scaptésylé, p. 23.

дения Плутарха (V. Cim., 4): «Кимон, сын Мильтиада, родился от матери фракиянки Хегесипилы, дочери царя Олора, как это видно из посвященных ему самому стихов Архелая и Меланфия. Поэтому-то историк Фукидид, который приходился Кимону родственником, был также сыном Олора, носившего это имя в честь своего тезки-предка, и владел золотыми рудниками во Фракии (καὶ τὰ χρυσεῖα περὶ τὴν Θράκην ἐκέκτητο)». Если принять версию Плутарха — Марцеллина, то следует считать, что в течение нескольких поколений рудник переходил по наследству представителям полуфракийского рода, причем наследование это имело место уже во времена Мильтиада Старшего (I) и Олора (I), т. е. во второй половине VI в. — начале V в. до н. э., и сила его не была утрачена еще и в самом конце V в., когда изгнанный из Афин за сдачу спартанцам г. Амфиполя, Фукидид провел в Скаптесиле свои последние годы (с 424/3 по 405/4 г. до н. э.) [143], получая доход от рудника. Т. е. мы должны были бы признать наличие развитой частной собственности на рудники у фракийцев со второй половины VI в. (причем и эта дата может быть признана слишком поздней, так как мы не знаем, по какому праву получил рудник Олор).

Однако эта версия Марцеллина — Плутарха имеет слабые стороны. Во-первых, следует обратить внимание на порядок наследования рудника, для чего важные сведения можно почерпнуть из родословной Фукидида. Происхождение крупнейшего историка древности издавна интересовало ученых от античного и средневекового периода до новейшего времени [144]. Результат этих работ может быть представлен схемой (рис. 12), составленной мною на основании схем, фигурирующих в работах по этому вопросу Н. Хэммонда [145] и Е. Кавеньяка [146]. Мы совсем не имеем сведений о том, какова была последовательность передачи рудника от одного владельца к другому; но по версии Марцеллина — Плутарха можно сравнительно определенно указать на конечные звенья этой цепи: фракийский царь Олор (I) и его праправнук Фукидид-историк. Ясно, что Фукидид — не единственный потомок и что, передав ему рудник, его прадед и прабабка (Мильтиад (III) и Хегесипила (I) обошли бы наследством потомков по мужской линии — своего сына Кимона и его детей [147], передав Скаптесиле наследнику их дочери. Этот порядок наследования по материнской линии идет вразрез с достоверными сведениями о семье у южных, особенно — у юго-восточных фракийцев, которые определен-

[143] *Ф. Г. Мищенко.* Фукидид и его сочинение (предисловие к книге: *Фукидид.* История. М., 1915, стр. XLV сл.; LXV, прим. к стр. XXV).

[144] *Ed. Meyer.* Forschungen zur Alten Geschichte. Halle, 1899, S. 41—45; *P. Perdrizet.* Scaptésylé, p. 21—22; *Ф. Г. Мищенко.* Фукидид и его сочинение, стр. XXXVI—XXXVII; *E. Cavaignac.* Miltiade et Thucydide. «Revue de philologie», 1929, p. 281—285; *P. Collart.* Philippes, p. 65—66; *I. Kirchner.* Prosopographia attica, s.v. Θουκυδίδης, t. I, Stemma, p. 470; *I. Russu.* Die Herkunft des Historikers Thukydides. ИБАИ, XVII, 1950, стр. 35—40; *N. G. L. Hammond.* The Philaids and the Chersonese. «The Classical Quarterly». N. S., vol. VI, N 3-4, 1956, p. 113—129.

[145] *N. G. L. Hammond.* Указ. соч., стр. 121.

[146] *E. Cavaignac.* Указ. соч., стр. 283.

[147] У Мильтиада был сын Лакедемоний (*Dittenb.*, Syll., I, N 51).

но указывают на развитые патриархальные отношения у этих племен и наследование по отцовской линии [148].

Сомнение внушает, во-вторых, и еще одно обстоятельство. Как мог Фукидид, потомок Мильтиада, правившего в Херсонесе на Галлипольском полуострове, заполучить богатейший рудник, расположенный совсем в другом месте Южной Фракии, много западнее, напротив острова Фасоса? Где было царство Олора и Хегесипилы? Источники не указывают, каким из фракийских племен правил Олор. Естественнее всего было бы считать его царем нескольких фракийских племен, в число которых во всяком случае входили племена Херсонеса; породнившись с Олором, Мильтиад и рассчитывал укрепить свою власть. Такой точки зрения придерживаются исследователи (из них наиболее категорически высказался П. Пердризе [149]), отрицающие возможность наследования рудника от Олора. Е. Каваньяк, напротив, выдвинул предположение, что Олор был царем не херсонесских фракийцев, а тех, которые жили в Пангейской области, и что, следовательно, Мильтиад Старший (III) мог наследовать от отца своей жены пангейский рудник Скаптесиле. Поводом для такого утверждения послужили хронологические соображения, приведшие Каваньяка к мысли о том, что Мильтиад женился на Хегесипиле в промежуток между 510 и 506 г. [150]. А это был тот период, когда, как думает автор, Мильтиад расплачивался за свою попытку помочь скифам против Дария и вынужден был бежать из Херсонеса в Пангейскую область и искать поддержки у царя Олора, заключив брак с его дочерью. Утверждения Каваньяка страдают помимо хронологических неточностей и логической ошибкой: он считает бесспорным то обстоятельство, которое как раз и надо доказать, — что Олор был царем Пангейской области и что Мильтиад бежал именно туда.

Необходимость как-то объяснить наследственные права Фукидида в Пангеях давит и на других исследователей, которые называют Олора не «царем фракийцев» (как его называют все источники), а царем сатров [151]

[148] Л. Фол. Демографска и социална структура на Древна Тракия. София, 1970, стр. 140—141. Мы исключаем возможность предположения, что Скаптесиле наследовали по женской линии, а другие, более богатые месторождения — по мужской. Скаптесиле — наиболее мощный рудник Южной Фракии, дававший баснословный доход в 80 талантов ежегодно (*Herod.*, VI. 46); именно его следует считать основным богатством предков Фукидида, которое должно было передаваться по мужской линии.

[149] *P. Perdrizet.* Указ. соч., стр. 21; см. также: *Ed. Meyer.* Указ. соч., стр. 44.

[150] *E. Cavaignac.* Указ. соч., стр. 281 сл. Автор исходит из того, что Кимон (родившийся от второго брака Мильтиада — на Хегесипиле), который был стратегом в 476 г., не мог родиться ранее 506 г. (terminus post quem); дети же Мильтиада от первого брака Метиох и Эльпиника могли родиться между 520 и 510 г. до н. э. (последняя дата — terminus ante quem). Надо, однако, сказать, что хотя вся генеалогическая таблица Кавеньяка достаточно обоснованна, ее хронологическая часть очень уязвима, так как автор исходит из самых общих данных о времени браков и прохождения должностей у греков. Безусловно, здесь возможны просчеты на 2—3 года, которые полностью сводят на нет всю аргументацию этого автора (см. ниже мнение по этому вопросу Хэммонда).

[151] *Obst.* RE, s. v. Miltiades, S. 1681. С ним согласен и П. Колларт (*P. Collart.* Указ. соч., стр. 65, прим. 2).

(сапеев), владевших рудником в Скаптесиле. Более обоснованна, однако, аргументация Н. Хэммонда, который считает, что брак с Хегесипилой произошел вскоре после первого приезда Мильтиада в Херсонес, около 515 г.[152], т. е. до экспедиции Дария на скифов, и не может быть, следовательно, связан с бегством из Херсонеса, вызванным приближением возвращающейся из скифского похода персидской армии. Итак, вопрос о том, владел ли Олор и его дочь — царевна Хегесипила рудником в Скаптесиле, не может быть при современном состоянии источников решен положительно. А между тем это необходимое условие для подтверждения версии о преемственности в наследовании рудником от Олора до Фукидида.

Против этой версии, в-третьих, и ход политических событий в Пангейской области. Это было место многочисленных сражений, имевших целью отнять этот богатейший район у фракийцев. Достаточно беглого очерка военных столкновений вокруг этих приисков, чтобы поставить под сомнение возможность удерживать их в руках одного рода. Действительно, известно, что в 493 г. Скаптесиле у фракийцев отняли фososцы (*Herod.*, VI, 46), после чего Афины повели интенсивные военные действия для захвата района Пангейских гор (кампания под руководством Мильтиада 489 г.; кампания под руководством Кимона 475 г., борьба за Эйон, Девять Путей; военный конфликт с Фасосом 469—467 гг.; сражение у Драбеска в 464 г.), во время которых рудник несколько раз переходил из рук в руки.

К этим соображениям надо прибавить, в-четвертых, и противоречие в самом тексте Марцеллина. В другом месте жизнеописания Фукидида (§ 19), в отличие от того, что мы читали в § 14, Марцеллин сообщает нам: «Женился Фукидид на фракиянке из Скаптесиле, женщине очень богатой и владевшей во Фракии приисками». Мало что можно сказать pro или contra этой версии. Можно лишь заметить, что версия § 19 исключает первую, высказанную им же в § 14, так как в § 14 утверждается приобретение рудника по наследству от знатных предков, а в § 19 — от богатой жены. Это обстоятельство ставит под вопрос достоверность обоих параграфов жизнеописания Фукидида у Марцеллина.

Высказанные соображения заставляют весьма скептически отнестись к версии Марцеллина — Плутарха о приобретении Фукидидом рудника по наследству и обратиться к авторам, излагающим в т о р у ю версию. Она заслуживает особого внимания, так как высказана самим Фукидидом. Описывая тот период Пелопоннесской войны, когда в 424 г. спартанцы под руководством Брасида осаждали союзный с афинянами город Амфиполь на нижнем Стримоне, он рассказывает (IV, 105, 1): «Тем временем Брасид, опасаясь прибытия вспомогательных кораблей от Фа-

[152] *N. G. L. Hammond*. Указ. соч., стр. 118 и 123. При этом он опирается на Геродота, рассказывающего о женитьбе на Хегесипиле в том же предложении, где он говорит о первых действиях Мильтиада в Херсонесе, т. е. около 514 г., и приводит данные о том, что Мильтиад в 511/10 г. был изгнан из Херсонеса скифами и пробыл в Афинах до 496 г.

соса и зная, что Фукидиду принадлежит разработка рудников (κτῆσιν ἐργασίας) в этой части Фракии и что благодаря этому он имеет значение среди влиятельнейших людей материка, торопился овладеть городом...» Ни здесь, ни где-либо в дальнейшем историк не сообщает нам, что он владеет рудниками, но что ему принадлежит лишь разработка их. На эту весьма осторожную формулировку обратили внимание несколько исследователей. Некоторые из них видят в ней свидетельство того, что Фукидид имел аренду на эксплуатацию рудника[153]. Однако слово «аренда», как мы видим, у Фукидида ни разу не фигурирует. Такое восприятие текста Фукидида объясняется тем, что, как эти исследователи полагают, после поражения Фасоса в 468—465 гг. афиняне захватили материковые владения этого острова с рудником в Скаптесиле; поэтому-де вполне естественно распространять на этот рудник те формы эксплуатации, которые имели место в Аттике, в Лаврийских рудниках, т. е. аренду. Но аналогия с Лаврийскими рудниками после работы П. Пердризе должна отпасть. Он с очевидностью доказал, что после победы Афин над Фасосом им все же не удалось осуществить главную задачу кампании — захватить Скаптесиле: рудник оставался в руках фракийцев[154]. Дальнейшие события не изменили этого положения. Фукидид, изгнанный в 424 г. из Афин за сдачу Амфиполя спартанцам, нашел убежище в Скаптесиле и пробыл там в изгнании 20 лет. Если бы Скаптесиле принадлежала Афинам или союзному с ними городу, то она не могла бы принять изгнанника. Эти аргументы, доказывающие факт владения фракийцами рудником во второй половине V в., естественно приводят Пердризе к выводу о том, что Фукидид получил право на разработку рудников в Скаптесиле не от афинян, а от фракийцев.

Для определения того, что следует понимать под фукидидовым выражением κτῆσιν ἐργασίας, надо иметь в виду те данные, которые можно извлечь из других источников о формах владения фракийцами рудниками[155]. Среди них прежде всего Геродот, сообщающий нам (VII,

[153] *А. Boeckh.* Staatshaushaltung der Athener. Berlin, 1886, I, S. 380—381; *V. V. Blummer.* RE, s. v. Gold, S. 1563; *P. Perdrizet.* Указ. соч., стр. 21; *P. Collart.* Philippes, p. 49; *С. Жебелев.* Фукидид и его творение, стр. XXXVII. Против того, чтобы рассматривать владения Фукидида как аренду, резко возражает Р. В. Шмидт («Очерки по истории горного дела и металлообрабатывающего производства в античной Греции».— «Из истории материального производства античного мира». ИГАИМК, вып. 108, 1939, стр. 233), однако аргументы ее сводятся лишь к утверждению о том, что фракийцы-де находились еще на стадии родового строя.

[154] *P. Perdrizet.* Указ. соч., стр. 20—22.

[155] Мы не можем привлечь для рассмотрения вопроса об аренде рудников во Фракии сообщение Ксенофонта о фракийце Сосии (De vectig., IV, 14), которому известный афинский политический деятель Никий поручил быть надсмотрщиком над тысячью рудокопов, так как этот фракиец арендовал не рудники, а рабов-рудокопов; кроме того, совершенно ясно, что речь идет не о рудниках во Фракии, а о Лаврийских рудниках (*Д. Димитров.* Един нов паметник за античного робство, в римска Тракия. София, 1949, стр. 11; *С. Мулешков.* Обществено-икономическият строй..., стр. 160; *В. Велков.* Робството..., стр. 38; *V. Velkov.* Zur Frage der Sklaverei auf der Balkanhalbinsel wärend der Antike. EB, 1964, N 1, S. 130; *А. Милчев.* Социално-икономический... строй..., стр. 534).

112), что всеми рудниками Пангеев пользуются (νέμονται)[156] пиеряне, одоманты и главным образом сатры.

Подтверждение словам (или, вернее, разъяснение этих сведений) Геродота дают, как мне кажется, надписи на фракийских монетах. Г. Геблер обратил внимание на один из вариантов надписей на монетах племени бизалтов, отличающийся по своей грамматической форме от других легенд (см. рис. 10, стр. 181) на монетах этого племени и требующий поэтому соответствующего дополнения недостающих слов в надписи. Надпись CΣΑΓΤΙΚΩΝ или CIΣΑΛΤΙΚΩΝ[157], представляющая собой притяжательное прилагательное в родительном падеже множественного числа («бизалтских»), он предложил дополнить словами · μετάλλων ργυρος[158], т. е. монета (серебро) бизалтских рудников. Если принять надпись Βισαλτικῶν μετάλλων ἄργυρος, восстанавливаемую Г. Геблером, то можно полагать, что в конце VI или начале V в. до н. э. рудником совместно владело племя бизалтов[159].

Изложенные данные дают возможность высказать некоторые соображения относительно форм владения рудниками во Фракии VII—V вв. до н. э. Рудники находились в собственности фракийских племен, члены которых выступали как производственный коллектив, совместно владеющий рудными богатствами и совместно же использующий доходы от их разработки (вспомним огромные монеты конца VI — начала V в. необычайно больших номиналов у фракийцев). Этот принцип начал, однако, с середины VI в. до н. э. претерпевать изменения: в особых случаях право на преимущественное получение доходов с рудников начали приобретать отдельные лица. Таковым был Писистрат, в котором фракийские вожди видели своего влиятельного союзника. В дальнейшем можно констатировать получение значительных доходов с рудников знатными фракийцами. Среди них Мильтиад Старший, женившийся на дочери фракийского царя Олора; историк Фукидид, соединивший две ветви знатных семей, ведущих свое происхождение от Олора, и женившийся на очень богатой фракиянке. Видимо, частичный доход с рудников давался представителям наиболее знатных и влиятельных фракийских семей; это была привилегия, уже отличавшая их от рядовых членов племени, получавших равный доход с рудных богатств[160].

[156] Глагол νέμω, имеющий несколько значений, в данном контексте можно переводить: «имеют в своем распоряжении (в своей власти)», «обладают», «владеют», «эксплуатируют», «пользуются». Именно это место у Геродота древнегреческо-русский словарь И. Х. Дворецкого — С. И. Соболевского (М., 1958, стр. 1127, № 17) приводит как пример указанных случаев употребления этого глагола.

[157] PM, S. 49, N 4, 5; Taf. XII, *4*; XII, *6*.

[158] Там же, стр. 48, N 3.

[159] Судя по месту расселения бизалтов, речь скорее всего идет о серебряных рудниках в горах Дизорон, но локализация самого этого месторождения спорна (см. *S. Casson*. Macedonia, Thrace and Illyria. Oxford, 1926, p. 62—63).

[160] Такое понимание организации распределения доходов с рудников примиряет, между прочим, разобранные выше версии источников о получении Фукидидом доходов. С версией, данной самим Фукидидом, в этом смысле можно связать слова Плутарха (V. Cim., 4) и Марцеллина (§ 14), видящих в знатном фракийском происхождении

Передача этой привилегии по наследству не была еще твердо установленным правилом, но у представителей знатных родов было больше прав на претензию такого рода. Сын Мильтиада Младшего от брака с Хегесипилой Кимон этого права уже не имел, как не имел его, видимо, в конце жизни и сам Мильтиад[161]. Получение этой привилегии было и во второй половине V в. до н. э. экстраординарным и почетным. Об этом прямо говорит сам о себе Фукидид (IV, 105): «...благодаря этому (т. е. благодаря тому, что Фукидид имел право на разработку золотых приисков. — *Т. З.*) он имеет влияние среди значительнейших людей материка». Его авторитет в Южной Фракии был настолько велик, что афиняне избрали Фукидида стратегом Фракийского берега без прохождения им предшествующих обычно этому высокому званию должностей. Масштаб отмеченного явления установить невозможно.

В качестве предположения, по аналогии с собственностью на землю во Фракии, можно высказать мнение о том, что с усилением власти фракийских царей они захватили право на использование и получение дохода с фракийских рудников. Известно, что доход с македонских рудников (в том числе и фракийских, захваченных македонцами) получали цари Македонии.

2. ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Остановимся теперь на исследовании форм эксплуатации, которые Ф. Энгельс считал наряду с формами собственности важнейшим критерием, характеризующим уровень развития общества[162].

ЭКСПЛУАТАЦИЯ СВОБОДНОГО НАСЕЛЕНИЯ

В исторической литературе было обращено внимание на то, что фракийский крестьянин уже в ранний период существования Одрисского царства был лицом, обремененным экономическими обязательствами перед царем и его приближенными, правителями отдельных частей царства и аристократией. Так, Г. Кацаров писал, что «народные массы находились в экономической зависимости от царя и аристократии». Х. Данов отме-

историка основу получения доходов с рудника. Женитьба на богатой фракиянке (т. е. версия Марцеллина, § 19) только увеличивала шансы Фукидида на получение этой привилегии.

[161] Присужденный в 489 г. к штрафу в 50 талантов, Мильтиад не смог его выплатить и погиб в долговой (?) тюрьме. Если бы он обладал доходами с рудника в Скаптесиле, которые, как упоминалось, равнялись 80 талантам ежегодно, то выплата штрафа, несмотря на необычайный размер его, была бы все же возможна.

[162] Ф. Энгельс, как известно, по этому признаку характеризовал формации (см. ПСЧСГ, стр. 232—233). У В. И. Ленина анализ системы типов эксплуатации составляет ядро учения о производственных отношениях в антагонистических обществах (см. *В. И. Ленин* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 465). На эти положения Ф. Энгельса и В. И. Ленина в применении к античности особое внимание обращено в статье С. Л. Утченко и Е. М. Штаерман «О некоторых вопросах истории рабства» (ВДИ, 1960, № 4, стр. 9).

чает наличие «зависимых производителей материальных благ», «зависимых сельских тружеников» во Фракии. Б. Геров считает, что земли фракийских царей и знати обрабатывались руками зависимых крестьян, но подчеркивает, что степень этой зависимости неизвестна. Д. Димитров обратил внимание на существование в древней Фракии крупной землевладельческой аристократии, эксплуатировавшей местное население, обрабатывавшее ее земли [163]. Эти общие соображения нуждаются в конкретизации. У нас нет, к сожалению, источников, которые дали бы возможность в полной мере проследить процесс закабаления, появление различных форм зависимости в развитии. Следует, однако, предполагать, что социальные и производственные отношения Фракии в V в. до н. э. созревали в предшествующий, доодрисский период, что основной производитель — фракийский крестьянин прошел хорошо известный истории путь от общинника, владеющего землей по праву своей принадлежности к общине и продуктами своего труда по праву свободного человека и несущего обязательства, направленные на удовлетворение интересов всего коллектива общинников, до подданного варварского государства, выплачивающего регулярный налог. Можно уловить лишь некоторые ступени этой трансформации.

Уже Г. Кацаров обратил внимание на то, что доходы Одрисского царства при Севте I складывались, как сообщает Фукидид (*Thuc*., II, 97,3), из двух видов поступлений: дани, уплачиваемой деньгами, составлявшей 400 талантов, и подарков [164]. Во втором из видов этих поступлений нетрудно уловить начальную форму налоговой системы у фракийцев, возникновение которой относится к тому периоду формирования государственности, когда еще не была нарушена иллюзорность общности интересов племени в целом, имевшая своим следствием благодарность по отношению к тем представителям его, которые взяли на себя обязанности отстаивать эти интересы [165]. Эту форму подношений, основанную на добровольных началах, можно усмотреть, как это сделал М. Мосс [166], в

[163] *G. Kazarow*. Beiträge..., S. 20; *Х. Данов*. Югоизточна Тракия..., стр. 300—301; *он же*. Към историята на полусвободни селяни през античната епоха. Сб. «Гаврил Кацаров». ИБАИ, XIX, 2, 1955, стр. 111 сл.; *он же* Древна Тракия, стр. 186, 292; *Б. Геров*. Проучвания..., стр. 19; *Д. П. Димитров*. За укрепените вили..., стр. 694—695; *M. Rostowzew* Gesellschaft und Wirtschaft im romischen Keiserreich. Stuttgart, 1955, S. 339, Anm 79.

[164] *Г. Кацаров*. Произход и първ разцвет на Одриското царство в древна Тракия. УП, XXXII, 1933, стр. 750; *он же*. Принос към историята на древна Тракия. ИИБИ, V, 1954, стр. 155.

[165] Отличие между данью и подарками существовало у древних персов (*Г. Кацаров*. Принос към историята на древна Тракия, стр. 155). О добровольных эпизодических подношениях вождям разных продуктов и вещей у германцев сообщает Тацит (Germania, 26). Термин «подарки» (dona) сохранялся у них и много позже, например у франков: в Малых Лоршских анналах за 750 г. сообщается, что «подарки» приносили королю «по старому обычаю» (*Н. Ф. Колесницкий*. К вопросу о раннеклассовых общественных структурах. ПИДО, 1969, стр. 623).

[166] *M. Mauss*. Une forme ancienne de contrat chex les thraces. «Revue des etudes greques XXXIV, 1921, p. 287—297; *Х. Данов*. Югоизточна Тракия..., стр. 303.

сцене одаривания Севта, описанной Ксенофонтом (Anab., VII, III, 16—33). Проведя анализ изображенного Ксенофонтом обряда, М. Мосс пришел к заключению, что перед нами «systéme des prestations totales», сохранившаяся до последнего времени у индейцев Северо-Западной Америки и среди населения Меланезии[167]. Для нее характерен, как отмечает М. Мосс, ряд моментов, из которых в данном случае следует отметить два: 1) дарение совершается добровольно и, казалось бы, полностью бескорыстно, но 2) лицо, которому делается дар, должно с лихвой отплатить дарителям. Оба эти момента, если отбросить более поздние напластования (о них немного ниже), явственно проступают в этой сцене. Отзвук этих же отношений, связанных с первобытнородовыми обычаями, в частности с обычаем гостеприимства, можно, как мне представляется, заметить и в сохранявшемся и в одрисское время фракийском правиле — «лучше давать, чем брать», о котором сообщает Фукидид (II, 97, 4); «у них считалось более постыдным отказать в просьбе комулибо, нежели получить отказ» (там же).

Однако добровольные «подарки» в одрисское время предстают перед нами в значительной мере измененными, трансформировавшими в направлении превращения их в обязательную и тяжелую дань. Уже в эпизоде одаривания Севта, о котором мы упоминали выше, появляется хитрый дипломат Гераклид, который настоятельно рекомендует, а потом и требует подарков для царя, применяя при этом угрозы или суля блага от дружбы со своим покровителем. В полном соответствии с этими сведениями Ксенофонта находятся и те, о которых мы упоминали, имея в виду сообщение Фукидида о фракийском правиле «лучше давать, чем брать». Одрисские правители сумели использовать его в своих корыстных целях: «Обычаем этим одрисы благодаря своему могуществу пользовались больше других фракийцев, так что нельзя было ничего добиться от них без подарков» (*Thuc.*, II, 97, 4).

Совершенно очевидно, что эти первоначально добровольные и, естественно, нерегулярные и не точно фиксированные подношения уже ко времени Севта I превратились в довольно четко оформленные регулярные взносы: стоимость таких «подарков» составляла постоянную сумму, равную сумме дани: «Не меньше этой суммы золота и серебра (т. е. не менее 400 талантов. — *Т. З.*) приносилось в качестве подарков, не считая расшитых и гладких тканей и разной домашней утвари» (*Thuc.*, II, 97, 4). Регулярность этого вида поступлений можно усмотреть в сообщении Диодора, указывающего, что сумма годового дохода одрисов составляла 1000 талантов (*Diod.*, XII, 50, 10). Диодор не расходится здесь с Фукидидом; вероятно, он учитывает здесь 400 талантов, составляющие дань, плюс упоминаемые Фукидидом подарки в золоте и серебре на такую же сумму плюс также фигурирующие у Фукидида подарки в виде

[167] Подробно об обычае потлача, его происхождении и трансформации см.: *Ю. П. Аверкиева.* К вопросу о потлаче у индейцев Северо-Западной Америки. КСИЭ, I, 1946, стр. 26—29.

вещей (видимо, еще на 200 талантов), что и составляет указанный Диодором ежегодный доход одрисов (1000 талантов)[168].

Во времена Севта I в отношении регулярности поступлений «подарки» мало чем отличались от дани. Это в полной мере нашло отражение в приведенном тексте Диодора, пользовавшегося, видимо, в качестве источника данными не Фукидида, а другого историка, не считавшего уже нужным отмечать различия в характере налоговых поступлений в Одрисском царстве.

Форма присвоения продуктов труда в виде подарков была характерна для всей системы эксплуатации населения Одрисского царства. Ее широко использовали и другие привилегированные лица (см. стр. 131—133).

Вторая из упомянутых Фукидидом форм получения доходов одрисских царей — дань также проходила различные стадии развития. Внеэкономическое принуждение, имевшее вначале форму эпизодических грабительских набегов, принимает затем форму широких военных кампаний одрисских царей, ставящих своей главной целью обложение фракийских племен регулярной данью. Историк Ксенофонт, бывший не только современником, но и активным участником одной из таких кампаний, оставил нам подробное описание ее — историю покорения в самом конце V в. до н. э. будущим одрисским царем Севтом II родственного одрисам фракийского племени тинов. Севт начал восстанавливать утраченную его отцом власть над тинами, меландинами и транипсами с того, что стал совершать со своими военными отрядами набеги на непокорные племена и грабить их («...живу, грабя мое отечество».— *Xenoph.*, Anab., VII, II, 34). Однако эпизодичность такого рода доходов в непокоренной все же области не удовлетворяла Севта. Наемное войско греков помогло ему окончательно покорить названные племена. Последствия завоевания сказывались прежде всего на положении населения, вошедшего в состав Одрисского царства. Дважды Ксенофонт говорит о превращении в результате этого завоевания свободных (ἐλεύθεροι) фракийцев в «дулов» (δοῦλοι)[169]. Последний термин и производные от него — «дулейа» (δουλεία), «дулосюнэ» (δουλοσύνη), передаваемые часто значением «рабы», «рабство», «порабощение», в понимании древних греков имели очень широкое значение и обозначали не обязательно рабов (в специфически античном смысле слова) и их статус, но также людей, обладающих ограниченной свободой[170]. Среди различных значе-

[168] *Я. Тодоров.* Тракийските царе. ГСУ ИФФ XXIX, 1933, стр. 13.

[169] В первом случае (Anab., VII, IV, 24) приводится эпизод, когда на предложение Севта выдать Ксенофонту для расправы фракийцев-заложников Ксенофонт отвечает: «Я считаю, что они будут достаточно наказаны, если из свободных превратятся в рабов». Во втором случае (Anab., VII, VII, 32), убеждая Севта расплатиться подобающим образом с его греческими наемниками, Ксенофонт утверждает, что фракийцы охотно пошли бы против него, «так как под твоей властью их ожидает рабство, а в случае победы — свобода».

[170] *Я. А. Ленцман.* Термины, обозначающие рабов, в древнегреческом языке. ВДИ, 1951, № 2, стр. 57 и 62; *И. Д. Амусин.* Термины, обозначающие рабов в эллинистическом Египте по данным Септуагинты. ВДИ, 1952, № 3, стр. 55.

ний этого термина в греческом языке есть и значение «подданный»[171], в котором, как кажется, и следует понимать его в применении к фракийцам в составе Одрисского царства. Повод для такого заключения дает разбор двух параграфов «Анабазиса», трактующих взаимоотношения между покоренными фракийцами и их новым властелином. В первом из них (VII, VII, 29) противопоставляются «подданные» (ὑπήκοοι) — «свободным» (ἐλεύθεροι), а во втором (VII, VII, 32) в сходном контексте противопоставляется «дулейа» (δουλεία) — «свободе» (ἐλευθερία), что указывает на совпадение в данном конкретном случае понятий «подданство» и «дулейа»[172].

Итак, включение фракийцев в число подданных царя влекло за собой какое-то ограничение свободы. Оно выражалось прежде всего в возникновении экономических обязательств перед царем. Превращение добровольных подарков в принудительную регулярную дань тесно связано с этой потерей свободы и переходом фракийцев в подданство к одрисскому царю. Это подтверждается словами Ксенофонта, который, нанимаясь с войском на службу к Севту, обещает, что тот с помощью греческих воинов-наемников обретет потерянные земли, а множество мужей и жен поднесут ему в качестве «подарков» все то, что он ранее добывал грабежом (VII, III, 31). Перед нами свидетельство введения в Одрисском царстве регулярных поборов. Прямая связь между подчинением фракийцев и обогащением царя четко выступает в речах Ксенофонта (VII, III, 31; VII, VII, 5—7) и самого Севта (VII, II, 34).

Мы не располагаем сведениями о том, в каком размере взимались эти налоги, что (или кто) служил податной единицей, сомнительна даже форма поставок — натуральной она была, денежной или взималась и в той и другой форме. На весь этот круг вопросов можно дать самые предположительные ответы. Ясно, что налог с фракийского населения в пользу государства был настолько велик, что вызывал удив-

[171] *Я. А. Ленцман.* Указ. соч., стр. 57—59 и указанная там литература. Постулируя в качестве одного из значений термина «дул» понятие «подданный», «верноподданный», Я. А. Ленцман приводит интересную полемику между Ю. А. Кулаковским и В. В. Латышевым и указывает на серьезность аргументации последнего, отстаивающего возможность такого понимания этого термина (указ. соч., стр. 58—59). Очень интересна для нас трактовка термина δουλεία у Свиды: «Рабство бывает трех видов: от ремесла, от веры, в-третьих, от государственного устройства», т. е. имеет и политический оттенок (*Я. А. Ленцман.* Указ. соч., стр. 57). И. Д. Амусин также приводит интересные примеры того, что дулом называл себя подданный по отношению к своему политическому руководителю (указ. соч., стр. 57). Очень ярко значение слова δουλοσύνη выступает в элегиях Солона, где оно во всех случаях имеет политический оттенок — порабощение народа тираном, установление политического рабства. В таком же смысле оно несколько раз фигурирует у Геродота (см. *К. К. Зельин.* Борьба политических группировок в Аттике, стр. 181 *и сн. 8*; стр. 216).

[172] Характерно, что и в более позднее время, в середине II в. до н. э., фракийцев глубоко возмущало, что один из их царей (Диегелис, царь племени кенов) «управлял подданными, как купленными рабами или пленными неприятелями» (*Diod.*, XXXIII, fr. 14); это обстоятельство подчеркивает различие в сознании фракийцев понятий подданства и рабства как формы эксплуатации, подобной античному рабству в современном нашем понимании.

ление греков, видевших в нем, как отмечено выше, основу могущества одрисов. Сумма в 400 талантов (по Фукидиду) или 1000 талантов (по Диодору) не может служить бесспорным указанием на то, что налог взимался деньгами. Одрисы могли взимать его натурой и затем продавать в соседних греческих городах. Подобные операции предпринимал Севт, который обладал все же в большей мере натуральными богатствами, нежели денежными: он расплачивается с греческими наемниками быками, мелким скотом, рабами, но дает лишь 1 талант деньгами (*Xenoph.*, Anab., VII, VIII, 53). Ценные сведения об одной из форм обложения и ее реализации сообщают Псевдо-Аристотель и Полиен [173]. Первый из них (*Ps.-Arist.*, Oekonom., II, 2, 1351, a, 26) рассказывает, что фракийский царь Котис I (383—359 гг. до н. э.) приказал каждому из своих подданных засеять для него по три медимна пшеницы, что и было выполнено. Второй автор (*Polyen*, VII, 32) сообщает о подобных же действиях преемника Котиса I — царя Керсоблепта, который приказал всем земледельцам засеять для него по пять медимнов пшеницы и собрал, таким образом, огромное количество зерна. Два совершенно сходных эпизода, фигурирующие у двух различных авторов, убеждают в достоверности этих свидетельств [174]. Они дают основание полагать, что фракийские цари в некоторых случаях получали фиксированный заранее доход с части земли, обрабатываемой крестьянином, а не часть урожая, которую нельзя было заранее установить. Однако нет уверенности в том, что такая система обложения была повсеместной или что она была единственной. В том контексте, в котором эти эпизоды поданы у Псевдо-Аристотеля и Полиена, они производят все же впечатление экстраординарной меры. Еще труднее сказать, в какой мере такая система обложения фракийского крестьянства была распространена уже в V в. до н. э., отделенном от времени Котиса I несколькими десятилетиями. Можно думать, что эти изменения могли происходить скорее в количественном, чем в качественном отношении: показательно, что Керсоблепт увеличивает по сравнению с Котисом засев каждого земледельца в пользу царя, а не прибегает к изменению самого принципа обложения.

Как известно, К. Маркс и Ф. Энгельс придавали особое значение превращению дани в точно фиксированные взносы. К. Маркс, исследуя процесс разложения шотландского клана и возникновения частной собственности в результате узурпации вождями кланов — лэрдами клановой собственности, видел начало этого процесса именно в превращении дани в регулярный и точно фиксированный взнос [175]. Ф. Энгельс в появлении налогов видел один из признаков возникновения государства, рассматривал налоги как явление, совершенно неизвестное родовому обществу [176]. В рассмотренном здесь процессе перехода от добровольных подарков к регулярной дани во Фракии есть основания видеть постепенное возникновение этого признака.

[173] См. *Х. М. Данов.* К вопросу об экономике Фракии, стр. 135—136.
[174] Там же, стр 136, сн. 20.
[175] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 8, стр. 524.
[176] *Ф. Энгельс.* ПСЧСГ, стр. 171.

Верховный представитель фракийского царства не был единственным, получавшим доходы этого рода. Целая иерархия знатных лиц также претендовала на его получение. Фукидид очень четко очерчивает три социальные категории Фракии, сплотившиеся в господствующий слой общества, которые, опираясь на функции управления («правившие вместе с ним», т. е. вместе с царем), присваивают себе в виде натуральных и денежных податей прибавочный продукт земледельца: «Подарки эти делались не только Севту, но и правившим вместе с ним династам, а также и знатным одрисам» (II, 97, 3). Существенно, что именно эти три категории фракийцев обозначаются Фукидидом и в других местах его труда одним и тем же термином — «династы» (δυνάσται), связанным с функциями управления. К ним во Фракии, по Фукидиду, причисляли: 1) принцев царской крови (II, 101, 5); 2) подчиненных одрисским царям правителей более мелких царств (II, 97, 3) и 3) влиятельнейших владельцев земель (IV, 105, 5) [177].

Здесь можно, таким образом, фиксировать во фракийском обществе тот момент, когда «все возраставшая самостоятельность общественных функций» [178] превратилась в господство над обществом. Повинности, выплачиваемые фракийским населением правящим группам общества, были централизованной формой присвоения прибавочного продукта труда. Связанная более с публичными, чем частноправовыми отношениями, она представляла собой государственную форму эксплуатации и обогащала те слои фракийского общества, которые представляли возникавшее государство.

Процесс усиления государственной формы эксплуатации шел параллельно другому, в основе которого лежало разложение общины; он сопровождался царскими раздачами земель служило-бюрократической знати и другими явлениями, связанными с возникновением частной земельной собственности. Многочисленные раздачи одрисскими царями и их соправителями деревень, земельных участков и крепостей своим приближенным, дружинникам и т. п. лицам, свидетельствуют об активном участии служилой знати в дележе получаемых с земледельцев доходов (см. стр. 92 сл., 105 сл.). Богатейшие погребения указывают на глубину имущественной дифференциации во фракийском обществе VI—V вв. до н. э., о чем подробно будет сказано ниже. Можно предположить, что земли (или часть их), захваченные у общинников и превращенные в частные владения, обрабатывались крестьянами. Об этом в достаточной мере свидетельствует вполне оформившаяся ко времени возникновения Одрисского царства паразитическая мораль фракийской знати, очевидно сложившаяся под влиянием реальной действительности. Она сформулирована довольно четко: «Жить в праздности почитается высшей доблестью, а обработка земли — самое постыдное занятие» (*Herod.*, V, 6); «считают благородными тех, которым совершенно чужд ручной труд»

[177] *G. Seure.* Archéologie Thrace. «Revue archéologique», t. XV, Janvier — Avril, 1942, p. 51, note 2.

[178] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг.— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 20, стр. 184.

(*Herod.*, II, 167) и т. п. Можно также еще раз упомянуть рассказ Ксенофонта о недовольстве Медосада по поводу ущерба, нанесенного постоями греческого войска деревне, подаренной ему царем (Anab., VII, VII, 3—16), в котором можно уловить заинтересованность Медосада получать свой доход в каких-то долях с дохода крестьян (с урожая, со скота и т. п.).

Надо, однако, принять во внимание и другие свидетельства, указывающие на далеко зашедший процесс разорения общинников, видимо, уже оторванных от средств производства. Имеется в виду появление большого числа фракийцев в различных областях античной ойкумены в качестве военных наемников, рудокопов, цветочниц, гетер; продажа фракийцами своих детей в рабство на чужбину; грабежи, сделавшиеся частым явлением, и др.

Вероятно, их следует воспринимать как свидетельство процессов, аналогичных происходившим в предсолоновской Аттике. Последние имели следствием появление эксплуатации обедневших соплеменников, обрабатывающих земли знати и разбогатевших общинников на издольных условиях, появление должничества и другие явления, связанные с возникновением частной собственности, о чем уже говорилось выше.

В дальнейшей истории Одрисского царства можно еще более четко проследить эту все усиливающуюся тенденцию к точной фиксации налогов (мы располагаем, к сожалению, материалом, относящимся к налогам, накладываемым одрисами на греческие города). Она проявляется то в появлении имени одрисского царя (Амадока) на монетах греческого полиса Маронеи [179]; то в договоренности Афин с Одрисским царством о передаче последнему части (или всего) трибута, уплачиваемого греческими городами — членами Афинского морского союза афинянам [180]; то в договоре середины IV в. между Афинами и одрисами о помощи при взимании налога с греческих городов [181]; то в появлении специальной должности казначея, о которой мы знаем со времени Котиса I (середина IV в.) [182].

Развитие фракийского общества сопровождалось усилением тенденции ко все большему налоговому гнету. Ее отметил уже Фукидид, описывающий период первого расцвета Одрисского государства и указавший, что третий из одрисских царей — Севт I увеличил «до наивысшей степени размер дани» (II, 97, 4).

Труд основного населения Фракии — крестьян, с которых собирались эти поборы, создавал основу богатства Одрисского царства, точнее царя и знати, которые стояли во главе его. Оба великих историка древности, подробно писавшие об одрисах, — Фукидид и Ксенофонт — уловили эту черту. Рассказав о налогах, взимавшихся с фракийцев одрис-

[179] *Г. Кацаров.* Принос към историята на древна Тракия, стр. 157.
[180] *Г. Кацаров.* Происход и пъръв разцвет..., стр. 742 и указанная там литература.
[181] *А. Höck.* Das Odrysenreich im fünften und vierten Jahrhundert v. Chr. «Hermes», XXVI, 1891, S. 104; *Я. Тодоров.* Тракийските царе, стр. 41.
[182] *А. Höck.* Указ. соч., стр. 92 сл.

скими правителями, Ксенофонт заключает: «Вследствие этого царство одрисов достигло большого могущества. Действительно, из всех царств Европы, лежащих между Ионийским заливом и Евксинским Понтом, оно было самым могущественным по количеству доходов и вообще по благосостоянию» (II, 97, 5).

Таким образом, мы должны констатировать, что население Одрисского царства вынуждено было отдавать часть прибавочного продукта своего труда в виде дани в натуральной или денежной форме; лишь предположительно можно говорить о работе на экспроприированных землях, может быть на условиях получения доли урожая. Право на взимание этих поборов появилось у фракийского царя, его соправителей, родовой и служилой знати в результате захвата земель родственных одрисам фракийских племен или же как следствие разложения общины, присвоения наиболее сильными и знатными родственными коллективами или отдельными семьями земель обедневших общин или общинников.

Для общей характеристики форм эксплуатации населения Фракии, разобранных в настоящем разделе, необходимо выяснить два существенных момента. Во-первых, каков был юридический статус лиц, подвергавшихся эксплуатации? Имеем ли мы в данном случае дело с лично свободным населением? Во-вторых, каково было отношение этого населения к средствам производства, главным образом к земле?

Факт уплаты налога, как это неоднократно отмечалось[183], нельзя считать достаточным для утверждения о несвободном статусе лиц, его выплачивающих. Следует обратить внимание на то, что налог взимался одрисами не только с фракийцев, но и с эллинских городов, о жителях которых нельзя предположить, что они были лишены свободы. Более того, уплата налога скорее есть акт, указывающий на свободный статус, чем на порабощение (понимая в данном случае это слово буквально — «превращение в раба»). Среди других источников, свидетельствующих о личной свободе, следует указать на слова Геродота о том, что у фракийцев «существует обычай продавать своих детей на чужбину» (V, 6). Оставив в стороне связанные с разложением общины процессы, которые привели к возникновению этого обычая (см. стр. 101), надо отметить, что это сообщение Геродота является свидетельством свободы фракийцев, их права распоряжаться личностью своих детей, своей личностью[184]. Хотя совершенно очевидно, что продажа своего ребенка, себя самого или своего обедневшего соплеменника влекла за собой в дальнейшем потерю их свободы.

Право фракийцев наниматься солдатами за плату в армию, набираемую частными лицами или государствами, также может, как это правильно считают[185], служить свидетельством их личной свободы.

[183] *И. М. Дьяконов.* Проблемы собственности, стр. 34; «Дискуссия по проблеме родовой и сельской общины на древнем Востоке». ВДИ, 1963, № 1, стр. 193; *Е. С. Голубцова.* Формы зависимости сельского населения Малой Азии в III—I вв. до н. э., стр. 25.
[184] *Б. Геров.* Указ. соч., стр. 59, прим. 44.
[185] Там же.

В сведениях Ксенофонта о богатых деревнях Фракии[186] и в упоминании этого автора (Anab., VII, IV, 14) о «главах домашнего очага (хозяйства, семьи)» в этих деревнях правильно усматривают еще одно указание на свободный статус населения этих деревень[187].

Однако еще более показателен последующий ход истории Фракии, в частности римский период, в значительной мере подведший итог всему развитию этой страны в античное время[188]. Исследователи Придунайских областей и Фракии римского времени приходят к заключению о необычайной устойчивости крестьянского хозяйства, основанного на труде самих земледельцев. Этим обстоятельством они объясняют ряд существенных особенностей социально-экономической жизни этих областей. По сравнению с другими римскими провинциями крупное землевладение — императорские и частновладельческие сальтусы — здесь получили меньшее развитие, роль же крестьянского землевладения была весьма велика. Только с середины III в. н. э. исследователи отмечают рост крупного землевладения и быстрый процесс разорения крестьянства, которые не повели, однако, к исчезновению широкого слоя свободного крестьянства. И в более позднее время, в конечном периоде римской истории, Придунайские области и Фракия сохраняют свой «крестьянский облик» и крестьянское землевладение продолжает здесь играть ведущую роль[189].

В применении к Фракии этот вывод подкрепляется рядом материалов, главным образом эпиграфических.

[186] *Xenoph.*, Anab., VII, III, 9, 43; VII, IV, 5, 14. Сведения других литературных источников о деревнях в доримской Фракии собраны А. Фолом (*A. Fol.* Le développement de la vie urbaine..., p. 311, note 11, где указаны: *Strabo*, 9, 5, 10; *Liv.*, 40, 22; *Theop.* у *Steph. Byz.*, 441, 19 и др.).

[187] *Х. М. Данов.* Югоизточна Тракия..., стр. 299; с ним согласен и Б. Геров (указ. соч., стр. 20). А. Л. Погодин связывает термин κωμῆται со славянским «кметы» — свободные крестьяне, мелкие собственники (см. *А. Л. Погодин.* По вопроси за траките. ГНБП, 1921, стр. 199).

[188] Данные о роли свободного крестьянства и крестьянского хозяйства Фракии в поздние эпохи могут быть использованы для времени, им предшествующего, в частности исследуемого: в античное время изменения происходили по линии уменьшения слоя мелкого свободного крестьянства, а не его роста. Для западных провинций Римской империи этот процесс показан в работе Е. М. Штаерман «Кризис рабовладельческого строя...», стр. 81—177; для восточных — в работах А. Б. Рановича «Восточные провинции Римской империи», passim и О. В. Кудрявцева «Эллинские провинции Балканского полуострова во II в. н. э.», стр. 94, 95 и др.

[189] «История на България». София, 1961, стр. 35; *Б. Геров.* Указ. соч., стр. 52 сл.; *V. Velkov.* Zur Frage der Sklaverei, S. 135; *idem.* Les campagnes et la population rural en Thrace au IV-e — VI-e s. «Byzantinobulgarica», I, 1962, p. 45—53; *A. Fol.* Die Dorfgemeinde..., S. 283—284; *M. Rostowzew.* Gesellschaft und Wirtschaft..., S. 200—203; *Е. М. Штаерман.* Кризис рабовладельческого строя..., стр. 227—246; *она же.* Рецензия на книгу: *M. Pallasse.* Orient et occident. «Византийский временник», VII, 1953, стр. 327; *А. Ранович.* Указ. соч., стр. 247 сл.; *О. В. Кудрявцев.* Указ. соч., стр. 306; *А. П. Каждан.* О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи. ВДИ, 1953, № 3, стр. 91—101; *М. В. Левченко.* Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи. «Византийский сборник», 1945, стр. 12—95; *R. Gandeva.* Der Bauer in der socialischen, ethnischen und ästhetischen Auffassung von Horaz. AAPh SHPh, 1963, S. 285—294.

Знаменитые надписи из Пизоса[190] и Скаптопары[191] (территория Берое, Augusta Trajana), первая из которых поставлена в 202 г. н. э., а вторая — в 238 г. н. э., дают нам свидетельства о жизни свободных сельских жителей Фракии. В пизосской надписи, например, правитель провинции сообщает, что он «убедил» людей из окружающих сел переселиться в новый эмпорий — Пизос и склонил к такому же добровольному переселению и жителей других сел. Вводная часть к этой надписи свидетельствует, что такой метод основания эмпориев применялся римлянами достаточно широко и перед нами, как это отметил Б. Геров[192], не единичное, а ординарное явление.

О свободном сельском населении этой же местности во II и III вв. н. э. дают сведения и другие надписи, которые сообщают об участии фракийцев в общественной и религиозной жизни этой territoria, о достижении некоторыми из них высших военных чинов, о широком привлечении фракийцев из сел в римское войско, главным образом преторианские когорты[193]. Из скаптопаренской надписи мы узнаем о крестьянах, владеющих землей (κεκτήμεθα) и сидящих на своей (ἐν τοῖς ἰδίοις) земле в селе Скаптопара[194].

Массовый эпиграфический материал римского времени также свидетельствует о сохранении свободного фракийского крестьянства: надписи сообщают, что крестьяне могли вступать в договорные отношения, служить в войсках и занимать муниципальные должности.

К числу особенностей социально-экономического развития балканских областей, объясняемых длительным сохранением и крупной ролью свободного крестьянского хозяйства, следует отнести и сравнительно позднее появление здесь колонатных отношений, происхождение колонов главным образом из числа свободных крестьян, что отразилось на типе этих отношений (прикрепление колона к земле, а не к хозяину имения), и ряд других явлений.

Сельский облик страны повлиял и на административное устройство римской Фракии. Отсутствие крупных самоуправляющихся городов заставило римлян изменить во Фракии обычную провинциальную структуру, при которой в центре административной единицы — territoria стоял город. В отличие от этого в начале установления римского управления здесь были сохранены сельские territoria, центром которых был не город, а село (κώμη, vicus)[195]. Понятие κώμη в античное время менялось, но оно всегда отчетливо противопоставлялось понятию πόλις[196]. Вероятно, римляне оставили в начальный период своего господства во

190 IGBR, t. III 1690.

191 IGBR, t. IV, 2236.

192 *Б. Геров*. Указ. соч., стр. 52.

193 *Б Геров*. Указ. соч., стр. 53 и прим. 355—357.

194 Там же, стр. 52 и прим. 341—345.

195 *Г. Кацаров*. България в древността. София, 1926, стр. 54—55; *M. Roztowzew*. Gesellschaft und Wirtschaft..., S. 200, 202. Anm. 87; *Б. Геров*. Указ. соч., стр. 27; CAH, t. XI, p. 571 (L. Keil).

196 *G. Fougères*. Kôme (Κώμη). «Dictionnaire des antiquités Grecques et Romaines», t. III, 1899, p. 852; *H. Swoboda*. Κώμη. RE, Suppl. IV, 1924, S. 951.

Фракии ту систему, которая существовала во время зависимых от Рима фракийских царей[197]. Но факт сохранения и в период Римской империи самоуправляющейся сельской территории говорит о сельском, крестьянском характере страны и в это время[198]. Только со времени правления Траяна, когда началась широкая урбанизация Фракии, такая специфическая административная система постепенно стала заменяться стандартной. Однако и в позднеантичное время село (vicus, κώμη) играло значительную роль; хотя в административном, финансовом и судебном отношении в это время села были уже подчинены городу, стоявшему во главе соответствующей territoria, но в этой городской territoria они имели собственные земли, отделенные от остальных пограничными столбами[199]. Сохранение свободного фракийского крестьянства в качестве основного населения прослеживается и по данным, относящимся к истории римской армии. Е. М. Штаерман, опираясь на эпиграфические источники, доказала, что дунайская армия с III в. н. э. набирается главным образом из местного свободного земледельческого населения. Увеличение роли дунайской армии в римской истории этого времени она справедливо объясняет тем, что «в Дунайских провинциях более, чем в других, сохранялось мелкое свободное землевладение». Этим же исследовательница объясняет отсутствие в тех же провинциях тенденции к возникновению замкнутого военного сословия[200].

Таким образом, можно констатировать, что на всем протяжении истории античной Фракии основным производителем в сельском хозяйстве (а оно было главной отраслью экономики этой страны) оставался свободный крестьянин, несмотря на различные формы внеэкономической и экономической зависимости, которые мы пытались охарактеризовать в этом разделе.

* * *

Категория юридически свободных во фракийском обществе VII—V вв. до н. э. охватывала людей различного имущественного и социального положения: от крестьянина, обремененного различными поборами, до

[197] *Б. Геров.* Указ. соч., стр. 27.

[198] Комы, комархии и их руководители (кометы) засвидетельствованы множеством надписей из Фракии, главным образом южной. Во многих из них названы фракийские села — Спинопара, Скаптопара, Скаскопара и др. В надписях из района Пауталии (совр. Кюстендил) они упоминаются 15 раз (IGBR, t. IV, № 2043, 2044, 2192, 2196, 2216, 2236[13, 23, 33, 34, 80, 122, 140, 149]; в надписях из района Трайанензе (совр. Стара Загора) — 12 раз (IGBR, t. III, № 1690, 1711, 1771); из района Филиппополя (совр. Пловдив) — 10 раз (IGBR, t. III, № 1445[3], № 1473[4, 5, 7], 1474[2, 4, 5, 7], 1535[2], 1536). Из смежных с Фракией провинций сохранение самостоятельных сельских территорий отмечают в Мёзии (*Т. Д. Златковская.* Мёзия в I—II вв. н. э., стр. 106) и в Македонии (*О. В. Кудрявцев.* Указ. соч., стр. 306). Однако есть все основания говорить, что это явление общедунайское (*Е. М. Штаерман.* Кризис рабовладельческого строя..., стр 228).

[199] *В. Велков.* Градът в Тракия и Дакия, стр. 65.

[200] *Е. М. Штаерман.* Этнический и социальный состав римского войска на Дунае. ВДИ, 1946, № 3, стр. 256; *она же.* Кризис рабовладельческого строя..., стр. 238, 243.

царей и аристократов, обладавших крупными земельными владениями и богатым движимым имуществом, получавших доходы с крестьян. Решительные столкновения между этими полярными категориями свободного населения Фракии засвидетельствованы литературными и археологическими источниками. Героическое сопротивление фракийского племени тинов завоеванию одрисских царей мы склонны рассматривать не как войну одного племени против другого, но как проявление социальной борьбы против насилия иноплеменной знати. Сопротивление это носило упорный характер, охватывая зачастую несколько поколений. Так, Ксенофонт сообщает о мужественном сопротивлении тинов основателю Одрисского царства Тересу, которое увенчалось успехом: царь потерпел поражение, у него был даже отнят обоз (Anab., VII, II, 22). Это была одна из первых попыток одрисских царей подчинить своей власти свободные фракийские племена. Силу их сопротивлению придавали, как можно предположить, свободолюбивые традиции предшествующей эпохи, когда экономические притязания местной племенной знати не носили столь принудительного и регулярного характера. И в дальнейшем попытки одрисских царей получать регулярную дань встречали ожесточенное сопротивление фракийцев. По существу вся VII книга «Анабазиса» Ксенофонта посвящена описанию этой борьбы и напряженного положения внутри Фракии, когда Севт находился в стране тинов, «словно в стране более могущественных царей, со взнузданными круглые сутки конями» (VII, VII, 6). Особенно ярко ожесточенные битвы с тинами описаны в III (§ 35—47) и IV (§ 1—24) главах. Это настоящая война, проводимая со всей жестокостью и беспощадностью.

О борьбе фракийских племен против царя Котиса I свидетельствует описание Полиеном многочисленных военных хитростей этого царя, имевших целью победить непокорных (*Polyaen*, III, 9, 4, 60, 62). В этом стремлении покоренных племен сбросить иго одрисского гнета есть основания видеть одну из главных форм сопротивления фракийского населения государственной эксплуатации, проводимой одрисскими царями и целой иерархией их соправителей.

Есть свидетельства борьбы фракийцев и против своей, местной земельной аристократии. На них обратил внимание академик Д. П. Димитров, проведший анализ термина τύρσις и пришедший к выводу, что этим термином обозначали во времена Ксенофонта укрепленную резиденцию фракийских царей и землевладельческой знати. Традиция этого рода укрепленных вилл прослеживается и в более позднее время как в других литературных источниках по Фракии, так и в археологических материалах (укрепленный квартал в Севтополе). Наличие этих укрепленных резиденций было связано не только с борьбой против внешних врагов, но и с борьбой местного населения против земельной аристократии [201].

Наряду с этой основной формой эксплуатации во Фракии следует отметить и другие.

[201] *Д. П. Димитров.* За укрепените вили..., стр. 683—699

Племена тинов благодаря тому, что жили на перекрестке оживленного пути из Европы в Азию и были ближайшими соседями крупнейшей греческой колонии на Понте Евксинском — Византия, более, чем другие фракийские племена, находились в поле зрения античной литературной традиции. Этим, видимо, мы обязаны тому, что опять именно они служат примером еще одной формы зависимости. Она также была следствием завоевания. В качестве завоевателей в данном случае выступают греки — выходцы из города Мегары, основавшие на землях тинов (= витинов) [202] Византий. Между греками и витинами возникли отношения, о которых сообщает Афиней (*Athen.*, VI, 271c), ссылаясь на Филарха, автора III в. до н. э.: «Византийцы так же господствовали над витинами, как лакедемоняне над илотами». Сообщение Филарха представляется достоверным. В зависимость, подобную илотии, часто попадали местные племена, покоренные греками-колонистами. Взаимоотношения между греками и фракийцами складывались различно и отнюдь не всегда вели к подчинению [203]. Однако факт борьбы фракийцев-тинов против прибывших для колонизации мегарцев и подчинение части их последними засвидетельствован и другими источниками (*Dion. Byz.*, fr. 8). Мощность стен Византия, ставшая баснословной (*Hes. Mil.*, VI, 12—13; *Paus.*, IV, 31, 5), подтверждает воинственность фракийцев, на землях которых обосновались византийцы; воздвигнутые при основании Византия укрепления были особенно высоки и крепки с сухопутной, а не морской стороны, что лишний раз указывает на враждебность окружающего город населения [204] и делает весьма правдоподобным утверждение, что витины попали в зависимость от византийцев в результате завоевания; исследователи относят возникновение этой зависимости ко времени основания Византия, т. е. к 660 г. до н. э. и к начальному периоду завоевания греками этих фракийских племен [205].

Это свидетельство о крайне восточном из фракийских племен идентично двум другим, касающимся крайне западных фракийцев, живших на границе с иллирийскими племенами. Первое из них, оставленное нам авторитетным греческим историком IV в. до н. э. Теопомпом (и дошедшее в изложении Афинея), касается ардиаев — иллирийского племени. Оно, по его словам, имело 300 000 проспелятов (*προσπελάται*), которых ардиаи «использовали так же, как спартанцы использовали илотов» (*Athen.*, VI, 271 e; X, 443). Второе — свидетельство Агатархида из Книда, касающееся дако-иллирийского племени дарданов, которые «име-

[202] Основная часть витинов в древнейшую эпоху переселилась из Европы в Азию (*Strabo*, VII, 3, 2; *Herod.*, VII, 75), но часть их, фигурирующая в источниках под именем тинов, осталась на европейском берегу (*Athen.*, VI, 271 c).

[203] *Т. В. Блаватская.* Западнопонтийские города, стр. 17—18, 39—43 и др.

[204] См. *В. П. Невская.* Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953, стр. 17, 27.

[205] *Хр. Данов.* Към история на полусвободните селяни през античната епоха. ИБАИ, XIX, 1955, стр. 112; *В. П. Невская.* Указ. соч., стр. 18, 38—39, 40—41.

ли так много дулов (δοῦλοι), что один человек имел тысячу, а другой и более. Каждый из них обрабатывал в мирное время землю, а в военное время участвовал в армии под предводительством своего господина (δεσπότης)» (*Athen.*, VI, 272 d). Население, которое эксплуатировали арднаи и дарданы, было, как полагает К. Пач[206], западными фракийцами.

Все три сообщения, несмотря на то, что они переданы эллинистическими авторами, есть достаточно оснований отнести к более раннему времени, соответствующему периоду завоевания.

Эти свидетельства вводят Фракию в круг сложных производственных отношений и форм зависимости, возникавших в ряде греческих областей в результате завоевания. Речь идет об илотах в Спарте, пенестах в Фессалии, мноитах и войкеях на Крите, мариандинах в Гераклее Понтийской, гимнетах в Аргосе и пр. На сходство в положении всех этих категорий зависимого населения обращали внимание уже древние. Аристотель отождествляет положение илотов с положением пенестов; Страбон сообщает, что гераклейцы заставили мариандинов быть илотами, и проводит параллель между порабощением мариандинов в Гераклее, мноитов на Крите и пенестов в Фессалии; Платон сравнивает пенестов с илотами, определяя форму зависимости и тех и других одним и тем же термином. Как видно из приведенной выше цитаты, Филарх идентифицирует положение витинов в Византии с положением илотов в Спарте и т. п. Современные исследователи, исходя из этих данных античной историографии, также отмечают черты сходства в социальном и экономическом положении зависимого населения, называемого этими терминами[207].

Не может быть сомнения, что между всеми этими категориями зависимости не было полной тождественности и каждая из них имела свою специфику. Но ясно и то, что у них были и какие-то существенные общие черты, которые повели к ставшей традиционной в античной историографии их идентификации. В качестве этих роднящих их черт следует отметить прежде всего то, что все эти категории населения оставались на той земле, которой они владели до завоевания, однако обязаны были отдавать подчинившим их большую часть продуктов своего труда в виде подати (ἀποφορά, σύνταξις; мариандинов Эвфорион и Каллистрат называют δωροφόροι — «приносящие дары»; между прочим, так же Фукидид характеризует население Одрисского царства). Земля, которую обрабатывало население, становилась собственностью государства (на-

[206] *C. Patsch.* Österreichische Jahreshefte, 1907, X, S. 171—173.

[207] *Х. Данов.* Към историята на полусвободните селяне през античната епоха, стр. 117—118; *В. В. Струве.* Плебеи и илоты. ИГАИМК, вып. 100, М.— Л., 1933, стр. 368—369; *Р. В. Шмидт.* Из истории Фессалии. ИГАИМК, вып. 101, 1934, стр. 86—87; *А. И. Тюменев.* История античных рабовладельческих обществ. М.— Л., 1933, стр. 26; *Л. Н. Казаманова.* Рабовладение на Крите в VI—IV вв. до н. э. ВДИ, 1952, № 3, pasim; *M. Rostowzew.* Gesellschaft und Wirtschaft..., I, S. 334—335, Anm. 58; *J. Hasebrock.* Griechische Wirtschaft und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. Tübingen, 1931, S. 74; *J. Oehler.* Heloten. RE, VIII, 1913, S. 204.

пример, «общины равных» в Спарте) или отдельных знатных родов (например, в Фессалии). Можно полагать, что эта одна из характернейших черт всех форм зависимости, подобных илотии, была свойственна и той, в которую попали витины и западные фракийцы у ардиаев и дарданов. Она делает эту форму эксплуатации сходной с той формой экономической зависимости основного населения Одрисского царства, о которой шла речь выше. Но этим сходство и ограничивается.

Несмотря на существенную разницу в юридическом положении различных категорий этого рода населения (от младших членов семейно-родовой общины, как весьма обоснованно трактует войкеев К. М. Колобова[208], до илотов — членов враждебных общин, противопоставлявшихся свободным жителям Лаконии и подвергавшихся эксплуатации, сопровождавшейся жесточайшим террором), перед нами бесспорно зависимое население, отличавшееся по своему юридическому статусу от свободных[209]. Это обстоятельство четко прослеживается, например, в Гортинских законах, где насилие против свободного наказывается штрафом в 100 статеров, а против войкея — в 2,5 статера[210]. Целая разработанная система мер, направленных на устрашение подчиненных (вплоть до их физического истребления), подтверждает это положение. Этим зависимая категория населения «типа илотов» отличается от первой из отмеченных нами форм зависимости в Одрисском царстве.

Вопрос о социальном статусе илотов и аналогичного с ними населения других областей древней Греции широко дебатировался в научной литературе. В то время как одни ученые называют илотию «крепостничеством завоевательского типа» или «видом коллективного рабства, близким к феодальному крепостничеству», или «примитивно крепостническими отношениями даннического типа»[211], другие считают илотию «примитивной формой рабства», а положение войкеев — почти равным положению обычного раба[212], третьи не причисляют взаимоотношения

208 *К. М. Колобова.* Войкеи на Крите. ВДИ, 1957, № 2, стр. 25—46, особенно стр. 43—46.

209 Общеизвестно, что к этому населению в литературных и эпиграфических источниках часто применяются термины «дул», «ойкет» и «андропод» (*В. В. Струве.* Указ. соч., стр. 370—371; *Р. В. Шмидт.* Указ. соч., стр. 88; *Л. Н. Казаманова.* Указ. соч., passim). Это обстоятельство бесспорно может служить указанием на зависимый статус этих людей, но не дает достаточных оснований для утверждения об их рабском положении. Во-первых, потому, что термином δοῦλος обозначали разные степени зависимости и лишь со временем и преимущественно в полисах, основанных на привозном рабстве, он получил значение человека, лишенного личной свободы и собственности (*К. М. Колобова.* Указ. соч., стр. 25; *Я. А. Ленцман.* Термины, обозначающие рабов в древнегреческом языке, стр. 57, 62); во-вторых, потому, что другие источники определяют положение этой категории населения как находящейся между рабством и свободой (*Poll.*, III, 83). Главное, однако, не в терминологических определениях, которые важны лишь при отсутствии развернутых характеристик, а в существе илотии, пенестии и т. п., которое все же явственно выступает.

210 *К. М. Колобова.* Указ. соч., стр. 25.

211 *А. И. Тюменев.* Указ. соч., стр. 27; *В. В. Струве.* Указ. соч., стр. 364

212 *С. И. Ковалев.* История античного общества. Греция. Л., 1937, стр. 151; *Л. А. Ельницкий.* Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э. М., 1964, стр. 18—19; *Л. Н. Казаманова.* Указ. соч., стр. 38.

типа илотии ни к рабовладельческим, ни к феодальным категориям зависимости, а подчеркивают многообразие форм эксплуатации в античности, ставящих людей в положение между свободными и рабами, и указывают на черты отличия илотии и подобных ей отношений от крепостнических[213]. Решение этого вопроса назрело и, думается, произойдет в ближайшее время, так как пути к этому в науке уже намечены, в частности и рядом советских исследований[214].

Нам только хотелось здесь подчеркнуть уже не раз отмеченное в трудах, посвященных этому вопросу, своеобразие илотии. Оно состояло прежде всего в том, что земледелец типа илота не отрывался от основного средства производства — земли, а оставался обрабатывать ее (хотя уже не на правах владения, а лишь держания, пользования); это существенно отличало его от рабов, оторванных, как правило, от средств производства. Во-вторых, все эти категории населения, сходные с илотами, не лишены собственности. Уже само обязательство выплачивать апофору предполагает наличие у илотов своего хозяйства, своих орудий труда, дающих им средства к существованию. Последние исследования о войкеях значительно расширили наши знания в этой области. Собственность у войкеев подтверждается законами, накладывающими на них денежный штраф за различного рода преступления, а также правом наследования имущества своих родных (скот, дом) и даже наследования имущества членов того свободного рода, на земле которого сидит войкей, в случае, если нет других имеющих право на наследство (случай, правда, мало реальный). Само подчинение, в-третьих, не было безусловным[215], как это свойственно рабству. Так, мариандины вынуждены были взять на себя обязательство «доставлять гераклеотам все необходимое», а пенесты должны были платить подать при условии, что они останутся в пределах своей страны (т. е. не подлежат продаже) и что они не будут убиты. Их юридический статус был отличен от рабского, хотя они не могли быть приравнены к свободным. Важно отметить и право зависимого населения (войкеев) иметь семью, более того, право вступать в брак со свободными. По Гортинским законам войкей имел право свидетельствовать в суде.

У нас нет данных для утверждения, что все черты, характеризующие положение этой категории населения разных областей Эллады, были

[213] *Р. В. Шмидт*. О непосредственных производителях на Крите. ПИДО, 1935, № 9-10, стр. 42—57; *К. М. Колобова*. Указ. соч., стр. 25—46; *M. I. Finly*. Was Greek Civilisation based on Slave Labour? «Historia», VIII, 1959, N 2, p. 147; *D. Lotze*. Μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δούλων. «Studien zur Rechtstellung unfreier Landbevolkerung im Griechenland bis zum 4. Jahrhundert v. Ch.». Berlin, 1959.

[214] Обзор русской, советской и зарубежной литературы об илотии дан у Я. А. Ленцмана («Рабство в микенской и гомеровской Греции». М., 1963, стр. 53—56, 58—59, 63, 69, 82). См. также указанные работы Х. Данова, Р. В. Шмидт, К. М. Колобовой, К. К. Зельина, И. С. Свенцицкой, Е. И. Голубцовой.

[215] И. С. Свенцицкая, однако, полагает, что экскурсы в область договорных отношений между победителями и побежденными «типа илотов» в Малой Азии следует объяснять приверженностью их авторов к теории софистов об общественном договоре («Положение зависимого населения в Малой Азии», ВДИ, 1967, № 4, стр. 81).

присущи и витинам, порабощенным Византием, и юго-западным фракийцам, порабощенным иллирийцами. Можно полагать, однако, что часть черт, причем основные, существовали и у них, что и дало повод древним считать их положение сходным с положением илотов в Спарте.

РАБСТВО

Вопрос о рабовладении во Фракии оживленно обсуждался и обсуждается на страницах исторической печати. В то время, как в одних работах с большей или меньшей категоричностью пишут о крупных рабовладельцах во Фракии периода Одрисского царства V—IV вв. до н. э., использующих в больших масштабах рабский труд, и вообще о преимущественно рабовладельческой экономике страны[216], в других (а иногда даже в тех же) работах подчеркивается ведущая роль свободного крестьянства в производстве Фракии, находившегося в зависимости от родовой знати и правителей; рабовладению при этом отводится незначительная роль[217]; в третьих отмечают, что большинство фракийских племен не имело рабов, находилось на стадии расцвета первобытнообщинного строя, что лишь некоторые из них (одрисы) достигли в своем развитии стадии возникновения союза племен и патриархального рабства[218]. Такие различия во мнениях по кардинальному вопросу раннефракийской истории объясняются расхождением не только в трактовке источников, но и в оценке роли рабовладения в историческом развитии европейских племен вообще и фракийцев в частности. При решении этой проблемы наиболее правильным путем исследования следует признать тот, который ведет от изучения конкретных социальных и экономических явлений к общим заключениям.

Сведения о рабах во Фракии VII—V вв. настолько малочисленны, что очень затруднительно проследить эту социальную категорию фракийского общества в ее динамике. Кроме того, источники по раннему, «доодрисскому» периоду и более позднему, одрисскому неравноценны.

Наиболее ранние сведения о рабах у фракийцев мы встречаем в гомеровском эпосе, точнее, в IX книге «Одиссеи» (ст. 36—61 и 196—210), повествующей о борьбе Одиссея и его товарищей с фракийским племенем киконов и о хозяйстве их жреца — Марона. Они были введены в научный оборот Хр. Дановым, увидевшим в этом источнике ценный материал для выводов по истории рабовладения во Фракии конца VIII—VII вв. до н. э.[219]. В отличие от него В. Велков с большой долей сомнения относится к возможности использовать данные Гомера для полу-

[216] *Д. П. Димитров.* Един нов наметник..., стр. 10; *Х. М. Данов.* Към история на робството..., стр. 410; *А. Милчев.* Социално-икономическият... строй..., стр. 534.

[217] *А. Милчев.* Указ. соч., стр. 545; *Х. Данов.* Югоизточна Тракия..., стр. 299—300; *он же.* Древна Тракия, стр. 290—292; «История Болгарии». М., 1954, стр. 23; *Б. Геров.* Проучвания..., стр. 20; «История на България». София, 1961, стр. 24; *В. Велков.* Робството..., стр. 20—21.

[218] *С. Мулешков.* Обществено-икономическият строй..., стр. 165.

[219] *Chr. Danov.* Social and Economic Development of the Ancient Thracians, p. 10.

чения каких-либо конкретных сведений о рабах у фракийцев[220], хотя склонен датировать их тем же или несколько более поздним (VII в.) временем[221]. Следует привести некоторые соображения, допускающие, как нам кажется, использование гомеровских сведений о рабах во Фракии. Я. А. Ленцман с достаточным основанием утверждает, что в отличие от данных эпоса о рабах в хозяйствах крупных басилевсов, сохраняющих древние традиционные, носящие застывший стандартный характер сведения, описания рабов вне царского хозяйства, в хозяйствах просто богатых людей близки исторической действительности времен жизни Гомера. Они не носят следов стандартных эпических повторений, а представляют собой самостоятельные части творчества поэта. В качестве примера описания этого последнего типа Я. А. Ленцман прежде всего и приводит хозяйство фракийца (кикона) жреца Марона[222]. Эта особенность гомеровских сведений о рабах в нецарских хозяйствах, относящаяся в полной мере и к фракийским хозяйствам, делает совершенно излишним скептическое отношение к использованию данных эпоса по исследуемому вопросу[223].

Обратимся к тексту «Одиссеи». Как известно, попав во время своих скитаний к киконам и разрушив их город Исмар, Одиссей и его спутники пощадили жреца киконов Марона с семьей из уважения к его сану. Марон наградил Одиссея дорогими подарками, среди которых было также 12 амфор драгоценного крепкого вина. При этом

> «...ни из служанок,
> ни из рабов о вине том никто в его доме не ведал,
> кроме его самого, супруги и ключницы верной»[224].

Эти слова поэмы восприняты Хр. Дановым как доказательство существования у Марона как домашних, так и работающих в поле слуг, униженных до положения рабов[225]. Существенны, однако, термины, употребленные в данном случае. Для обозначения рабов здесь фигурируют термины δμῶες и ἀμφίπολοι. Первый из них — δμῶες — применяется по отношению к людям, попавшим в рабство чаще всего в результате пленения в бою[226]; это ясно из контекста (Od., I, 398) и про-

[220] *В. Велков.* Робството..., стр. 17.

[221] А. Ф. Лосев. («Гомер». М., 1960, passim, особенно стр. 65—72) обосновывает датировку жизни поэта VII — началом VI в. до н. э. Подробнее об этом см. стр. 198—200.

[222] *Я. А. Ленцман.* Рабство в микенской и гомеровской Греции, стр. 248—249.

[223] *В. Велков.* Указ. соч., стр. 17. Обосновывая отрицательное отношение к сведениям эпоса, В. Велков ссылается на ту же работу Я. А. Ленцмана, однако ошибочно оперирует при этом выводами автора, относящимися к царским хозяйствам, игнорируя те, которые сделаны им в отношении хозяйства просто богатых людей. Между тем именно к последним следует отнести хозяйство фракийского жреца Марона. Впрочем, в конце своего критического абзаца В. Велков совершенно неожиданно говорит о возможности допустить, что данные Гомера все же отражают до известной степени уровень развития рабовладения у киконов (там же).

[224] *Гомер.* Одиссея. Перевод В. Вересаева. М., 1953, песня IX, 205—207.

[225] *Chr. Danov.* Указ. соч., стр. 10.

[226] *Я. А Ленцман.* Рабство в микенской и гомеровской Греции, passim, главным образом стр. 237—242, 247—251.

исхождения самого термина от глагола δάμνημι (δαμάω) — «одолевать, покорять»[227]. То обстоятельство, что многие δμῶες фигурируют в «Одиссее» как купленные, а не захваченные в плен рабы, не меняет представлений об источниках их получения в результате внеэкономического принуждения — обращения в рабство военнопленных и пиратства[228]. Рабский статус людей, обозначаемых в гомеровском эпосе термином δμῶες, в последнее время не вызывает сомнений. О них в поэмах при перечислении обычно говорится наравне с имуществом — золотом, медью, скотом и т. п. (Il., XXIII, 549 сл.) как об объекте грабежа, покупки или передачи в наследство (Il., XVIII, 28; Od., I, 398; IV, 736; XIV, 115 и др.); они противопоставляются фетам как несвободные люди[229].

Таким образом, данные гомеровского эпоса свидетельствуют об обращении пленников в рабство; причем речь идет об обращении в рабов мужчин (δμῶες — им. падеж мужского рода, в отличие от δμωαί — им. падеж женского рода) — свидетельство того, что фракийцы уже миновали стадию убийства пленников и что превращение мужчин-пленников в рабов «было уже признанным институтом»[230]. Уже обращали внимание на то, что большой перевес упоминаний этого термина, обозначающего рабов-мужчин, по сравнению с числом его упоминаний в более ранней «Илиаде» не случаен; это объясняется тем, что ранее пленных мужчин убивали, оставляя в живых лишь пленных женщин, которых обращали в рабынь[231].

Второй из употребленных в эпосе терминов — ἀμφίπολος. Анализ этого термина привел к выводу, что он обозначает в эпосе рабынь, но более приближенных к своим господам (они чаще всего горничные, служанки и т. п.), чем они и отличаются от безликой массы рабынь — δμωαί[232]. Впрочем, в зависимости от того, какую роль женщины-рабыни играли, в том или ином эпизоде, одни и те же лица назывались то ἀμφί πολοι, то δμωαί. Во всех случаях и те и другие фигурируют как несвободные[233].

Гомер дает некоторые возможности для решения (хотя бы в самых общих чертах) вопроса о формах применения рабского труда во фракийском обществе. Применение труда разных категорий рабов в гоме-

[227] *W. Pape.* Handwörterbuch der griechischen Sprache. Braunschweig, 1880, s. v. δμώς; *Liddel* and *Scott.* A Greek-English lexicon. Oxford, 1940, s. v. δμώς. Есть и иная трактовка происхождения этого термина — от δόμος (см. *Ch. Daramberg, E. Sagliot.* Dictionnaire des antiquites grecques et romaines, s. v. Servi, p. 1269). В таком случае термин приобретает значение, сходное с famuli — «домочадцы» и связанное с familia. Первоначально этой трактовки придерживался Я. А. Ленцман («О древнегреческих терминах, обозначающих рабов», стр. 51), впоследствии приведший, однако, серьезные возражения против такого объяснения происхождения этого слова (см. «Рабство в микенской и гомеровской Греции», стр. 239, прим. 37).

[228] *Я. А. Ленцман.* Рабство в микенской и гомеровской Греции, стр. 238—239.

[229] Там же, стр. 241.

[230] *Ф. Энгельс.* ПСЧСГ, стр. 105.

[231] *Я. А. Ленцман.* Рабство в микенской и гомеровской Греции, стр. 238, 244.

[232] Эту разницу уловил В. Вересаев («Одиссея», М., 1958, IX, 206), переведший термин ἀμφίπολοι словом «служанки», а не «рабыни», как он переведен у В. А. Жуковского.

[233] *Я. А. Ленцман.* Рабство в микенской и гомеровской Греции, стр. 242—244.

ровском эпосе вообще ограничено, как известно, скотоводством (они работают пастухами), работами по дому (колют дрова, запрягают лошадей и т. п.) и в качестве гребцов. В земледелии их труд применяется только в садоводстве (и то об этих работах упомянуто в поздних частях «Одиссеи»); на полях работают только свободные земледельцы [234]. Что касается рабынь, то их участие в производительном труде еще меньше — это главным образом работы по дому, уход за господами, а также прядение и ткачество. Вывод об ограниченности применения рабского труда в гомеровской Греции (IX—VIII вв. до н. э.) приложим, видимо, и к производственным отношениям, существовавшим во Фракии. Разница заключается не в качественных показателях уровня развития рабства, а в хронологических рамках: данные эпоса о киконах соответствуют, как упоминалось выше, его самым поздним слоям, отражающим историческую обстановку конца VII — начала VI в. до н. э. Рабы у жреца Марона, как кажется, по своим функциям ничем не отличаются от рабов в других нецарских хозяйствах. Весьма краткое упоминание о них все же дает некоторое основание связать их функции с работами по дому (ἐνὶ οἴκῳ). В тексте «Одиссеи» отсутствуют сведения об использовании (даже у киконов — этого сравнительно развитого южнофракийского племени) рабского труда в основной сфере производственной деятельности фракийцев — в земледелии [235].

Таким образом, данные наших ранних источников о рабах во Фракии в конце VII—VI в. до н. э. указывают на случаи превращения не только женщин, но и мужчин-пленников в рабов; однако применение рабского труда в производстве было весьма незначительным, ограничиваясь главным образом работами по дому и сферой личного обслуживания знати.

Ограниченность применения рабского труда не может, однако, как кажется, служить признаком недавнего возникновения рабовладения, начального этапа его развития. В. Велков полагает, что сведения Гомера о рабах во Фракии дают возможность определенно говорить, что в VII в. до н. э. фракийцы, жившие вблизи эллинского мира, знали рабство патриархального этапа [236]. Однако следует обратить внимание на черты рабства во Фракии этого периода, знаменующие отход от патриархальной ступени его развития. В хозяйстве Марона можно заметить некую градацию между рабами. Ключница, обозначенная термином ταμίη — безусловно, как это характерно для всего эпоса [237], рабыня, Однако по своему положению она явно отличается от других рабов в

[234] Там же, стр. 241, 251, 264—265.
[235] Противоположная нашему мнению точка зрения поставила бы фракийцев на более высокую ступень развития рабства, чем греков, даже тех греков, уровень развития которых отражен и в наиболее поздних слоях гомеровского эпоса, для чего с общеисторической точки зрения нет оснований. Нам представляется также, что высказанная Х. Дановым мысль о полевых работниках (field workers) Марона, униженных до положения рабов (status of slavery), является преувеличением (см. *Chr. Danov*. Social and Economic Development, p. 10).
[236] *В. Велков*. Указ. соч., стр. 17—18.
[237] *Я. А. Ленцман*. Рабство в микенской и гомеровской Греции, стр. 270.

доме. Подобно няне Телемаха Евриклее (кстати, и она обозначена тем же термином - ταμίη) или Акториде, знавшей тайну устройства ложа Одиссея, ключница Марона одна из всех рабов и рабынь знает, где хранится чудесное вино. Ее роль явно аналогична той, которую играют и другие привилегированные («старшие») рабы в эпосе, дающие задание рядовым рабам и проверяющие их исполнение. Это что-то вроде надсмотрщицы, домоправительницы. Такое расслоение среди рабов — явление, характерное для рабства, скинувшего черты патриархальных отношений [238].

Другим источником по исследуемому вопросу может служить эпод, часто приписываемый ионийскому лирику Архилоху [239]. Первая часть его и особенно выражение «рабскую пищу (δούλιον ἄρτον) едя» обычно приводится для доказательства наличия рабовладения у фракийцев. Датировка описываемых событий зависит от того, признавать ли это стихотворение творчеством Архилоха или же, как это принято в некоторых новых изданиях греческих лириков, творчеством Гиппонакта [240]. В

[238] Там же, стр. 268 277.
[239] «Antologia Lyrica Graeca», Ed. E. Diehl. Fasc. 2., Lpz., 1952, p. 34—35, N 79[a].

«Пускай близ Салмидесса ночью темною
Взяли б фракийцы его
Чубатые — у них он настрадался бы,
Рабскую пищу едя.
Пусть взяли бы его — закоченевшего,
Голого, в травах морских,
А он зубами, как собака, ляскал бы,
Лежа без сил на песке
Ничком, среди прибоя волн бушующих.
Рад бы я был, если бы так
Обидчик, клятвы растоптавший, мне предстал,—
Он, мой товарищ былой».
«Эллинские поэты». М., 1963, стр. 210, № 26
(перевод В. В. Вересаева)

[240] Эпод был найден только в конце XIX в. в библиотеке Страсбургского университета и впервые опубликован в 1899 г. Его принадлежность к поэзии Архилоха уже тогда не казалась бесспорной. И в настоящее время многие крупные исследователи античной поэзии считают автором этого стихотворения не Архилоха, а Гиппонакта. Так, в новом и, как принято считать, лучшем издании Архилоха Ф. Лассерре — А. Боннара (*Archiloque*. Fragments. Texte établi par F. Lasserre, traduit et commenté par A. Bonnard. Paris, 1958, p. XCI) это стихотворение не помещено, так как составитель считает его принадлежащим Гиппонакту В соответствии с этим в последнем издании поэзии Гиппонакта О. Массона оно фигурирует как вполне полноправное (*O. Masson*. Les fragments du poète Hipponax. Paris, 1962). Таково же мнение и Герхарда (*Gerhard*. RE, s. v. Hipponax, S. 1891, 1894). И в советской литературе это мнение очень распространено, стало почти хрестоматийным (см. «Эллинские поэты». М., 1963, стр. 381). С другой стороны, Е. Диль во всех своих изданиях греческой лирики относит это стихотворение к поэзии Архилоха. В этом научном споре, где главным аргументом является метрика стиха, мы склонны быть на стороне тех, которые считают эпод творчеством Гиппонакта: термин οὖρ κατ δύνην употребляемый в нем, не характерен для лирической поэзии VII в. до н. э. (*Я. А. Ленцман*. Послегомеровский эпос как источник для социально-экономической истории ранней Греции. ВДИ, 1954, № 4, стр 65) и скорее мог быть применен в VI в. (т. е. во времена Гиппонакта), чем в VII в. до н. э. (т. е. во времена Архилоха).

первом случае события должны быть отнесены к середине VII в. до н. э., во втором — к середине VI в. до н. э.[241]. Но как бы то ни было, перед нами хотя и поэтическое, но подлинное произведение, относящееся к исследуемому времени.

Несмотря на то, что содержание эпода носит характер враждебного пожелания, нет сомнения, что возможность происшествия, подобного описанному, вполне допустима. В античной литературе сходные события у Салмидесса описываются неоднократно[242]. Некоторые исследователи, ссылаясь на Архилоха, говорили о том, что фракийцы убивали своих пленных, в чем видели доказательство расцвета у них первобытнородовых отношений[243]. Другие, наоборот, усматривают здесь свидетельство использования фракийцами рабов в производстве[244]. На основании этого же текста иногда делается вывод о том, что тяжелая участь ожидала пленников в результате продажи их фракийцами в рабство в другие страны[245].

Однако, как видно из текста эпода, сведений для решения вопроса об использовании труда рабов у фракийцев здесь нет. Текст дает лишь достаточно оснований считать, что чужеземцев, попавших в плен к фракийцам, обращали в рабов[246]. При иной трактовке вся фраза о страданиях пленников от рабской (resp. — очень плохой) пищи была бы совершенно бессмысленной.

В свете того, что говорилось выше о происхождении термина δμῶες, употребленного в «Одиссее» для обозначения рабов у киконов, такая трактовка сведений Архилоха (Гиппонакта) приобретает бо́льшую достоверность. Перед нами два свидетельства об источниках рабства во Фракии: пленение в бою или пиратами (в данном случае — береговое пиратство).

Выше была отмечена черта, характеризующая отход от патриархаль-

[241] Даты жизни Архилоха очень оживленно обсуждаются в научной литературе. В настоящее время можно считать установленным, что расцвет его творчества падает на середину VII в. до н. э. (*F. Jacoby*. The Date of Archilochos. «The Classical Quarterly», vol. XXXV, oct., 1941, № 3-4, p. 97; *P. Pouilloux* Recherches sur l'Histoire et les cultes de Thasos. Paris, 1954, p. 22; *F. Lasserre*. Les épodes d'Archiloque. Paris, 1950; *F. Lasserre-A. Bonnard*. Archiloque. Paris, 1950; p. VIII; *J. Pouilloux*. Archiloque et Thasos: histoire et poésie «Entretiens sur l'antiquité classique», t. X: Archiloque, p. 7—11; ***Fr. Salviat, W. Neill.*** Un plat du VII siecle á Thasos. BCH, 84, 1960, p. 383, note 1). Даты жизни Гиппонакта установлены на основании текста Плиния (NH, XXXVI, 11) и Marmor Parium, ср. 42 (см. *Gerhard*. Hipponax, RE, s. v., S. 1890—1891).

[242] Хронологически самое близкое к нашему тексту описание можно найти у Эсхила в «Прикованном Прометее» (738—741); текстуально к нашему этюду ближе всего Диодор, рассказывающий о пленении греческих торговцев у Салмидесса (XIV, 37, 3).

[243] *С. Мулешков*. Указ. соч., стр. 161; *Х. Данов*. Към историята на робството..., стр. 407; *А. Милчев*. Социално-икономическият... строй..., стр. 534.

[244] Возможно, так воспринимают текст Архилоха Д. П. Димитров, говоривший о том, что еще до середины I тысячелетия до н. э. патриархальное рабство начало уступать широкому применению рабского труда в производстве («Един нов паметник...», стр. 10) и Т. В. Блаватская («Западнопонтийские города...», стр 17 и 18).

[245] Определенно в этом смысле высказался С. Я. Лурье («Демокрит». М., 1937, стр. 18). Кажется, как думает и В. Велков (*V. Velkov*. Zur Frager der Sklaverei..., S. 126).

[246] *В Велков* Робството..., стр. 18.

ных традиций в рабовладении у киконов по «Одиссее». Текст Архилоха (Гиппонакта) дает повод отметить нарастание этой тенденции. Сообщение о страданиях пленников у фракийцев, вызванных плохим питанием, рабской пищей (эквивалентной, видимо, чему-то вроде голода), может служить подтверждением этой мысли.

Сравнительно мягкое отношение к рабам, отсутствие четкого разграничения между свободными и рабами (и, в частности, в быту) — признаки, характерные для патриархального рабства, — здесь явно отсутствуют. Интересную параллель сообщению Архилоха (Гиппонакта) о «пище рабов» у фракийцев составляет то место в «Одиссее» (XIV, 80), где раб Евмей угощает неузнанного еще Одиссея «пищей рабов», в чем исследователи с достаточным основанием усматривают противопоставление быта рабов образу жизни господ[247]. Существенно, однако, что в «Одиссее» эта рабская пища не так уж плоха — речь идет о поросятине (в отличие от жирной свинины, которая предоставлена женихам Пенелопы). В пожелании Архилоха (Гиппонакта) гораздо реальнее звучит угроза голодного существования. Возможно, эти два отрывка отражают хронологически разные этапы в развитии рабовладения.

Источники V в. до н. э., имеющие отношение к проблеме рабства во Фракии, более чем скудны. Свидетельство Геродота ограничивается одним высказыванием о том, что у «прочих[248] фракийцев существует обычай продавать своих детей на чужбину» (V, 6). Это сообщение не может быть понято иначе, как свидетельство о продаже в рабство свободных фракийцев (в данном случае — детей свободных фракийцев) своими соплеменниками (в данном случае — родителями). Этот пассаж Геродота, как уже было замечено С. Мулешковым[249], не дает оснований для утверждения об использовании рабов внутри Фракии[250]: Геродот подчеркивает, что речь идет о продаже рабов на чужбину (ἐπ᾽ ἐξαγωγῇ). Таким образом, перед нами свидетельство того, что Фракия была резервуаром рабской рабочей силы для античного мира (явление, столь ярко проявившееся в последующие эпохи).

Сообщение Геродота чрезвычайно важно и с другой точки зрения. До сих пор, основываясь на эпосе и Архилохе (Гиппонакте), можно было говорить только о внеэкономических способах обращения в рабство, заключающихся в пленении во время войн или пиратских набегов. Геродот указывает на качественно иной источник рабства, при котором используется экономическое принуждение: продажа детей в рабство родителями могла быть вызвана обнищанием. Этот процесс развился вследствие разложения общинных отношений и поляризации общества.

Очень важен для исследуемого вопроса источник конца V в. до н. э. — «Анабазис» Ксенофонта. Историческая достоверность этого про-

[247] *Я. А. Ленцман.* Рабство в микенской и гомеровской Греции, стр. 275.
[248] Речь идет обо всех остальных фракийцах, кроме гетов, травсов и фракийцев, живущих над крестонами.
[249] *С. Мулешков.* Указ. соч., стр. 160.
[250] Ср. *А. Милчев.* Указ. соч., стр. 534.

изведения в последнее время считается общепризнанной[251]. Его сведения о юго-восточной Фракии представляют собой целую энциклопедию жизни страны, написанную наблюдательным и осведомленным очевидцем[252]. Фиксирующий события и социально-экономические отношения эпохи Одрисского царства, Ксенофонт особенно ценен для нас, так как дает некоторую возможность проследить состояние рабства в более позднюю, чем отраженная в разобранных выше источниках, эпоху, и тем самым дает повод для исследования этого института в разное время.

Для изучения состояния и уровня развития рабства во Фракии по Ксенофонту существенно уже то, что упоминания о рабах очень ограничены. По терминологическому принципу их можно разделить на три группы. В первой из них, состоящей из двух отрывков, фигурирует термин παῖς. Смысловое содержание этого термина ясно из контекстов. В первом случае (Anab., VII, III, 20) рассказывается, что Ксенофонт почувствовал себя в затруднительном положении, когда ему посоветовали сделать богатые подарки фракийскому царю, так как он приехал во Фракию, «имея при себе всего-навсего одного юношу (εἰ μὴ παῖδα) и деньги только на дорожные расходы». Речь идет здесь о молодом человеке, взятом Ксенофонтом с собой для личного обслуживания, в качестве слуги; трудно предположить какое-либо иное применение одного слуги при военачальнике не занимающемся никаким иным делом, кроме войны. Бесправное положение этого слуги бесспорно — Ксенофонт предполагает подарить его Севту. Явно это же значение имеет слово παῖς и в другом отрывке (Anab., VII, III, 26—27), в котором рассказывается о подарках, полученных Севтом на пиру от фракийцев: коне, рабе и одеждах для жены царя. Все три подарка, безусловно, носят характер подношения для личного пользования царя и членов его семьи; об этом прямо говорит, введя коня, первый из приносящих дары: «Пью за свое здоровье, Севт, и даю тебе этого коня, на нем ты догонишь всякого, кого захочешь, а при отступлении ты можешь не бояться врага». Введший за ним юношу (παῖς) «подарил его таким же образом, выпив за здоровье Севта». Рабский статус человека, подаренного царю, также не подлежит сомнению. Таким образом, упоминания о рабах-пайдах в главах «Анабазиса», касающихся Фракии, указывают на использование этой категории лиц для личных услуг господину[253].

[251] *М. И. Максимова.* Ксенофонт и его «Анабазис». В книге: *Ксенофонт.* Анабазис. М., 1951, стр. 235—245, стр. 238, прим. 2.

[252] *Хр. М. Данов.* Югоизточна Тракия..., стр. 298; *S. Casson.* Macedonia, Thrace and Illyria, p. 167.

[253] Слово παῖς в смысле «раб», «молодой раб» в античной историографии достаточно распространено, что обычно и отмечается в работах об античном рабстве (*W. L. Westermann.* Sklaverei. RE, Suppl. VI, 1935, S. 902; *Я. А. Ленцман.* Термины, обозначающие рабов, стр. 48, 49, 51; *Э. Л. Казакевич.* Рабы как форма богатства в Афинах IV в. до н. э. ВДИ, 1958, № 2, стр. 93 и др.). Однако в этом значении он выступает не всегда. Э. Л. Казакевич отметила, например, что в речах Демосфена этот термин употреблен 228 раз, но только 36 раз для обозначения рабов (указ. соч., стр. 93, прим. 11). у Демосфена очень четко выступает значение этого термина: им определяется домашний раб — слуга (παῖς διάκονος). В речи против Эверга и Мнесибула (XI и VII речи Де-

Вторая група сведений упоминает рабов-андраподов (ἀνδράποδον). Изучению значения этого термина в античной литературной традиции уделялось немало внимания, в частности в сравнительно новых работах советских ученых, предпринятых в связи с изучением античного рабства вообще. Несмотря на существенные расхождения во мнениях исследователей по вопросу о значении этого термина после IV в. до н. э.[254], их выводы, касающиеся его значения в более ранний период, совпадают. Они отмечают, что античные лексикографы поясняют это слово и все производные от него при помощи слова «пленный»[255]. Наиболее авторитетные словари нашего времени[256] в качестве главного значения этого термина указывают на взятого в плен и проданного в качестве раба человека. В начальный период своего появления (конец VI—V в. до н. э.) этот термин именно так и понимался, как это следует из очень интересных в этом отношении абзацев из Геродота (III, 125—129) и Фукидида (VIII, 28, 4), где значение этого слова выступает особенно явно, так как оно фигурирует наряду с другими «рабскими» терминами[257]. Существенно отметить, что оба крупнейших историка V в. употребляют этот термин для обозначения попавших в плен людей, бывших до пленения как свободными, так и рабами. Это заметно и в указанном тексте Геродота[258] (в число андраподов в результате пленения попадают явно свободные из свиты Поликрата) и особенно у Фукидида, который прямо говорит, что после захвата города стали андраподами как рабы, так и свободные (греки передали Тиссаферну городок Иас «со всеми пленными рабами и свободными»).

Во «фракийских» разделах VII книги «Анабазиса» Ксенофонта разбираемый термин применяется часто[259]. Не может быть сомнения, и это уже отметил С. Мулешков[260], что речь идет о военнопленных — во всех случаях подчеркивается, что андраподы появляются вследствие захватов, нападений на многолюдные деревни, грабежей. С точки зрения изучения состояния рабства представляется существенным выяснение вопроса о том, были ли эти люди свободными земледельцами, попавшими в плен, или же рабами, работавшими у фракийцев? Короче говоря, следует ли подразумевать под словом ἀνδράποδον у Ксенофонта плененного раба или плененного свободного? Думается, что речи о плененных ра-

мосфена, § 57 и 76) фигурирует παῖς, на обязанности которого было носить весьма ценную бронзовую гидрию (§ 57). Рабское положение этого слуги ясно из того, что он же фигурирует в другом месте той же речи как андрапод (§ 64) и ойкет (§ 76).

254 *Я. Л. Ленцман.* Термины, обозначающие рабов..., стр. 63; *Э. Л. Казакевич.* Указ. соч., стр. 109.

255 *Я. Л. Ленцман.* Термины, обозначающие рабов..., стр. 63; *Э. Л. Казакевич.* Указ. соч., стр. 109.

256 *Pape.* Handwörterbuch der griechischen Sprache. s. v.; *Liddel* and *Scott.* A Greek-English lexicon, s. v.

257 *Я. А. Ленцман.* Термины, обозначающие рабов..., стр. 64.

258 Такой перевод этого места обоснован Я. Л. Ленцманом («Термины, обозначающие рабов», стр. 64) и фигурирует также в издании Геродота у E. Powell (Oxf., 1949).

259 VII, III, 47; VII, VI, 26; VII, VI, 28; VII, VII, 53.

260 *С. Мулешков.* Общественo-икономическият строй, стр. 159.

бах здесь нет. Из всего контекста совершенно ясно, что в андраподов обращаются те самые свободные фракийцы из племени тинов, которые сражаются против Севта и помогавших ему греков; они из числа тех людей, которые после победы Севта становятся его подданными (ὑπήκοοι). Иногда эти попавшие в плен называются «людьми» (например, VII, III, 47) или просто пленниками (например, VII, IV, 5), что может служить указанием на их нерабский статус.

Однако более четко этот же смысл термина «андрапод» выступает в другом произведении этого же автора. Речь идет о том отрывке из «Греческой истории». где рассказывается о захвате спартанцами города Митилены в конце Пелопоннесской войны (Hell., I, 6, 14—15). Из него следует[261], что понятие «андрапод» у Ксенофонта включает вообще пленных, в том числе и членов афинского гарнизона — безусловно свободных. В том же случае, когда ему понадобилось указать, что пленными были именно рабы, Ксенофонт вводит специальный термин — τὰ ἀνδράποδα τὰ δοῦλα , который и следует переводить «пленные рабы». Это дает некоторое основание полагать, что под термином «андрапод» у Ксенофонта подразумевались свободные фракийцы, попавшие в плен.

В этом отношении у Ксенофонта мы видим продолжение той традиции в понимании термина, которая была отмечена у его предшественников — Геродота и Фукидида[262].

Второй аспект, которым следует заняться в связи с термином ἀνδράποδον у Ксенофонта,—это проблема использования андраподов. Что касается греческих солдат-наемников, то совершенно очевидно, что они использовали их с единственной целью — на продажу. Это явствует как из контекста «Анабазиса» (и не только фракийских его частей) [263], так и из соображений о том, что ведущие военный, походный образ жизни воины никакой другой цели при захвате военнопленных перед собой ставить не могли. Однако и для фракийского царя пленные играют ту же роль, хотя в конце описания похода греков царь владеет уже обширными землями и при желании (вернее, определенном уровне развития рабовладения) мог бы использовать пленных как рабочую силу, instrumentum vocale. Текст Ксенофонта использовался в исторической литературе для утверждения о наличии крупных рабовладельцев во Фракии, которые применяли рабов в производстве[264]. Однако более детальный разбор трех отрывков текста Ксенофонта, где упоминаются андраподы во Фракии, подсказывает иной вывод. В двух первых из них (VII, III, 48 и VII, IV, I) сообщается о том, что Севт и его наемники-греки захватили во фракийских деревнях около 1000 андраподов и множество скота; и то и другое («добычу») Севт затем послал продать в Перинт, что-

[261] Перевод, которого мы здесь придерживаемся, предложен и обоснован Ленцманом (см. «Термины, обозначающие рабов...», стр. 65).

[262] *Я. Л. Ленцман.* Термины, обозначающие рабов..., стр. 64—65.

[263] См., например, о захвате андраподов у персов — VIII, VII, 12, 16, 19.

[264] Определенно в этом смысле высказался Л. Милчев («Социално-икономическият... строй...», стр. 534) и Д. П. Димитров («Един нов паметник...», стр. 10). Им возражал С. Мулешков («Обществено-икономическият строй.», стр. 150).

бы расплатиться с наемниками. В третьем отрывке (VII, VII, 53) Севт за недостатком времени даже не утруждает себя продажей андраподов, а прямо расплачивается ими с Ксенофонтом и его солдатами: «У меня нет денег, но то немногое, что я имею — один талант — я отдаю тебе, так же как и 600 быков, до 4 тысяч голов мелкого скота и примерно 120 андраподов». Таким образом, здесь пленники используются в качестве меновой стоимости, в качестве товара. Термин «андрапод» здесь не имеет производственного оттенка. Выступая как воплощение определенного количества богатства, вид имущества, этот термин носит явно инвентарный характер: во всех случаях он фигурирует в стандартных формулах наряду со скотом и другим имуществом. О фракийских рабах как меновой стоимости, используемых для продажи в греческие города, говорят Хр. Данов и Д. П. Димитров[265].

Как известно, в советской литературе имелось две точки зрения по поводу значения термина ἀνδράποδον в классическое время. Я. А. Ленцман в работе 1951 г. отметил, что с конца V в. — начала IV в. этот термин обозначал раба античного, являющегося в глазах рабовладельцев только орудием производства, частью имущества, instrumentum vocale[266]. В отличие от такой интерпретации термина, Э. Л. Казакевич пришла к выводу, что рабы определялись термином ἀνδράποδον в тех случаях, когда «доминирует их свойство обмениваться на деньги, их товарная сущность, что термин не зависит от рода деятельности раба, а от его свойства представлять стоимость, от того, что он является формой богатства»[267].

С точки зрения развития термина ἀνδράποδον фракийские разделы «Анабазиса» дают повод говорить, что смысловое содержание его находится на рубеже между тем, которое в него вкладывали в V в. («пленный», «военнопленный») и в IV в. до н. э. (андрапод как объект обмена, купли-продажи), объединяя их оба. Короче говоря, фракийский андрапод, по Ксенофонту,— это пленник, превращенный в раба с целью продажи.

Третья группа сведений Ксенофонта о рабах объединяет отрывки (VII, VII, 29 и VII, VII, 32), в которых фигурирует термин δουλεία, противопоставляемый ἐλευθερία. В обоих местах речь идет о ранее свободных фракийцах, ставших после завоевания подданными Севта. Особенности этих двух отрывков разобраны нами выше (стр. 129), где делается вывод о нерабском характере зависимости, характеризуемой у Ксенофонта этим термином[268].

Сведения Геродота о продаже фракийцами детей в рабство на чужбину и Ксенофонта о продаже рабов-фракийцев за пределы Фракии на-

265 *Х М Данов* Югоизточна Тракия, стр 300, прим 1; *Д П. Димитров.* Един нов паметник., стр. 10.
266 *Я А Ленцман* Термины, обозначающие рабов , стр 56, 62, 65, 66, 69.
267 *Э. Л. Казакевич.* Указ. соч., стр. 95, 97. Позже с ней согласился и Я. А. Ленцман («Рабство в микенской и гомеровской Греции», стр 60).
268 См также *Т Д Златковская.* О формах эксплуатации в европейских раннеклассовых обществах Фракии ВИ, 1968, № 7, стр. 103

ходят широкое подтверждение в других источниках, о которых нам уже приходилось говорить в разделе о возникновении частной собственности и его последствиях (см. стр. 99). Социальные и экономические принципы, на которых базировалась рабовладельческая Греция, емкий рабский рынок, окружающий Фракию, влияли на ускорение процесса развития рабства, на включение Фракии в средиземноморскую торговлю, в том числе и работорговлю. Однако и эти свидетельства об экспорте рабов-фракийцев за пределы Фракии служат косвенным указанием на слабое применение рабской рабочей силы внутри страны. Слабое развитие во Фракии городской жизни в исследуемый период[269] следует, вероятно, как это считают исследователи античности[270], также связать с ограниченным развитием рабовладения.

Таким образом, и наиболее ранние из наших источников (конца VII—VI в. до н. э.), касающиеся уровня развития рабства во Фракии, и более поздние (V в. до н. э.) указывают на то, что фракийцам хорошо была известна «первая форма эксплуатации человека человеком»[271] — рабство. Однако эти же источники очерчивают весьма узкий круг применения рабского труда, ограниченный главным образом сферой обслуживания. Это обстоятельство дает повод предполагать и небольшой удельный вес труда рабов в процессе производства у фракийцев в периоды, освещенные и теми и другими источниками[272]. Этот вывод, как кажется, подтверждается последующим развитием рабовладения во Фракии.

Исследователи истории рабовладения в античном мире в целом, и особенно истории фракийских провинций[273] (в первые три века их вхо-

269 *G. Kazarow*. Beiträge..., S. 33—34; *Хр. Данов*. Към социално-икономическото развитие на източна половина на Балканския полуостров през първите пет века пр. н. е. ИП V, 1948/49, стр. 63; *он же*. Югоизточна Тракия.., стр. 301; *Сп. Мулешков*. Обществено-икономическият... строй..., стр. 160; *D. P. Dimitrov*. Das Entstehen der thrakischen Stadt und die Eigenart ihrer Städtebaulichen Gestaltung und Architektur, S 380—381; *A. Fol*. De développement de la vie urbaine..., p. 310—311.

270 *Е. М. Штаерман*. Кризис рабовладельческого строя..., стр. 32; *В. Велков*. Робството..., стр. 75—78.

271 *В. И. Ленин*. О государстве. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 68; стр. 73: *Ф. Энгельс*. ПСЧСГ, стр. 175.

272 Затруднительно использовать слова Платона (Leg., 805d, e) о том, что фракийцы, как и многие другие роды, пользуются женами для «полевых работ и в качестве пастушек рогатого и мелкого скота и для обслуживания точно так же, как используются рабы» Сложность заключается в том, что контекст не дает возможности судить, относится ли аналогия с рабами к последнему типу деятельности — т. е. обслуживанию (διακονεῖν), или же все перечисленные занятия трактуются Платоном как рабские (см. *Э. Л. Казакевич*. Указ. соч., стр. 109, прим. 51).

273 *Х. М. Данов*. Към история на робството..., стр 416 сл.; *Б. Геров*. Указ. соч., стр. 23—27, 30—34; *Д. П. Димитров*. Тракия под римска власть. «История на България». София. 1961, стр. 35; *В. Велков*. Робството..., стр. 64—113; *V. Velkov*. Die Sklaverei in Nordbulgarien in der romischen Kaiserzeit. AAPh SHPh, 1963, S. 34—39; *idem*. Zur Frage der Sklaverei..., S. 136—138; *Е. М. Штаерман* Рабство в III—IV вв..., ВДИ. 1951, № 2, стр. 97, сл.; *она же*. Кризис рабовладельческого строя..., стр. 272, 248—254; *А. П. Каждан*. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи, стр. 84—85; *Т. Д. Злата Златковская*. Мёзия в I—II вв. н. э.,

ждения в состав Римской империи: Фракии — с 46 г. н. э., Мёзии — с 15 г. н. э.), отмечают сравнительно малую роль рабов в социальной и экономической истории этой части империи. Эпиграфические свидетельства о рабах, столь многочисленные в других провинциях (например, галльских, африканских, испанских), здесь незначительны. Невелико количество рабов у отдельных владельцев: обычно один-два, реже — три — пять рабов или отпущенников частного лица. Основную часть населения страны составляли свободные фракийцы, самостоятельно обрабатывающие свои поля. Не менее существенны и другие особенности рабства в дунайских провинциях, отмеченные в этих же исследованиях. Рабы здесь принадлежали лицам, так или иначе связанным с римской администрацией и колонизацией: центрами рабовладения были римские колонии (Апри и Деультум), немногочисленные императорские сальтусы и крупные племенные центры, ставшие городами с перегринальным правом (Середика, Пауталия, Ускудама, Берое). В районных с преобладанием в надписях местных личных имен упоминания о рабах и отпущенниках почти полностью отсутствуют.

Характерно и то, что на этом этапе процесс развития рабовладения (как ни ограничен он был с точки зрения общеимперской) в самих фракийских провинциях шел с различной степенью интенсивности и имел различные масштабы. Между Дунаем и Балканами (в Нижней Мёзии) он проходил значительно быстрее и охватывал гораздо более широкие слои населения, чем к югу от Балканских гор (в провинции Фракии). В первой он прослеживается сначала в надписях, упоминающих рабов из поселений при военных лагерях на Дунайском лимесе, затем в надписях из дунайских городов и плодородных речных долин, свидетельствующих о наличии рабов на частных землях (villa, praedia) ветеранов и муниципальной знати; здесь возникали и императорские сальтусы, на которых применялся труд рабов; можно предположить участие рабов и в деятельности крупных ремесленных мастерских. В отличие от пограничной и стратегически важной Мёзии во Фракии колонизация земель ветеранами и лицами из римской администрации была незначительной: как правило, здесь не было сколько-нибудь значительного числа крупных вилл и мало императорских сальтусов; весьма сомнительна возможность применения труда рабов в мелких ремесленных мастерских, характерных для Фракии. Если пренебречь теми соображениями, которые были высказаны выше о слабом развитии рабовладения во Фракии VII—V вв. до н. э., и считать, что уровень проникновения рабовладельческих отношений был здесь высок, то было бы вполне естественно предполагать, что именно во Фракии, где чуть ли не на пять веков раньше возникло государство, должны были бы существовать более развитые формы рабовладения, чем в Мёзии. Между тем, как это выяснено, ничего подобного здесь отметить нельзя: Фракия и в римское время оставалась областью со сравнительно слабо развитыми рабовладельческими

стр 7—22; *З. В. Удальцова.* Кризис рабовладельческого строя и зарождение феодальных отношений в Восточной Римской империи, стр. 84—85.

отношениями. Уровень и интенсивность развития рабовладения во фракийских землях в этот период стимулировались процессом романизации (степенью вовлеченности в социально-экономическую и культурную жизнь римского государства) и определялись их стратегическим и экономическим значением для Империи[274].

* * *

Приведенные выше данные свидетельствуют о многообразии форм эксплуатации во фракийском раннеклассовом обществе. Явление это наблюдается во многих других раннеклассовых обществах[275]. Во Фракии эти формы эксплуатации наиболее ярко представлены двумя формами. Первая из них — эксплуатация свободных тружеников царем, родовой и служилой знатью, а также разбогатевшими соплеменниками; часть прибавочного продукта труда господствующая категория общества получала в виде налога с земли и, возможно, работы на полях. Свобода крестьян обеспечивалась, однако, принадлежностью к общине и связанным с нею владением средствами и орудиями производства. Сельское хозяйство — главная отрасль экономики Фракии — было основано на труде этих свободных тружеников. В этой форме эксплуатации отразился начальный этап закабаления «трудящихся субъектов» (по выражению Маркса). Процесс этот характеризовался разложением общины, выделением знатных разбогатевших родов и отдельных малых семей, использующих труд своих соотечественников.

Вторая, наиболее тяжелая форма эксплуатации — рабство. Оно было представлено во Фракии незначительным количеством рабов, продаваемых за пределы страны, и ограничено узкой сферой применения их труда, главным образом в домашнем хозяйстве и в качестве домашних слуг. Ограниченная сфера применения труда рабов — явление, характерное для раннеклассовых обществ вообще[276], здесь проявилось ярко.

Между категориями фракийцев, подвергавшихся этим двум видам эксплуатации — свободными общинниками и рабами, — находился ряд других категорий населения, лишь некоторые из них нам известны. Эти

[274] Ф. Энгельс, как известно, указывал на огромное влияние римских социальных, культурных и политических институтов, говоря о «нивелирующем рубанке римского мирового владычества» (ПСЧСГ, стр. 146).

[275] *К. Маркс.* Капитал. — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 26, ч. II, стр. 353.

[276] *Г. А. Меликишвили.* Указ. соч., стр. 65—69; *Л. С. Васильев, И. А. Стучевский.* Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ. ВИ, 1966, № 5, стр. 78, прим. 4—8; *Ю. И. Семенов.* Проблемы социально-экономического строя древнего Востока. НАА, 1965, № 4, стр. 69 сл.; *С. Я. Лурье.* Язык и культура микенской Греции. М.—Л., 1957, стр. 241—242, 269—280; *Я. А. Ленцман.* Рабство в микенской и гомеровской Греции, стр. 179—182; *К. К. Зельин.* Борьба политических группировок в Аттике, стр. 208; *Н. А. Машкин.* История древнего Рима. М., 1949, стр. 108; *А. И. Немировский.* К вопросу о рабстве в раннем Риме. «Научные доклады высшей школы». Исторические науки, 1960, вып. 4, стр. 206 сл.; *Р. Гюнтер.* Социальная дифференциация в древнейшем Риме. ВДИ, 1959, № 1, стр. 52 сл.; *А. И. Неусыхин.* Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956, стр. 14, 32, 52—53.

лица так же, как и рабы, лишены свободы, но обладают средствами и орудиями производства и отдают почти весь продукт своего труда (за исключением незначительной части, необходимой для поддержания существования) подчинившим их завоевателям. Мы встречаемся здесь с различными вариантами применения внеэкономического принуждения.

Во фракийском раннеклассовом обществе каждая из указанных форм эксплуатации еще выступает в незавершенной и неразвитой форме.

Отмеченное разнообразие форм эксплуатации не снимает перед исследователем необходимости решить (насколько это позволяют источники), какие из этих форм эксплуатации в данный период играли ведущую роль в системе производственных отношений[277]. При решении этой проблемы следует исходить из правильного критерия об удельном весе труда той или же иной категории эксплуатируемого населения в процессе производства Фракии, принимать во внимание, какое из этих производственных отношений делается доминантой в совокупности всех социально-экономических отношений в стране. На необходимость изучения производственных отношений как целостной системы отношений, складывающихся на основе производства, обращал, как известно, особое внимание В. И. Ленин[278]. При таком единственно правильном подходе следует сказать, что фракийцы VII—V вв. до н. э. знали рабство как форму эксплуатации, но она не развилась еще в господствующую. Значительно бо́льшую роль в системе форм эксплуатации во Фракии этого раннего периода становления государства и классов играла эксплуатация свободных тружеников царем, родовой и служилой знатью, разбогатевшими соплеменниками. По этим взаимоотношениям проходила в этот период линия водораздела классовых различий. Подобную расстановку сил можно отметить во многих раннеклассовых обществах, в том числе и в тех, которые развились в государства с высокоразвитым рабовладением. Сетка классовых отношений составляет довольно подвижную систему, в которой в различные эпохи по-разному расставляются акценты. Так, рассматривая процесс сложения классического рабовладельческого Афинского государства, Ф. Энгельс считает нужным подчеркнуть, что до реформы Клисфена 509 г. классовый антагонизм был антагонизмом между знатью и простым народом. Лишь после того, как завершилось сложение Афинского государства, классовым антагонизмом стал атагонизм между рабами и свободными, между находившимися под покровительством и полноправными гражданами[279]. Действительно, социальная система греческого общества была очень сложной[280]. Под-

[277] *К. К. Зельин.* Принципы морфологической классификации форм зависимости, ВДИ, № 2, стр. 218.

[278] *В. И. Ленин* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 221—222. Здесь В. И. Ленин пишет, что термин «капиталистический способ производства» применять лучше, чем термин «капиталистические производственные отношения», так как последний термин «без добавления слов «система» и т. п. (отношений) не указывает на нечто законченное и цельное»

[279] *Ф Энгельс* ПСЧСГ, стр. 119.

[280] *С. Л. Утченко, И. М. Дьяконов.* Социальная стратификация древнего общества «Доклады на XIII Международном конгрессе исторических наук». М., 1970, стр. 3—1.

водя итог классообразованию у античных народов (греков и римлян) в период высшей ступени варварства, Ф. Энгельс отмечает: «Различие между богатыми и бедными выступает наряду (разрядка моя. — *Т. З.*) с различием между свободными и рабами...»[281]. Эта же мысль высказана им в той же работе еще раз: «И наряду с этим разделением свободных на классы в соответствии с имущественным положением происходило, особенно в Греции, громадное увеличение числа рабов...»[282] Таким образом, Ф. Энгельс указывает на то, что и на более высоком, чем начальный, этапе классообразования различие между богатыми и бедными, так же как различие между свободными и рабами, — параллельные (или могут быть таковыми) явления. Отмеченный Энгельсом более ранний этап классовых противоречий (антагонизм между знатью и простым народом), исходя из рассмотренных выше данных, составлял во Фракии основу классовых градаций и столкновений. Замедленный темп развития рабовладения во Фракии помимо внутренних причин объяснялся еще и тем, что рабскую рабочую силу очень интенсивно оттягивал из этой страны более развитый мир греческих полисов. Продажа рабов в другие страны была, очевидно, более выгодной, нежели их использование внутри страны. Дальнейшее историческое развитие Одрисского государства, а также включение Фракии в систему рабовладельческих империй придали больший вес рабовладению и усилили антагонизм между свободными и рабами.

3. ИМУЩЕСТВЕННАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Признаки имущественного неравенства сами по себе еще не могут служить бесспорным свидетельством возникновения классов и государства, так как по ним очень трудно обнаружить ту грань, которая отделяет племенного вождя или родовую знать эпохи разложения первобытнородового общества от политического руководителя и других представителей господствующих слоев раннеклассового общества. Однако степень имущественной дифференциации (так сказать, ее глубина) и масштаб охвата ею различных слоев общества (ее ширина) могут и должны быть приняты во внимание при исследовании путей и уровня развития процесса классообразования. В этой же связи следует обратить внимание и на признаки социального неравенства во фракийском обществе, проистекавшего от различных причин, определяемых мною на основании очень ограниченного, к сожалению, круга источников.

ПРИЗНАКИ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Изучению социального расслоения фракийского общества, возможно, поможет анализ терминов, употребленных древними историками и лексикографами для обозначения различных социальных слоев.

[281] *Ф. Энгельс.* ПСЧСГ, стр. 163.
[282] Там же, стр. 167.

Геродот (V, 8) отличает фракийцев знатного происхождения (εὐγενές) от незнатных (ἀγεννές). Фукидид также сообщает о знатных одрисах (II, 97, 3: γενναῖοι τῶν Ὀδρυσῶν). Еще более существенно, что Гесихий из Александрии в крупнейшем глоссарии греческого языка упоминает термин «дзибитиды», которым, как он указывает, обозначали благородных фракиянок и фракийцев: ζιβυθίδες· αἱ Θρᾶσσαι οἱ Θρᾶκες γνήσιοι. Источники сведений Гесихия мало известны. Считают, что основным из них был «Лексикон» Диогениана — греческого грамматика из Гераклеи Понтийской, хотя и жившего во времена императора Адриана, но включившего в свой словарь также и термины всего классического, эллинистического и раннеримского времени[283]. Изучением этимологии слова *дзибитиды* занимались несколько исследователей. Впервые А. Фик объяснил значение этого фракийского слова как «splendidi, illustres, Erlauchte — благородный, светлейший», сопоставив корень ζιβ с литовским *`zibu — 'zibeti* «блестеть, светить» (от и.-е. *g'heib-: g'hib*)[284]. С таким объяснением этого термина согласны В. Томашек и Д. Дечев[285]. Первый из них при этом заметил, что термин «дзибитиды» восходит к тому же корню, что и имя фракийского верховного божества Дзибелсурда. Д. Дечев[286], хотя и возражал против существования во фракийском языке такого варианта имени этого бога, но другой, более распространенный вариант — Дзбелсурд — возводил к тому же индоевропейскому корню. Можно полагать, таким образом, что и фракийский термин указывал на родовитость, знатность, на связь с верховным богом[287]. Б. Геров также обратил внимание на то, что знатные фракийцы названы у Фукидида γενναῖοι, у Полиена — εὐπατρίδες, из чего сделал правильный вывод о том, что аристократия у фракийцев была родовой[288].

Ценность знатности ярко сказалась и в эпизоде, описанном в «Анабазисе» Ксенофонта (VII, IV, 21): Севт в качестве заложников отбирает пожилых и уже неспособных носить оружие, но очень знатных фракийцев, чем вызывает большое недоумение и даже недовольство своего союзника — грека Ксенофонта, мыслящего иными категориями и давшего Севту совет «в будущем брать в заложники тех, кто способен воевать, а стариков отпускать домой». Этот незначительный, как кажется с первого взгляда, эпизод с заложниками знаменателен, так как дает некоторую возможность поставить вопрос о юридической неравноценности

283 RE, VIII, 1913, s. v. Hesychios, S. 1318; V, 1905, s. v. Diogenianus, S. 780.

284 *W. Tomaschek.* Die alten Thraker. II, 1. S. 11; *D. Detschew.* Sprachreste. S. 187.

285 *W. Tomaschek.* Указ. соч., II, 1, стр. 11; *Д. Дечев.* Характеристика на тракийският език. София, 1952, стр. 13.

286 *Д. Дечев.* Указ. соч., стр. 12, 13, 21; *он же.* Една семейна триада в религия на траките. ИБАИ, XVIII, 1952, стр. 13; *он же.* Sprachreste, S. 178.

287 Этот термин бытовал, видимо, у южных фракийцев, а не у северных. Во всяком случае известно (*Iord.*, Getica, V, 40), что знатные у даков назывались совсем иначе — tarabostesei — термином, соответствующим латинскому pilleati (от pileus — «меховая шапка»), а простой народ, ходящий с непокрытой головой, назывался capillati (*Iord.*, Getica, XI, 71) или κομῆται (Patrus Patricius, frg. 4; *Dio Cass.*, LXVIII, 8).

288 *Б. Геров.* Проучвания..., стр. 18, прим. 17.

членов фракийского общества, о сословных различиях в нем[289]. Ведь в этом отрывке по существу речь идет о различной стоимости жизни человека: по представлениям Севта, жизнь знатного старика — члена племени ценится высоко и может в силу этого служить гарантией ненападения его соплеменников, тогда как жизнь простого, хотя и дееспособного, воина не может служить такой гарантией. В основу определения стоимости жизни положен тот же критерий — знатность.

Этот же критерий социального положения человека в обществе прослеживается в обычаях фракийцев. У южных фракийцев не существовало признака знатности, характерного для дакийской знати, носившей на голове меховые шапки. Зато есть достаточно свидетельств о другом признаке, отличавшем знатных фракийцев, — знаках на коже, татуировке. О нем сообщают многие античные авторы[290]. Некоторые из них усматривают в татуировке племенной или половой признак, другие же видят в татуировке указание на знатность, т. е. считают ее признаком социального отличия. Это мнение представляется наиболее достоверным. Так, Геродот (V, 6) сообщает, что у фракийцев «надрезы на коже означают благородное происхождение, не имеющий их — неблагороден». Об этом же свидетельствуют и слова Артемидора (Onirocriticon, V, I, 8) о том, что фракийцы знатного происхождения татуируют своих детей. Интересен и рассказ Диона Хрисостома о том, что у фракийцев знаки на коже имели свободные женщины, причем самые знатные из них имели наибольшее количество и наиболее пестрые из этих знаков (*Dio Chrysos*., II, p. 231, Arnim)[291]. Нам неизвестно, о каком периоде истории Фракии говорит Дион Хрисостом. Сам он, как известно, жил много позже исследуемого времени (I в. н. э.). Возможно, что эта градация среди знатных фракийцев, на которую указывает его отрывок, возникла уже в раннем фракийском обществе. Можно предполагать, что для ее проявления в столь четко сформировавшемся признаке, как татуировка (видимо, наследственная), потребовалось немало времени.

[289] Как известно, классики марксизма-ленинизма указывали, что в обществах докапиталистических понятия «класс» и «сословие» совпадали. К. Маркс и Ф. Энгельс пользовались (в применении к древнему и средневековому обществу) понятиями «класс» и «сословие» как идентичными (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 4, стр. 424—425) О совпадении этих понятий говорил и В. И. Ленин: «Известно, что в рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в *сословном* делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 311). На эти высказывания, очень важные для историков первых классовых обществ, особое внимание обращено С. Л. Утченко и И. М. Дьяконовым («Социальная стратификация древнего общества».— «XIII Международный конгресс исторических наук». М., 1970, стр. 10 и прим. 25).

[290] Наиболее полную подборку сведений античных авторов по этому вопросу можно найти у П. Пердризе (*P. Perdrizet*. Géta, roi des Edones. BCH, t. 35, 1911, p. 110—115) и Г. Кацарова (*G. Kazarow*. Beiträge..., S. 67—70).

[291] Сходное свидетельство об агафирсах мы находим у Помпония Мелы (II, 1), который сообщает, что они имели порезы на коже, однако у знатных эти порезы были глубже.

Таким образом, и здесь социальное разграничение фракийцев идет по принципу знатности.

Эту градуированность и складывающуюся кастовость фракийской знати можно заметить и в некоторых видах памятников материальной культуры фракийцев. Наиболее характерный из них — золотые (реже серебряные) нагрудники. Это частая, если не обязательная принадлежность наиболее богатых погребений Фракии исследуемого времени. Подавляющее большинство нагрудников происходит из Южной Фракии: из района Пловдива — 8, района Старой Загоры — 2, из района Ямбола — 1, Гоце Делчева — 1, Сливена — 1, с Халкидики — 8. На север от Балкан нагрудники найдены в районе Шумена, Варны и Ловеча [292]. Как и следовало ожидать, распространение погребений с нагрудниками совпадает с распространением наиболее богатых из погребений. По поводу назначений этих и подобных им золотых изделий, находимых также в Греции XII—VIII вв. и Македонии VII—V вв. до н. э., высказывались различные суждения. Некоторые исследователи связывали их с погребальными масками, другие видели в них диадемы или пластины для покрытия частей тела умершего, остававшихся не закрытыми одеждой [293]. Все эти предположения неприемлемы для фракийских золотых и серебряных пластин, находимых в нетронутых погребениях на груди усопшего иногда прикрепленными к одежде фибулами [294]. Это дает основание считать их нагрудниками [295]. Одни исследователи [296] считают их частью погребального одеяния, в которое облачали умерших, другие видят в них украшения, нечто вроде инсигний, которые служили признаком знатности и господствующего положения их владельца [297]. Действительно, если другие украшения из золота могут встречаться или же отсутствовать в погребальном инвентаре знатных, то золотые нагрудники являются одним из наиболее постоянных его элементов. Нагрудники, размеры которых колебались, возможно, в зависимости от знатности усопшего [298], могут служить указанием на уже прочно вошедший в быт

[292] *И. Венедиков.* Находка от Старо село, Сливенско. ИБАИ, XXV, 1964, стр. 89, сн. 1 и 2, где указаны находки нагрудников в Болгарии.

[293] *Б. Филов.* Златен пръстен с тракийски надпис. ИБАД, III, 1912—1913, стр. 206; *P. Amandry* Collection Helene Stathatos. Strasbourg, 1953, p. 37.

[294] *И. Велков.* Могилни гробни находки от Брезово. ИБАИ, VIII, 1934, стр. 5; *Д. П. Димитров.* Тракийска гробна находка от с. Дълбоки, Старозагорско. РП, IV, 1949, стр. 215. Здесь нагрудник лежал на доспехах; *И. Гълбов* Каменни гробници от Несебър. ИБАИ, XIX, 1955, стр. 141—144. Здесь нагрудники были прикреплены бронзовой среднелатенской фибулой к остаткам одежды; находка датируется IV в. до н. э.

[295] *Б. Филов.* Надгробните могили при Дуванлий, стр. 194; *Д. П. Димитров.* Указ. соч., стр. 215; *В. Миков.* Тракийски накитни предмети. ИБАИ, XVII, 1950, стр. 150, *Т. Иванов.* Тракийско могилно погребение при с. Скалица, Ямболско. «Археология», 1960, 2, стр. 43; *И. Венедиков.* Указ. соч., стр. 90.

[296] *Б. Филов.* Надгробните могили при Дуванлий, стр. 195, 196; *он же.* Куполните гробници при Мезек. ИБАИ, XI, 1937, стр. 42.

[297] *Д. П. Димитров.* Указ. соч., стр. 235; с ним согласен и Т. Иванов (Указ. соч., стр. 43—44).

[298] Между размерами нагрудников и богатством остального инвентаря не всегда, однако, можно проследить прямую зависимость. Например, один из наиболее крупных на-

фракийцев обычай, который давал знатным людям право носить знак, указывающий на их родовитость.

Мораль фракийской знати с ее пренебрежением к производительному труду (как к земледельческому, так и к ремеслам) и людям, занимающимся этим трудом (*Herod.*, II, 167; V, 6), также отражала ту грань, которая в V в. до н. э. отделяла основную массу фракийцев от аристократии[299].

В этой же цепи свидетельств, указывающих на отражение в идеологии процесса отделения от народа знатной части общества, находится и указание Геродота на то, что «отдельно от остального народа фракийские цари чтут выше всех богов Гермеса, произнося клятвы только его именем, и самих себя производят от Гермеса» (V. 7). П. Пердризе склонен видеть в этой особенности религии фракийских царей указание на этническое различие между основной массой народа и их царями, имеющими-де иное, «северодунайское», гетское происхождение и своих, гетских богов[300]. Мы не можем, однако, принять такое толкование потому, что культ Гермеса, которому поклонялись цари фракийцев, у гетов до римского времени не засвидетельствован. Может быть, более правильно искать объяснение этому явлению в этнографических примерах, когда на культ божеств, чтимых царями, жрецами накладывается специальное религиозное табу, запрещающее всем остальным членам племени поклонение этим богам[301]; т. е. видеть в этой черте религии фракийцев, так

грудников (36 × 21 см), найденный в кургане у с. Долбоки, положен в отнюдь не самое богатейшее из погребений: в нем кроме нагрудника нет больше золотых вещей, набор предметов включает высокохудожественный сосуд из серебра, 3 бронзовых сосуда и доспехи из бронзы, 5 глиняных сосудов (3 импортных, 2 местных). Приблизительно такой же ценности инвентарь (золотой перстень, высокохудожественный сосуд из серебра, 4 копья и нож из железа, 20 бронзовых наконечников стрел, 2 импортных и 2 местных сосуда) найден с совсем небольшим нагрудником (17,5 × 7,5 см, вес 19,9 г) в Червенковой могиле у с. Брезово. Двум нагрудникам, поражающим своими размерами (один 38,5 × 9,5 см, 26,8 г; другой 17,5 × 7 см, 28 г) в Голяма могила соответствует почти столь же богатый инвентарь (золотой перстень, 2 художественных сосуда, 10 пластин из серебра, 2 копья, меч, пояс из железа, художественный сосуд и шлем из бронзы), что и незначительному по размеру нагруднику (16,5 × 7,2 см; 16 г) из Арабаджийского кургана (ожерелье из 17 подвесок и бус, 8 серег и кольцо из золота; 2 художественных сосуда и амулет из серебра; бронзовое зеркало; 3 импортных сосуда). Не могут ли эти сопоставления служить поводом для предположения о том, что в фракийском обществе V в до н. э. был некоторый разрыв между знатностью и богатством? Что самый знатный человек не обязательно был и самым богатым? Но данных для определенных суждений по этому вопросу недостаточно.

299 *Г. В. Блаватская.* Западнопонтийские города, стр. 53.

300 *P. Perdrizet.* Géta, roi des Édones, p. 108—119. Вся аргументация П. Пердризе построена на одной монете эдонов с именем царя этого племени Геты и с изображением мужчины, погоняющего двух быков. Кадуцей в руках погонщика дал основание автору полагать, что здесь изображен Гермес и вся сцена представляет знаменитое воровство коров. Однако именно эта монета с кадуцеем в руках погонщика позже была признана фальшивой (MP, S. 214, № 60), на других же, подлинных монетах с именем Геты или племени дерронов погонщик изображается с копьями или кнутом, но не с кадуцеем.

301 *С. А. Токарев.* Происхождение общественных классов на островах Тонга. СЭ, 1958, № 1, стр. 129; *P. Perdrizet.* Указ. соч., стр. 118.

же как и в сложившейся морали, указание на отразившееся в идеологии проявление кастовости аристократии.

Другой источник социального обособления и обогащения раскрывают наименования фракийской знати: δυνάσται (*Thuc*., II, 97, 3; II, 101, 5; IV, 105, 1); κράτιστοι (*Xenoph.*, Anab., VII, III, 21; VII, IV, 21); δύνατοι (*Xenoph*., Anab., VII, VII, 2), указывающие на связь с функциями управления. Нам уже приходилось говорить о том, что эти функции приносили доходы в виде дани, получаемой деньгами, золотыми, серебряными и другими ценными вещами и т. п.

Таким образом, исходя из письменных свидетельств античных авторов, терминологических данных, некоторых обычаев и факта существования определенных инсигний знатности в материальной культуре фракийцев, можно прийти к выводу о том, что одним из существенных (если не основным) признаков, определяющих положение человека на лестнице общественной иерархии фракийского общества, была степень знатности, родовитости.

Этот признак, уходящий своими корнями в предшествующую общинно-родовую эпоху, давал теперь вполне реальные привилегии, которые делали именно знатных людей также и богатыми.

Функции управления, которые возникали по мере появления и формирования органов государственной власти, также влекли за собой выделение особой привилегированной прослойки фракийского общества, которая не всегда совпадала с наиболее знатной его частью.

ИМУЩЕСТВЕННОЕ РАССЛОЕНИЕ

В литературе неоднократно указывалось на то, что в конце VI в. до н. э. заметна глубокая имущественная дифференциация фракийского общества[302]. При этом исследователи обращали внимание на свидетельства античной традиции о богатстве фракийской знати, о чертах быта, отличающих ее от простых фракийцев, и т. п. Свидетельства об этом можно встретить в гомеровском эпосе (описание блестящего военного снаряжения царя Реза и его сподвижников; богатые подарки жреца киконов Марона Одиссею); у Геродота, который описывает особый обряд погребения и культ знатных фракийцев; у Фукидида и Ксенофонта, рассказывающих о щедрых подношениях одрисским царям и знати; у Ксенофонта и Корнелия Непота, которые упоминают о богатом приданом одрисских царевен. К этой же категории свидетельств следует, как мне думается, отнести и эпизод, относящийся к последним дням Мильтиада

302 *G. Kazarov*. Beiträge..., S. 16—17; *Х. Данов*. Към социално-икономическото развитие.., стр. 62—63; *А. Милчев*. Социално-икономическият... строй..., стр. 529—530; *С. Мушиков*. Обществено-икономическият строй.., стр. 158; *Т. В. Блаватская*. Западнопонтийские города, стр. 18, 53, 58 и др.; *Д. П. Димитров*. За укрепените вили.., стр. 683—699; *Б. Геров*. Проучвания.., стр. 17—18; *Chr. Danov*. Social and Economic Development..., p. 10; *Х. Данов, М. Манова*. Траките и античният свят. София, 1959, стр. 127 и др.

Младшего. Как известно (*Herod.*, VI, 132—136), в 489 г. он уговорил афинян предпринять поход против жителей острова Пароса. Осада их города закончилась полной неудачей для афинян, и тяжелораненый Мильтиад предстал перед судом народного собрания. Противники Мильтиада требовали его смерти, и только его друзьям, напомнившим афинянам о былых военных заслугах подсудимого, удалось избавить его от смертной казни. Однако он был присужден к штрафу в размере 50 талантов. Раненый Мильтиад вскоре умер; штраф же за него уплатил его сын Кимон. Непомерная величина штрафа поражала представителей более поздней античной историографии. Они пытались объяснить материальную возможность Кимона погасить его разными обстоятельствами: то помощью богача Калия, давшего ее якобы за разрешение на брак с сестрой Кимона Эльпиникой; то приданым, полученным Кимоном за богатой невестой. Все эти сравнительно поздние сведения античных авторов длительное время обсуждались современными исследователями [303]. Итоги этих источниковедческих работ подведены Эд. Мейером, который пришел к выводу об искажении поздней традицией фактов, смешении их, о приписывании Кимону действий других государственных деятелей и т. п. [304]. Однако сам факт выплаты Кимоном штрафа в размере 50 талантов за неудачную экспедицию отца, сообщенный нам Геродотом, остается бесспорным. Сумма эта баснословна. Достаточно сказать, что, например, такие богатые члены Афинского союза, как Эгина и Фасос, вместе выплачивали форос в размере 30 талантов, Парос — в размере 16,5, Абдера и Византий — 15 талантов и т. п. [305]. П. Пердризе, переводя эту сумму на современный ему курс (1910 г.), называет 4 млн. франков [306]. К. Белох, конечно, прав, замечая, что и 50 лет спустя, когда Афины были на вершине могущества, не было никого, кто бы мог уплатить 50 талантов [307]. Лишнее говорить, что сообщение Геродота о выплате этой суммы — прямое свидетельство огромных материальных возможностей Кимона — сына фракийской царевны и внука фракийского царя [308].

303 Библиографию по этому вопросу см.: RE, s. v Kimon.

304 *Ed. Meyer.* Forschungen zur Alten Geschichte, II, Halle, 1899, S. 25—40. Еще более критическое отношение к этим свидетельствам см. в RE, s. v. Kimon.

305 *K. Beloch.* Griechische Geschichte. Berlin — Leipzig, 1927, II, 1, S. 83.

306 *P. Perdrizet.* Scaptésylé, p. 6.

307 *K. Beloch.* Указ. соч., стр. 25, прим. I.

308 Нет, однако, уверенности в том, что выплата штрафа производилась из средств, находившихся в непосредственном владении Мильтиада или Кимона. Видимо, для ее получения потребовалось определенное время: Мильтиад присутствовал на суде, но уплатить 50 талантов не смог и умер от воспаления раны, так и не собрав, очевидно, нужной суммы. Есть версия даже о том, что он скончался в долговой тюрьме и, чтобы получить его тело, Кимон сам должен был вместо отца отбывать заключение. Величина уплаченного штрафа и необходимость определенного времени для собирания нужной суммы дают некоторое основание высказать предположение о том, что для выплаты 50 талантов были привлечены родовые сокровища фракийских царей или использованы коллективные доходы фракийского племени (или племен?), которым они управляли. Т. е. не был ли в этом случае применен непреложный обычай родового строя выручать своего соплеменника, попавшего в беду?

Данные письменных источников вполне согласуются с археологическими и дополняются ими. Большое внимание исследователи уделяли археологическим материалам, указывающим на прогрессирующее имущественное расслоение фракийского общества.

Фракийские поселения еще очень мало исследованы. Жилища простых людей, существовавшие в изучаемый период, почти нам неизвестны. Мы находим сведения, однако, о том, что они представляли собой полуземлянки или наземные жилища со стенами, состоящими из плетней, обмазанных глиной [309]. Благодаря детальному исследованию этого вопроса Д. П. Димитровым, мы имеем теперь представление о жилищах фракийской знати [310]. Термин τύρσις, употребленный Ксенофонтом при описании резиденции, в которой Севт I принимал Ксенофонта (VII, 2, 21), обозначал сравнительно большие укрепления, состоящие из целого комплекса построек. Они вмещали значительное число защитников, были снабжены угловыми башнями и бойницами. В обширных залах знатные владельцы могли устраивать пиршества и другие сборища своей дружины и гостей. Расположенные обычно в красивых местах, с изобилием воды, они служили безопасным местопребыванием владельцев, озабоченных охраной своей жизни не только от внешних, но и от внутренних врагов.

Следы подобной виллы обнаружены при раскопках столицы Севта III современника Александра Македонского,— Севтополя в ранних слоях, относящихся к середине IV в. до н. э.— к периоду до основания города. План этой «досевтовой» виллы в общих чертах повторен в плане укрепленного квартала Севтополя, который автор раскопок и публикаций с полным основанием связывает с тюрсисом фракийской знати более раннего времени [311].

Имущественное расслоение фракийского общества отразилось и в планировке столицы Севта III. Несмотря на то, что Севтополь предстал перед археологами как город конца IV в., его планировка отражает и предшествующие этапы исторического развития фракийцев. Д. П. Димитров отмечает отсутствие демократического принципа в градоустройстве Севтополя с его свободно расположенными богатыми городскими домами аристократии, представлявшими резкий контраст с бедными хижинами предместья [312].

Больше всего данных об имущественном расслоении, его развитии и широте охвата можно почерпнуть из исследования могильников, значительно опередившего изучение поселений. В качестве критерия имуще-

[309] *И. Велков.* Разкопките около Мезек и гара Свиленград. ИБАИ, XI, 1937, стр. 122; *А. Димитрова.* Единадесета отчетна археологическа конференция във Велико Търново. ИП, XXII, 1966, стр. 121; *Цв. Дремсизова-Нелчинова.* Тракийско селище в чаша на язовир «Виница», стр. 57—77.

[310] *Д. П. Димитров.* За укрепените вили..., стр. 683—699.

[311] Там же, стр. 697—698.

[312] *D. P. Dimitrov.* Das Entstehen der thrakischen Stadt., S. 379—387; *он же.* Градоустройство и архитектура на тракийския град Севтополис. «Археология», 1960, № 1, стр. 13; *он же.* Севтополь — фракийский город близ с. Копринка Казанлыкского района. СА, 1957, № 1, стр. 211.

ственного расслоения общества выбран один из признаков — состав погребального инвентаря, наиболее полно обеспеченный материалами. Этот источник наших знаний следует считать надежным, так как состав погребального инвентаря отражает уровень накопления богатств при жизни.

Анализ состава погребального инвентаря фракийских погребений VII—V вв. до н. э., проведенный нами, дает возможность сделать некоторые выводы о развитии процесса имущественной дифференциации фракийского общества. При проведении этой работы были учтены материалы из 160 погребений, разделенных нами на две хронологические группы: первая, архаическая, включает погребения VII—VI вв. до н. э., а вторая — погребения V в. до н. э.[313].

Погребения первой хронологической группы в целом производят впечатление захоронений людей одного и того же достатка, так как содержат или совершенно одинаковый, или же приблизительно равноценный набор инвентаря. Чаще всего он состоял из одного-двух железных наконечников копий и одного-двух местных сосудов или же из одного железного меча и одного-двух железных или бронзовых фибул. Инвентарь женских погребений в этой группе включает перстень и ожерелье из бронзы и один-два сосуда местного изготовления или же одну—три бронзовые или железные фибулы, бронзовый перстень и один-два сосуда. Лишь в нескольких погребениях инвентарь немного богаче. Однако в двух погребениях этой группы инвентарь резко отличается своим богатством. Это погребения у Старо село близ Сливена и курган «Мушовица» у с. Дуванлий близ Пловдива. Они содержат золотые нагрудники, художественные сосуды из серебра и бронзы, привозные чернолаковые и чернофигурные сосуды; в инвентарь погребения «Мушовица» входит еще богатейший набор золотых женских украшений (12 серег, 2 ожерелья, 3 фибулы, 2 подвески), 3 сосуда финикийского стекла, статуэтки и др. Существенно, однако, что оба этих богатых погребения — наиболее поздние в этой группе (конец VI — начало V в. до н. э.); их в равной мере можно было бы считать наиболее ранними во второй хронологической группе погребений.

Эта картина относительного имущественного равенства нарушается в V в. или с конца VI в. до н. э. Среди погребений этой второй хронологической группы резко выделяются богатейшие погребения в «Голяма могила», «Арабаджийска могила», «Кукова могила», «Башева могила», два кургана у с. Рахманлий и один у д. Сернегор близ Пловдива; курганы у сел Злокучение и Янково близ Шумена; у с. Горяни близ Гоце Делчева; у с. Голяма Железна близ Трояна; у с. Ополченец близ Чирпана.

Подводя итоги своим исследованиям по дуванлийским погребениям VI—V вв. до н. э., Б. Филов приходит к заключению о высоком уровне

313 К моему большому сожалению, по техническим соображениям, я лишена возможности привести в этой работе сводную таблицу, в которой представлены все эти материалы.

благосостояния местного фракийского населения в этот период. Этот высокий уровень Б. Филов объясняет изобилием земледельческих продуктов, главным образом зерна, и скота, которые составляли главный объект торговли между местным населением и греками-колонистами фракийского побережья Понта[314]. Безусловно, такая характеристика страдает весьма односторонним восприятием археологического материала, при котором учитываются лишь данные богатых погребений и совершенно сбрасывается со счета материал множества некрополей, характеризующих уровень жизни рядовых фракийцев. Такой подход ошибочен, так как распространяет выводы, относящиеся лишь к высшему и наиболее богатому слою фракийской знати, на все население Фракии. Использование всего комплекса археологических данных приводит к иным выводам. Сознавая весьма приблизительную точность сравнительных вычислений, объясняемую и неравномерностью размаха раскопок в различных районах Болгарии, и просто «археологической удачей» или «неудачей», мы все же считаем возможным провести сопоставление простых и богатых погребений в двух наших группах. В первой группе на одно богатое погребение приходится 15 простых, а во второй на одно богатое — 5,5 простых погребений. Эти цифры, естественно, не следует считать абсолютными, ибо хорошо известно, что рядовые могилы больше подвержены действию времени и меньше привлекают внимание археологов; но столь резкое изменение в соотношении богатых и бедных погребений в двух группах — конечно, явление не случайное и может быть объяснено лишь тем обстоятельством, что в самом конце VI или с начала V в. до н. э. во фракийском обществе появилась четко отделившаяся в имущественном отношении социальная прослойка. Обратной стороной этого явления следует считать появление значительного числа очень бедных захоронений, почти не содержащих металлических предметов и включающих чаще всего лишь от 1 до 6 местных сосудов. К таким захоронениям надо отнести почти все могилы из с. Кюлевча близ Шумена; погребения 1—3 у с. Александрово близ Ловеча; погребение в кургане 2 у с. Езерово близ Первомая; погребение около Башевой могилы; чуть богаче инвентарь погребений у с. Равна близ Варны, состоящий из нескольких сосудов (чаще всего 3—6) и 1—2 ножей.

Можно отметить далее, что для первой хронологической группы такой бедный состав инвентаря, ограниченный несколькими сосудами, совершенно не характерен и присутствие металлических изделий из бронзы или железа там почти обязательно. Если исчезновение оружия в бедных мужских погребениях второй хронологической группы можно объяснять изменениями в системе организации войска (см. стр. 253—254), то исчезновение металлических украшений из женских и мужских погребений следует связать с резким обеднением одной части фракийцев, сопровождаемым сосредоточением богатства в руках другой части фракийского общества. Возможное возражение, что эти бедные некрополи характеризуют более низкий уровень развития тех племен, которые оставили

[314] *Б. Филов.* Надгробните могили при Дуванлий, стр. 236.

нам эти памятники, и что для них имущественное расслоение не характерно вообще, должно быть отклонено: на территории племен, оставивших нам эти бедные захоронения, иногда рядом с ними высятся курганы с богатейшим погребальным инвентарем (см. табл. VII—X в конце книги). Для этого достаточно сравнить, например, курган 2 у с. Езерово, содержавший 3 простых сосуда и 3 пряслица, с другим, содержавшим богатейший инвентарь, у того же села; или же сопоставить курган 2 у Башевой могилы, содержавший лишь 3 простых сосуда, с одним из богатейших погребений античного времени во Фракии у Башевой могилы; ту же картину даст сравнение бедных погребений у с. Кулевча с богатым погребением у этого же села и др. Одновременно следует, как кажется, обратить внимание и на то, что, так сказать, «средних» по богатству инвентаря погребений значительно меньше во второй группе, нежели в первой.

Приведенные материалы свидетельствуют о нарастающем от VII к V в. процессе имущественной дифференциации, выражающемся, во-первых, в исчезновении могил с равноценным погребальным инвентарем, а затем в появлении очень бедных захоронений наряду с чрезвычайно богатыми, поражающими роскошью; они указывают также, во-вторых, на уменьшение числа погребений «среднего достатка», т. е. на усиление поляризации общества. Можно сделать выводы и о территориальном распространении очень богатых погребений, отражающих наибольшую степень имущественного расслоения среди фракийцев. По данным первой хронологической группы, богатые погребения находятся близ Сливена и Пловдива. По данным второй хронологической группы четко выделяется одна область Фракии, где сосредоточено большинство богатейших погребений. Она охватывает районы, расположенные вокруг современных городов Пловдива, Чирпана, Первомая и Старо-Загоры[315]. Кроме этой основной области следует упомянуть еще район г. Шумена. Здесь погребений мало по сравнению с пловдивской, первомайской и старозагорской группами; они производят впечатление не столь богатых и роскошных. К ним следует еще добавить одно богатое погребение в районе Гоце Делчева и одно — в районе Трояна, которые из-за малочисленности не могут быть выделены в особые области сосредоточения богатых фракийских могильников, хотя и они, конечно, должны быть приняты во внимание[316].

[315] Затруднительно объяснить, почему все богатые погребения расположены по левобережью Марицы. Скорее всего это случайность, тем более, что многие крупнейшие каменные гробницы Фракии (не вошедшие в наши подсчеты потому, что они были ограблены) размещались по правому берегу этой реки, северным склонам Восточных Родоп, Сакар Планине и Странджe (*В. Миков* Произходът на куполните гробници в Тракия. ИБАИ, XIX, 1955, стр. 41, карта 1).

[316] К сожалению, мы не могли принять во внимание при наших подсчетах богатейшую коллекцию Елены Стафатос, содержащую 180 предметов железной эпохи из некрополя на Халкидике, датируемого главным образом VII в. до н. э., так как материал здесь распределен не по отдельным могилам, а описан весь вместе (*P. Amandry*. Collection Helene Stathatos Strasbourg, 1953, Рецензию И. Венедиктова на эту работу см.: ИБАИ, XXVI, стр. 282—284). Можно, однако, предполагать, что здесь собран по-

Область распространения фракийских племен с глубоким имущественным расслоением, намеченная на основании размещения гробниц с богатым погребальным инвентарем, совпадает с областями распространения отдельных находок богатых украшений как в V—IV вв., так и в более позднее время (IV—III вв. до н. э.) [317].

Таким образом, можно прийти к заключению, что наиболее богатые погребения были расположены по долине Марицы и ее притокам, охватывая плодородные земли Верхне-Фракийской низменности и холмистые области южной части Средней Горы с их богатыми перегноем каштановыми и суглинистыми почвами. Этой картины не меняют группа погребений в районе Шумена и отдельные богатые захоронения в районе Трояна и Гоце-Делчева, также расположенные в речных и предгорных долинах (по рекам Голяма Камчия, Осым и Места). Такое географическое распределение богатых погребений может служить доказательством сравнительно более высокого развития фракийских племен, занимавшихся главным образом земледелием, которому, видимо, была обязана своим обогащением фракийская знать. Их расположение по речным долинам, способствовавшее налаживанию связей (и экономических и культурных) с другими районами Фракии и внешним миром, бесспорно. Следует, однако, отметить, что приморские области Фракии (как черноморские, так и эгейские), где были расположены греческие города, не дали столь ярких памятников имущественного расслоения. Это обстоятельство может служить свидетельством большой роли внутрифракийских стимулов экономико-социального развития страны.

ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОРОДОВ ВО ФРАКИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Изучение характера и особенностей поселений во Фракии чрезвычайно важно для исследования социально-экономических отношений в стране. В ряде работ по общим и отдельным вопросам были высказаны различные мнения о сельских и городских поселениях Фракии архаического и классического времени; несколько оригинальных исследований посвящено специально этому вопросу.

Опираясь главным образом на свидетельства античной традиции, исследователи по-разному решают вопрос о процессе и времени возникновения городов во Фракии.

Х. Данов в одной из своих работ относит возникновение городов вдоль Эгейского берега к наиболее раннему, гомеровскому (он датирует его VIII в. до н. э.) периоду. На основании текста Гомера, который на-

гребальный инвентарь восьми богатых погребений, так как коллекция включает 6 золотых и 2 серебряных нагрудника, каждый из которых, судя по болгарским курганам, чаще всего сопровождал одного усопшего.

317 *В. Миков.* Тракийски накитни предмети, стр. 146; *Б. Филов.* Паметници на тракийското изкуство, стр. 35.

зывает центр племени киконов Исмар «полисом», автор делает вывод о том, что уже в это время у фракийцев «некоторые племенные центры выросли в регулярные полисные поселения»[318]. В этом же смысле, как «поселения городского типа», «укрепленные поселения полисного типа», восприняты им данные Гекатея о πόλεις, Эсхила о πύργοι, Геродота о τείχεα фракийцев[319]. А. Милчев также считает, что употребляемый Гекатеем термин «полис» по отношению к внутренним и прибрежным поселениям Фракии может служить указанием на появление здесь в VI — начале V в. до н. э. «городов, бывших производственными и торговыми центрами»[320]. Возможно, такого же мнения придерживается Б. Геров, упоминающий «города» Кабессос и Оргаме по данным Гекатея, хотя он подчеркивает примитивность их устройства[321].

Такая точка зрения, однако, не является единственной; ряд исследователей относят появление городов Фракии к несколько более позднему времени и, главное, иначе определяют характер поселений Фракии. Еще в начале века Г. Кацаров отметил, что хотя древние писатели упоминают полисы во Фракии, представление о них остается смутным; он предполагал, что в античной традиции речь идет скорее об укреплениях (Festungen, Burgen), нежели об укрепленных городах-полисах[322]. Более определенно эту мысль высказывает Х. Данов в другой своей работе «Югоизточна Тракия по сведенията на Ксенофонт», где подчеркивается отсутствие у Ксенофонта данных о собственно фракийских городах и городской жизни в юго-восточной Фракии конца V — начала IV в. до н. э., с одной стороны, и наличие у этого автора многократных упоминаний об укрепленных поселениях (χωρία) и крепостях (τύρσεις, болг. *кула*) — с другой[323]. Более детально вопрос о характере фракийских поселений разработан в двух специальных работах по этому вопросу Д. П. Димитровым[324]. В них он обращает особое внимание на внутренние причины появления фракийского города. Исходя из общего уровня развития фракийских племен, автор считает невозможным понимать термин «полис», употребленный ранней литературной традицией (от Гомера до авторов V в. до н. э.) по отношению к фракийским поселениям, в том смысле, в котором его обычно воспринимают, т. е. как город-государство классической рабовладельческой Греции. Он склонен видеть во фракийских поселениях большие деревни, являвшиеся укрепленными центрами отдельных племен, подобные тем, о которых сообщает Ксенофонт в «Анабазисе». Возникновение городов он относит лишь к концу V — первой половине IV в. до н. э.[325].

318 *Chr. Danov.* Social and Economic Development, p. 9, 13.
319 Там же, стр. 20–22.
320 *А. Милчев.* Социално-икономическият... строй, стр. 532.
321 *Б. Геров.* Проучвания.., стр. 18.
322 *G. Kazarow.* Beiträge..., S. 33–34.
323 *Х. М. Данов.* Югоизточна Тракия..., стр. 301—302.
324 *Д. П. Димитров.* За укрепените вили.., стр. 683—699; *D. P. Dimitrov.* Das Entstehen der trakischen Stadt, S. 379–387.
325 *D. P. Dimitrov.* Das Entstehen der trakischen Stadt, S. 380—382.

Сходное с Д. П. Димитровым толкование термина «полис» для Фракии до V в. до н. э. находим и у А. Фола[326]. И он полагает, что этот термин, несколько раз употребленный Гомером по отношению к фракийским поселениям, обозначает не город классического периода, а укрепленное поселение, χωρίον. Так же следует, по мнению А. Фола, интерпретировать этот термин у Гекатея, который упоминает несколько «полисов» к северу от Балканских гор, фигурирующих у более поздних и детально знакомых с Фракией авторов под терминами χωρίον и τύρσις. Т. В. Блаватская также считает, что «полис» киконов Исмар не что иное, как «укрепленное поселение на вершине холма»[327]. В. Велков весьма критически относится к античным источникам VI—V вв. до н. э., упоминающим полисы во Фракии, и указывает на отсутствие в это время поселений с развитой античной, полисной формой собственности[328]. В новой работе по истории древней Фракии и Х. Данов, пересмотрев свои прежние представления по этому вопросу, пришел к заключению, что фракийские поселения, именуемые античными авторами полисами, не могут рассматриваться как таковые[329].

Многие исследователи связывают появление городов во Фракии с македонским завоеванием и колонизацией страны, главным образом Филиппом II Македонским, который-де и положил начало фракийскому градостроительству[330]. Эта точка зрения сильно поколеблена работами Д. П. Димитрова, указавшего на внутренние импульсы развития городской жизни Фракии.

Приведенные выше мнения, отрицающие возможность считать термин «полис» у ранних авторов свидетельством существования во Фракии поселений классического полисного типа, кажутся убедительными. Действительно, у Гомера упомянуто несколько фракийских поселений[331], из которых лишь одно — Исмар — названо полисом (Od., IX, 39—40). Исходя из описания в эпосе этого поселения, нельзя сделать никаких выводов ни о его политическом управлении, ни о социальной структуре населения. Сам же термин не может восприниматься как доказательство существования полисной организации у фракийцев, так как у Гомера нет, по крайней мере по отношению к негреческим поселениям, разработанной терминологической классификации[332]. Так, например, по отношению к Трое в эпосе применяются то термины πόλις (Il., I, 129; I,

[326] *А. Fol.* De développement de la vie urbaine, p. 313.
[327] *Т. В Блаватская.* Западнопонтийские города, стр 17, прим. 1.
[328] *В. Велков.* Робството..., стр. 22.
[329] *Х. Данов.* Древна Тракия, стр. 299—311.
[330] Подробный перечень работ сторонников этого мнения см.: *D. P. Dimitrov.* Указ. соч., стр. 379, прим. 1. К нему следует еще добавить сравнительно ранние работы Х. М. Данова («Из древната икономическита история», стр. 199), а также Х. М. Данова и М. Мановой («Траките и античният свят», стр. 124).
[331] Эйнос (Il., IV, 520), Ойсиме (Il., VIII, 302), Кабесс (Il., XIII, 363); но термин, определяющий категорию этих поселений, отсутствует.
[332] *Chr. Danov.* Social and Economic Development, p. 9. Литература по этому вопросу указана там же, в примечании 11; *A. Fol.* De développement de la vie urbaine, p. 313.

366; II, 12—13; II, 37) и πτολίεθρον (Il., I, 164; II, 133), то термин ἄστυ (Il., II, 332), имеющий отличный от термина πόλις смысл[333].

Также мало оснований делать выводы о существовании «городских производственных и торговых центров», или же «полисов», на основании сообщений Гекатея. У этого автора упоминается много полисов Фракии (πόλις Θρῄκης): Халастра (fr. 157=146); Смила (fr. 159=148); Липакс (fr. 160=149); Мекуберна (fr. 161=150); Галепс (fr. 163=152); Крестон (fr. 164=153); Айгиал (fr. 166=155); Фагры (fr. 167=156); Абдера (fr. 169=158); Маронея (fr. 170=152); Друс (fr. 171=160); Зона (fr. 172=161); Херронес (fr. 174=163); Кабесс (fr. 180=169); Оргама (fr. 183=172).

Из приведенного перечня ясно, что Гекатей не отличал поселений фракийцев от полисов, основанных греками-колонистами во Фракии, обозначая и те, и другие термином πόλις. К первым, т. е. собственно фракийским поселениям, как кажется, можно отнести четыре поселения: Фагры, Зону, Кабесс, Оргаму. В отношении Фагр точно известно, что это укрепленное место фракийцев-пиериян (τείχεα τὰ Πιέρων) (*Herod.*, VII, 112). Зону Гекатей называет πόλις Κικόνων; это не было бы еще основанием считать его поселением фракийцев-киконов (а не греческим, расположенным на земле киконов поселением), если бы не отрывок из Геродота (VII, 59), где он, говоря о Зоне, считает нужным добавить, что «в древности эта земля принадлежала киконам». Кабессос, который Гекатей называет «полисом, лежащим за Гемом», также есть основания считать фракийским и в связи с его негреческим, малоазийским наименованием[334], и в связи с тем, что во времена Гекатея трудно предполагать греческий город во внутренней Фракии, севернее Балканских гор. Весьма вероятно, фракийским поселением была и Оргама: у родственных фракийцам иллирийцев был город со сходным названием Оргомены (*Hecat.*, fr. 183=172). Характер этих фракийских поселений, именуемых Гекатеем полисами, неясен, так как этим термином он называет все поселения во Фракии (как и в других европейских областях). А. Фол, сравнив терминологию Гекатея с терминологией более поздних авторов, пришел к выводу, что полисы к северу от Балканских гор, о которых идет речь у Гекатея, называются Страбоном, Аррианом и Дионом Кассием «укрепления» (τεῖχος, χωρίον)[335]. К этому можно еще добавить и то, что (как упоминалось) гекатеев «полис Фагры» Геродот называет «укреплением пиериян». Не дают ли эти сопоставления возможность наметить начальный этап возникновения городских поселений во Фракии, представляющих собой укрепления, отличавшиеся от полисов древней Греции?

Прослеживая пути возникновения фракийских городских поселений, исследователи обращаются в качестве исходного пункта к изучению наиболее распространенного и устойчивого вида фракийского поселения — деревни, «комы», «пары». Так, Д. П. Димитров полагает[336], что

[333] *В. Д. Блаватский.* Античный город. Сб. «Античный город». М., 1963, стр. 7.
[334] RE, s. v. Kabessos, S. 1450.
[335] *A. Fol.* De développement de la vie urbaine, p. 313, note 23.
[336] *D. P. Dimitrov.* Entstehen der thrakischen Stadt, S. 380.

наиболее крупные из деревень, упомянутых Ксенофонтом в «Анабазисе»[337], были одновременно племенными центрами. Характерно, что Ксенофонт, за исключением одного укрепленного места в юго-восточной Фракии, сообщает о деревнях; полисами он называет только греческие колонии на морском побережье[338].

При решении проблемы возникновения городских поселений очень важную роль должны играть археологические материалы. К сожалению, пока речь может идти только о данных разведок. Такое исследование проведено Д. Цончевым по южным склонам Средней горы, в районе современных Пловдива и Пазарджика[339]. Для нашей темы этот район очень удачен: это одна из центральных частей Одрисского царства, расположенная между верхним течением р. Гебра (совр. Марица) и западной частью Гема (Балканские горы, Средняя гора) и занимавшая площадь 1500 кв. км. Автор обследования фиксирует здесь 184 фракийских поселений, не имевших крепости-цитадели. Из них 41 он классифицирует как «большие» и «значительные»[340]. Густота этих поселений настолько велика в обследованном районе, что иногда около одного современного села Цончев регистрировал от 4 до 9 фракийских сел. Так, например, у с Глямо Конаре обнаружено 9 фракийских поселений, из них 4 «значительных» и «больших», вокруг одного из них — некрополь из 50 курганов[341]. Около другого современного села Строево Цон-

[337] *Xenoph.*, Anab., VII, I, 13, VII, II, 1; VII, III, 5, 9, 13, 43, 47—48; VII, IV, 5, 11, 14—15; VII, VII, 1.

[338] *Х. М Данов* Югоизточна Тракия, стр. 301.

[339] *Д. Цончев* Археологически паметници по южните склонове на Панагюрска Средна гора. София, 1963.

К сожалению, Д. Цончев не имел возможности точно датировать фракийские поселения.

[340] Приведенные в таблице цифры соответствуют числу поселений, датируемых Д. Цончевым периодами раннего железа (800—500 гг. до н. э.) и начала латена. По отдельным частям исследованной Д. Цончевым местности фракийские поселения распределяются, по моим подсчетам, следующим образом:

	Средние селения	Большие селения
1. Восточная часть бассейна р Тополница (левого притока р. Марицы), район Пазарджика	13	2
2. Бассейн р. Луда Яна (левого притока р. Марицы), район Пазарджика	28	4
3. Бассейн р. Потука (левого притока р. Марицы), районы Пловдива и Пазарджика	30	13
4. Бассейн р. Пясечник (левого притока р. Марицы), районы Пловдива и Пазарджика	31	13
5. Бассейн р. Пикла (правого притока р. Стряма), район Пловдива	17	6
6. Западная часть бассейна р. Стряма (левого притока р. Марицы), район Пловдива	24	3
Итого	143	41

[341] *Д. Цончев*. Указ. соч., стр. 57—58.

чев отметил следы 6 фракийских селений, из них 3 больших[342]; у с. Царемир — 8 фракийских сел, из них 2 больших[343] и т. д. Поселки, отмеченные Д. Цончевым, сходны с теми «многочисленными и близко расположенными друг от друга деревнями», о которых сообщает Ксенофонт в «Анабазисе» (VII, III, 9; VII, III, 43). Весьма существенны также сведения и других античных авторов (главным образом Гекатея) о фракийских μέρος и χώρα, представляющих собой скорее всего области сосредоточения деревень, весьма сходные с теми, которые исследовал Д. Цончев.

Внутренняя структура деревень известна в самых общих чертах по литературным и археологическим данным. Судя по тексту «Анабазиса», поселения тинов (деревни — комы), которые захватили греки — наемники Севта, не имели укрепленного центра, их дома не отличались ни размерами, ни архитектурой. Хотя во время боя с тинами греки натолкнулись здесь на «высокие заборы», но речь идет о заборах, огораживающих загоны для скота (Anab., VII, IV, 14), а не о крепостных стенах. Может быть, в этой же связи Ксенофонт упоминает «беззащитных жителей деревень», которые не смогут помешать грекам захватить продовольствие (Anab., VII, III, 5). Очевидно, в поселении не было какого-либо укрепления, которое могло бы быть использовано для обороны при внезапном нападении на фракийцев. Поселение у Драгойнова, несмотря на ряд отмеченных выше архаических черт, носит тот же характер.

Двор с домом, обнесенные забором, были основой фракийской деревни не только по литературным и археологическим, но и по лингвистическим данным: фракийское слово *para* обозначает «забор, огороженный кольями двор», позже — «поселение, деревня»[344]. Это значение имеет, как упоминалось, и термин ἔπαυλος, которым Эсхил (Pers., 869) обозначает поселение фракийцев.

Процесс накопления богатств, появление запасов, большого количества скота и другого имущества, столкновения с соседними племенами уже в очень ранние эпохи, далеко отстоящие от исследуемого времени, привели к возникновению защищенных участков, служивших местом укрытия для населения и его имущества в случае нападения.

Принцип выделения из укрепленных поселений тех, которые мы могли бы отнести к городским, очень неустойчив. При этом, как упоминалось, нам не может помочь терминология литературных источников и потому, что часто древние употребляли слово «полис», не вкладывая в него того социального, экономического и политического смысла, который вкладывают в него современные историки, и потому, что сама терминология античных авторов, как мы видели, проявляет непостоянство. Нельзя исключить также возможность передачи греками фракийского слова *para* (дак. *bara*, фриг. *poro(s)*, входящего часто как вторая составная часть в двуосновные местные имена, греческим πόλις просто по созву-

342 Там же, стр 70.
343 Там же, стр. 72.
344 *K. Wlachov*. Das thrakische Wort *para* und seine Deutung. «Živa Antika», 1965.

чию. В. Георгиев приводит примеры этому явлению: Бергеполис от Βεργέπορι; Абруполис от Efriporis; Цирополис — от Κειρ(ι)παρα [345]. Причем, фракийское слово *para*, как полагает тот же В. Георгиев, означает «ручей, поток, река», происходя от и.-е. *borā* [346], и не идентично по смыслу греческому слову «полис».

Не менее сложны археологические критерии, по которым можно было бы установить появление города. Д. П. Димитров в качестве такого критерия выделяет появление агоры не только как места собрания жителей, но и как базарной площади, где происходит обмен товаров [347]. В качестве таких признаков Н. Я. Мерперт [348] отмечал: 1) выделение ремесленных районов как признак отделенного ремесла; 2) появление центральных святилищ и целых священных районов — теменосов как признак выделения жречества; 3) появление храмового хозяйства с отчуждением урожая и общегосударственным хранением его; 4) появление на поселениях районов сосредоточения административной власти правителей. В. М. Массон обратил внимание на появление в городах объединений ремесленников в особые мастерские и кварталы, выделение кварталов сосредоточения административно-организаторской власти, рыночных площадей, монументальных храмов и других общественных сооружений [349]. В общих чертах эти же явления — концентрация ремесленного производства и сосредоточения старейшин в центральном поселении — выдвинуты Дж. Томсоном в качестве признаков, указывающих на превращение мест поселения племени в город; при этом автор использовал не только греческий, но и привлекал для сравнения другой материал [350].

Уже приходилось отмечать слабую изученность фракийских поселений. Исходя, однако, из имеющихся данных, следует отметить, что во фракийском материале ярко прослеживается один из признаков зарождающейся, а затем возникшей государственности. Речь идет о явных признаках территориального обособления племенной знати и царя, превращающихся в правителей, политических и административных руководителей племенных союзов фракийцев и их государств, — о появлении укрепленных поселений с выделяющейся (или стоящей вне них) резиденцией правителей.

Выше мы уже приводили свидетельства литературной традиции о существовании многочисленных укреплений (χωρία) во Фракии и их интерпретацию современными историками. На наш взгляд, еще не на-

345 *В. Георгиев.* Тракийската дума para и походът на Александр Македонски към Истрос. «Известия Института за български език», IX, 1962, стр. 26.

346 Там же, стр. 5—10.

347 *D. P. Dimitrov.* Die Entstehen der thrakischen Stadt, S. 382.

348 Доклад «Данные древнейших поселений для разработки проблемы возникновения раннеклассовых обществ», зачитанный в декабре 1965 г. на симпозиуме Отделения истории АН СССР.

349 *В. М Массон.* Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества. «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма». М., 1970, стр. 57.

350 Доклад Дж. Томсона о возникновении и характерных чертах полиса на Международной конференции античников в Либлице, апрель 1957 г.— ВДИ, 1958, № 1, стр. 230—231.

N

8. Укрепленное фракийское поселение у с. Гоз близ г. Брезника

9. Укрепленный квартал Севтополя

стало время для их классификации. А. Фол выделяет четыре типа. К первому из них он относит укрепленные пункты, служившие жителям с их имуществом убежищем в случае нападения врага, но не предназначавшиеся для постоянного жилья. Ко второму он причисляет населенные укрепленные места с экономической жизнью на них. К третьему — укрепленные резиденции, виллы (τύρσεις) местных правителей, возвышающиеся рядом с деревнями. И наконец, большие крепости со сложной системой обороны, служившие местом пребывания правителей и расположенные вне населенного места. Такая классификация в принципе возможна, однако в настоящее время для нее еще нет достаточных оснований. Источники, приводимые А. Фолом для подтверждения существования четырех типов укреплений, не всегда подтверждают мысль автора [351]. Мало также оснований ссылаться в этом случае на археологические данные: раскопки фракийских поселений исследуемого периода — дело будущего, пока мы располагаем лишь данными разведки. Спорность источников, которую, видимо, ощущает и сам автор классификации, привела к необходимости аналогий. Система классификации взята им в основном у М. И. Максимовой, которая базируется на данных Ксенофонта о племени дрилов в Малой Азии. Нет, однако, убеждения в том, что такая аналогия правомерна.

Хотя литературные и археологические источники не дают, на наш взгляд, четких данных для выделения типов укреплений у фракийцев, однако сам факт существования укрепленных поселений от гомеровского времени до конца истории Фракии бесспорен. Многие из этих укреплений были городищами, т. е. поселениями, окруженными оборонительными стенами (рис. 8); другие, возможно, не были огорожены, но имели цитадель, крепость [352]. Относительно подробные сведения мы имеем о городищах, расположенных по среднему течению р. Арда у современных сел Хисар-юстю и Харман-кая [353]. Они окружены стенами, насухо сложенными из больших каменных блоков (толщина стен у Хисар-юстю 2,5 *м*). Следы жилищ, малые и большие огороженные места (дворы?) заметны внутри городища; число их, очевидно, было значительным, так как, по мнению И. Велкова, перед нами «целый фракийский город». Над всем городищем (и у Хисар-юстю, и у Харман-кая) возвышалась цитадель. Городища, подобные описанным, имеются во множестве в Восточных Ро-

[351] Например, источники, указанные А. Фолом (*А. Fol.* De développement de la vie urbaine..., p. 314—315) в подтверждение существования первого типа укреплений p. 314, note 26), не дают возможности определить их характер. Иногда автор ссылается на одно и то же сообщение источника (например, *Arrian*, I, 14 (? вернее — 4), обосновывая существование различных типов (например, первого и второго) укрепленных поселений. Точно так же недостаточно данных для классификации поселений и в «Илиаде», на сведения которой ссылается А. Фол (указ. соч., стр. 314, сн. 27).

[352] Из-за отсутствия описаний помещений и дворов внутри огороженного пространства, размеров и других необходимых сведений мы затрудняемся сказать, когда речь идет о городище с крепостью-цитаделью на нем, а когда только о крепости-цитадели, вокруг которой располагалось открытое поселение.

[353] *И. Велков.* Няколко тракийски и средновековни крепости по средна Арда. ИБИД, XVI—XVIII, 1940, стр. 71—72.

допах[354], в местности Граовско (северо-западная Болгария, к западу от р. Искр)[355]; в Сакар Планина[356]; по среднему течению р. Арда[357], на Средней горе[358]; в районе Хаскова[359].

В укрепленном квартале раннеэллинистической (IV в.) столицы Севта III — Севтополя (район Казанлыка) следует видеть наиболее раннюю часть этого фракийского города, построенную по тому же принципу, что укрепления Майсада и Севта II, упоминаемые Ксенофонтом (рис. 9). Другие литературные источники также подтверждают существование поселений с крепостью или отдельных крепостей в древней Фракии. Это те τύρσεις и χωρία, которые упоминают в различных местах Фракии Ксенофонт, Теопомп и Тацит[360].

Таким образом, не исключая возможности и других путей возникновения города во Фракии, ученые в настоящее время считают возможным говорить о его возникновении вокруг резиденции племенного или общефракийского правителя. В этом они видят специфику возникновения фракийских городских поселений[361]. Отмеченная особенность фракийских городов дает дополнительный материал для исследования социальных отношений во Фракии. Присутствие крепости-цитадели на городищах и открытых поселениях, а также отдельно стоящих укрепленных вилл следует связывать с возникновением крупной земельной собственности, появлением земельной аристократии и зависимости земледельцев от этой аристократии, племенных вождей, царей и парадинастов[362].

354 *И. Велков.* Градища. Опит за систематизиране и датиране на укрепените селища в българските земи. ГНМП, II, София, 1950, стр. 157—163; *он же.* Няколко крепости и стари селища по средна Арда. «Известия на Българското географското дружество», I. София, 1936, стр. 149—150.

355 *И. Велков.* Градища, стр. 157.

356 *И. Велков.* Стари селища и градища южно от Сакар — планина. ГНМ, V, София, 1933, стр. 169—187.

357 *И. Велков.* Градища, стр. 160.

358 *Д. Цончев.* Указ. соч., стр. 14, 66, 79—80.

359 *Д. Цончев.* Старините около Хасковските топло-минерални извори. ГНБМП, 1937—1939, стр. 90.

360 *Д. П. Димитров.* За укрепените вили, стр. 693—699; *D. P. Dimitrov.* Das Entstehen der thrakischen Stadt..., S. 383.

361 *Д. П. Димитров.* Указ. соч., стр. 697—699; *D. P. Dimitrov.* Указ. соч., стр. 385—386; *И. Велков.* Градища, стр. 160—163; *A. Fol.* De développement de la vie urbaine, p. 315—316.

362 *Д. П. Димитров.* За укрепените вили, стр. 688—689, 694—696; *Х. Данов.* Към социално-икономическото развитие, стр. 63; *он же.* Югоизточна Тракия, стр. 302; *Б. Геров.* Проучвания, стр. 18; *С. Мулешков.* Обществено-икономическият строй, стр. 160. А. Фол, однако, полагает, что город во Фракии возникает для охраны басилевса и его дворца от притязаний аристократии на власть и земельные владения (*A. Fol.* De développement de la vie urbaine, p. 316).

3

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

1. ЮЖНОФРАКИЙСКИЕ ПЛЕМЕННЫЕ СОЮЗЫ VII – V ВВ. ДО Н. Э.

нтичные авторы почти ничего не сообщают о племенном союзе во главе с одрисами; Одрисское царство так, как оно обрисовано в наших источниках, предстает перед нами уже в сложившемся виде. Это создаст огромный пробел в наших знаниях. Мы лишены возможности проследить существование союза родственных племен[1] именно у того племени, которое возглавило в дальнейшем первое государственное объединение Фракии. Можно лишь предполагать, как это делают, например, А. Хок и М. Кэри[2], что возникновению Одрисского царства, включавшего различные ветви фракийцев и охватывавшего почти всю Фракию, предшествовало объединение более близких одрисам (территориально и этнически) фракийских племен. Весьма вероятно, что такими племенами были племена тинов, кайнов, астов, витинов и сиров — юго-восточные соседи одрисов[3], а также бессы и койлалеты, жившие к северо-западу от них[4].

Скудность источников по одрисской истории до возникновения царства Тереса заставляет обратиться к сведениям о процессе образования племенных союзов у других фракийских племен, многие из которых вошли впоследствии в состав Одрисского царства. Разбор этих матери-

[1] «Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа» (*Ф Энгельс.* ПСЧСГ, стр. 164).

[2] *А Hock.* Das Odrysenreich in Thrakien im fünften und vierten Jahrhundert v. Chr. «Hermes», XXVI, 1891, S. 77; *M. Cary.* Geschichte der Könige von Thracien und vom Cimmerischen Bosporo, erläutet aus den Münzen (без вых. дан.).

[3] *W. Tomaschek.* Die alten Thraker, I, 1, S. 84; *Х. М. Данов* Древна Тракия. София, 1969, стр. 136, 146; *Y. Wiesner.* Die Thraker. Stuttgart, 1963, S. 21.

[4] *Х. М Данов.* Указ. соч., стр. 146; *он же.* Към историята на Тракия и западното Черноморие от втората половина на III век до средата на I век преди н. е. ГСУ ФИФ, № 47, 1952, стр. 127.

алов, к которому мы обратимся ниже, дает некоторые представления как о путях возникновения государства у фракийцев, так и о характере предшествующих ему племенных объединений.

ФОРМЫ И ПУТИ СОЗДАНИЯ ПЛЕМЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ЮЖНОЙ ФРАКИИ

В античной нумизматике есть чрезвычайно интересный раздел, связанный с историей монетной чеканки юго-западных фракийских племен, который еще не был в достаточной мере[5] использован для исследования политической системы фракийских племенных союзов. Мы имеем в виду упоминавшиеся (стр. 68—70) относительно богатые серии серебряных монет, выпускавшихся несколькими племенами юго-западной Фракии. Датировка этих монет, как отмечалось, не вызывает сомнения: они выпущены в конце VI — начале V в. до н. э. (прекращение их выпусков связывается с македонским завоеванием юго-западной части Фракии в 480 г. до н. э.). Столь ранняя эмиссия монет, представленных сравнительно большим количеством находок, — явление уникальное, дающее в руки исследователя первоклассный источник для постановки, а иногда и решения ряда существенных вопросов этнической, социально-экономической, культурной и политической истории Фракии. В настоящей главе мы предполагаем заняться изучением этого интересного источника в связи с последней из перечисленных проблем.

Многие из этих монет анэпиграфны, но есть и такие, которые носят на себе надписи. Они могут быть сведены в следующую таблицу (рис. 10).

Перед нами серия надписей на монетах, упоминающих названия различных племен, от имени которых они выпускались: I — бизалтов, II — дерронов, III — орресков, IV — ихнов, V — дионисиев, VI — тинтенов, VII — зеелиев.

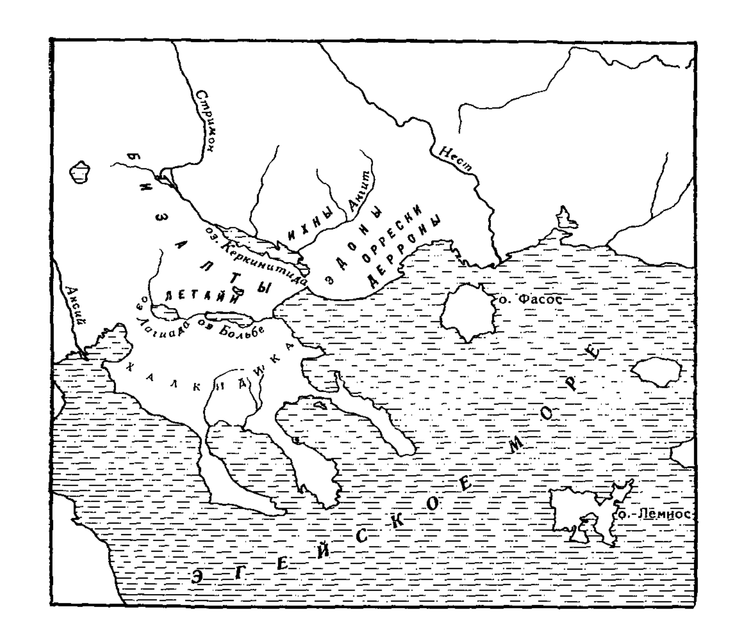
Участие еще одного (VIII) племени — эдонов в этой чеканке засвидетельствовано легендой ΓΕΤΑΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΗΔΩΝΑΝ.

Возможно предположить существование и еще одного племени — летайев, чеканивших монеты с надписью ΛΕΤΑΙΟΝ, весьма сходные по типам изображений с монетами других племен Южной Фракии[6].

Мне уже приходилось уделять внимание исследованию вопроса о том, какова была этническая принадлежность этих племен, в результате чего

[5] Насколько мне известно, из историков только С. Кэссон («Macedonia, Thrace and Illyria». Oxford, 1926, p. 40) обратил внимание на эту чеканку. Однако он удовлетворился лишь констатацией самого факта чеканки, что дало ему повод говорить о «буферном государстве» (buffer-state) между Фракией и Македонией. Впрочем, нет уверенности в том, что автор придает большое значение термину state; скорее всего он употребляет это слово для обозначения любой формы политического объединения, не вдаваясь в исследование его социально-политической структуры.

[6] MP, S 72, № 26, 27, Taf. XV, *8*, *9* Но это предположение не бесспорно: эти монеты мог чеканить и греческий полис Лете

Карта 8
Расселение племен, чеканивших монеты

я пришла к заключению об их фракийском происхождении[7]. Это обстоятельство дает, как кажется, основание использовать нумизматические источники для изучения поставленной проблемы (карта 8).

При сопоставлении изображений на монетах, чеканенных от имени разных фракийских племен и их царей, обращает на себя внимание одно чрезвычайно важное, на наш взгляд, обстоятельство — в ряде случаев эти изображения совпадают. Можно констатировать полное совпадение (не только сюжетное, но также композиционное и стилистическое, иногда доходящее до совпадения во всех деталях) типов лицевой стороны.

I. тип. Обнаженный человек в широкополой шляпе, идущий между двумя ведомыми им быками. Это изображение фигурирует на монетах эдонов, ихнов и оррескоз (см. табл. XI, *1—5* в конце книги).

II. тип. Коленопреклоненный бык. Этот тип встречается на монетах дерронов, ихнов и оррескоз (см. табл. XII, *1—5* в конце книги).

[7] *Т. Д. Златковская.* Ранние монеты южнофракийских племен. НЭ, т. VII, 1968, стр. 4—10; *она же.* Проблемы становления государства у южнофракийских племен, «Разложение родового строя и формирование классового общества». М., 1968, стр. 294—305. В этих работах я стремилась доказать ошибочность мнения И. Свороноса («L'Héllenisme primitif de la Macédoine, prouvé par la numismatique et l'or du Pangée». JIAN, XIX, 1918—1919, passim), приписывавшего эту чеканку племенам пеонов.

10. Надписи на фракийских монетах

III тип. Воин в доспехах, держащий двумя руками за узду скачущую галопом лошадь. Монеты с этим типом выпускали ихны, орраски и тинтены (табл. XII, *6—8* в конце книги).

IV тип. Бородатый кентавр с лошадиными ушами, держащий на коленях нимфу. Этот тип встречается на монетах оррресков, летайев, зеелиев, дионисиев и еще какого-то фракийского племени, чьи монеты выпускались анэпиграфными (табл. XII, *9—11*).

Сходство монетной типологии в чеканке различных южнофракийских племен не ограничивается изображениями на лицевой стороне монет; следует отметить и случаи совпадения типов оборотной стороны. Так, изображение коринфского шлема присутствует на реверсе монет оррресков, летайев, дерронов и неизвестного нам по названию южнофракийского племени. Изображение колеса с изогнутыми спицами встречается на монетах тинтенов и ихнов.

Нельзя не обратить внимания и на существование общих дополнительных знаков на монетах различных племен. К таковым следует отнести знак в виде круга с точкой в середине и его многочисленные варианты на монетах дерронов, оррресков, тинтенов, ихнов, бизалтов. На монетах дерронов и бизалтов часто в виде дополнительного символа фигурирует коринфский шлем, играющий в других случаях, как мы видели, роль основного реверсного типа. Дополнительный знак в виде головы сатира изображался на монетах оррресков и бизалтов. Общим и очень часто повторяющимся дополнительным знаком является и цветок (бутон ро-

зы) на монетах дерронов, орресков и неизвестного южнофракийского племени.

Отмеченная особенность раннефракийской чеканки, как нам представляется, весьма знаменательна. В античную эпоху (как, впрочем, и в последующее время) изображениям на монетах придавалось большое значение и монетные типы никогда не выбирали случайно; они были символами, определяемыми экономическими, политическими, культовыми и другими особенностями и связями того полиса, монархии или иного государственного образования, от чьего имени осуществлялся выпуск монеты.

Случаи совпадения монетных типов или дополнительных символов в чеканке разных центров также не могут считаться случайными. A priori можно было бы сказать, что совпадение монетных типов, всегда в какой-то степени являющихся символами власти, означает единство и самой власти, выпустившей однотипные монеты, и что перед нами, таким образом, доказательство существования какой-то формы политического объединения нескольких фракийских племен. Но отсутствие письменных источников, которые могли бы подтвердить самый факт существования такого объединения и пролить свет на его характер, заставляет нас разобрать этот вопрос подробнее.

Прежде всего следует отметить, что сходство монетных типов нельзя объяснять принадлежностью разбираемых монет какому-нибудь из греческих полисов [8]. Этому противоречат, во-первых, легенды, указывающие на фракийскую принадлежность монет; во-вторых, оригинальность, самостоятельность всех аверсных типов монет: ни один из них не фигурирует на монетах греческих городов. Кроме того, тематика изображений тесно связана с фракийскими религиозными представлениями, а именно: с культом Диониса, фракийским по своему происхождению и имевшим, как об этом свидетельствует богатая античная традиция, широкое распространение среди фракийских племен во все периоды их существования [9]. Что касается дополнительных знаков на монетах, то и они не дают оснований связывать наши монеты с каким-либо из греческих полисов [10].

[8] Это обстоятельство не исключает возможности чеканки этих монет по заказу южнофракийских племен на каком-либо из греческих монетных дворов. Мы затруднились бы сказать, на каком именно, так как на наших монетах нет знаков, которые бы смогли дать ответ на этот вопрос; разбор же стилистических особенностей монет всегда не лишен субъективных моментов и не может приниматься как бесспорное свидетельство места чеканки. Кроме того, в аспекте изучения возникновения племенных или государственных объединений решение этого вопроса не столь существенно, ибо наличие собственной монеты, где бы она ни чеканилась,— факт сам по себе достаточно показательный.

[9] *Т. Д. Златковская.* Ранние монеты южнофракийских племен, стр. 10—22; *она же.* К вопросу о происхождении кукерских игр у болгар. СЭ, 1967, № 3, стр. 38—44.

[10] Некоторый повод для подобных предположений дает, казалось бы, изображение коринфского шлема, фигурирующего также и на монетах города Скионе, однако при более детальном рассмотрении такое предположение следует отбросить: в то время как на всех фракийских монетах (на реверсе и в качестве дополнительных знаков аверса) коринфский шлем изображен всегда с высоким гребнем, на монетах Скионе он всегда без него. Чисто формально совпадение и в изображении головы Силена

Для объяснения совпадений монетных типов на монетах, чеканенных различными племенами Южной Фракии, следует, как кажется, обратиться к изучению аналогичных случаев в греческом монетном деле, одновременном с раннефракийской чеканкой [11]. Здесь можно наблюдать появление одинаковых аверсных или реверсных типов (или и тех и других вместе) на монетах, выпускавшихся различными греческими полисами или малоазийскими монархиями.

Прежде всего следует назвать монеты VI — начала V в. до н. э. греческих городов, входивших в Беотийский союз. Наиболее ранние из них, хронологически совпадающие с нашими монетами (период чеканки до 480 г.), чеканились в Фивах, Галиарте и Танагре с 600 г. до н. э., в Акрефии, Херонее, Микалессе и Фарах с 550 г. до н. э. Аверсный тип всех монет один и тот же — беотийский щит. Изображения же оборотной стороны (представляющие собой во всех случаях вдавленный рисунок из четырех крестообразно расположенных, наподобие крыльев ветряной мельницы, треугольников) отличались надписями, представляющими собой начальные буквы названия города, которым выпущена монета (Θ — Фивы, Т — Танагра и т. д.). Монеты выпущены в одном и том же весовом стандарте — эгинском [12].

Хотя политическое устройство Беотийского союза более подробно известно с IV в. до н. э., все же есть возможность судить и о более ранней системе его организации. До Греко-персидских войн Беотийский союз представлял собой союз независимых полисов. Их политическое устройство было, вероятно, весьма разнообразным и не регулировалось, как это было позже, союзной конституцией. Так, в Феспиях правили, например, δημοῦχοι — магистраты, не встречавшиеся в других полисах Беотийского союза. Сходство же некоторых из учреждений в полисах

(в качестве дополнительного знака) на наших монетах и (в качестве основного аверсного типа) на монетах греческого города Тероне, где изображается вся его фигура.

[11] К сожалению, мы лишены возможности привести аналогии из монетной чеканки других племен. Обычно в племенном мире (в Галлии, Германии, на Балканах и в Придунайских странах, в Крыму, на Кавказе, в Средней Азии и других областях) имела место не оригинальная чеканка, а подражания особенно распространенным греческим и римским монетам. Образцами для этих так называемых «варварских подражаний» служили чаще всего тетрадрахмы Афин или статеры и тетрадрахмы эллинистических монархов. При копировании типы монет у различных племен приобретали свои особенности, однако сходство все же сохранялось. Оно объяснялось, естественно, только тем, что в основе подражаний лежали одни и те же образцы (см. *А. Н. Зограф.* Античные монеты. МИА, № 16, 1961, стр. 101 сл.).

Привлечение в качестве аналогий монет греческих полисов кажется нам вполне возможным в силу совпадения основных принципов чеканки монет в греческих полисах и у фракийских племен (весовые стандарты, художественные и стилевые особенности изображений и т. п.). Возможно, как это часто указывалось в нумизматической литературе, многие из наших фракийских монет чеканились на монетных дворах соседних греческих полисов. Это еще больше увеличивает возможность подходить к объяснению общих типов изображений на них с точки зрения принципов монетного дела, существовавшего в эллинском мире.

[12] *B. V. Head.* On the Chronological Sequence of the Coins of Boeotia. NChr., Ser. 3, I, 1881, p. 177—280; HN, p. 347.

объясняется сходством их политической организации или заимствованием, а не нивелировкой, проведенной сверху какими-либо союзными органами. Союз в это время не имел общего законодательства; древнее законодательство Филолая, например, Аристотель характеризует как только фиванское. Во внутренних делах отдельные беотийские полисы были самостоятельными; споры между ними разрешали сами заинтересованные стороны (присоединение к более сильным соседям слабых полисов не вызывало союзных санкций). Эта внутриполитическая независимость нашла выражение и в праве на самостоятельную чеканку монеты. Функции союза заключались в ведении внешнеполитических дел. Внешние войны, как, впрочем, и войны, связанные с отпадением какого-нибудь из союзных полисов, велись союзным войском (например, в 518 г., когда платейцы попытались отпасть от союза, или в войне с фессалийцами незадолго до похода Ксеркса). Именно с этими внешнеполитическими функциями союза связано появление древнейшего (и единственного в эту эпоху) союзного органа — совета беотархов: известно, что в 479 г. беотархи дали Мардонию проводников. Каждый из беотархов был представителем и защитником избравшего его полиса. Бесспорна также роль общесоюзных органов в ведении общих богослужений и охраны пользующихся особым почитанием святилищ. Вообще роль общебеотийских святилищ в организации союза была чрезвычайно велика. Уже в VII в. до н. э. религиозным центром Беотии был храм Посейдона в Онхесте. С VI в. его место занял храм Афины Итонии близ Херонеи, который становится местопребыванием амфиктионии; здесь же устраивались общебеотийские празднества [13]. Щит Афины Итонии, как на это указал Б. Хед, становится символом Беотийского союза, который мы видим на всех монетах союзных городов [14]. Впрочем, видимо, роль союзных органов нельзя ограничивать перечисленными функциями, следует указать и на некоторое вмешательство их и во внутреннюю экономическую жизнь полисов и стремление создать внутрисоюзное экономическое единство, На это указывает тождество монет различных беотийских государств, что свидетельствует о контроле за местной монетной чеканкой, осуществляемой союзными органами.

Свидетельства письменных и эпиграфических источников, на которых основаны сообщенные только что сведения о политическом устройстве Беотийского союза, согласуются с данными нумизматики: общий аверс — как символ общих союзных интересов, реверс с обозначением имени отдельного полиса и сам факт самостоятельной чеканки — как символ внутриполитической независимости.

Беотийские монеты весьма чутко отражали все перипетии в жизни Беотийского союза, которыми была так богата история этого раннего федерального государства Греции. Усиление одного из полисов, его гегемония тотчас выражались в надписях на его монетах, которые наряду

[13] Изложенные здесь сведения об устройстве Беотийского союза почерпнуты из работы С. Я. Лурье «Беотийский союз» (СПб , 1914).
[14] HN, p. 343.

с именем этого города приобретают также еще надпись BOI, BOIΩ, знаменовавшую претензию на главенство в союзе. Так было в период после 480 г. до н. э., когда вследствие ослабления Фив и падения их авторитета на первое место в союзе выдвинулась Танагра; на аверсе танагрских монет в этот период появляется надпись BOI, свидетельствующая о чеканке этого города от имени беотийцев. Аналогичная надпись появилась на монетах Фив после Анталкидова мира, когда этот город выпускал монеты от имени всего союза. Централизация Беотийского союза в период после битвы при Херонее (446—426 гг.) и гегемония Фив во времена Пелопида и Эпаминонда (379—338 гг. до н. э.) также нашли отражение в беотийской нумизматике: была прекращена местная чеканка всех полисов, за исключением Фив, сохранивших за собой монополию на выпуск монет в Беотии (в первом случае — от имени самого этого города, во втором случае — от имени одного из беотархов союза — федеральная чеканка) [15]. Приведенные примеры дают основание полагать, что монеты Беотийского союза отражали степень централизации этого государства и, следовательно, могут быть использованы как источник по этому вопросу.

Другой пример — чеканка Ликии V и IV (до 323 г.) вв. до н. э. Несмотря на то, что страна была захвачена персами со времени Кира и принадлежала к первой сатрапии, отдельные города и династии выпускали от своего имени монеты, имевшие самые различные изображения на лицевой стороне, но совпадающие по типу оборотной стороны (круг с тремя или четырьмя согнутыми ногами, идущими радиально от центра, — трискелий или тетраскелий) и по фактуре и весовому стандарту (вавилонский, с некоторыми, но общими для всех монет отклонениями к эвбейскому) [16]. Об объединении Ликии, носившем военный характер, свидетельствует единое руководство военным флотом во время похода Ксеркса (*Herod.*, VII, 92, 98; *Diod.*, XI, 2; I, 3, 7); о какой-то форме объединения, имевшей целью совместную выплату трибута Афинам, свидетельствуют слова надписи, сообщающей о Λύκιοι καὶ συντελεῖς [17]. Эти скудные сведения о форме и характере раннего союза в Ликии все же дают основание говорить о слабой степени консолидации его городов.

Иным был характер монетной чеканки эпохи существования исторически засвидетельствованной Ликийской лиги, возникшей в 168 г. Эта лига, как известно, включала 23 города, посланники которых имели общий орган управления — синедрион, который состоял из представителей, раскладывавших расходы пропорционально представительству, выбиравших общих должностных лиц, в том числе и общие судебные органы. Такой сравнительно прочной консолидации соответствовала совсем иная система выпуска монет: города чеканят драхмы и гемидрахмы с

[15] *B. V. Head.* On the Chronological Sequence of the Coins of Boeotia, p. 177—280.
[16] *G. F. Hill.* BMC. Lycia, Pamphilia, Pisidia. London, 1897, Ser. II—VI; *idem.* Ancient Greek and Roman Coins. Chicago, 1964, p. 109—110; HN, p. 690.
[17] CIA, I, 234.

одинаковым изображением на аверсе головы Аполлона Ликийского — главного бога страны и его лиры и обобщающую легенду ΛΥΚΙ или ΛΥΚΙΩΝ и начальные буквы названий городов на реверсе[18]. Весьма вероятно, форме федерации, имевшей общие органы власти, соответствовали монеты с общеликийским символом — Аполлоном и общеликийской надписью. Во всяком случае, монеты V—IV вв., совпадающие лишь по аверсам, соответствовали меньшей степени объединения, чем те, которые совпадали и по аверсу, и по реверсу, имея, кроме того, еще общеликийскую легенду и отличаясь лишь начальными буквами городов — членов лиги.

Не меньший интерес для нас представляют монеты греческих городов побережья Малой Азии и островов. Впервые В. Ваддингтон[19] обратил внимание на серию монет Эфеса, Самоса, Книда, Родоса, Византия и др., имеющих одинаковый тип аверса, представляющего собой младенца Геракла, удушающего змей, и самостоятельные типы реверса (Родос — роза, Книд — голова Афродиты, Самос — львиный скальп, Византий — корова и т. п.). Значение общего аверса в данном случае объяснено надписью на самих монетах — ΣΥΝ = συνμαχικὸν [νόμισμα]. Сделав анализ типологических особенностей монет и исследовав политическую обстановку в это время, В. Ваддингтон, а за ним Ф. Имхооф-Блумер и Б. Хед пришли к выводу, что эти города составили после разгрома Кононом спартанского флота при Книде в 394 г. политический союз, ставивший своей целью независимость его членов и от Спарты, и от Афин, гарантирующий их нейтралитет[20].

Несмотря на специфику архаической южноиталийской чеканки, где союзные отношения между городами отразились в появлении в начале V в. до н. э. монет, имеющих с одной стороны выпуклое изображение эмблемы одного города, а с другой — символ другого, сделанный во вдавленной технике (так называемые nummi incusi), и здесь мы видим соблюдение того же принципа: общий сюжет на монетах означает политическое объединение государств, выпускавших этого рода монеты[21].

[18] HN, p. 693; *G. F. Hill.* Ancient Greek nad Roman Coins, p. 109—110; *idem* BMC, Lycia.

[19] *W. H. Waddington.* Confédération de quelques villes de l'Asie Mineure et des îles aprés la bataille de Cnide. RN, N. S., IX, 1863.

[20] HN, Ionia, passim, p. 573 (Ephesus), *F. Imhoof-Blumer.* Monnaies Grecques Amsterdam, 1883, p. 311; эта точка зрения стала общепринятой (см. *A. Holm.* Griechische Geschichte. Berlin, 1891, Bd. 3, S. 54; *A. H. Зограф.* Античные монеты, стр. 98—99).

[21] Речь идет о монетах, битых Кротоном и Темезой (треножник и QPO — с одной стороны, шлем и TE — с другой), Кротоном и Пандосией (треножник и QPO; бык и ΠΛΝΔΟ), Кротоном и неизвестными городами (П, IΛ, PA — с одной стороны и треножник с обеих), и других подобных монетах, выпускавшихся от имени двух южноиталийских городов (HN, p. 83, 95, 105; *R. S. Pool, B. Head. P. Gardna.* BMC, Italy L., 1873, p. 283, 287, 357; *E. Babelon.* Traité des monnaies grecques et romaines. Paris, 1907, II, 1, p. 1455 f.). Несмотря на то, что некоторые нумизматы (*C. T. Seltman* Greek Coins, London, 1933, p. 77) усмотрели в специфике этой чеканки проявление влияния пифагорийской доктрины о «двойственности противоположностей», большинство нумизматов и историков видят здесь или указание на существование политического союза, имевшего целью защиту против соседних воинственных племен — самнитов и др. (*C. P. Gardner.* A History of Ancient Coinage. Oxford, 1918, p. 205;

Примеры можно было бы умножить. Все они свидетельствуют о том, что выпуск монет с одинаковыми изображениями означал политическое объединение выпускавших их полисов или монархий. В таком случае отмеченная особенность раннефракийских монет также должна являться свидетельством политического объединения южнофракийских племен.

Было бы неправильно проводить аналогии между внутренней организацией союзов эллинских городов и союза фракийских племен. Однако степень объединения следует подвергать сравнению. Можно убедиться в том, что совпадение монетного типа возрастает по мере усиления объединительных тенденций союза. Совпадение только типов аверса или типов реверса знаменует собой не полную централизацию власти в союзе, а лишь появление отдельных общих функций у его членов.

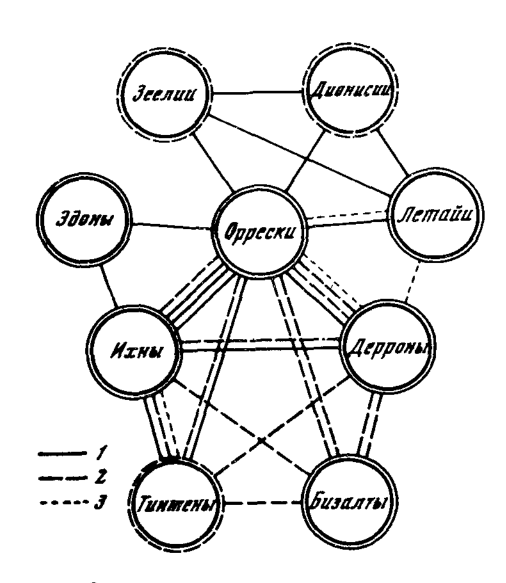
Нумизматический материал не дает оснований считать, что южнофракийские племена в VI — начале V в. до н. э. были объединены в четко оформленный единый союз. Такой вывод основан на отсутствии общесоюзной, выпускаемой от имени всех племен монеты, которая должна была бы иметь единую общую легенду (типа ΒΟΙΩΤΩΝ или ΛΥΚΙΩΝ) или же общий тип аверса (как, например, беотийский щит для членов Беотийской лиги) или реверса (как, например, трискелий для членов малоазийского союза). Следует принять во внимание также и то обстоятельство, что в чеканке каждого племени, даже при наличии общих монетных типов, все же были свои специфические черты, различающие монеты разных племен. Совпадение отдельных элементов монетного типа здесь никогда не бывает полным [22], т. е., совпадая, скажем, по аверсу, монеты обязательно отличаются реверсами и т. п. Поэтому монеты одного племени всегда можно отличить от монет другого, даже если они анэпиграфны. Видимо, мы имеем здесь дело с очень сложной системой мелких объединений, входящих в единый южнофракийский союз, выполнявший, впрочем, чрезвычайно ограниченные функции и характеризуемый довольно аморфной структурой.

Исходя из того, что изображения на аверсе и реверсе монет более существенны, чем дополнительные значки, можно считать, что оррески, у которых общие аверсы монет со всеми племенами (кроме бизалтов), были постоянным членом объединения, наиболее прочно связанным со всеми остальными. Действительно, аверсы монет этого племени совпадают с аверсными типами чеканки ихнов, эдонов, дерронов, тинтенов, летайев и неизвестного племени, а реверсы — с реверсами монет дерронов, тинтенов, летайев и неизвестного фракийского племени. Наиболее прочную связь племя орресков имело с ихнами (совпадение по трем типам аверса и по одному типу реверса), меньшую — с другими племенами (совпадение лишь по одному из типов аверса).

В. Лик привел веские аргументы в пользу того, что оррески, наиме-

D. R. Maciver. Greek Cities in Italy and Sicily. Oxford, 1931, p. 59 f.), или же доказательство захвата Кротоном ряда городов после победы над Сибарисом в 510 г. (*U. Kahrlstedt.* Zur Geschichte Grossgriechenlands im 5. Jahrhundert. «Hermes», LIII, 2, 1918, S. 180—187).

[22] Исключение составляют только монеты ихнов и тинтенов, о чем будет сказано ниже

11. Схема политических взаимосвязей между южнофракийскими племенами (по совпадению типов монет)

1 — по типу аверса; *2* — по типу реверса, *3* — по дополнительным знакам

нование которых известно только по монетам, идентичны сатрам, крупному племени в Пангейских горах, хорошо знакомому античной литературной традиции[23]. Существенная роль, которую играло, судя по приведенной схеме, это племя в союзе, делает такое предположение более обоснованным. Именно оррески, как представляется, находились в центре юго-западного объединения фракийских племен (рис. 11).

Монеты свидетельствуют также о тесных связях ихнов с другими членами союза, однако это племя играло, вероятно, меньшую роль в объединении, чем оррески. С этим наблюдением, основанным на совпадении типов монет, согласуются и другие данные, приводящие нас к заключению, что в экономическом отношении оррески были более сильными, чем ихны. На это указывает и то, что монетная чеканка оррееков была более интенсивна или более продолжительна, чем чеканка ихнов[24]; оррески выпускали монеты пяти номиналов (октодрахмы, статеры, октоболы, диоболы и оболы), а ихны — только четыре (нет оболов); оррески выпускали монеты с четырьмя типами лицевой стороны, а ихны — только с тремя.

Ясно, однако, что внутри этого большого объединения южнофракийских племен были меньшие, иногда более тесные союзы. Так, очень прочным было объединение ихнов и тинтенов. Их монеты типологически совпадают полностью, отличаясь только легендами, — признак того, что полного слияния этих двух племен все же не произошло. Другое объединение составляли летайи, зеелии, дионисии и неизвестное нам по наименованию племя, монеты которых всегда совпадают по аверсу. Более прочные, чем с другими племенами, связи существовали, видимо, у оррееков с ихнами и у оррееков с дерронами.

С другой стороны, можно заметить, что племя бизалтов было явно более независимым от союза, возглавляемого оррееками; монеты этого племени связаны с большинством других монет лишь тонкой нитью, ко-

[23] *W. M. Leake*. Northern Greece, III. London, 1835, p. 213.

[24] До нас дошло 37 монет оррееков и только 19 монет ихнов. Даже принимая во внимание момент случайности, мы все же полагаем, что перевес числа найденных монет оррееков настолько велик, что дает основание для подобного вывода.

торую можно провести на основании общих дополнительных знаков. Интересно в этой связи свидетельство Геродота о том, что бизалты и крестоны во время похода Ксеркса были объединены, находясь под властью одного царя-фракийца (VIII, 116). Таким образом, ясно, что бизалты, наиболее западное из наших племен, входили и в другое объединение, расположенное к западу от того, о котором до сих пор шла речь. При этом союз бизалтов с крестонами был весьма прочным. Наличие связей этого союза с объединением девяти южнофракийских племен, прослеживаемых по общим монетным знакам, весьма знаменательно. Так же как мелкие племенные объединения типа ихнов — тинтенов дают возможность проследить пути консолидации племен внутри одного союза, так связи союза бизалтов — крестонов с союзом племен во главе с орресками (resp. сатрами) намечают пути более широкого объединения южных фракийцев, по которым должно было пойти образование фракийского государства.

Союз юго-западных фракийцев проявлял значительную устойчивость длительный период времени. Хотя западная часть племен этого союза, живших между Аксием и Стримоном, попала под македонское господство при Александре I и Пердикке (*Thuc.*, II, 99, 3—5), другая его часть, занимавшая земли между нижним течением Стримона и Неста, сохраняла свою независимость и от македонцев, и от одрисов; границы Одрисского царства в период правления первых царей не простирались к востоку далее Абдеры (*Thuc.*, II, 97, 1; II, 99, 5—6), племена междуречья нижнего Стримена и Неста были независимы от одрисов (*Thuc.*, II, 97, 1; II, 101, 3—4) [25]. События, разгоревшиеся в 90-х, 60-х и 30-х годах V в. до н. э. вокруг города эдонов «Девять путей», подтверждают эту независимость юго-западных фракийцев от одрисов (*Thuc.*, I, 100, 3; IV, 102, 1—3); в событиях конца V в. до н. э., когда шла борьба за Амфиполь между Спартой и Афинами, упоминаются царь эдонов Питтак и царь одомантов Поллес, проявлявшие полную самостоятельность (*Thuc.*, V, 6, 2; IV, 107, 3).

Некоторые сведения о том, какими путями шло оформление союзных племенных объединений во Фракии, дают и письменные источники.

Для выяснения вопроса о слиянии южнофракийских племен в племенные объединения представляется возможным привлечь описание Фракии Гекатеем, этническая карта которого, несмотря на фрагментарность, имеет свои особенности по сравнению с более поздними источниками [26].

[25] *М. Тонев.* Приноси към историята на траките. БП, I, 1942, стр. 196.

[26] Даты жизни Гекатея Милетского точно не установлены, но все исследователи сходятся на том, что он жил в пределах 560—480 гг. до н. э. (*G. Nenci.* Hecataei Milesii fragmenta. Firenze, 1954, p. X; *F. Jacoby.* RE, VII, s. v. Hecataios, S. 2669—2670). Вопрос о времени, которое нашло отражение в отрывках Гекатея о Фракии, довольно сложен. Думается, нет достаточных оснований для утверждения, что оно должно быть ограничено только периодом жизни Гекатея: VI — началом V в. до н. э. Источник сведений Гекатея о Фракии следует, как нам кажется, отнести к более раннему периоду, чем время его жизни, может быть к VII в. до н. э. (*Т. Д. Златковская,* Южнофракийские племенные союзы. ВДИ, 1967, № 2, стр. 154, прим. 23).

Сведения Гекатея о Фракии очень детальны и касаются не только прибрежной полосы, но и мест, лежащих в глубине страны. Его авторитет в вопросах этнической географии Фракии в эпоху античности и в раннем средневековье был настолько велик, что Стефан Византийский, писавший свой труд более чем через тысячу лет, пользовался для описания Фракии сведениями Гекатея в большей мере, чем каким-либо иным источником.

Гекатей называет 12 племен Фракии: бантиев, дарсиев, дасилов, датулентов, дисоров, евтрибов, киконов, ксантов, сагров, сатрокентов, синдонов, трисплов. Большинство упомянутых им племен более поздней античной традиции неизвестны, хотя знакомство греков, а затем римлян с Фракией с веками возрастало. Поэтому мы исключаем возможность объяснять столь детальные сведения Гекатея о племенах его большей, по сравнению с более поздней традицией, осведомленностью. Отсутствие в более поздних источниках названий племен синдонов, бантиев, дасилов, дисоров, евтрибов, ксантов, трисплов, упомянутых у Гекатея, вероятно, объясняется их исчезновением в более позднее время как отдельной этнической категории. Процесс этот, шедший на всем протяжении истории фракийцев, очень трудно проследить на ранних, мало освещенных античными источниками этапах. Может быть, сравнение текстов Гекатея и Геродота дадут хотя бы в незначительной мере возможность осветить пути этого процесса.

Один из них — поглощение более мелкого племени более крупным, часто родственным племенем. У Гекатея упоминаются два родственных (если судить по названию) племени: сатры (fr. 167) и сатрокенты (fr. 181). У Геродота названо лишь первое из них, причем трижды (VII, 110, 111, 112). Сообщения Геродота о сатрах свидетельствуют о его детальных знаниях об этом крупном фракийском племени и его соседях — дальних и ближних. Отсутствие упоминаний о сатрокентах у Геродота нельзя поэтому объяснять пробелом в его сведениях, но скорее всего полным поглощением этого племени могущественными сородичами[27]. Сравнение литературных источников подтверждает, таким образом, нашу гипотезу о крупной роли племени сатров в южнофракийском союзе племен, выдвинутую на основании нумизматических данных.

Подобный процесс, вероятно, происходил и на юго-востоке страны, где в VI в. или еще ранее — в VII в. до н. э. возник другой союз, которым руководило племя киконов, хорошо известное греческому эпосу и античной литературной традиции; оно населяло земли между устьем Гебра (совр. Марица) и Бистонским озером (совр. оз. Буру). Хр. Данов, занимавшийся изучением этого вопроса[28], пришел к выводу, что до Греко-персидских войн территория киконов включала земли зависимых

[27] Хр. М. Данов также полагает, что сатры составляли союз племен («Древна Тракия», стр. 114).

[28] *Chr. Danov.* Social and Economic Development of the Ancient Thracians in Homeric, Archaic and Classical Times. «Etudes historiques à l'occasion du XI Congres Internationale de sciences historiques à Stockholme», I, Sofia, 1960, p. 14—17; *Хр. М. Данов* Древна Тракия, стр. 130.

от них фракийских племен сейев и бриантов. Последние исчезли, поглощенные киконами: Геродот сообщает (VII, 108) об области Бриантика, входящей в Киконию. Можно также добавить, что союз племен под руководством киконов, весьма вероятно, был еще шире и включал также племя ксантов. Это фракийское племя, упоминаемое Гекатеем (fr. 180), бесследно исчезает из античной традиции. Однако у Страбона (VII, fr. 43) упоминается Ксантея, но уже как город не ксантов, а киконов. Аналогичный путь прошло, вероятно, племя медовитинов, поглощенное медами, и племя дерсеев, поглощенное сайями [29].

Другой путь создания союзов племен, отражавший вернее всего более ранний этап объединения, заключался не в поглощении, а в объединении племен, сохранявших свою самостоятельность. Примером такого рода объединений помимо союза под руководством орресков-сатров, может служить упоминавшийся союз фракийских племен — крестонов и бизалтов под руководством одного царя (*Herod.*, VIII, 116). Интересно в этой же связи упоминание того же Геродота о «бессах из племени сатров» (VII, 111).

Итак, формы объединения фракийцев были различными: в одних случаях более многочисленное и могущественное племя поглощало более слабое (киконы — брианты, сатры — сатрокенты, меды — медовитины и т. д.); при этом нельзя упускать из виду и возможность завоевания одного племени другим. В других — происходило слияние, однако внутри объединения племена все же сохраняли ту или иную степень самостоятельности, поручая, например, союзным органам лишь отдельные общие функции (союз под руководством сатров-орресков; союз крестонов — бизалтов и т. п.).

На какую-то форму объединения фракийских племен (вероятно, достаточно широкую) [30] указывает термин Θρῄκων βασιλεύς, применяемый античной традицией по отношению к царю фракийцев Резу (фигурирующему в эпосе) и к предку Фукидида — царю Олору, жившему в VI в. до н. э.

Можно отметить, что объединение фракийских племен до возникновения Одрисского царства не было широким (в масштабах всей страны) и прочным. В этом отношении важна оценка, данная Геродотом Фракии с точки зрения степени политической объединенности страны. Он отмечает, что если бы фракийский народ находился под управлением одного лица или если бы между фракийцами существовало единодушие, то он был бы непобедимым и могущественнейшим народом (V, 3).

Это свидетельство Геродота, бывшего современником первых крупных одрисских царей (он знал о Тересе I и Ситалке — IV, 80 и VII, 137), рассматривалось некоторыми исследователями как указание на

[29] *Х. М. Данов.* Древна Тракия, стр. 116, 155.

[30] Ниже (стр. 202—203) мы постараемся обосновать предположение, что Рез был исторической личностью и возглавлял коалицию нескольких южнофракийских племен (эдонов, одомантов, бизалтов).

отсутствие в одрисский период какой-либо формы политического объединения и давало повод характеризовать Одрисское царство как начальную стадию племенного союза, к тому же доступную лишь для наиболее развитого из фракийских племен — одрисов. Представляется, однако, что приведенная характеристика Геродота относится не к Фракии эпохи первых одрисских царей, а ко времени описываемых в приведенном отрывке событий, т. е. ко времени более раннему — к периоду Греко-персидских войн и похода Дария во Фракию. Такая датировка этого сообщения Геродота подтверждается и самим ходом изложения, и тем, что он говорит здесь только о «фракийцах», «фракийских племенах», но не об Одрисском царстве. Текст Геродота (V, 3), в котором подчеркивается разрозненность фракийцев, следует принимать во внимание при характеристике особенностей племенных союзов Фракии, *предшествующих* образованию Одрисского царства.

В основе создания союзов фракийских племен, и более крупных и более мелких, лежали общие экономические интересы, которые я пыталась проследить в разделе, посвященном экономическому развитию Фракии.

Бесспорны и военные задачи племенных объединений. Они возникали в период тяжелых военных испытаний для фракийцев, когда на них обрушивались многочисленные удары греков-колонистов, могущественных Афин, Персидской державы. Одним из таких было объединение фракийцев под руководством Реза, предание о котором сохранил нам гомеровский эпос (Il., X, 435). Хотя этот союз имел, думается, и другие, более широкие цели.

Большую историческую достоверность имеют сведения Фукидида о военных действиях объединенных фракийских сил, развернувшихся в связи с нападениями афинян на город эдонов, носивший название «Девять путей». Благодаря своему благоприятному стратегическому положению в устье Стримона и природным богатствам, этот город несколько раз был объектом нападений греков. В период Ионийского восстания его облюбовал в качестве места, удобного для спасения от Дария, милетянин Аристагор (*Herod*., V, 124—126; *Thuc*., IV, 102). Фукидид сообщает, что Аристагора в 497 г. прогнали эдоны; Геродот также говорит, что он погиб от рук фракийцев. Сведения о вторичной попытке захвата города «Девять путей» греками создают картину организованного военного выступления коалиции южнофракийских племен. Как известно (*Thuc*., II, 100; IV, 103), вскоре после битвы при Евримедонте, вероятно, уже в 465 г. до н. э., афиняне захватили рудный район побережья Эгейского моря. Им удалось изгнать оттуда фасосцев и начать колонизацию. С этой целью к Стримону были посланы 10 тыс. воинов-колонистов, которым удалось захватить «Девять путей». Однако для закрепления своего успеха афинянам пришлось предпринять поход в глубь Фракии, который оказался для них роковым. Как сообщает Фукидид (I, 100), они были истреблены «подле Драбеска в земле эдонов объединенными силами фракийцев (ὑπὸ τῶν Θρᾳκῶν ξυμπάντων), которым было ненавистно занятие местности Девяти путей».

Это четкое сообщение источника о союзе фракийских племен для военных целей внушает нам полное доверие, так как Фукидид был тесно связан с жителями именно этой части Фракии как родственными узами, так и владениями в Скаптесиле, близ которых и разыгрались описываемые события.

Ведущая роль эдонов в событиях этого времени подтверждается и сообщением Геродота (IX, 75) о дальнейших битвах в этом районе, когда предводители афинян Софан и Леагр пали «от руки эдонов в сражении при Датоне подле золотых приисков». Так как Датон находится на сравнительно далеком расстоянии от Драбеска, надо считать, что фракийцы нанесли афинянам два поражения: у Датона, где пали афинские предводители, и у Драбеска, где была окончательно разгромлена их армия. Таким образом, слова Геродота подтверждают сообщение Фукидида, касающиеся объединенного выступления фракийцев [31].

Как приходилось отмечать, в событиях у города «Девять путей» действует войско не Одрисского царства, которое источники не упоминают, а юго-западного союза. Теперь (по крайней мере в военном руководстве) здесь играют главную роль эдоны. При сопоставлении источников, повествующих об этих событиях, появляется уверенность, что племенной союз юго-западных фракийцев и в середине V в. до н. э. был прочным, так как ставил целью не победу в одной битве, а окончательный разгром афинян. Действительно, фракийцы применили внезапную атаку и уничтожили всех своих противников до последнего. Резня у Драбеска произвела удручающее впечатление на греков; много столетий спустя в Афинах у Керамика Павсаний видел стелу, поставленную в память погибших в 464 г. у Драбеска (*Paus.*, I, 29, 4). Успех фракийцев (им удалось удерживать город в своих руках 29 лет) в битвах с десятитысячной афинской армией, имевшей за плечами опыт Греко-персидских войн, говорит о многом. Для того чтобы его добиться, было необходимо иметь и объединенное военное командование, и четкий план операций.

Фракийские племена перед угрозой афинских завоеваний осознавали себя некоей единой в политическом и экономическом отношении силой. Их военное сопротивление было вызвано, как видим, захватом греками города «Девять путей». Это чрезвычайно важное в стратегическом отношении место, ключ к речному пути в глубь Фракии, хотя и находилось на землях племени эдонов, но рассматривалось всем союзом юго-западных племен как важный для общефракийской безопасности пункт. Нет сомнения и в том, что возмущение фракийцев захватом «Девяти путей» и их объединенное выступление в защиту города диктовалось и необычайными природными богатствами этой местности, воспринимавшимися всеми племенами как общефракийское достояние: здесь имелся корабельный лес, дерево для весел, золотые и серебряные рудники (*Herod.*, V, 23), рыба ценных пород, соль и др. (*Plut.*, Cimon, VII) [32].

[31] П. Пердризе (*P. Perdrizet.* Scaptésylé. «Klio», X, 1910, p. 13) напрасно усматривает противоречие в сообщениях этих двух источников.

[32] О природных богатствах нижнего Стримона см.: *P. Perdrizet.* Scaptésylé, p. 10; *S. Boué.* La Turquie d'Europe. Paris, 1840, I, p. 196.

Весьма вероятно, племена были связаны также отправлением единого культа — культа Диониса, широко распространенного у фракийцев. На существенную роль этого культа указывает то обстоятельство, что все основные изображения на южнофракийских монетах или воспроизводят реальные сцены из ритуала фракийских празднеств в честь Диониса, или передают мифологические персонажи, связанные с этим божеством[33]. Об общефракийском святилище Диониса, находившемся в землях сатров, сообщает Геродот (VII, 111).

ХАРАКТЕР ОБЩЕСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Для выяснения форм управления в племенных союзах фракийцев следует вернуться к исследованию нумизматических материалов VI — начала V в. до н. э. — этому ценному источнику для изучения политической организации Фракии.

Сам факт монетной чеканки следует считать явлением, не совместимым с родовым строем[34]. Однако ряд специфических черт в монетной чеканке южных фракийцев заставляет нас поставить вопрос о первоначальных этапах развития монетного дела, характерных для племен, еще только стоящих у порога возникновения раннеклассового общества и государства.

Монетные легенды во все эпохи имели целью указать происхождение монеты и отметить орган власти или правителя, обладающего правом их выпуска. Известно, что в античную эпоху в греческом мире двумя наиболее распространенными категориями монет были монеты, выпущенные царями и территориальными городскими общинами — полисами. В первом случае фигурировало имя правителя. Во втором — чаще всего притяжательное прилагательное, образованное от наименования городской общины, которое следовало восполнять определяемым существительным (σῆμα, νόμισμα, ἀργύριον, ἄργυρος) и другими терминами, обозначающими монету, знак[35]. Однако нередко легенда на монетах античных полисов была написана и в другой грамматической форме, представляя собой существительное, стоящее в родительном падеже множественного числа — наименование жителей города, которому принадлежала монета. И в этом случае легенду следует восполнить существительными σῆμα, νόμισμα и т. п. (например: «[монета] клазоменцев»).

Обратимся к разбору надписей на южнофракийских монетах, приведенных нами в предыдущем разделе (см. рис. 10), для выяснения орга-

[33] *Т. Д. Златковская.* Ранние монеты южнофракийских племен, стр. 3—22.

[34] *Ф. Энгельс.* ПСЧСГ, стр. 113; «Древний родовой строй не только оказался бессильным против победного шествия денег, но был также абсолютно не способен найти внутри себя хотя бы место для чего-либо подобного деньгам...»

[35] *А. Н. Зограф.* Античные монеты, стр. 79—80. Если на монете фигурирует прилагательное среднего рода, то, естественно, легенду следует восполнять существительным среднего же рода (ἀργύριον, σῆμα, νόμισμα), если прилагательное мужского рода — существительным мужского рода (ἄργυρος, χαρακτήρ).

на власти, от имени которого они чеканились. Легенды эти, сделанные, как видим, на греческом языке, позволяют подходить к изучению их с точки зрения тех норм, которые были приняты в монетном деле древней Греции архаической и раннеклассической эпох.

Исходя из этих общих положений, мы можем восполнить надписи I, 1 и II, 3 наших монет следующим образом: βισαλτικόν (или δερρονικόν) ἀργύριον (или σῆμα, или νόμισμα), т. е. бизалтская (или дерронская) монета; а надписи I, 2 и II, I — βισαλτικός (или δερρονικός) ἄργυρος, т. е. бизалтское (или дерронское) серебро, деньги. Надписи же на монетах III, 4; IV, 2; VII, 1 могут быть восстановлены следующим образом: ὠρρησκίων (или ἰχναίων, или ζαιελέων) νόμισμα (или σῆμα), т. е. монета (или знак) опрресков (или ихнов, или зеелиев).

Таким образом, можно прийти к убеждению, что надписи на монетах южнофракийских племен указывают на племя как высший орган управления. В этой особенности южнофракийских монет мы склонны, с одной стороны, видеть свидетельство сохранения элементов родо-племенной системы организации власти, когда руководство племенем еще осуществляется от имени его членов. С другой стороны, монетная чеканка от имени племенной общины интересна как свидетельство трансформации племенных органов власти в государственные органы управления. Известно, что В. И. Ленин говорил о государственном насилии с помощью «первобытной дубины»[36].

Сходство в написании легенд на монетах древнегреческих полисов и наших племен только грамматическое. По существу же между этими обществами проходит грань, отделяющая раннеклассовые общества с их рабовладельческой демократией от развитого первобытнородового общества, стоящего на пороге возникновения государства и классов.

Однако переходный характер фракийского общества наиболее ярко отразился в другой особенности его монет.

До сих пор мы умышленно не касались монет из числа раннефракийских, имеющих надписи, содержащие собственное имя. Наиболее часты надписи с собственными именами на монетах дерронов. Этническая принадлежность владельцев этих монет не указана в легендах, но совпадение изображений на их лицевой и оборотной стороне с теми, на которых фигурирует название племени дерронов, делает весьма вероятным такое определение. Имя Евергет фигурирует на аверсе с изображением человека, сидящего на двухколесной повозке, сверху — большой коринфский шлем; внизу — цветок (бутон розы). На реверсе — трискелий, между ног которого — звезды с тремя лучами. Надпись расположена перед грудью и ногами быка[37]. Изображения на монетах Евергета совпадают с изображениями на монетах дерронов по типу и деталям основ-

[36] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 72.

[37] Нам известны три экземпляра монет с этим именем, чеканенные, видимо, одним штампом (*I. N. Svoronos.* L'Hellénisme primitif.., p. 10, tabl. II, 5; *H. Dressel, R. Regling.* Zwei aegyptische Funde altgriechischen Silbermünzen. ZfN, XXXVII, 1927, S. 110, N 173).

ных изображений на аверсах и реверсах[38] и со многими из них — по дополнительным знакам и их расположению на монетах (коринфский шлем вправо над спиной быка; бутон розы под брюхом животного)[39]. Расположение надписи на монете Евергета совпадает с расположением надписи на двух монетах с именем племени дерронов. Следует отметить также, что размер и вес монеты Евергета совпадают с размером и весом монет, выпускавшихся от имени дерронов. Полностью совпадает с монетами племени дерронов и монета, носящая легенду с начальными буквами XE. Вместо коринфского шлема над спиной быка здесь изображен символ солнца. Аверс испорчен. Судя по изображению на аверсе (коленопреклоненный бык), возможно считать монеты с легендой ΔΟΚΙ, которую ряд нумизматов восстанавливает как имя Δόκιμος или Δοκίθεος[40] также монетами, выпускавшимися племенем дерронов. На реверсе изображен коринфский шлем. Совпадает по многим показателям с монетами дерронов и монета с надписью ΕΚCΟ(''Εκγο[νος ?]): то же изображение аверса (возница на повозке с двумя быками) и реверса (трискелий), те же дополнительные знаки (коринфский шлем, но здесь влево; цветок — бутон розы, но здесь между ног трискелия; шар с точкой на аверсе); надпись расположена так же, как надпись на монете Евергета. Совпадают и метрические данные[41].

Аналогичное совпадение в типах аверса и реверса, в стиле и манере изображения, в весе и размерах монет (гектадрахма), в расположении надписи видим мы и в чеканке ихнов: монеты с надписью ΙΧΝΑΙΟΝ или ΙΧΝΑΙΩΝ ('Ιχναίων) совпадают по всем этим показателям с монетами с надписью ΛΙΤ—Α [42].

Монеты с надписью ΜΟΣΣΕΩ или ΜΟΣΣΕΟ на реверсе полностью совпадают по аверсному типу и близки по весу к монетам, выпускавшимся от имени бизалтов.

Приведенные надписи на южнофракийских монетах, содержащие имена собственные, являются свидетельством существования лица, обладавшего правом монетной чеканки.

Личное имя на монетах VI — начала V в. до н. э. — явление необычное для Греции, где чеканка велась, как правило, от имени полисов, в соответствии с рабовладельческо-демократической формой правления в них. Даже в случае тиранической власти (например, на монетах Писистрата и его сыновей) имя правителя скрывалось под именем полиса, власть в котором он захватил[43]. Появление имени правителя указывает

[38] *I. N. Svoronos.* L'Hellénisme primitif, tabl. I, 6—14, 16; II, 1—4, 6—7; MP, Tabl. XXV, 15—17.

[39] *I. N. Svoronos.* Указ. соч., табл. I, 10—14, 16; II, 7; MP, Taf. XXV, 17, 16. Весьма сходны и другие (*I. N. Svoronos.* Указ. соч., табл. II, 1—4), шлем, однако, здесь повернут влево, а цветок отсутствует.

[40] Литература по поводу монет с этой легендой дана у Г. Геблера (MP, S. 145, N 7).

[41] Однако восстановление надписи на этой монете не бесспорно: И. Свороно уверен, что это имя Экго[нос]; Г. Геблер же в этом сомневается (MP, S 145, Anm. 1).

[42] *I. N Svoronos.* Указ. соч., стр. 45, табл. IV, 16; MP, S. 66, N 12; S. 145, N 7.

[43] *G. F. Hill.* Ancient Greek and Roman Coins, p. 81.

на начало того пути, по которому пойдет в дальнейшем развитие формы государственной власти во Фракии, а именно монархии.

Наиболее древняя монета с именем одного человека — электровая монета Алиатта — лидийского царя конца VII — начала VI в. до н. э. Наиболее ранние монеты в Европе с именем одного лица — Александра, Пердикки, Архелая — обозначали имена македонских царей V в. до н. э., а также одрисских правителей V в. до н. э.— Спарадока, Севта и др.[44] Эти примеры дают повод считать, что имена собственные на монетах дерронов, ихнов и бизалтов были именами их правителей. Это предположение становится более достоверным благодаря легенде на монетах эдонов: Γέτα βασιλέως Ἠδωνῶν[45], указывающей на титул правителя — басилевс.

Сравнивая монеты, выпускавшиеся от имени южнофракийских племен, с монетами, выпускавшимися от имени их правителей, мы не улавливаем разницы, которая бы указывала на разновременность их выпусков. Наоборот, стиль монетных изображений, который со временем обычно меняется, остается одним и тем же; одним и тем же номиналам монет соответствуют одни и те же типы (возница на двуколке, влекомой быками, и в том и в другом случае изображается только на декадрахмах, а коленопреклоненный бык — только на тетраболах). На одновременность хождения монет с этими двумя типами легенды, возможно, указывает и то обстоятельство, что их находят вместе в кладах: две монеты с именем царя Евергета найдены в кладах вместе с монетами, носящими легенды племени дерронов[46]. Создается твердое впечатление, что во времена выпуска исследуемых монет было совершенно безразлично, от имени племени или от имени его царя — басилевса выпускалась монета. Это впечатление усиливается благодаря тому, что помимо монет с легендами существует значительное количество монет без надписей, которые могли в равной мере выпускаться и от имени царя, и от имени племени.

[44] См. *F. Imhoff-Blumer*. Porträtkopfe auf antiken Münzen hellenischer und hellenisierten Volker. Leipzig, 1885, S. 13 f. Личное имя фигурирует также на серебряных монетах сатрапов персидских царей. Однако аналогии с нашими монетами здесь невозможны, так как на этих персидских монетах изображена бородатая голова, лишенная портретного сходства, покрытая тиарой,— обобщенный символ сатрапа великого царя. В них следует видеть случай персидской вассальной чеканки монет (*G. F. Hill*. Указ. соч., стр. 81, 84, 85; *F. Imhoof-Blumer*. Указ. соч., стр. 4, 22).

[45] Большинство нумизматов признает подлинными только 3 экземпляра монет с этой легендой, некоторые — 6 экземпляров, наиболее критически настроенные — 2. Литература по этому вопросу собрана у Г. Геблера (MP, S. 144, № 60). Как бы то ни было, чеканка от имени басилевса эдонов Геты бесспорно имела место. На аверсе этих монет изображен погонщик с двумя быками, на реверсе — квадратум инкузум с плинтусом, разделенным крестом на 4 квадрата; надпись расположена вокруг плинтуса. До сих пор не найдено монет, выпускавшихся от имени племени эдонов, подобных монетам дерронов, ихнов и бизалтов. Мы не можем сказать, объясняется ли это обстоятельство отсутствием такого рода монет вообще или же это случайное явление, вызванное недостатком археологических исследований.

[46] *I. N. Svoronos*. Εὐεργέτης. JIAN, XV, 1913, p. 143—156; *H. Dressel*, *K. Regling*. Указ. соч., стр 108—111.

Отмеченная черта в монетной чеканке фракийцев конца VI и начала V в. до н. э. является уникальной. Мы не знаем в истории монетного дела вообще и фракийской монетной чеканки в частности ситуации, подобной создавшейся у южнофракийских племен. Монеты, выпускавшиеся от имени царя, никогда не выпускаются одновременно и от имени племени или страны, которой этот царь управляет. У фракийцев же одной из основных прерогатив органа власти — правом выпуска монеты — обладали в этот переходный период и те и другие. Не дает ли это основания предполагать, что и другие функции управления были поделены между племенными органами управления и царем?

Эта особенность ранней монетной чеканки южнофракийских племен может свидетельствовать о начальной стадии выделения царской власти, когда власть племени не противопоставлялась власти царя, еще мало отличавшейся от власти племенного вождя.

Монеты, как мы видели, свидетельствуют, что во главе племени эдонов стоял правитель, носящий титул басилевса. Появление титула на монете VI—V вв. до н. э. — явление оригинальное, вообще не характерное для монетного дела этого времени. У греков, как известно, этот обычай появляется только со времени диадохов, когда впервые на монетах Филиппа III Аридея (323—317 гг. до н. э.) была начертана легенда ΦΙΛΙΠΠΟV ΒΑΣΙΛΕΩΣ[47]. Поэтому легенду на монетах эдонов нельзя рассматривать как слепое подражение греческим монетам или как результат чеканки на одном из греческих монетных дворов, могущей повести к привнесению бытовавших здесь стандартов в легендах.

Было бы очень существенно выяснить, каков социально-политический смысл, вкладывавшийся эдонами в этот термин, каков был характер власти предводителя эдонов в VI в. до н. э.

Для решения этого вопроса мы считаем возможным привлечь данные гомеровского эпоса, в котором упоминаются, как известно, фракийцы и их предводители[48]. Мы имеем в виду X песню «Илиады», носящую название «Долония».

Уже в древности «Долония» считалась позднейшей вставкой[49]. Это мнение твердо удерживалось в последующее время. Одна схолия к X песне сообщает о том, что она была написана отдельно и не являлась частью «Илиады», но была внесена в нее при Писистрате[50]. Большинство исследователей нового времени также считают ее поздней (относящейся ко времени Писистрата) вставкой в «Илиаду», расходясь во мнениях лишь по вопросу об авторстве «Долонии»[51].

[47] *F. Imhoof-Blumer*. Указ. соч., стр. 9 сл.; *G. F. Hill* Указ. соч., стр. 84. Исключение составляют, помимо монет Геты, монеты финикийских царей Кипра, но все они более поздние (первой половины V в. до н. э.), чем монеты эдонов.

[48] *Г. И. Кацаров*. Тракия и Омировия епос. ИБИД, XI—XII, 1931—1932.

[49] *А. Ф. Лосев*. Гомер. М., 1960, стр. 7.

[50] *A. Wace*. A companion to Homer. London, 1962, p. 241; *А. Ф. Лосев*. Указ. соч., стр. 54

[51] Дж. Грот (*G. Grote*. History of Greecs. London, 1846) утверждает, что «Долония» была присоединена к «Илиаде» позже, чем основные ее песни. П. Мацон (*P. Mazon*.

Мы не считаем для себя возможным приводить соображения в пользу авторства Гомера или же анонимного автора времени Писистрата, стремившегося подражать Гомеру, — этот вопрос лежит вне нашей компетенции и не является в данном случае существенным. Важно здесь то, что и в том случае, если «Долония» создана Гомером, сведения о фракийцах могут быть отнесены или к исследуемому периоду или ко времени, очень близкому к нему. При современном состоянии гомеровского вопроса утверждают, что Гомер мог жить на рубеже VII и VI вв. до н. э., и считают весьма вероятным, что комиссия Писистрата, установившая в VI в. канонизованный текст Гомера, и реформы гомеровских рецитаций при Солоне были проведены вскоре после времени жизни поэта [52]. Существенно и то, что археологи относят гомеровские сведения о Фракии ко времени колонизации греками Эгейского побережья [53]. Если принимать весьма достоверную версию о столь позднем составлении «Долонии» и относить ее ко времени Писистрата, ценность сведений в ней о фракийцах Эгейского побережья и в частности Пангейской области, значительно повышается: как известно, эта территория находилась в центре политических устремлений Писистрата, вдохновляемых богатством рудников Эгейской Фракии. Более чем вероятно, что в этой песне нашла отражение богатая новыми сведениями картина жизни фракийцев.

Наше убеждение в том, что сведения о фракийцах в «Долонии» относятся к позднему по сравнению с основными частями «Илиады» времени, основывается (кроме сказанного выше) и на анализе характера власти фракийских предводителей. Несмотря на скудость данных по

Introduction à l'Iliade. Paris, 1942, p. 277—278) и Д. Мюльдер (*D. Mülder*. RE, s. v. Ilias. XI, S. 1014) считают, что «Долония» была сочинена Гомером отдельно, когда «Илиада» уже существовала. Позднюю дату (VI в. до н. э.) «Долонии» отстаивают Э. Бете (*E. Bethe*. Homer. Die Sage vom Troischen Kriege, III, 3. Berlin — Leipzig, 1927, S. 64), а также В. Гельбиг (*W. Helbig*. Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutet. Leipzig, 1887, C. 11) и У. Виламовиц-Мюллендорф (*U. Wilamowitz-Moeliendorf*. Ilias und Homer. Berlin, 1922, S. 62—64), которые предполагают, что в эпизоде с Резом отражена борьба греческих колонистов в Эгейской Фракии и на о. Фасосе. С поздней датировкой «Долонии» согласен, видимо, и Г. Кацаров («Тракия и Омировия епос», стр. 134), в весьма позитивных тонах излагающий мнение этих трех ученых. А. Ф. Лосев также считает «Долонию» позднейшей вставкой, написанной совершенно отдельно от «Илиады» (указ. соч., стр. 7, 8, 39, 54, 71). Весьма определенно высказывается и Э. Миро (*E. Mireaux*. Les poème homérique et l'histoire grecque. Paris, 1949, II, p. 307—209), видящий в «Долонии» интерполяцию времени Писистрата, имевшую целью польстить политическим устремлениям афинского тирана во Фракии А. Вейс (указ. соч., стр. 253, 257 и др.) в работе о поэмах Гомера, подводящей в значительной мере итог проведенных до 60-х годов XX в. исследований по этому вопросу, указывает на поздний характер «Долонии», хотя и отмечает включение в нее описаний более ранних реалий (например, шлема с клыками кабана)

[52] К этим выводам приходит А. Ф. Лосев на основе исследований обширнейшей литературы по гомеровскому вопросу; эти данные изложены им в разных местах его труда о Гомере (особенно на стр. 65—72).

[53] *Д. П. Димитров.* Материална култура и изкуството на траките през ранната елинистическа епоха IV—III в. пр. н. е. «Археологически открития в България», София, 1957, стр. 69.

этому вопросу, нам представляется возможным усмотреть в эпосе отражение двух исторических эпох в жизни, фракийского общества, соответствующих периоду разложения первобытнообщинного строя: во-первых, его более ранней и, во-вторых, его более поздней, вплотную приближающейся к классовому обществу стадий.

Первый из этих периодов отражен в эпизодах, упоминающих фракийских вождей Пейреса, Акаманта, Евфема и Мента (последние два — предводители фракийского племени киконов). Сами по себе беглые, носящие характер перечня упоминания эти интересны терминами, сопутствующими именам фракийских предводителей. По отношению к Менту употреблен термин ἡγήμων (Il., XVII, 73), который следует переводить «предводитель», «начальник», «первенствующий» и т. п. По отношению к Евфему — термин ἄρχων (Il., II, 846) — «предводитель», «начальник», «вождь», «командир», «правитель». Пейрес — ἥρως (Il., II, 845) — «вождь», «военачальник», «предводитель», «богатырь», «воин», «славный муж»; к нему же относятся еще два определения: ἀγός (Il., IV, 520) — «предводитель», «вождь» и ἄριστος ἐνὶ Θρήκεσσι (Il., VI, 7) — «храбрейший (наилучший, знатнейший, благороднейший) среди фракийцев». Большинство из этих упоминаний фигурирует в основных главах «Илиады», не носящих характера более поздних вставок (главы IV, VI, XVII) [54], и может быть отнесено к более раннему слою, вероятно характеризующему то же время, которое принято считать в истории Греции гомеровским, носящим характер военно-демократического строя.

За неимением точных данных мы не можем с определенностью утверждать, что власть фракийских вождей этого времени носила совершенно тот же характер, что и у греческих басилевсов героического периода, с характерными для них функциями главным образом военного предводителя и жреца, отсутствием полноты власти, ограниченной авторитетом и властью других басилевсов, совета старейших и народного собрания, считавшегося высшей инстанцией. Однако можно считать, что во многом характер власти был схожим. Такое предположение основано на следующих соображениях. Термины, которыми наделены фракийские вожди, явно указывают на военное предводительство как на их основную функцию — черта, в равной степени характерная и

[54] В двух других случаях фракийские предводители упоминаются во II песне «Илиады», в той ее части, которую принято называть каталогом кораблей (484—587). Ее часто признают поздней вставкой (*W. Schmid, O. Stählin.* Geschichte der griechischen Literatur. München, 1929, I, 1, S. 151; *E. Mireaux.* Указ. соч., II, стр. 307—309). Но, во-первых, позднее включение в поэму еще не означает того, что во вставленном отрывке отображены поздние события; во-вторых, мнение это не бесспорно (полемику по этому вопросу см.: *D. Mülder.* Указ. соч., стр. 1008). А. Ф. Лосев (указ. соч., стр. 55) считает поздней вставкой не весь «каталог кораблей», а только II, 544—557. Фракийский материал подтверждает именно такую точку зрения: если Пейрес появился только в результате аттического завершения поэмы в VI в., то как объяснить то обстоятельство, что он упоминается также и в «ранних» главах — IV и VI?

для греческой βασιλεία, которая была только военным признаком власти — военным предводительством[55]. Известно также, что басилевсы гомеровского времени не были единодержавны: примеры существования нескольких басилевсов в пределах одного племени в эпосе довольно часты (12 басилевсов на Схерии, 3 — в Аргосе и 4 — в Элиде). Аналогичная ситуация была и у фракийцев: «Илиада» (II, 845) называет сразу двух вождей, «чью страну Геллеспонт омывает стремительно быстрый», — Пейреса и Акаманта. Фракийских вождей, подобно греческим басилевсам, окружают гетайры (ἑταῖροι). Так же, как у ахейских басилевсов, у фракийцев гетайры — прежде всего военная дружина вождя, преданная ему и сражающаяся под его руководством; гетайры участвуют в совместных трапезах, охраняют труп погибшего товарища и отдают последние почести усопшему (ср. гетайров Ахилла — мирмидонян — Il., XVI, 160, 269—274; XXIII, 5—84 и гетайров Пейреса — Il., IV, 532).

Эти данные эпоса, рисующие, как кажется, фракийцев IX—VIII вв. до н. э., отличаются от сведений «Долонии». В ней рассказывается о том, как ахейские герои Одиссей и Диомед захватывают в плен троянского разведчика Долона, который, стремясь спасти свою жизнь, рассказывает грекам о расположении войск в троянском лагере и особенно подробно описывает вновь прибывший отряд фракийцев под руководством царя Реза. Проникшие в лагерь врага Одиссей и Диомед убеждаются в правдивости сведений Долона, нападают на фракийцев, убивают Реза и еще 12 спящих с ним рядом фракийцев и уводят их коней. В отличие от терминов, применяемых по отношению к фракийским предводителям в основных главах «Илиады», имя главы фракийцев в «Долонии» всегда сопровождается термином «басилевс» (βασιλεύς). Таким образом, данные монет о титуле, который носил предводитель фракийцев-эдонов, совпадают с тем, что сообщает нам эпос.

Мы не склонны считать, что этот термин пришел к фракийцам от греков. Во всяком случае, он не носил того значения, которое вкладывали в него греки ко времени интенсивной колонизации ими Эгейской Фракии (конец VIII—VII в. до н. э.), с которого можно предполагать начало эллинизации фракийского языка. Как известно, в послегомеровское время басилевс гомеровской эпохи (племенной вождь, главным образом военный предводитель племени) трансформировался в басилевса «гесиодовского» — представителя родовой аристократии, основными функциями которого были судебные: в послегомеровском эпосе басилевсы чаще всего называются θεμιστοπόλοι (вершащими суд)[56]. Существование этого термина у фракийцев VI в. до н. э. в значении, отличном от того, который был в это время у греков, может служить указанием на самостоятельное, вне греческого влияния появление этого

[55] *Ф. Энгельс.* ПСЧСГ, стр. 107.

[56] *Я. А. Ленцман.* Послегомеровский эпос как источник для социально-экономической истории ранней Греции. ВДИ, 1954, № 4, стр. 68—69.

слова, что допустимо, так как в основе его лежит индоевропейский корень, который в равной мере мог присутствовать во фракийском и греческом языках [57].

Рез отличается и тем, что один стоит во главе войска. Было бы неправильным, как это уже отмечала Т. В. Блаватская [58], считать, что фракийские вожди вплоть до VI в. до н. э. избирались только на время военных действий, а потом-де становились простыми членами племени, как это утверждает А. Милчев [59].

Следует отметить и еще одно обстоятельство. У. Виламовиц-Мюллендорф обратил внимание на имя отца Реза — Эйон, фигурирующее в «Долонии» (Il., X, 435: Ῥῆσος βασιλεὺς παῖς Ἠιονῆος), которое идентично названию города Эйона в низовьях Стримона. В связи с этим У. Виламовиц пришел к заключению, что царство Реза следует локализовать в этой области [60]. Вероятно, нужно пойти еще дальше. Эйон хорошо известен античной традиции как один из крупных городов эдонов; он постоянно связывается с этим племенем и его историей. Это дает возможность видеть в Резе гомеровской поэмы не просто фракийского царя области Стримона, а одного из царей эдонов, возможно, предшественника Геты, чеканившего дошедшие до нас монеты. Гомер не уточняет областей расселения и не называет племен, союз которых возглавил Рез, приведший их войска под Трою. Но самого Реза Гомер называет «фракийским царем» — Θρῄκων βασιλεύς (Il., X, 434), что, вероятно, указывает на коалицию нескольких племен. Более поздняя античная традиция, однако, неуклонно связывает Реза с областью г. Эноса (*Hipponax*, fr. 41—42), или, точнее,— с землями одомантов, бизалтов и эдонов (*Strabo*, VII, fr. 36) [61]. Нельзя ли в таком случае полагать, что гомеровский эпос сохранил имя реального предводителя юго-западного союза фракийских племен, о котором шла речь на основании нумизматических данных?

Называя Реза «царем фракийцев», «Долония», вероятно, отражает те изменения, которые отличают фракийское общество, достигшее ступени создания крупных племенных союзов, от фракийцев, воспетых в более ранних песнях «Илиады», еще не поднявшихся до стадии объединения нескольких племен в единый союз, имеющий политические (а не только военные или религиозные) цели.

Ф. Энгельс, ссылаясь на данные Фукидида и Аристотеля, подчеркивает, что греческая basileia, обладая военными, судебными и жреческими функциями, тем не менее не обладала «правительственной

[57] *К. М. Колобова*. Опыт палеонтологического анализа терминов власти. ИГАИМК, XI, 2, Л., 1931, стр. 23—25.

[58] *Т. В. Блаватская*. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, стр. 18.

[59] *А. Милчев*. Социално-икономическият и обществено-политически строй на траките VIII—IV в. пр. н. е. ИП, VI, 1948—1949, стр. 530—531.

[60] *U. Wilamowitz-Moellendorf*. Homerische Untersuchungen. «Philologische Untersuchungen», H. 7. Berlin, 1884, S. 27, 413; *idem*. Ilias und Homer, S. 64. Его версию принимает и отстаивает Э. Миро (*E. Mireaux*. Указ. соч., II. стр. 310—311).

[61] *Д. П. Димитров*. Исторически мотиви в драмата «Резос». ИБИД, X, 1931, стр. 13.

властью в позднейшем смысле»[62]. Власть же фракийского басилевса типа Реза или Геты перешла за предел первых полномочий, включив по крайней мере некоторые из административных функций.

Отход от гомеровского этапа развития власти басилевса у греков можно заметить у фракийских басилевсов типа Реза или Геты в том, что она далеко не ограничивается военными или жреческими функциями: выпуск монеты от имени басилевса, засвидетельствованный монетами царя Геты,— чисто экономическая прерогатива, свидетельство вмешательства и в хозяйственное руководство фракийским обществом.

Сведения гомеровского эпоса о характере управления юго-западных племен Фракии могут, как нам представляется, быть дополнены теми данными литературных источников о правителях Херсонеса Фракийского, которыми мы располагаем. Традиционному изложению событий, связанных с колонизацией Херсонеса Фракийского[63], весьма удачно противостоит работа Н. Хэммонда[64], доказавшего, что основание колонии афиняне вынуждены были проводить здесь три раза. Источники называют «основателями» города не только Мильтиада Старшего, сына Кипсела из рода Филаидов (условно — Мильтиад I), обосновавшегося здесь вместе с афинскими колонистами с 556 г. до н. э., но также и еще двух Мильтиадов из того же рода: Мильтиада, сына Мильтиада Старшего (условно — Мильтиад II) и его внучатого племянника, сына Кимона — Мильтиада Младшего (условно — Мильтиад III) (рис. 12). Создается твердое впечатление, что афинским колонистам и их руководителям нелегко было закрепиться в Херсонесе, что им приходилось учитывать местные фракийские традиции организации власти, без чего они не могли удержаться в этой стране. Отход от принципов полисной организации в Херсонесе следует, как представляется, связывать с фракийским влиянием на организацию власти в этой местности. Исследование этих особенностей организации власти в Херсонесе дает возможность в какой-то степени судить о принципах организации управления у племени долонков, может быть характерных и для других фракийских племен.

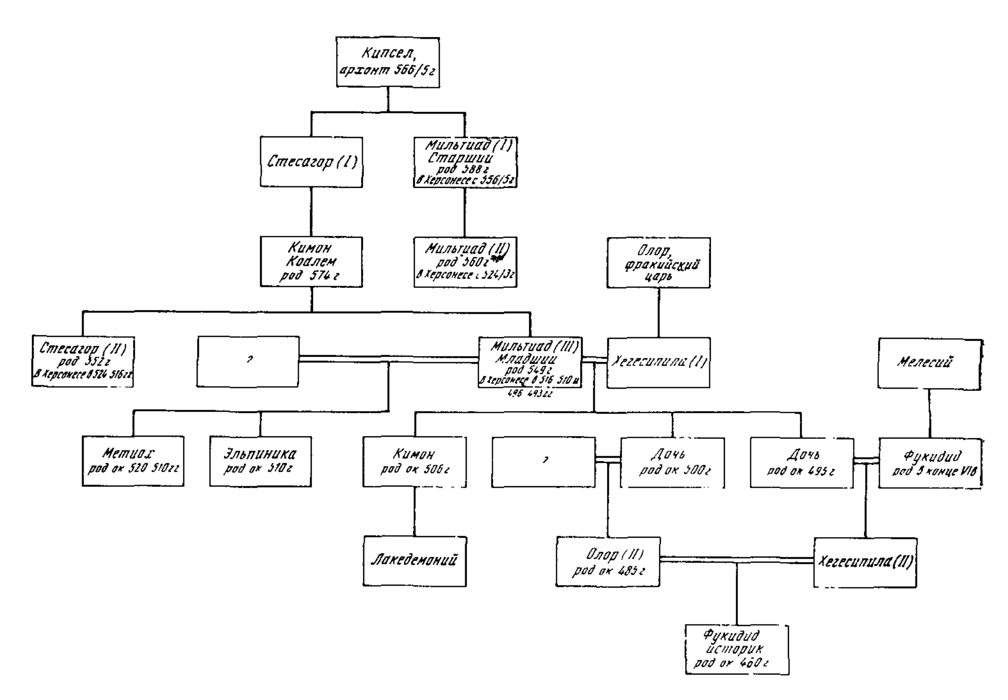
Несмотря на все трудности, связанные с двойственным характером власти Филаидов в Херсонесе: как ойкистов — основателей греческого полиса и как руководителей фракийского племени долонков, мы постараемся, однако, выделить в ней те черты, которые относятся ко второй, так сказать, фракийской стороне их правления.

Следует отметить прежде всего, что полисной организации в Херсонесе не возникло и что уже первый основатель города, призванный сю-

[62] *Ф. Энгельс.* ПСЧСГ, стр. 107.

[63] *G. Busolt.* Griechische Geschichte, I. Gotha, 1885, S. 553 f.; II, 1895, S. 315 f.; *K. Beloch.* Griechische Geschichte, I, 1. Berlin — Leipzig, 1923, S. 389; I, 2, S. 317; CAH, IV, Cambridge, 1926, p. 69, 77 (F. E. Adcock); p. 103—104 (P. W. Ure); *E. Meyer.* Geschichte des Altertums, III. Stuttgart, 1954, S. 618, 719; *J. Wiesner.* Die Thraker. S. 81; RE, XV, s. v. Miltiades, S. 1679 f., S. 1681 f. (Obst.).

[64] *N. G. L. Hammond.* The Philaids and the Chersonesse. «The Classical Quarterly». July—October, 1956. N. S., VI, N 3—4, p. 119—129.

12. Генеалогическая таблица рода Филаидов

да долонками, должен был отступить от этой формы правления и считаться с местной традицией. Это выразилось в ряде моментов. Прежде всего в том, что власть руководителя Херсонеса передавалась по наследству от Мильтиада Старшего (I) к его сыну Мильтиаду (II) (*Marc.*, V. Thuc., 9—10) [65], а после него в связи с тем, что он умер бездетным, — к сыну его единоутробного брата (т. е. племяннику по матери) — Стесагору (II) [66]. Наследственность в передаче власти, противоречащая принципам управления греческими полисами, соблюдалась и дальше. После смерти бездетного Стесагора (II) правителем Херсонеса Писистратиды вынуждены были послать его единоутробного и единокровного брата Мильтиада Младшего (III) (516 г.).

Наследственная передача власти в Херсонесе не была совпадением,

[65] Н. Хэммонд (указ. соч., стр. 114—115) очень убедительно связывает это место у Марцеллина с одним пассажем Геродота (VI, 103), из текста которого ясно, что и Геродот имел в виду двух разных правителей Херсонеса, носивших одно и то же имя — Мильтиад; причем первый из них приходился сыном второму. Н. Хэммонд, вероятно, прав и в том, что Марцеллин, в своем дальнейшем изложении опирающийся и прямо ссылающийся на Геродота, и в отношении преемственности власти в Херсонесе и родства между Мильтиадом I и II следовал изложению этих событий у Геродота (VI, 103).

[66] Брат Мильтиада II — Кимон Коалем был как раз к этому времени (524/3 г.) убит Писистратидами.

назначением подходящих по другим соображениям лиц, случайно оказавшихся родственниками. Наоборот, с точки зрения Писистратидов, правивших в то время в Афинах, сыновья ненавистного им Кимона[67] — Стесагор и Мильтиад (будущий Мильтиад Младший, III) были, естественно, нежелательными кандидатурами. Совершенно очевидно, в этом случае им приходилось считаться с херсонесскими порядками, обусловленными местной традицией. Важно отметить, что Стесагора заранее готовили к принятию власти в Херсонесе — он воспитывался в Херсонесе у своего бездетного дяди по матери, в то время как брат его Мильтиад, не готовившийся к этой карьере и только вследствие ранней гибели Стесагора ставший правителем Херсонеса, жил в Афинах и очень удачно продвигался там по лестнице полисных магистратур (он был архонтом в 524/3 г., 25 лет от роду).

Мы склонны считать, что порядок передачи власти по наследству не был результатом восприятия Филаидами принципов греческой тирании, а следствием усвоения ими порядка наследования царской власти, характерного для фракийских царей. Во-первых, Филаиды были ярыми противниками афинской тирании, тяготились ею и противостояли ей как могли[68]. Во-вторых, следует отметить ряд моментов в быту херсонесских правителей, явно указывающих на процесс, так сказать, их «фракизации», все глубже проникающий в жизнь представителей этого знатного греческого рода, ставшего во главе одного из фракийских племен — долонков. Уже на могиле Мильтиада II, умершего около 524 г., устраивались конные и гимнастические соревнования (*Herod.*, VI, 38) — обряд, в котором тесным образом переплелись греческий и фракийский ритуалы (ср. описание фракийского погребального обряда у Геродота V, 8). Еще более характерно в этом отношении поведение Мильтиада III, женившегося на фракийской принцессе Хегесипиле, дочери фракийского царя Олора, от которой у него был сын Кимон. Как известно, этот последний стал знаменитым афинским полководцем — героем битвы при Марафоне, деятельность которого была связана с расширением владений во Фракии; в этом следует усматривать не только общеафинские интересы, но и его личные планы расширения власти во Фракии. Видимо, столь решительный отход от греческих традиций объяснялся сближением афинской и фракийской знати в Херсонесе, что было условием сохранения власти Филаидов во фракийских землях.

Таким образом, мы должны констатировать, что, несмотря на различие в судьбах херсонесских правителей, в их действиях можно усмотреть общую тенденцию опоры на местные фракийские традиции, касающиеся как обычаев и обрядов, так и форм правления.

Следует, однако, обратить внимание на то, что сам принцип наследования власти в Херсонесе от отца к старшему сыну не был непреложен. В двух из трех известных нам случаев перехода власти в Херсо-

[67] Они завидовали ему из-за его блестящих побед на олимпийских ристалищах в 522, 523 и 524 гг. и убили его, возможно, еще и по этой причине.

[68] *H. Berve* Miltiades Studien zur Geschichte des Mannes und seiner Zeit. «Hermes Einzelschriften», H 2, Berlin, 1937, S. 9—10.

несе к новым правителям на сцене появляются представители племени долонков, которые и избирают вождем (ἡγεμών) того из членов рода Филаидов, которого они считают подходящим. Наиболее подробно избрание вождя долонков описано Геродотом (VI, 34—36) и Марцеллином (V. Thuc., 7), которые рассказывают, что фракийцы-долонки, теснимые своими соседями апсинтами, послали своих представителей в Дельфы, чтобы по указанию оракула избрать себе предводителя. Пифия отвечала, что им должен быть тот человек, который первый предложит долонкам угощение на их обратном пути от святилища. Таким человеком оказался Мильтиад сын Кипсела из рода Филаидов, которого долонки и избрали (ἐχειροτόνησαν) своим вождем. Второй случай избрания вождя — приглашение долонками в Херсонес Мильтиада III после бегства его в Афины в связи с приближением армии Дария, возвращавшейся домой через Херсонес после неудачного похода на скифов (*Herod.*, VI, 40)[69].

Оба эти эпизода указывают на избрание главы племени долонков, хотя выбор и ограничен членами одного и того же рода, приобретавшего черты царского. Это появление обычая замещения должностей членами определенных знатных семей, превратившегося уже в мало оспариваемое право этих семей, Ф. Энгельс рассматривает как одно из нововведений, нарушивших нормальное функционирование органов родового строя и освященных только еще зарождавшимся государством[70].

Мы не знаем точно, как был решен вопрос о наследовании Мильтиаду I его сыном Мильтиадом II и о наследовании этому последнему его племянником Стесагором. Источники не дают об этом подробных сведений. Можно лишь предположить, что переход власти от одного к другому происходил не в силу прямого наследования от отца к сыну или от дяди (за неимением других наследников) к племяннику, а решался каждый раз заново. Это предположение основано на том, что Мильтиад II назван в источниках, так же как и его отец, основателем Херсонеса, что наводит на мысль, что переход власти в Херсонесе после смерти Мильтиада I происходил не механически. Но мы имеем достаточно свидетельств, что Мильтиаду III пришлось отстаивать право на Херсонес с оружием в руках, хотя его предшественник Стесагор умер бездетным и был его единоутробным и единокровным братом. Действительно, после смерти Стесагора в 516 г. Мильтиад III является в Херсонес отнюдь не как законный наследник, а как узурпатор власти. Он действует как предводитель афинских колонистов, поддерживаемый Писистратидами, снабдившими его военным кораблем (*Herod.*, VI, 39). Еще более четко насильственный характер захвата власти Мильтиадом III выступает у Корнелия Непота, который указывает на

69 Мильтиад III дважды становился главой Херсонеса: в 516 г., когда он захватывает власть силой (об этом будет сказано подробнее ниже), и второй раз в 496 г., после бегства в Афины в связи с наступлением Дария, когда он был, как некогда Мильтиад I, приглашен в Херсонес долонками.

70 *Ф. Энгельс.* ПСЧСГ, стр. 111

необходимость насильственного захвата власти и описывает удачные военные действия против фракийского войска (Milt., 2). Явившись в Херсонес незванным афинским колонистом и наделив греков землей, применив силу оружия, Мильтиад, однако, скоро понял, что удержать власть таким путем не удастся и что сохранить ее возможно, лишь основываясь на местных традициях. Вся последующая его деятельность была сплошной серией нарушений им эллинских порядков. Он заковывает в цепи греков — жителей Херсонеса[71], пришедших выразить ему соболезнование по поводу постигшего его горя — смерти его брата Стесагора; набирает 500 наемников-телохранителей и наконец женится на фракийской царевне. Геродот, перечисляющий все эти действия Мильтиада одно за другим (VI, 39), создает у читателя впечатление последовательной серии мероприятий, направленных к единой цели — укреплению власти в Херсонесе.

Интересны в этой же связи и археологические данные: фрагмент краснофигурного блюда, датируемого 520—510 гг., с изображением всадника во фракийском костюме и с надписью Μιλτιάδης καλός, сделанной до обжига. Это изображение можно рассматривать как своеобразную агитацию Мильтиада, стремящегося подчеркнуть свою приверженность фракийцам. Женитьба Мильтиада (III) на фракийской царевне — действие того же плана. К этому следует добавить внешнюю политику Мильтиада, идущую вразрез с позицией других руководителей эллинских городов Ионии, поддерживающих Дария во время его похода против скифов. Известно (*Herod*., VI, 137), что среди греков, охранявших мост через Дунай, Мильтиад был единственным, советовавшим его разрушить, чтобы лишить армию персов возможности благополучно вернуться домой, играя тем на руку скифам. Это обеспечило ему расположение фракийцев и прочность власти в Херсонесе. Только приближение армии Дария, от которого Мильтиад ждал возмездия, заставило его бежать из Херсонеса, однако его вторичное правление уже было обосновано приглашением долонков, посчитавших на этот раз Мильтиада III заслужи-

[71] Думаю, что речь идет о херсонесских греках-колонистах, а не о «местных вождях» (local chiefs), как полагает Н. Хэммонд (указ. соч., стр. 123). Дело в том, что Геродот здесь (VI, 39) употребляет термин Χερσονησῖται, который в ряде других мест его «Истории» обозначает именно жителей греческих полисов на Херсонесском полуострове. Так, этот термин фигурирует при упоминании о жертвоприношениях и агонах на могиле Мильтиада II, которые херсонеситы устраивали ему как основателю их колонии (VI, 38); при упоминании об обороне херсонеситами Сеста против персов (IX, 118, 120), в котором участвовала коалиция греческих полисов; при рассказе о предложении Мильтиада III на совещании руководителей ионийских греков разрушить мост через Дунай во время скифского похода Дария (IV, 137). Знаменательно, что тот же термин употребляет и Гекатей, противопоставляя жителей полиса Херсонеса фракийскому племени апсинтов, с которыми этот полис граничит (fr. 163). Х. Берве (*H. Berve* Указ. соч., стр. 14—15) наверно прав, видя в появлении этого термина свидетельство единения греческих полисов Херсонесского полуострова. С другой стороны, легко заметить, что аборигенов Херсонеса Геродот именует или по племенной принадлежности (долонки, апсинты), или же сообщает их общее наименование — «фракийцы».

вающим стоять во главе их племени. При всем при том факт наследования власти над долонками одним и тем же родом бесспорен.

Существенно было бы выяснить порядок избрания правителя племени долонков, степень участия в нем рядовых членов племени, народного собрания. При всей скудости источников следует обратить внимание на то, что на поиски главы племени долонки отправляют делегацию, состоящую из нескольких басилевсов (*Herod.*, VI, 34), которые и выбрали будущего предводителя всего племени, не согласуя эту кандидатуру со своими соплеменниками. Интересно и то, что для решения этого вопроса привлекается мнение божества. В первом случае, когда речь идет о приглашении Мильтиада I, долонки действуют по указанию дельфийского оракула (*Herod.*, VI, 34—36; *Marc.*, V. Thuc., 7—8). Во втором случае, когда речь идет о Мильтиаде III, дельфийский оракул не упоминается. Может быть, что просто объясняется тем, что эпизод с Мильтиадом I и долонками рассказан очень подробно, тогда как приглашение Мильтиада III упоминается Геродотом лишь вскользь.

Возможно, ритуал обращения к оракулу при выборе царя не вымысел. Во всяком случае, то, что долонки, по сведениям источников, обращаются именно к оракулу в Дельфийском храме, кажется правдоподобным. Именно этот греческий храм, как известно, был сходен с тем, который находился у фракийцев в Пантейских горах (*Herod.*, VII, 112) и был чем-то вроде общефракийского святилища, во всяком случае крупнейшим из святилищ Диониса в Южной Фракии. Можно предположить, что фракийская знать использовала речения жрицы Диониса для избрания вождя племени или союза племен, стремясь придать его власти характер освященной божеством.

Таким образом, в порядке получения царской власти у долонков сочетаются архаические черты (выборность, обращение к божеству, учет личных качеств избираемого) с новыми чертами, характеризующими отход от первобытных принципов управления. Он заметен в избрании вождей только из числа лиц наиболее знатного рода; решающую роль при этом играют не все члены племени, а представители знати. Явление это, конечно, отражало и те изменения, которые произошли в самих органах народного управления,— сужение их полномочий.

Власть, полученную Филаидами над долонками, некоторые источники называют тиранией. Об этом сообщают Геродот (VI, 34, 36) и Корнелий Непот (Milt., VIII). Однако бесспорно и то, что «тирания» эта имела свои особенности. На это указывает прежде всего исход процесса, который затеяли в 493 г. противники Мильтиада III в Афинах, обвинявшие его в тирании на Херсонесе. Процесс, как известно, закончился полным оправданием Мильтиада (*Herod.*, VI, 10) и нисколько не повредил его репутации — он предводительствовал греками в битве при Марафоне в 490 г. Может быть, это отличие власти Мильтиадов — правителей долонков от власти древнегреческих тиранов можно усмотреть в сообщении Корнелия Непота об особенностях власти Мильтиада III (Milt., VIII), где он подчеркивает, что сила этого правителя была в

его авторитете, в его доступности даже для людей низкого положения, так что каждый мог к нему обратиться. Непот же дает ответ на то, какие черты создавали тот авторитет Мильтиаду, который делал его главою целого Галлиопольского полуострова с его двойственной этнической и связанной с нею политической структурой. Среди этих особенностей, создающих основу власти Мильтиада в Херсонесе, источник называет наряду со знатным происхождением и личные качества — военную доблесть и справедливость. Может быть, эти качества решили дело при избрании предводителя долонков. Сведения Непота одновременно очерчивают и круг его основных обязанностей — военное предводительство и разрешение конфликтов между соплеменниками. Интересно и то, что источник противопоставляет силу — справедливости, подчеркивая, что Мильтиад обязан своим положением справедливости в большей степени, чем силе (Milt., II). Несмотря на риторический характер жизнеописания полководцев у Корнелия Непота и сложность исследования его источников[72], особенно же источников сведений о Херсонесе Фракийском, мы все же хотели бы отметить, что тогда, когда Непот описывает те же события, что и Геродот, он не расходится с этим достоверным по части фракийских земель источником, а лишь дополняет его. Интересно и то, что такой серьезный автор, как Плиний, использует данные Непота, как раз касающиеся Боспора Фракийского (HN, VI, 77). Любопытны и другие термины, которыми греческие источники определяют власть правителей Херсонеса, бывших одновременно и предводителями племени долонков. Корнелий Непот определенно говорит, что Мильтиад Старший (III) не обладал титулом царя. Геродот лишь однажды употребляет по отношению к предводителям долонков термин «басилевс» во множественном числе. И из самого текста ясно, что речь идет не об единственном и главном руководителе племени, а о нескольких его знатных предводителях: Δολογκοι... ἔπεμψαν τοὺς βασιλέας (*Herod.*, VI, 34).

Подведем итог сказанному о путях возникновения и политической структуре тех племенных объединений, которые предшествовали оформлению Одрисского царства во Фракии. Возникновению крупных племенных объединений предшествовало появление мелких союзов, включавших малое (два-три) число племен. При этом степень объединения была различной. В одних случаях входящие в союз племена имели значительную самостоятельность, что проявлялось в сохранении своего наименования. В других же слияние было более полным и иногда доходило до поглощения одного племени другим. В дальнейшем объединение этих малых союзов приводило к возникновению более крупных племенных объединений, носивших устойчивый характер. Полной централизации всей власти в крупном союзе, однако, не происходило: это была более или менее прочная система мелких племенных объеди-

[72] Обзор исследований источников Непота см.: *A. Goethe*. Die Quellen Cornels zur griechischen Geschichte. Glogau, 1878; *E. Lippelt*. Quaestiones biographicae. «Diss. Bonn.», 1889, p. 37.

нений. При этом входившие в нее отдельные племена или мелкие союзы племен могли одновременно принадлежать и другому крупному союзу, вероятно для выполнения различных целей и задач.

Характер организации этих крупных союзов фракийских племен дает основание считать их постоянной конфедерацией, т. е. относить к наиболее развитому этапу в развитии межплеменных объединений[73].

Борьба за руководство в союзе часто приводила к завоеванию одним племенем других; при этом племя-победитель приобретало роль господствующего и захватывало бо́льшую долю богатств, получаемых при военных походах и в качестве дани с покоренных племен. Возникновение союзов было вызвано различными причинами, главной из которых, как представляется, были общие фракийские экономические связи, политические (часто военные) причины и религиозные мотивы.

Система организации политической власти в племенах и племенных объединениях доодрисского периода отражала переходный характер фракийского общества, во многом сохранявшего еще черты родо-племенной эпохи, сочетавшиеся с чертами, характерными для раннеклассовых обществ. Функции управления в племенах не были четко поделены между племенными органами управления и царем-басилевсом.

Вожди фракийских племен раннего времени (IX—VIII вв. до н. э.) были главным образом военными и религиозными руководителями, лишенными единовластия. Руководители союза племен конца VII—VI в. до н. э. в отличие от них были наделены не только властью единого военного руководителя, но обладали и функциями управления. Их власть передавалась по наследству; наследование шло не обязательно от отца к сыну, а включало и более широкий круг родственников, ограниченный членами одного и того же рода, приобретавшего черты царского. При этом, однако, сохранялась еще видимость выборности главы союза племен: наиболее знатные решали каждый раз вопрос об избрании заново. Роль рядовых фракийцев была при этом целиком или почти целиком сведена на нет. Архаические черты в избрании вождя заметны, однако, в обряде обращения к божеству, помогавшему якобы решению этого вопроса, и в обсуждении личных достоинств кандидатов.

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОДРИССКОГО ЦАРСТВА

Два крупнейших историка древности — Геродот и Фукидид дают характеристику степени объединенности, уровня политической консолидации Фракии. Эти характеристики настолько важны для нас, что мы приведем их целиком.

[73] Л. Морган в «Древнем обществе» выделял 4 этапа в развитии межплеменных объединений временные объединения для взаимной защиты, более длительный оборонительный и наступательный союз, постоянная конфедерация, единый народ. Подробный разбор этих выводов Л. Моргана и указание на их оценку К. Марксом сделаны Ю. П. Аверкиевой («О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки». СЭ, 1970, № 5, стр. 33—38).

Геродот, V, 3: «Фракийский народ после индийского самый многолюдный. Если бы этот народ находился под управлением одного лица или если бы между фракийцами существовало единодушие, то, по моему мнению, он был бы неодолим и могущественнее всех народов. На самом деле им трудно, даже невозможно прийти к соглашению, и через то самое они бессильны».

Фукидид, II, 97, 5: «Действительно, из всех царств Европы, лежащих между Ионийским заливом и Понтом Евксинским, оно (Одрисское царство. — *Т. З.*) было самым могущественным по количеству доходов и вообще по благосостоянию; однако в отношении военной силы и численности войска оно далеко уступает царству скифов».

Выше (см стр. 191—192) нам уже приходилось останавливаться на датировке этой геродотовой характеристики состояния Фракии и отнести ее к концу VI в. до н. э. Тем не менее подчеркнутую Геродотом разрозненность фракийцев как одну из основных и наиболее существенных черт нельзя не принимать во внимание и при исследовании начального периода истории Одрисского царства. Последствия объединяющей силы Одрисского царства явственно ощущаются в словах Фукидида. Нет сомнений, что он характеризует Фракию эпохи Ситалка, точнее эпоху 30-х годов V в. до н. э., к которой относится подготовка его похода против Пердикки Македонского — этому событию и посвящен приведенный отрывок. 70—80 лет, отделяющие события, описываемые Геродотом, от событий, сообщаемых Фукидидом, были важным этапом в становлении фракийской государственности. Оба отрывка посвящены одному и тому же вопросу — степени объединения фракийцев, но характеристика ее различна. Если у Геродота речь идет о фракийском народе, то у Фукидида — об Одрисском царстве. Если Геродот подчеркивает, что, несмотря на многочисленность фракийцев, они не могут стать могущественным и неодолимым народом из-за своей раздробленности, то Фукидид, напротив, сообщает, что Одрисское царство было самым могущественным и причина этого могущества заключалась в количестве доходов и вообще в благосостоянии. Черты, отмеченные Фукидидом, характеризуют политические изменения во Фракии с конца VI в. до 30-х годов V в. до н. э.: вместо многочисленного, но разрозненного и поэтому бессильного фракийского народа — могущественное Одрисское царство, благосостояние которого основано на больших налогах.

ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ

Определенные этапы в развитии организации Одрисского царства отражает, как представляется, и титулатура одрисских царей. К сожалению, фракийские источники по этому вопросу очень ограниченны: подавляющее большинство надписей на фракийских монетах (а это — единственный собственно фракийский источник) сообщают нам лишь имя правителя. Поэтому приходится пользоваться сведениями литературной греческой традиции, т. е. данными, прошедшими сквозь призму

восприятия древнегреческих историков. Только в отдельных случаях эти литературные свидетельства могут быть проверены эпиграфическими и нумизматическими данными. При таких обстоятельствах и сам термин «титул» употреблен здесь условно.

Титул Ситалка — «фракийский царь» (Θρῃκῶν βασιλεύς), впервые появившийся у Геродота (VII, 137), прочно удерживается в греческой литературной традиции: дважды у Фукидида (II, 29,1 и II, 95,1) и один раз у Диодора Сицилийского (XII, 50). В этом титуле нельзя не увидеть следствие расширения власти Ситалка, распространившейся помимо одрисов и на другие фракийские племена, что прекрасно согласуется со всеми другими литературными свидетельствами о расширении границ царства во времена Ситалка. Однако разбор источников, касающихся титулатуры последующих царей, приводит к выводу об изменении этого более раннего, примененного к Ситалку титула.

У нас нет сведений о титуле Севта I, правившего за Ситалком. Зато сравнительно много данных об Амадоке I (Медоке). Современник этого царя Ксенофонт, прекрасно осведомленный о всех делах во Фракии, почти всегда называет его «одрисским царем» (Ὀδρυσῶν βασιλεύς). Под этим титулом он фигурирует и в «Анабазисе» (VIII, III, 16), и в «Элленике» (IV, 8, 26). В другом месте Ксенофонт называет Амадока просто «царь» (Anab., VII, II, 32), но ни разу не именует его «фракийским царем». В полном соответствии с Ксенофонтом находятся сведения «Политики» Аристотеля, где Медок назван «одрисским царем» (*Arist.*, Polit., 1312-a).

Свидетельства Ксенофонта и Аристотеля можно было бы признать бесспорными, если бы не другие источники, в которых Амадок именуется «царем Фракии», «царем фракийцев». Мы имеем в виду сведения Диодора Сицилийского и Корнелия Непота [74]. При решении вопроса о том, какие источники дают более правильные сведения, a priori следует отдать предпочтение Ксенофонту как современнику и участнику описываемых событий и Аристотелю в силу специфики его труда «Политика», посвященного формам правления в античном мире, где Аристотель проявляет поразительную осведомленность в этом вопросе. Такое решение подкрепляется как соображениями хронологического порядка (и Диодор и Непот — поздние авторы), так и нузмизматическими и эпиграфическими данными, свидетельствующими о том, что термин «фракийский царь» употреблен без знания официальной титулатуры. К счастью, она сохранена в двух бесспорных документах. Первый из них — фракийская монета царя Амадока с легендой [ΑΜΑ]ΔΟΚΟΥ ΟΔΡΙΖΙΤΩΝ [75],

[74] *Diod.*, XII, 105, 3; XIV, 94, 2: Μήδοκον καὶ Σεύθην τοὺς τῶν Θρακῶν βασιλεῖς; *Corn. Nep.*, Alcib., 7: magnam sibi amicitiam cum quibusdam regibus Thraciae pepererat (об Амадоке и Севте); *Corn. Nep.*, Alcib., 8: rex Thracum.

[75] *Н. А. Мушмов.* Античните монети на Балканския полуостров и монетите на българските царе. София, 1912, стр. 333, № 5709; *Th. Mionnet.* Description de médailles antiques grecques et romaines. Suppl., Paris, 1807, II, p. 364, № 963; *В. Добруски.* Материали по археология на България. Археологически известия на България. «Археологически известия на народния музей в София», кн. I. София, 1967, стр. 601.

подкрепляющей данные Ксенофонта и Аристотеля. Другой, не менее важный документ, также подтверждает эти сведения о титулах царей. В надписи 386/5 г. до н. э., представляющей собой постановление афинского народного собрания, чествуется царь Гебридзельм, именуемый здесь βασιλεύς τῶν Ὀδρυσῶν [76].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что только Ситалк именовался «фракийский царь», тогда как последующих весьма крупных правителей называли только «царями одрисов». Такому, казалось бы, парадоксальному явлению можно, однако, дать объяснение. Следует напомнить, что и в более раннее время руководители фракийских племенных союзов VII—VI вв. до н. э., например Рез или Олор, также именовались «фракийскими царями». В этом наименовании, как уже приходилось ранее отмечать, нашел отражение процесс объединения фракийцев, при котором каждое из входивших в него племен было равным членом племенного союза.

Титул Ситалка — «фракийский царь» отражал стремление этого крупного руководителя сохранять иллюзию равноправия всех входящих в союз фракийских племен. В нем еще слышен отзвук предшествующей эпохи племенных союзов.

Изменение в титулатуре наступило после Ситалка, вероятно уже при Севте I, который прославился расширением размеров налогов в пользу одрисов — черта, ярко отмечаемая античной традицией (*Thuc.* II, 97, 3; *Diod.*, XII, 50).

Переход к титулу «царь одрисов» указывает, конечно, не на сужение территории царства до размеров земель племени одрисов, а на существенный перевес и руководящую политическую и экономическую роль в Одрисском царстве одрисов и одрисской знати, захватившей функции управления страной и получавшей львиную долю доходов. Таким образом, в титуле главы Одрисского царства мы видим указание на руководящую роль одрисов, ставших привилегированным племенем.

Наследование царской власти от отца к сыну, в чем нельзя не увидеть один из признаков появления монархической формы правления, прослеживается уже в начальный период существования Одрисского царства.

Источники дают возможность уловить появление этого принципа наследования царской власти, но указывают и на то, что он часто оспаривался и нарушался (см. схему на стр. 216).

Первому одрисскому царю Тересу, имевшему двух известных нам по имени сыновей — Спарадока и Ситалка [77], наследовал Ситалк. Несмотря на то, что высказывались и другие предположения (и о том, что

[76] CIA, IV, II, 14 c, Suppl., p. 8; *Dittenb.*, Syll., I, 138, строка 5—6· τὸν βασιλέα τῶν Ὀδρυσῶν. См. *A. Hock* Der Odrycenkönig Hebrytelmis. «Hermes», XXVI, 1891, S. 457; *K. Beloch* Griechische Geschichte, III, 2, S. 86; *В Добруски.* Указ. соч., стр. 581

[77] *Herod.*, IV, 80; VII, 137; *Thuc.*, II, 29, 4; II, 29, 7; II, 67, 1; II, 95, 1; II, 101, 5, IV, 101, 5.

Тересу сначала наследовал Спарадок [78], и о том, что Терес поделил царство между своими двумя сыновьями, правившими-де самостоятельно [79]), остается все же бесспорным факт преемственности царской власти от отца к сыну.

Более сложен вопрос о переходе царской власти от Ситалка к правившему после него Севту I. Совершенно очевидно, что Севт I был племянником предшествующего царя Ситалка (об этом дважды сообщает Фукидид — II, 101, 5 и IV, 101, 5), он был сыном Спарадока. Было бы существенно выяснить, представлял ли переход власти от дяди к племяннику явление экстраординарное, вызванное отсутствием прямых наследников или их насильственным устранением, или же он отражал законный порядок преемственности царской власти во Фракии?

Нам известно, что накануне кампании против македонского царя Пердикки (430 г. до н. э.) Ситалк имел взрослого сына [80], получившего от афинян права гражданства (*Thuc.*, II, 29,5) и принимавшего активное участие в руководстве внешней политикой Одрисского царства (*Thuc.*, II, 67, 1—4). Фукидид сообщает нам имя этого сына царя Ситалка — Садок; однако другой источник — схолии к 145-й строфе «Ахарнян» Аристофана — называет не только это имя, но и два других, которые имел этот сын Ситалка: одни его именовали по деду — Терес, другие по отцу — Ситалк [81].

[78] *A. Ferrabino.* Per Tere, Sparadoco e Sitalce Odrisi. «Boll. di filol. class.»; XVIII, 1911/1912, p. 282. А. Феррабино предполагает, что Спарадок был старшим братом, непосредственно сменившим своего отца Тереса на престоле, но вскоре умершим; он отмечает, что Фукидид не противоречит этому, так как он называет Ситалка сыном Тереса, но не говорит, что он был его преемником. С А. Феррабино согласен Мл. Тонев («Приноси към историята на тракитe». БИ, I, 1942, стр. 190) и Г. Кацаров («Произход и перъв разцвет на Одриското царство в древна Тракия». УИ, XXXII, 1933, стр. 740, прим. 1). Иначе — Я. Тодоров («Тракийските царе». ГСУ ИФФ, XXIX, в. 7, 1933, стр. 7), Д. П. Димитров («Исторически мотиви в драмата «Резос». ИБИД, X, 1933, стр. 17—18) и С. Кэссон («Macedonia. Thrace, Illyria», p. 207—208). Больше данных, по моему мнению, присоединиться к тем исследователям, которые, следуя Фукидиду (II, 29, 1—3; II, 67, 1; II, 95, 1), считают Ситалка непосредственным наследником Тереса.

[79] *A. Höck.* Das Odrysenreich in Thrakien im fünften und vierten Jahrhundert v. Chr. «Hermes», XXVI, 1891. Но и это мнение, как кажется, нельзя признать бесспорным, так как и оно основано на факте самостоятельной чеканки Спарадока, что не может служить доказательством обладания властью ни над Одрисским царством, ни над какой-либо частью его (см. предыдущее примечание); ему противоречит и то, что сын Спарадока — Севт был одним из наиболее влиятельных лиц при Ситалке, но не был при его жизни самостоятельным правителем какой-то части Фракии.

[80] М. Тонев справедливо считает («Приноси», стр. 188, прим. 4), что Садок был рожден не позже 450 г. от первого брака Ситалка (второй брак Ситалка с гречанкой из Абдер, о котором сообщает Фукидид — II, 29, 1, произошел незадолго до 430 г., когда Садок был уже послом в Афинах).

[81] В литературе ряд лет шла оживленная полемика о том, были ли у Ситалка кроме Садока еще и другие сыновья. Схолии к 145-й строфе «Ахарнян» Аристофана дали повод некоторым ученым (*A. Höck.* Odrysenreich..., S. 82—83; *W. Tomaschek.* Die alten Thraker, CXXXI, 1894, S. 43; *K. Beloch.* Griechische Geschichte, III, 2, S. 85, 91; *A. Solari.* Sui dinasti degli Odrisi (V—IV s. a. Ch.). Pisa, 1912, p. 47) утверждать, что у Ситалка было три сына, а не один упомянутый Фукидидом Садок. Однако

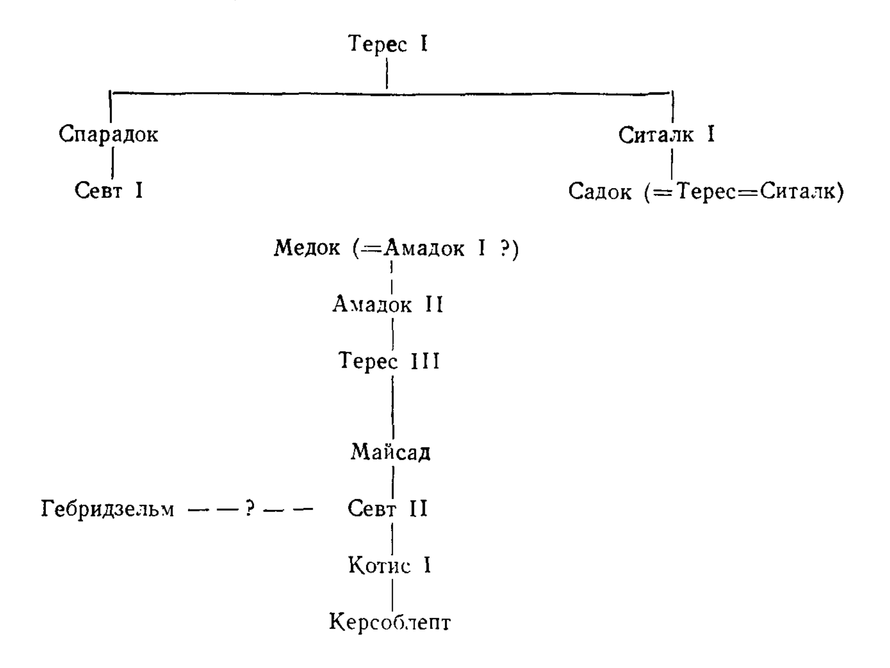
Тем не менее после 424 г., когда Ситалк был убит в битве с трибаллами (*Thuc.*, IV, 101,4), царская власть в Одрисском царстве оказалась не в руках Садока — сына умершего царя, а в руках Севта — его племянника. Некоторые стремятся объяснить эту ситуацию тем, что Севт-де был сыном старшего из сыновей Тереса — Спарадока и именно поэтому играл выдающуюся роль уже во время царствования своего дяди (о выдающейся роли Севта при Ситалке см.: *Thuc.*, II, 101,5). Такое объяснение получения царской власти Севтом не кажется нам убедительным. Во-первых, как уже приходилось отмечать, нет положительно никаких сведений о том, что Спарадок был старшим из двух известных нам сыновей Тереса. Во-вторых, выдающуюся роль Севта при жизни Ситалка совсем не обязательно объяснять старшинством; она могла быть основана на личных качествах Севта. Совершенно очевидно, в-третьих, что и Садок также играл немаловажную роль при отце: по крайней мере известно, что к нему обращаются афиняне с просьбой выдать прибывших к царю Ситалку спартанских послов, что Садок и выполняет без какой-либо консультации с Ситалком или Севтом (*Thuc.*, II, 67, 1—4). Более достоверной представляется другая версия, основанная на приведенном Демосфеном письме Филиппа (*Demosth.*, Ep. Phil., XII, 9), в котором македонский царь упрекает афинян в том, что после смерти афинского гражданина Ситалка они тотчас же заключили союз с его убийцей. Сведения этого источника, неоднократно подвергавшегося толкованию [82], нельзя понимать в том смысле, что убит был царь Ситалк и афиняне заключили союз с его убийцей: этому противоречит и то, что Ситалк-царь не был афинским гражданином, и сообщение Фукидида о том, что этот царь пал в бою с трибаллами (IV, 101, 4). Эти соображения заставляют нас присоединиться к мнению Я. Тодорова о том, что в письме Филиппа речь идет об убийстве афинского гражданина, наследника царя Ситалка его сына Садока (Ситалка), и о союзе, заключенном афинянами с его убийцей,— вероятно, Севтом, сыном Спарадока, будущим царем Севтом I. Очень близко к этой версии предположение Г. Свободы о том, что устранение Садока от наследования и потеря им влияния связаны с усилением антиафинских тенденций при фракийском дворе (Садок был проводником афинского влияния) [83]. Если принять во внимание обе эти версии, то из двух поставленных в начале этих рассуждений вопросов мы должны положительно ответить на первый: перед нами случай устранения закон-

возобладало мнение о том, что в схолиях к 145-й строфе «Ахарнян» речь идет о трех различных версиях имени одного и того же сына Ситалка (*A. Ferrabino*. I regni di Seuthe IIe de Ebryzelmis in Thracia. «Boll. di filol. class.», XIX, 1912—1913, p. 232; *Schoch*. s. v. Sitalkes RE, 2 Reihe, V, S. 381; *Я. Тодоров*. Тракийските царе, стр. 17—18; *Г. Кацаров* Произход и перъв разцвет, стр. 754). Вероятно, утверждение о том, что у Ситалка было три сына, следует отбросить и признать, что его единственный сын носил три имени· по деду — Терес, по отцу — Ситалк и по версии Фукидида — Садок.

[82] *H. Swoboda* RE. I — A, s. v. Sadokos, S. 1963.

[83] Там же.

Схема
родственных связей между фракийскими царями
(V — середина IV в. до н. э.)

ного наследника — сына царя путем дворцового переворота и, возможно, убийства.

Наши знания по поводу родственных связей одрисских царей прерываются после Севта I. Его преемником был Медок (Амадок), но неизвестно, в каком родстве он находился с Севтом I [84]. Сведения о Медоке (Амадоке I) прерываются после сообщения о событиях 389 г. Однако есть более поздние данные о преемственности царской власти от отца к сыну в этой линии одрисских царей: во время борьбы за царскую власть после смерти царя Котиса I (т. е. после 359 г. до н. э.) на нее успешно претендовал сын Медока (Амадока) — Амадок II (*Herpokration*, s. v. Ἀμάδοκος; *Teopomp.*, fr. 99 сообщает нам, что

[84] Мнение К. Белоха («Griechische Geschichte», III, 2, S. 86) о том, что Медок был сыном Ситалка или Спарадока, не основано на источниках (см. *Г. Кацаров*. Принос към историята на древна Тракия. ИИБИ, V, 1954, стр. 157; *Я. Тодоров*. Тракийските царе, стр. 25). Также мало оснований было и у М. Кэри («Geschichte der Könige von Thrakien», S. 10) считать, что Медок захватил власть путем дворцового переворота и изгнания законного наследника — Майсада: этому противоречит хорошее отношение и помощь Медока сыну Майсада — Севту (будущему царю Севту II). Другие предположения высказал Р. Вульпе (*R. Vulpe*. Le succession des rois odryses. «Istros», II, 1934, p. 16).

Амадок, выступивший против сына Котиса, был сыном Амадока Старшего), получивший в результате раздела Фракии одну из ее частей. Эта же линия царского рода прослеживается и дальше: в письме Филиппа Македонского (*Demosth.*, Ep. Phil., VII, 8) сообщается о Тересе, владеющем частью Фракии. Предположения А. Хока, К. Белоха и А. Солари о том, что этот Терес (Терес III) был сыном Амадока II[85], подтверждаются очень важными для нас данными монет. Здесь нумизматический материал впервые в истории Одрисского царства отразил появление династической линии. Если на монетах более ранних представителей этого рода (Спарадока, Севта I) фигурируют самостоятельные и тематически не связанные между собой эмблемы, то на монетах Амадока I, Амадока II, Тереса II[86] и Тереса III, различающихся между собой лишь именем царя, постоянно присутствует одна и та же эмблема — двуострая секира[87]. Появление изображения этого характерного для фракийцев оружия (имевшего также прямое отношение к общефракийскому культу бога Диониса) на монетах одрисских царей должно было символизировать их претензию на правление над всей Фракией и указывать на законную преемственность власти.

Несмотря на существенные лакуны в наших знаниях о родственных связях между фракийскими царями, а также парадинастами, сменявшими друг друга, есть некоторая возможность констатировать и еще одну линию царского дома. Она безусловно ведет свое начало с очень давних времен (от Тереса — *Xenoph.*, Anab., VII, II, 22), но мы можем проследить ее только с Майсада, правившего во времена Севта I и Медока (Амадока) над частью Фракии в качестве парадинаста. Сыном этого Майсада был Севт II, о чем мы точно осведомлены благодаря рассказу самого Севта, переданного Ксенофонтом (Anab., VII, II, 32). После долгих усилий Севту II удалось добиться равных прав (*Diod.*, XIII, 105, 3), а потом и окончательно отложиться от своего благодетеля и воспитателя — Медока (*Aristot.*, Polit., 1312a). Мы точно не знаем, в какой мере можно говорить о том, что Севт II захватил всю Фракию: Гебридзельм, который в 386 г. правит Одрисским царством, не был его сыном (см. стр. 218). Но во времена Котиса эта побочная линия одрисского рода выходит на первый план. На основании литературных источников об отце Котиса можно было лишь делать пред-

[85] *А. Höck.* Odrysenreich, S. 110; *K. Beloch.* Указ. соч., стр. 86; *A. Solari.* Указ. соч., стр. 35.

[86] К этому же числу родственников и наследников Амадока I следует причислить и того Тереса (II), который был во времена Ксенофонта парадинастом во Фракийской дельте, т. е. в области между Византием и Салмидессом (см. след. прим.).

[87] *М. Тонев.* Приноси, стр. 193.

Имена царей на монетах с изображением секиры:

Амадок I — *В. Добруски.* Исторически поглед, табл. I, *8, 10, 14*, стр. 577—579; МТЦ, табл. I, *12—14, 16—18*; табл. VIII, *21*, стр. 202—204.

Амадок II — МТЦ, табл. I, 15, стр. 203; HN, p. 283.

Терес II (династ, владевший Фракийской дельтой) и Терес III *В. Добруски.* Исторически поглед, табл. I, 12, стр. 578—591; МТЦ, табл. I, *22, 23*, стр. 204; *F. Imhoof-Blumer.* Porträtkopfe, S. 16.

положения. Однако фрагмент надписи, содержащий решение афинского народного собрания, который датируется 331/330 г. до н. э., упоминает посла в Афинах некоего Ребуласа, сына Севта и брата Котиса[88]. А. Хок привел достаточно веские аргументы для доказательства того, что в надписи упомянут Севт II и его два сына — одрисский царь Котис и его брат Ребулас[89]. Истории хорошо известен также и сын Котиса — царь Керсоблепт (*Demosth.*, C. Aristokr., 114, 163), тщетно отстаивавший в борьбе с Амадоком II и Берисадом единство Одрисского царства и свое руководство им и вынужденный согласиться в 359 г. с разделением Фракии на три части, лишь одну из которых он получил. Эти рассуждения приобретают больше веса, если сопоставить их с нумизматическими данными. На монетах царей Севта II, Котиса I и Керсоблепта изображена одна и та же эмблема — сосуд с двумя ручками (кипсела). Таким образом, и здесь, в монетах одрисских царей, ведущих свое происхождение от парадинаста Майсада, также появляется общий символ, знаменующий возникновение династии. Эта же эмблема присутствует на монетах еще одного царя — Гебридзельма. Одни ученые не видят возможности высказать определенное мнение о его родственных связях с предшествующими одрисскими царями, но только лишь некоторые предположения, не обоснованные, однако, в достаточной мере источниками[90]; другие идентифицируют этого царя с переводчиком и послом Севта II по имени Абродзельм, которого упоминает Ксенофонт (Anab., VII, VI, 43 — Ἀβροζέλμης) и приходят, таким образом, к выводу о том, что Гебридзельм был узурпатором царской власти[91]. Это второе мнение обладает преимуществом перед первым, так как все же имеет некоторую аргументацию. При любых обстоятельствах эмблема на монетах Гебридзельма, сходная с эмблемой на монетах одрисских царей, ведущих свой род от Майсада и Севта II, указывает на стремление этого правителя подчеркнуть свою связь с этим родом и указать на законную преемственность в правлении.

Таким образом, в порядке смены царей Одрисского царства можно проследить появление наследственного принципа. Выборность пред-

[88] CIA, II, 1, 1756в = IG, II, 1. 349 Ῥηβούλας Σεύθου υἱός Κότυος ἀδελφὸς αγγελ.

[89] *А. Hock.* Odrysenreich, S. 89—90; с ним согласны Я. Тодоров («Тракийските царе», стр 34), В. Добруски («Исторически поглед...», стр. 586) и У. Карштедт (RE, XI, s. v. Kotys, S. 1551). См., однако, предположения К. Белоха («Griechische Geschichte», III 2, S. 90 и родословная таблица на стр. 91) и Х. Свободы (RE, II, 2, s v. Seuthes, S 2022), которые все же склонны считать Котиса сыном Севта II.

[90] А. Хок (*А. Hock.* Odrysenreich, S. 457), Я. Тодоров («Тракийските царе», стр. 32) и Г Кацаров («Принос...», стр. 170) не видят возможности выяснить родственные связи Гебридзельма. К. Белох предполагает, что Гебридзельм был сыном Амадока I, но не приводит этому никаких доказательств (*K. Beloch.* Griechische Geschichte, III, 2, S 86); ему следует А. Хок в более поздней своей работе («Die Sohne des Kersobleptes von Thrakien»,—«Hermes», XXXIII, 1893, S. 637), не указывая, однако, что́ заставило его изменить свое первоначальное мнение.

[91] *P. Foucart.* Les Athéniens dans la Chersonése de Thrace au IV-e siècle. «Mémoires de l'Acad. des inscr. et belles-lettres», XXXVIII, 2, Paris, 1909, p. 13; *A. Solari.* Указ. соч., стр. 16.

водителей, которую можно было отметить даже у развитых фракийцев во времена возникновения союзов племен, в период Одрисского царства полностью отсутствовала. Насколько можно судить по скудным источникам, оставляющим лакуны в наших знаниях о родословной одрисских царей, наследование шло в пределах одной семьи от отца к сыну (можно лишь предполагать, что к старшему, но определенных данных об этом нет).

На наследственном принципе была основана не только преемственность власти одрисских царей, но и парадинастов. Появление династических линий в Одрисском царстве указывает на глубину проникновения принципа наследования царской власти [92]. Касаясь характеристики власти предводителей фракийцев в доодрисский период, мы отмечали, что эта власть основывалась не только на происхождении, но и на личных качествах правителя. Добродетели предводителя первобытнообщинного общества, еще прослеживаемые у вождей доодрисского периода (например, военный талант, справедливость, доступность для всех соплеменников и др.), теперь уступают место тем качествам, которые должны были обеспечивать интересы правящих групп царства. Нам мало известны черты характера Тереса, Ситалка, Севта. Но появление на одрисском престоле Котиса I, необычайный деспотизм и жестокость которого по отношению к своим подданным сделали его имя едва ли не нарицательным для античной историографии, нельзя рассматривать как явление случайное, не обусловленное всем предыдущим ходом развития царской власти во Фракии. При получении власти одрисскими царями решающую роль имеют наследственные права. Узурпаторы или лица, получившие верховную власть вследствие отсутствия прямых наследников, теперь всячески стараются подчеркнуть свою принадлежность к царскому роду.

Это был период, к которому применима характеристика Ф. Энгельса: «...установленное обычаем избрание их (военачальников. — *Т. З.*) преемников из одних и тех же семейств мало-помалу, в особенности со времени утверждения отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сначала терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют...» Как известно, этому признаку (т. е. появлению наследственной, от отца к сыну, власти) Энгельс придавал особое значение при изучении процесса, когда «органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность...» [93].

Однако частые убийства царей и их наследников, узурпация власти, дворцовые перевороты и т. п. явления свидетельствуют о неустойчивости принципа наследования царей в Одрисском царстве.

Расширение прерогатив и функций одрисских царей отражает процесс формирования монархической власти во Фракии V в. до н. э. Для

[92] *Х. Данов.* Критичен обзор върху буржоазната историография. ГСУ ФИФ, LVII, II, История, 1964, стр. 28.
[93] *Ф. Энгельс.* ПСЧСГ, стр. 164.

его исследования ценные сведения дают нумизматические материалы. Как помним, монеты времени существования племенного союза фракийцев VI — начала V в. до н. э. одновременно выпускались от имени племени в целом или от имени царя. В этом следует усматривать свидетельство того, что власть царя в этот начальный период ее становления еще резко не противопоставлялась племенным органам управления [94]. Легенды на монетах одрисских царей составляют резкий контраст легендам южнофракийских монет VI — начала V в. до н. э. Все они представляют собой имена царей или их соправителей — парадинастов, т. е. выпускаются от их имени. В этом изменении легенд на монетах нельзя не усмотреть усиления принципа единовластия (царь, а не племя выступает в качестве единственного представителя общества) и признак ослабления роли племенных органов власти.

Царь Одрисского царства стоит во главе фракийского войска: руководит непосредственно военными действиями, созывает армию для похода и т. д. Храбрость, военный опыт и талант остаются теми качествами, которыми источники очень часто наделяют фракийских правителей начальной эпохи Одрисского царства [95]. Порядок созыва воинских отрядов для общефракийского похода очевиден из описания Фукидидом подготовки похода фракийцев против Пердикки Македонского (*Thuc.*, II, 96, 1): им руководит одрисский царь. И в более позднее время, при Медоке и Севте II, сохраняется тот же порядок (*Corn. Nep.*, Alcib., 7—8). Совершенно ясно, что царь стоит и во главе военных операций. Античная традиция донесла до нас два интересных свидетельства, указывающих на значение войны и военного образа жизни для одрисских царей. Так, Плутарх сообщает, что Терес, отец Ситалка, говаривал, что если он не воюет, то ему кажется, что он мало отличается от своих конюхов [96]. Не менее интересен эпизод, описываемый Ксенофонтом (Anab., IV, V, 5—6): во время фракийского военного танца танцор, изображающий победителя, распевает над побежденным песнь, которая называлась «Ситалка» (ᾄδων τὸν Σιτάλκαν). Военная песнь, носящая имя одного из одрисских царей, — свидетельство и военных заслуг этого правителя, и той роли, которую он играл при военных действиях фракийцев. Все это — указания на то, что военное предводительство попрежнему оставалось одной из главных функций царей и в одрисское время. Изменения в порядке военного предводительства в эпоху Одрисского царства заключались, во-первых, в уменьшении роли племенных вождей (возглавлявших подразделения фракийского войска, основанные на племенном принципе), подчинявшихся теперь единому руководителю — царю; во-вторых, они касались появления нового вида военных формирований в виде дружин, постоянно находившихся при царе, бывших в значительной мере у него на содержании и в его полном подчинении (подробнее об этом см. стр. 253—254).

[94] *Т. Д. Златковская.* Проблемы становления государственной власти у южнофракийских племен, стр. 308—312.
[95] *Diod.*, XII, 50: ἀνδρεῖος μὲν ἄρχων τῶν ὑποτεταγμένων.
[96] *Plut.*, Apophthegmata, I, 207, 17.

Еще в большей мере изменения в деятельности фракийских царей происходили в сфере политического руководства, касались расширения функций управления и руководства различными сторонами общественной жизни Фракии.

В этом отношении интересно сравнить те общие характеристики фракийских предводителей в разные периоды истории Фракии (от VII до конца V в.), которые дают нам источники. Мы имеем в виду данные гомеровского эпоса о деятельности фракийских вождей; сведения Корнелия Непота о характере власти предводителя фракийского племени долонков; общую характеристику одрисского царя Ситалка, содержащуюся у Диодора Сицилийского.

Разбирая в начале третьей части этой книги термины, применяемые в гомеровском эпосе по отношению к фракийским вождям IX—VIII вв. до н. э. — Менту, Евфему и Пейресу, мы обратили внимание на то, что все они указывают на военное предводительство как на их основную (и, возможно, единственную) функцию. «Долония», характеризующая, как кажется, ситуацию конца VII—VI в. до н. э., подтверждает эти сведения, но дает и некоторый повод для заключения о наличии у царя судебной власти. Корнелий Непот, оценивающий власть Мильтиада — правителя долонков в конце VI и начале V в. до н. э., четко очерчивает, как мы видели, круг его основных обязанностей военным предводительством и разрешением судебных конфликтов [97]. В характеристике Ситалка Диодором Сицилийским также подчеркнута его храбрость, военное предводительство и справедливость (XII, 50), что указывает на военную и судебную деятельность этого фракийского царя. В письменной античной традиции фракийские цари времени Одрисского царства выступают как самовластные хозяева над жизнью и смертью своих подданных [98]. Однако эпизод с казнью Мильтокита, который я буду подробно разбирать ниже (см. стр. 244—246), дает свидетельство ограничения в некоторых случаях судебной власти царя властью народного собрания еще и во времена преемников Котиса. Это дает основания полагать, что в более ранние периоды власть над жизнью и смертью фракийцев находилась в ведении народного собрания и царь играл роль лишь одного из наиболее влиятельных его членов. Именно такую роль в аналогичном случае играл у гетов царь Дромихет, стоявший во главе гетских племен в начале III в. до н. э., когда их политическая связь с Одрисским царством была уже утрачена [99]. Дромихет выступил с речью на собрании воинов, решавших судьбу попавшего к ним в плен Лисимаха; только после того, как ему удалось убедить воинов не убивать македонского царя, Лисимах был отпущен. В этом эпизоде, хронологически более позднем, чем время первых одрисских царей, есть все же основания видеть характеристику стадиально более ранней ступени развития суда у фракийцев (гетов), достигших в своем

[97] *Corn. Nep.*, Milt., 11: neque id magis imperio, quam institia consecutus.
[98] *Xenoph.*, Anab., VII, IV, 9—10; *Theopomp*, ap. Athen., I, 12; *Diod.*, XXXIII. fr. 12, 14.
[99] *Diod.*, XXI, 12

самостоятельном историческом развитии только в эпоху Дромихета уровня возникновения союза племен[100].

Характеристика власти фракийского царя эпохи расцвета Одрисского царства, содержащаяся у того же Диодора Сицилийского, дает возможность проследить ее дальнейшее развитие. Этот автор сообщает нам (XII, 50): «Благодаря собственной храбрости и уму он [Ситалк] во много раз увеличил свое могущество, так как управлял своими подданными справедливо, в сражениях был храбрым и опытным военачальником, кроме того, прилагал большие усилия для увеличения своих доходов». Хотя и здесь по-прежнему в качестве царской добродетели упоминается храбрость, но все же главное внимание обращено на другие его качества: справедливое управление подданными и особенно заботы по увеличению доходов. Эти две последние черты деятельности царя Ситалка свидетельствуют о развитых функциях управления, сосредоточенных в руках фракийского царя. Получение дохода с подданных — настолько яркая черта деятельности одрисских царей, что она отмечена и другими источниками, касающимися более поздних правителей Фракии. Известно, что Фукидид (II, 97, 3) считает преемника Ситалка — Севта I царем, «увеличившим до наивысшей степени размер податей». Этот текст, между прочим, указывает на стремление к увеличению податей и у более ранних царей, чем Севт I, который только увеличил их до наибольшего размера. События во Фракии конца V в., описанные Ксенофонтом, связаны, как известно, со стремлением Севта II собирать постоянный доход с населения, для чего он и предпринимает кампанию против восставших и отложившихся от одриссов племен.

Достоверные литературные источники и эпиграфические документы, представляющие собой декреты Афинского государства, дают ценный материал для суждения о развитии функций одрисских царей, связанных с внешнеполитическими сношениями. Наиболее ранние сведения об этом мы находим у Фукидида. Они относятся к периоду царствования Ситалка и носят двоякий характер. С одной стороны, при описании заключения союза афинян с Ситалком против македонского царя Пердикки фракийский царь выступает перед нами как единственный и полноправный представитель своего царства, самовластно заключающий и расторгающий соглашения с иноземной державой (*Thuc.*, II, 29, 4—6; II, 95, 1—3). С другой стороны, в иных двух эпизодах внешнеполитические функции царя у этого же автора выступают в ином свете. Первый из них (*Thuc.*, II, 67, 1—4) касается попытки Спарты склонить Ситалка на свою сторону и разорвать союз с Афинами В то время как послы спартанцев обращаются к Ситалку, послы их противников — афинян действуют через сына царя — Садока, прося его передать спартанцев в их руки. Садок самостоятельно, без ведома отца, вы-

[100] *Т Д Златковская* Племенной союз гетов под руководством Биребисты. ВДИ, 1955, № 2, стр. 73—91.

дает спартанских послов афинянам, способствует их пересылке в Афины и гибели. Эпизод этот не кажется случайным. Связь Садока с Афинами, которые явно делали на него ставку, ощущается и в более ранее время, когда именно ему (а не царю Ситалку) афиняне дают почетное афинское гражданство (*Thuc.*, II, 29, 5; II, 64, 2). Второй эпизод относится ко времени окончания похода Ситалка против македонского царя Пердикки. Как известно (*Thuc.*, II, 101, 5—6), Пердикка тайно привлек на свою сторону очень влиятельного племянника Ситалка — Севга, обещав выдать за него замуж свою сестру и дать большое приданое. Севту удалось убедить царя прекратить поход против Македонии и вернуться обратно восвояси.

Оба эти эпизода дают основания полагать, что единовластие царя во внешнеполитических сношениях во второй половине V в. еще не было бесспорным; что бывали обстоятельства, при которых в дело энергично вмешивались и другие, наиболее влиятельные и знатные лица, с которыми царю приходилось считаться.

Иное впечатление создают более поздние источники (конец V в. до н. э.). Ксенофонт в «Анабазисе» (VII, III, 16) рассказывает, что греки из Париона направили своих послов к фракийскому царю Медоку, чтобы заключить с ним союз; переговоры явно должны были происходить во время личной встречи с царем, так как послы едут через Фракию к нему и везут для царя и его жены ценные подарки. Из этого же эпизода совершенно ясно и намерение послов Париона вести переговоры с фракийским царем (Медоком), а не с его парадинастом (Севтом): они попадают во владения Севта лишь проездом и их с большим трудом уговаривает верный слуга Севта — Медосад отдать подарки, предназначенные фракийскому царю Медоку, своему господину, т. е. Севту.

Эта тенденция усиления власти и прерогатив царя во внешних сношениях прослеживается особенно ярко по источникам начала и первой половины IV в. до н. э. Интерес в этом отношении представляет чрезвычайно важная афинская надпись в честь одрисского царя Гебридзельма, датируемая 386/5 г. до н. э.[101] Из ее текста можно сделать некоторые выводы, касающиеся интересующего нас вопроса. Совершенно очевидно, во-первых, что послы фракийцев в Афинах выступают от имени царя: надпись (строки 22—23) именует их οἱ πρέσβ[ε]ς οἱ]ὰ βασιλέω[ς] Ἑ[βρυζέλ[μ]ιδο[ς] — посланниками царя Гебридзельма. Ясно, во-вторых, что переговоры не были закончены в Афинах и для их продолжения и окончания потребовалось информировать царя о результатах достигнутой в Афинах договоренности. Для этого к одрисскому царю были отправлены три посла от афинян. Вероятно, фракийские представители царя не смогли завершить переговоров самостоятельно. В-третьих, хотя надпись сильно повреждена и содержание переговоров

[101] CIA, IV, II, 14c, Suppl., p. 8, *Dittenb.*, Syll., I 138. Надпись подробно комментирована А. Хоком (*A. Hock. Der* Odrysenkönig Hebrytelmis. S. 453—462) и Я. Тодоровым («Тракийските царе», стр. 32 сл.).

в Афинах нам остается неизвестным, Я. Тодоров, наверное, прав, полагая, что речь шла о заключении союза Одрисского царства с Афинами [102]. По крайней мере очевидно (строка 20), что одрисский царь вел переговоры о подходе афинского флота для оказания ему помощи. Таким образом, надпись 386/5 г. до н. э. недвусмысленно указывает на то, что во внешних сношениях царь выступал как единственный и полноправный представитель фракийского царства.

Аналогичное заключение можно сделать и из других документов, относящихся к богатой событиями эпохе борьбы претендентов на Одрисское царство после смерти Котиса I (середина IV в. до н. э.). Как известно, в начале 50-х годов IV в. до н. э. сын Котиса I одрисский царь Керсоблепт вызвал бурный протест своих соотечественников жестокой расправой над своим противником Мильтокитом. Положение Керсоблепта было ухудшено еще и тем, что два претендента на его царство — Берисад и Амадок объединили свои усилия и нашли поддержку у Афин. При таких обстоятельствах Керсоблепт вынужден был в 358 г. заключить договор с Афинами, по которому он уступил Афинам Херсонес Фракийский и согласился на то, чтобы общая власть во Фракии была поделена между тремя царями — Керсоблептом, Берисадом и Амадоком. Об этих событиях 358 г. нам сообщает Демосфен в речи против Аристократа (*Demosth.*, C. Arist., 170), из которой ясно следует, что договор с Афинами и с двумя другими претендентами на царскую власть заключает Керсоблепт, который в период перед заключением договора еще считался единовластным правителем Фракии. Попутно надо подчеркнуть, что договор 358 г. касался наиболее существенных и важных вопросов: разделения Одрисского царства на три части и передачи фракийской территории Херсонеса, имевшего огромное хозяйственное и политическое значение для всей Фракии, другому государству.

Внешнеполитические функции царя можно проследить и на основании источников, описывающих дальнейшие события в Одрисском царстве. Керсоблепт вскоре, уже в 357 г. до н. э., нарушил договор, начав опять собирать дань с Херсонеса. В ответ на это афиняне отправили своего военачальника Хареса с кораблями в Херсонес и вынудили Керсоблепта согласиться на заключение нового договора 357 г. Сообщения Диодора (XVI, 34, 4) и Демосфена (c. Arist., 173) об этих событиях рисуют Керсоблепта как лицо, единовластно представлявшее власть в стране: он передает афинянам Херсонес и скрепляет договор. Однако более точно условия заключения договора 357 г. сообщает нам надпись из Афин [103]. Из нее явствует, что не один Керсоблепт, а три царя Фракии (Берисад, Амадок и Керсоблепт) заключают с Афинами договор, по которому обе стороны обязывались военной силой помогать друг другу получать с греческих городов на Фракийском побережье и с гре-

[102] *Я. Тодоров.* Тракийските царе, стр. 32.

[103] *P. Foucart.* Les Athéniens dans la Chersonése de Thrace, p. 96. Подробно об этой надписи см.: *Я. Тодоров.* Тракийските царе, стр. 42 сл.

ческих городов на Херсонесе определенный взнос. Я. Тодоров удачно комментировал надпись, обратив внимание на то, что при внешних сношениях фракийцев с Афинами и их военных обязательствах по отношению к ним три царя выступают как представители единой Одрисской державы. Внутри же подвластных им областей цари были самостоятельными правителями, и каждому из них в отдельности греческие города, находившиеся на их территории, выплачивали трибут. Нет ничего удивительного, что в самый начальный период раздела Фракии внешнеполитическое представительство страны не было еще разделено [104], но в данном случае важно, что его осуществляют цари. То обстоятельство, что эти функции царя Фракии в 357 г. были поделены между тремя лицами, ставшими царями ее отдельных частей, не меняет дела.

Таким образом, судя по источникам об Одрисском царстве, лишь в ранний период его существования можно уловить признаки ограничения воли и самостоятельности царя во внешней политике влиянием и авторитетом членов царской семьи. Что касается более позднего времени (конец V—IV в. до н. э.), то все имеющиеся в нашем распоряжении источники указывают на единовластное решение царем всех вопросов, связанных с внешней политикой Одрисского царства.

Литературные, археологические и этнографические источники свидетельствуют о соединении в руках у фракийских руководителей функций жреца и царя. Однако рассмотреть эту черту царской власти в развитии очень трудно, так как материалы не всегда можно датировать.

Возможно, наиболее древние из этих свидетельств сохранились в этнографии болгар. Во время кукерских игр — обряде, бытующем и популярном у болгар до настоящего времени [105], есть одна сцена, представляющая в данной связи большой интерес. Обряд распадается на две части, первая из которых — хождение по домам с пожеланиями благополучия и сбором подарков — справляется с утра до обеда; вторая — ритуальные пахота и посев — под вечер. На описании этой второй части праздника следует остановиться подробнее. Центральное место в ней занимает чаще всего «царь», которого привозят на площадь в двухколесной повозке, влекомой чаще всего двумя «быками» («валовете») — участниками карнавала. Пока одни кукеры задевают проходящих девушек, хлопают «пометами» зазевавшихся зрителей, другие приносят «орало», мешок с семенами или крину. Сеет чаще всего «царь» (иногда «невеста» или «судья»), а пашет — кукер (или несколько кукеров, иногда «судья»). При каждом широком взмахе руки сеятеля кукеры

[104] В свете этой надписи становятся ясными слова Демосфена (с. Aristocr., 170): «общая власть над Фракией будет распределена между тремя (царями)».

[105] *М. Арнаудов.* Кукери и русалии. «Сборник за народни умотворения и народопис», XXXIV. София, 1920, стр. 581 сл. (здесь указаны и более ранние работы о кукерском обряде); *П. А. Петров.* Кукери в Пъдарево, Бургаско. Там же, L. София, 1963, стр. 346 сл.; «Народы зарубежной Европы». М., 1964, стр. 350—352; «Очерки общей этнографии. Зарубежная Европа». М., 1966, стр. 75; *Ch. Wakarelski.* Etnografia Bulgarii. Wroclaw, 1965, s. 343—349.

13. Сцена прибытия царя для свершения ритуальной пахоты на монете дерронов

высоко подпрыгивают, звеня колокольцами (полагают, что чем выше прыжки, тем лучше урожай, выше колос). «Царь» произносит пожелания хорошего урожая («от едното — хиляда» — «из одного (зерна) — тысяча»). После посева кидают крину; если она упадет горлом вверх — урожай будет плохим, если вниз — хорошим. В последнем случае кукеры и зрители бурно выражают свою радость. В конце пахоты на «царя» внезапно нападают кукеры и «убивают» его (или трижды валят на землю). «Царя» горько оплакивает «баба», он «воскресает» и весело скачет.

В более ранней работе мы пытались доказать фракийское происхождение основных элементов кукерского обряда у болгар [106]. Связь сцены ритуальной пахоты и посева в этом обряде с фракийским ритуалом доказывается изображениями на монетах фракийского племени дерронов VI—V вв. до н. э. (рис. 13). На них представлен человек с кнутом, сидящий на двуколке, влекомой двумя быками. Трудно объяснимое само по себе изображение на монетах становится более ясным при сопоставлении его с теми сценами, которые происходят во время кукерского обряда, особенно с той из них, когда для свершения обрядовой пахоты и посева «царя», держащего в руках кнут, привозят на повозке с двумя колесами, в которую впряжены «воловете». Эта церемония, входящая в современный кукерский обряд, настолько совпадает с той сценой, которая изображалась на монетах дерронов, что истоки ее, на наш взгляд, не вызывают сомнения.

Интересно отметить, что наименование современного руководителя этой церемонии у болгар — «царь» — совпадает с наименованием руководителя фракийских дионисий. Об этом свидетельствует очень важный для нас раннесредневековый документ, описывающий этот обычай в Добрудже, в Дуросторуме (совр. Силистрия) [107], т. е. на территории расселения фракийского племени гетов. Это анонимное житие мучени-

[106] *Т. Д Златковская.* О происхождении некоторых элементов кукерского обряда у болгар. СЭ, 1967, № 3, стр. 31—46.

[107] Документ подробно исследован В. Тыпковой-Заимовой, которая приводит также и литературу о нем (см. «Сведения за средневековни кукерски игри в Силистринско».— «Езиковедско-етнографски изследования в памет на академик Стоян Романски». София, 1960, стр. 705, 708). В дальнейшем цитирую документ по ее работе.

14. Перстень из погребения у с. Розовец близ Пловдива

ка Дазия, описывающее обряд так, как он происходил в конце III и начале IV в. н. э. («когда царствовали безбожные святотатцы Максимиан и Диоклетиан...») и сохранился вплоть до времени жизни житиеписца («эта нечистивая традиция сохранилась до наших дней...»), т. е. до VI или VII в. н. э. Здесь рассказывается о том, что руководитель религиозной церемонии переодевался царем и в таком виде являлся перед народом. Традиция эта уходит, конечно, в древнюю эпоху и также, как монеты дерронов, свидетельствует о совмещении жреческих и управленческих функций у фракийских царей.

Соединение в лице царя верховного жреца и правителя можно проследить и в исследуемое в этой работе одрисское время. К числу свидетельств об этом следует отнести изображение секиры на монетах одрисских царей. Двуострая секира, как уже упоминалось, употреблялась при жертвоприношениях в честь бога Диониса, была символом фракийской богини Котис, чей культ также связан с культом Диониса [108]. Культовое назначение секиры хорошо прослеживается по материалам клада из Вылчитрына Плевенского района, где секиры были найдены вместе с другими предметами, имевшими ритуальный характер [109].

Заслуживает внимания и анализ архитектуры резиденции фракийских царей — Севтополя, проведенный Д. П. Димитровым. Он обратил внимание на то, что дворец — резиденция царя включал в свой план храм-святилище Великих самофракийских богов. Это архитектурное соединение храма с резиденцией фракийского правителя дает основание для предположения об объединении религиозной и политической власти фракийским царем [110].

Прямые свидетельства о соединении этих функций мы находим и в письменных источниках. Так, у фракийцев кебренов и скаибоев жрецы богини Геры, как передает Полиен (VII, 22), были одновременно и вождями. Дион Кассий (LIV, 34) рассказывает о большой роли, кото-

[108] *В Добруски.* Исторически поглед, стр. 578; *Daremberg-Saglio,* s. v. Bacchus.
[109] *В. Миков.* Златно съкровище от Вълчитрын, Плевенско. София, 1958, стр. 47—50.
[110] *Д. П. Димитров.* Градоустройство и архитектура на тракийския град Севтополис. «Археология», II, 1960, стр. 12; *он же* Севтополь — фракийский город близ с. Копринка Казанлыкского района. СА, 1957, № 1, стр. 211.

рую взял на себя жрец бога Диониса Вологез во время восстания племени бессов против римлян в 11 г. до н. э. [111].

Царь Одрисского государства предстает перед нами как лицо, в значительной мере оторванное от общества и стоящее над ним. Нам уже приходилось отмечать, в связи с развитием социальных отношений во Фракии, существование укрепленных вилл и дворцов знати и царей.

15. Перстень из погребения у с. Брезово

Итог этого процесса отделения правителей от народа особенно наглядно отразило градостроительство Фракии IV в. до н. э. Планировка столицы одрисов этого времени Севтополя с ее обособленным от остальной части города укрепленным кварталом, в глубине которого находилась резиденция царя (богато украшенное колоннами и росписью большое здание сложной планировки, с торжественным входом и обширным залом, где выставлялись различные декреты и постановления) [112], иллюстрирует это положение главы Одрисского царства.

Идея божественности царской власти, получения этой власти из рук божества, служащая укреплению незыблемости ее основ, нашла отражение в памятниках материальной культуры Одрисского царства уже с V в. до н. э. и в литературной традиции этого и более позднего времени. В этом отношении весьма выразительны изображения на золотых перстнях из трех богатейших погребений Фракии. Первый из них, найденный у с. Розовец (Рахманлий) Пловдивского района, датируется концом V — началом IV в. [113] (рис. 14). На нем изображен всадник в штанах и рубахе, поверх которых накинута развевающаяся мантия; он с бородой и усами, длинные волосы в беспорядке лежат на плечах. В

[111] *G. Kazarow.* Beiträge, S. 22; *idem* RE, VI, 2. s. v. Thrake, S. 550; *idem.* Thrace. CAH, VIII, p. 538.

[112] *Д. П. Димитров* Севтополь — фракийский город, стр. 208—211; *он же.* Градоустройство и архитектура на тракийския град Севтополис, стр. 11—12.

[113] *Х.* и *К. Шкорпил.* Могили. Пловдив, 1898, стр. 126; *Б. Филов.* Надгробните могили при Дуванлий в Пловдивско. София, 1934, стр. 162, табл. VIII, 10.

левой руке он держит поводья коня, а правая рука, на которую надета гривна, протянута вперед в жесте адорации. Перед конем стоит женщина в длинной подпоясанной одежде, ее голову украшает диадема; правая ее рука лежит на груди, левая опущена вдоль тела и держит какой-то предмет. Одежда, прическа и жест всадника дают основание видеть в нем изображение властелина, а в женщине с диадемой на голове — богиню[114]. Вся сцена свидетельствует о существовании представлений о связи между фракийским правителем и божеством. Всадник выступает здесь как героизированный правитель, который просит благословения у богини.

Более четко эти представления раскрываются изображением на другом золотом перстне, найденном в погребении у с. Брезово[115], датируемом IV—III вв. до н. э. (рис. 15). Всаднику с непокрытой головой в спокойной позе и одетому в длинную рубаху и штаны, подает ритон женщина, облаченная в длинную одежду. В археологической литературе этот сюжет подвергался детальному исследованию. М. Ростовцев, изучавший его на серебряном ритоне и золотой пластине из кургана Карагодеуашх на Кубани, приходит к выводу, что это — ритуальная сцена, изображающая вручение божеством символов царской власти — ритона и скипетра, получение прав правителя из рук божества[116]. Именно такая трактовка сцены на перстне из погребения у с. Брезово[117] подтверждается находкой в этой же могиле железного скипетра, аналогичного скипетру, изображенному на ритоне из Карагодеуашх. Г. И. Кацаров, привлекший для выяснения смысла обряда поднесения чаши еще более широкий круг аналогий, также полагает, что он связан или с символической передачей власти царю, или с обрядом приветствия, выражением благорасположения подносящим чашу тому, кому она предназначена[118].

На третьем перстне (IV—начало III в. до н. э.), хранящемся в собрании Народного археологического музея в Софии (место его находки неизвестно), изображен всадник с ритоном в руке[119]. Т. Герасимов совершенно правильно отмечает, что перед нами изображение не бога-всадника (Героса), так как здесь полностью отсутствуют все атрибуты этого божества, а фракийского властителя.

Таким образом, на двух перстнях IV—III вв. до н. э. можно наблюдать изображение сцен вручения ритона — символа власти — правителю божеством (Брезово) и обладания им (Народный археологический музей).

[114] *Б. Филов.* Указ соч., стр. 193.

[115] *Х.* и *К. Шкорпил.* Указ. соч., стр. 141; *Б. Филов.* Памятници на тракийското изкуство. ИБАД, VI, 1916—1918, стр. 5.

[116] *М. Ростовцев.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК, в. 49. СПб., 1913, стр. 1—18.

[117] *Б. Филов.* Паметници на тракийското изкуство, стр. 6—7; *G. Kazarow.* Beiträge, S. 23, Anm. 8.

[118] *Г. Кацаров.* Обредът поднасяне на чаша. ИБАИ, XV, 1946, стр. 166—167.

[119] *Т. Герасимов.* Златен тракийски пръстен. ИБАИ, XX, 1955, стр. 589—590.

Стремление к обожествлению царской власти можно заметить и в литературной традиции. Теопомп (Athen., Deipnosoph., XII, 531 e) приводит эпизод из жизни царя Котиса, когда этот правитель возымел желание жениться на богине Афине. Вряд ли в этом сумасбродном желании надо усматривать влияние идеи обожествления царской власти, появившейся-де под влиянием македонцев[120]: сюжеты изображений на фракийских золотых перстнях дают основание для утверждения о присутствии с конца V—начала IV в. до н. э. таких представлений и у фракийцев.

ИНСТИТУТ ПАРАДИНАСТОВ

При изучении форм политической организации Одрисского царства необходимо подробно остановиться на одной из характерных черт ее — институте парадинастов — соправителей одрисского царя. В литературных источниках первое прямое упоминание о них относится ко времени Севта I: Фукидид (II, 97, 3) сообщает, что подарки «делались не только Севту, но и правившим с ним династам» (παραδυναστεύοντες). Однако есть достаточно оснований полагать, что и до Севта I, в период создания царства при Induced Тересе I и наибольшего расцвета Одрисского царства при Ситалке, система соправителей имела уже место.

Среди парадинастов, следуя хронологическому принципу, прежде всего надо упомянуть Спарадока, сына Тереса I. Он не был царем Фракии (см. стр. 213—214), но являлся отцом царя Севта I. Особенно ярко роль Спарадока в Одрисском царстве прослеживается по нумизматическому материалу: до нас дошли монеты, чеканенные от его имени[121]. Аналогии изображениям на монетах Спарадока дают повод искать область его управления в наиболее западной части Одрисского царства, примыкающей к району расселения бизалтов[122].

Среди других парадинастов следует назвать Севта (будущего царя Севта I), который еще будучи царевичем считался после царя (своего дяди Ситалка I) наиболее могущественным и влиятельным лицом в Одрисском царстве (*Thuc.*, II, 101, 5).

Более подробно сообщают литературные источники еще об одном парадинасте — Майсаде, отце Севта II. Из рассказа Севта, переданного Ксенофонтом (Anab., VII, II, 32—34), становится известным, что еще

[120] *Kahrstedt*. RE, XI, 2, s v. Kotys, S 1552.

[121] *В Добруски* Исторически поглед, стр. 563—565, *табл* I, 1—4 и *рис* на стр 563; МТЦ, стр 199, табл. I, *1—3*, *5—7*, NII, p. 282.

[122] Изображения на лицевой стороне его тетрадрахм (всадник, держащий в одной руке два копья, а в другой — узду) сходны с изображениями на монетах бизалтов конца VI—начала V в. (MP, Taf XXVIII, 6—8); поэтому нет необходимости, как это иногда делают (*В. Добруски*. Исторически поглед, стр. 563—565; МТЦ, стр 199), связывать их с изображениями на монетах Александра I Македонского, так как и те и другие, думается, восходят к типу монет бизалтов. Типы реверса (орел со змеей в клюве) заимствованы с монетных типов Олинфа на Халкидике (HN, p. 282) — одного из ближайших к области расселения бизалтов греческих городов, имевших монетный двор.

до Медока, видимо, при правлении Севта I [123], одрис Майсад владел фракийскими племенами — тинами, трипипсами (на Пропонтиде) и меландинами (в области Странджа Планина), но был изгнан из своих владений и вскоре умер от болезни [124]. Хотя неизвестно, в каких родственных отношениях к своему предшественнику Севту I находился Майсад, но ясно, что он вел свое происхождение от царского рода одрисов, так как его сын (Севт II) называет старого Тереса (т. е. Тереса I) своим предком (*Xenoph.*, Anab., VII, 2, 22).

Одновременно с Майсадом во Фракийской дельте правил некто «Терес, сын Одриса, какого-то древнего царя» (*Xenoph.*, Anab., VII, V, 1) [125]. О происхождении этого Тереса ученые спорят [126], но в данном случае важно, что и этот парадинаст, как видно из приведенного пассажа Ксенофонта, был из царского рода одрисов. Монеты этого Тереса также указывают на его родственные связи с одрисскими царями: на их аверсе изображена двойная секира — символ, фигурирующий на монетах одрисских царей Амадока I, Амадока II, Тереса II. Очень любопытны свидетельства, касающиеся уточнения областей, подвластных этому парадинасту. Ксенофонт определенно сообщает нам, что он владел землями фракийцев, живущих во Фракийской дельте (Anab., VII, V, 1). Между тем монеты, носящие легенду с его именем, имеют на аверсе изображение виноградной лозы — символ, указывающий на чеканку монет этого Тереса на монетном дворе Маронеи. Поэтому А. Хок высказал мнение, что Терес был изгнан из своих владений во Фракийской дельте и получил во владение другую область, соседнюю с Маронеей [127]. С мнением А. Хока согласен В. Добруски [128]. С. Кэссон, хотя видит в появлении символов греческих городов указание на широкие коммерческие и политические связи, все же считает, что эти символы указывают на сферу действий фракийских правителей [129]. Г. Кацаров [130] не согласен с таким объяснением появления маронейского типа на аверсе монет парадинаста Тереса, считая, что для этого было достаточно просто приятельских отношений с Маронеей, при этом он ссылается на мнение Кэссона, которое в целом, как мы видим, не подтверждает точку зрения Кацарова. Правление других царей (Амадока I, Амадока II), имеющих маронейские типы на монетах, в областях, соседних с Маронеей, бесспорно. В. Добруски, видимо, прав, полагая, что именно этих двух побочных властителей и имел в виду Фукидид, упоминая парадинастов времени Севта I, что не исключает воз-

[123] *S. Casson.* Macedonia, Thrace, Illyria, p. 84, note. 2.
[124] *Я. Тодоров.* Тракийските царе, стр. 22; МТЦ, стр. 200; *A. Höck.* Odrysenreich, S. 84; *M. Cary* Geschichte der Könige von Thracien, S. 11.
[125] Вероятно, позже он правил в области близ Маронеи (см. об этом ниже).
[126] Полемику по этому вопросу см. в работах Я. Тодорова «Тракийските царе», стр. 22 и В. Добруски «Исторически поглед», стр. 581.
[127] *A. Höck.* Odrysenreich, S. 85.
[128] *В Добруски.* Исторически поглед, стр. 580.
[129] *S. Casson.* Macedonia, Thrace, Illyria, p. 195, 208.
[130] *Г. Кацаров.* Принос към историята на древна Тракия, стр. 156.

можности существования и других соправителей у этого царя, нам неизвестных [131].

Весьма влиятельным соправителем царя Медока (Амадока I) был Севт (впоследствии — Севт II). Мы твердо знаем, что он был сыном Майсада (*Xenoph.*, Anab., VII, II, 32) и вел свое происхождение от Тереса I (*Xenoph.*, Anab., VII, II, 22). На его родственные связи с царями одрисов указывают и другие обстоятельства: и то, что после смерти отца его взял к себе на воспитание одрисский царь Медок (*Xenoph.* Anab., VII, II, 32), и то, что сам он был отцом одрисского царя Котиса I [132].

Нузмизматические материалы дополняют список неизвестных нам по другим источникам парадинастов, свидетельствующий о том, что и в более позднее время эта система управления имела место. К периоду около 400 г. до н. э. относятся серебряные монеты с именем некоего Саратока. Его фракийское имя, фасосские и маронейские типы изображений на его монетах (коленопреклоненный сатир, роза) и вес монет указывают на то, что этот фракийский правитель владел областью Фракии, близкой к острову Фасосу и к Маронее [133]. С Фасосом связана и чеканка другого правителя — Бергея (ок. 400 г.): на серебряных монетах с его именем изображен, так же как на фасосских монетах, коленопреклоненный сатир с нимфой, что дало нумизматам основание считать, что Бергей владел частью Фасоса или находящейся против этого острова областью материковой Фракии (может быть, Пангейской областью) [134].

Приведенные выше сведения дают возможность сделать некоторые выводы, касающиеся политической структуры Одрисского царства. Царство (если не все, то некоторые его части) было разделено на области, во главе которых стояли правители из числа членов одрисского царского рода. Они не были представителями местной знати племен, которые входили в состав управляемой парадинастами территории. Парадинасты из числа одрисов, не связанные с другими племенами, получали в управление области от царя, их власть в дальнейшем передавалась чаще всего здесь по наследству (Севт I претендует на управление тинами, тринипсами и меландинами именно на том основании, что ими владел его отец). Однако случай с Тересом, правившим во Фракийской дельте, а потом в областях близ Маронеи, свидетельствует о том, что парадинасты могли получать в управление разные области, править сначала в одной, потом в другой.

131 *В. Добруски* Исторически поглед, стр. 571.

132 *A. Hock* Odrysenreich, S. 89; *Я. Тодоров.* Тракийските царе, стр. 34.

133 *В. Добруски.* Исторически поглед, стр. 623—624, табл. III, 1—5; МТЦ, стр. 206—207, табл. I, *29—35*; HN, p. 283; *S. Casson.* Macedonia, Thrace, Illyria, p. 208.

134 *В Добруски* Исторически поглед, стр. 624—625, табл. III, 6—8; МТЦ, стр. 207, табл. I, 36; IV, 38; HN, p. 283. И. Своронос относит чеканку этих монет городу Берге на оз. Болбе; см. возражения ему у С. Кессона («Macedonia, Thrace, Illyria», p 208, note 2).

Изображения на монетах Одрисского царства
(до середины IV в. до н. э.)

№	Типы изображений	Чеканка царей					Чеканка парадинастов				
		Севт I	Терес II	Амадок I (Медок ?)	Гебридзельм	Котис I	Спарадок	Терес	Сараток	Бергей	Спокес
1	Всадник в развевающейся одежде с одним или двумя копьями	+				+	+				
2	Конь или протома коня	+		+			+				
3	Двуострая секира		+	+				+			
4	Гроздь		+	+					+		
5	Голова Диониса (?)		+	+							
6	Лоза			+				+	+		
7	Голова Кибелы (?)				+						
8	Сосуд с двумя ручками (κυψελη)				+	+					
9	Голова Аполлона (?)				+						+
10	Голова льва				+						
11	Сосуд с острым дном и одной ручкой				+						
12	Голова Зевса (?)					+					
13	Голова в диадеме					+					
14	Орел, клюющий змею						+				
15	Голова сатира (?)								+	+	
16	Коленопреклоненный сатир								+		
17	Рыба									+	
18	Амфора								+		
19	Сатир с нимфой на коленях									+	

Таблица 11

Надписи (легенды) на монетах эпохи Одрисского царства

(до середины IV в. до н. э.)*

Легенды на монетах царей	Севт I	ΣΕVΘΑ ΑΡΓΥΡΙΟΝ; ΣΕVΘΑ ΚΟΜΜΑ
	Терес II (?)	ΤΗ
	Медок (Амадок I)	ΜΗΤΟΚΟ; ΑΜΑΤΟΚΟ; ΑΜΑ]ΤΟ ΚΟ; [ΑΜΑ[ΔΟΚΟΥ ΟΔΡΙΖΙΤΩΝ
	Амадок I (или II ?)	Α]ΜΑΤΟΚ]Ο
	Гебридзельм	ΕΒΡΥ; ΕΒΡΥΖΕΛΜΙΟΣ
	Котис I	ΚΟΤΥΟΣ; ΚΟΤΥ; ΚΟΤΟ
Легенды на монетах парадинастов	Спарадок	ΣΠΑΡΑΔΟΚΟ; ΣΠΑ; ΣΠΑΡΑΔ
	Терес	ΤΗΕΡΥ
	Сараток	ΣΑΡ; ΣΑΡΑΤΟΚΟ; ΣΑΡΑΤΟ
	Бергей	ΒΕΡΓΑΙΟΥ; ΒΕΡΓ
	Спокес	ΒΑ . . . . ΣΠΟΚΗΣ

* В таблице опущены легенды с именами магистратов греческих городов, чеканивших монеты царей и парадинастов.

В таком принципе построения Одрисского царства можно видеть указание на отход от структуры племенных союзов, представлявших собою объединение племен, каждое из которых возглавлялось своим племенным вождем, на появление своеобразного института правителей [135], назначаемых центральной властью из числа членов одрисского царского рода в различные части царства, т. е. появление высших административных лиц, связанных, однако, с одрисскими царями узами близкого родства.

Для подтверждения сделанного вывода любопытно отметить, что роль парадинастов раннеодрисского времени так, как она нам представляется, весьма сходна с ролью стратегов (руководителей административных, а со II в. н. э. — военных округов) эллинистического и римского периода истории Фракии. Подобно парадинастам, стратеги назначались одрисским царем из числа членов правящей династии или

[135] В этом смысле можно принять термин «наместник» (Statthalter), употребляемый М. Кэри («Geschichte der Könige von Thrakien», S. 10) и Шохом (RE, 3(1), 2 Reine. s v. Sitalkes, S.381). При этом, конечно, надо иметь в виду специфику этого института у одрисов.

фракийской аристократии; при этом часто применялся наследственный принцип [136].

Взаимоотношения одрисского царя и парадинастов составляют характерную черту политической структуры Одрисского царства. Интересные сведения по этому вопросу дает нумизматический материал. Важно в этой связи обратить внимание на факт чеканки монет не только одрисскими царями [137], но и их соправителями, что по меньшей мере указывает на определенную самостоятельность правителей отдельных частей Одрисского царства.

Этот вывод подтверждается и при сопоставлении монет, чеканенных от имени царей — с одной стороны, с монетами, чеканенными от имени парадинастов — с другой (табл. I и II).

Как это можно видеть (табл. I), типы изображений царей и парадинастов во многих случаях совпадают (типы 1, 2, 3, 4, 6) [138]; это обстоятельство позволяет считать, что у фракийцев не было особых сюжетов, которые бы отличали царские монеты от монет их соправителей в отдельных областях. Это тем более разительно, что совпадения можно отметить как раз в тех типах, в которых скорее всего следует видеть общефракийские символы: всадник с копьями в развевающейся одежде на мчащемся галопом коне — общефракийский религиозный символ, столь знакомый нам по надгробным и вотивным памятникам Фракии; двуострая секира — предмет, связанный с культом Диониса — одним из основных общефракийских культов, ставший символом одрисского царского дома [139].

Нельзя обнаружить какую-либо разницу и в легендах на монетах царей и монетах парадинастов (табл. II). И на тех и на других фигурируют имена лиц, их выпускавших.

Сличение легенд на монетах царей с легендами на монетах парадинастов не дает повода считать, что одрисские цари имели какой бы то ни было перевес или бо́льшую значимость во внутренних делах, чем правители отдельных фракийских областей. И те и другие выступают без титула, фигурировавшего иногда, как помним, на более ранних, доодрисских монетах. Появление букв ΒΑ..., составлявших, по-видимому, начало слова «басилевс», на монетах Спокеса сравнительно позднего

[136] *Г. Михайлов*. Към въпроса за стратегиите в Тракия. ГСУ ФЗФ, LXI, 2, 1967, стр. 33

[137] Монеты Севта I. *В. Добруски*. Исторически поглед, стр. 579, табл. I, *5—7*; МТЦ, стр 200—201, табл. I, *8—11*; HN, p. 282. Монеты Тереса II: МТЦ, стр. 205, табл. I, *24*, *26*; HN, p. 283. Монеты Амадока I и II. *В. Добруски*. Исторически поглед, стр. 577—579, табл. I, *8*, *9*; МТЦ, стр. 196—197, 202—204, табл. I, *12—18*; табл. VIII, *21*; HN, p. 283. Монеты Гебридзельма. *В. Добруски*. Исторически поглед, стр. 583—584, табл. II, *1—4*; МТЦ, стр. 209—210, табл. II, *41—46*; HN, p. 289, Монеты Котиса I: *В. Добруски*. Исторически поглед, стр. 590—591, табл. I, *9*, *11*, *13*, *15*; МТЦ, стр. 210—211, табл. II, *51—55*; HN, p. 284.

[138] Здесь отмечены те типы изображений, которые совпадают на монетах трех и более правителей (царей и парадинастов).

[139] Совпадения типов 4 и 6 объясняются чеканкой на монетных дворах одних и тех же греческих городов.

времени (середина, скорее всего 60-е годы IV в.) [140] следует связать не со старой фракийской традицией, а с перенесением македонского типа легенды во фракийское монетное дело.

Судя по монетным данным, царь чеканит монеты не как глава царства, а так же, как и парадинасты, в качестве правителя одной из фракийских областей, возможно, собственно одрисской [141].

Таким образом, можно считать, что в Одрисском царстве не было единой общефракийской царской чеканки, которая указывала бы на крепкую политическую консолидацию страны. Напротив, монеты скорее свидетельствуют о том, что во внутренней политике парадинасты были в значительной мере независимы от одрисских царей; это характеризует сравнительно слабые внутриполитические связи даже в период расцвета Одрисского царства.

Сравнительная самостоятельность правителей отдельных областей Одрисского царства проявилась и в их самом непосредственном и активном участии в дележе доходов, поступавших с населения страны. По этому поводу Фукидид дает нам самые четкие сведения, сообщая о податях и «подарках» в Одрисском царстве: «Подарки эти делались не только Севту, но и правившим вместе с ним династам, а также знатным одрисам» (II, 97, 3). Выше мы останавливались на методах и формах получения доходов с жителей подвластной парадинасту Севту (будущему Севту II) земли.

Интересные примеры самостоятельности парадинастов, переходящей в полное отделение подвластной им области, дает политическая история Одрисского царства. Так, например, Диодор Сицилийский рассказывает нам (XIII, 105, 3), что в 405 г. (за несколько дней до битвы при Эгоспотамах) Алкивиад предложил афинянам помощь своих друзей — «фракийских царей Медока и Севта». Этот же автор в другом месте (XIV, 94, 2) сообщает, что афинский стратег Фрасибул во время своего пребывания в Херсонесе (392 г. до н. э.) убедил фракийских царей Медока и Севта стать союзниками Афин [142]. Это, как замечает А. Хок [143], те же фракийские цари, которых упоминает и Корнелий Непот [144]. К этим сравнительно поздним источникам, указывающим на одновременное существование во Фракии двух царей, можно добавить и сведения Ксенофонта, который в «Анабазисе», т. е. во времена правления Медока (Амадока I), о Севте говорит как о «царе большой и многолюдной страны» и напоминает Севту, что греческие воины доста-

140 МТЦ, стр. 208; HN, p. 283.

141 На это предположение наталкивает то обстоятельство, что монеты с изображением сосуда с двумя ручками (кипсела), чеканенные царями (Гебридзельмом и Котисом I), находят исключительно в районе нижней Марицы, преимущественно в окрестностях г. Кипселы (совр. Ипсала), в центре расселения племени одрисов.

142 *Diod.*, XIV, 94, 2; Μήδοκον καὶ Σεύθην τοὺς τῶν Θρακῶν βασιλεῖς.

143 *A. Höck.* Odrysenreich, S. 87.

144 Alcib., 1: magnam sibi amicitiam cum quibusdam regibus Thraciae pepererat.

вили ему целое царство (VII, VII, 26) [145]. Все это данные, указывающие на то, что парадинасты (в данном случае Севт при Амадоке I) по своему положению в подвластной им стране часто мало отличались от царей и в отдельные периоды правления стремились к полному отделению.

Самостоятельность имеют парадинасты в сношениях с руководителями наемных войск. Ксенофонт дважды (Anab., VII, II, 23 и VII, VI, 43) рассказывает о ведении переговоров и заключении соглашения Севта с греками-наемниками. В обоих случаях переговоры ведут послы Севта (Медосад и Абродзельм), которых посылает царь и которые действуют от его имени. Окончательное завершение переговоров совершается самим парадинастом Севтом, который и заключает соглашение. Перед нами не случаи сношений с иностранными державами, так как греческое наемничество имело характер частного предприятия, а чисто внутреннего (в пределах подвластной Севту области) регулирования дел с помощью найма воинских отрядов.

Перейдем к другим источникам, характеризующим Одрисское царство как единое политическое образование, и обратим внимание на некоторые черты субординации его правителей.

Несмотря на сравнительную самостоятельность парадинастов, их зависимость от верховного правителя — царя все же четко прослеживается по литературным источникам и эпиграфическим документам. В этом отношении интересна титулатура, которой награждают древние авторы парадинастов, в частности Севта. Выше мы обращали внимание на то, что греческая и римская историография в ряде случаев наделяет парадинастов титулами царей, в чем можно заметить указание на слабость центральной власти и политическую разобщенность отдельных частей Фракии. Однако эти данные вступают в противоречие с другими, указывающими на подчиненное положение соправителей одрисских царей. Исследователи уже обращали внимание на то, что по отношению к Севту — парадинасту Ксенофонт применяет термин ἄρχων (Anab., VII, III, 16) и ἐπὶ θαλάττῃ ἄρχων (Hell., IV, 8, 26) в отличие от титула Ὀδρυσῶν βασιλεύς, которым он наделяет Медока (там же). Также Аристотель (Polit., V, 1312-a), рассказывая о заговорах против монархов, приводит в качестве примера заговор Севта против Амадока (resp. Медока), называя при этом Севта стратегом Амадока (Σεύθης ὁ Θρᾷξ Ἀμαδόκῳ στρατηγὸς ὤν) [146]. Такое отличие в титулах парадинастов и одрисских царей дает достаточный повод для заключений о зависимом положении первых по отношению к последним.

[145] Эта ситуация дает повод одним исследователям говорить о «дуалистичности Одрисской державы» с 405 г. (*Я. Тодоров*. Тракийските царе, стр. 24), другим — с еще более раннего времени — с Севта I, который управлял прибрежной Фракией, и Майсада, который якобы управлял только Верхней Фракией (М. Кэри приводит такое мнение академика Гиберта, но при этом высказывает свое сомнение по этому поводу — см. *M. Cary*. Geschichte der Könige von Thracien..., S. 11, Anm. «G»).

[146] *Я. Тодоров*. Тракийските царе, стр. 26—27 и прим. 4 на стр. 26; *A. Höck*. Odrysenreich, S. 87; *S. Casson*. Macedonia, Thrace, Illyria, p. 199.

Этот вывод подтверждается и конкретизируется другими свидетельствами. Нам уже приходилось отмечать, что Севт в бытность свою парадинастом довольно свободно распоряжался землей подвластной ему области, щедро раздавая право сбора налога с земли; тем не менее в конфликтном случае, когда мнение парадинаста разошлось с мнением представителя одрисского царя, первому пришлось тотчас же отступить и снять все свои притязания [147]. Подчиненность парадинаста царю в описанном эпизоде совершенно бесспорна.

Нет сомнений и в том, что в военных походах главенство над фракийским войском было в руках одрисского царя, которому подчинялись другие, более мелкие военачальники, в том числе и парадинасты. Подчиненное положение Севта по отношению к Медоку, военная помощь и поддержка которого в значительной мере решают исход основных сражений, прослеживается во многих разделах «Анабазиса» Ксенофонта.

Само назначение парадинаста, передача ему царем в управление той или иной части Фракии ставило его в определенную зависимость от верховного правителя. Со временем при этих назначениях начал соблюдаться принцип наследственного перехода власти парадинаста от отца к сыну: во всяком случае все претензии Севта на управление тинами, меландитами и транипсами основаны на уже укоренившемся представлении о том, что это земля его отца — Майсада; само изгнание Майсада восставшими против него племенами представляется Севту и его покровителю — одрисскому царю вопиющим беззаконием (Anab., VII, II, 33). Существенно, что одрисский царь принимает самое активное участие в восстановлении власти своего парадинаста: воспитывает осиротевшего наследника Майсада, дает ему отряд воинов, с которым он мог бы начать успешную борьбу за власть, помогает ему вести эту борьбу даже тогда, когда Севт уже был в состоянии нанять мощный отряд греков под руководством Ксенофонта.

Таким образом, можно констатировать противоречивость сведений источников (литературных и нумизматических) о характере власти и прерогатив правителей Одрисского царства. Часть источников указывает на элементы политической централизации в управлении царством, другая, напротив, может быть использована для доказательства ограниченности власти царя и самостоятельности правителей отдельных его областей.

В этой противоречивости источников мы склонны видеть данные для характеристики Одрисского царства как единой политической организации с очень слабыми, однако, внутренними связями.

Парадинасты были, однако, лишь одной, высшей ступенью управления. Можно уловить наличие и других, более мелких звеньев. Я. Тодоров, вероятно, прав, отмечая, что не только одрисские цари имели парадинастов, но и сами парадинасты имели своих соправителей, ука-

[147] *Xenoph*, Anab., VII, III, 36; VII, V, 8; VII, VI, 43; VII, VII, 1; VII, VII, 50.

зывая, что при парадинасте Севте такую роль «субпарадинаста» играл Медосад [148].

Эти данные создают впечатление появления какой-то иерархической лестницы в управлении страной, основные ступени которой можно наметить в самых грубых чертах. На ее верху стоит одрисский царь, управляющий большей частью Фракии; в непосредственном подчинении у него были правители крупных областей — парадинасты из числа людей, происходящих чаще всего из одрисского царского рода; им подчинялись управлявшие отдельными поселениями «субпарадинасты», вероятно обычно из племенной аристократии, но иногда из числа служилой знати. Из-за скудости источников из нашего поля зрения могли выпасть и другие, возможно, очень существенные звенья этой иерархии.

Весьма сложен вопрос о взаимоотношении института парадинастов с родо-племенными органами власти, в частности с вождями покоренных одрисами племен. Бесспорно, однако, сохранение родовых институтов в одрисское время. Наиболее осведомленный по этому вопросу историк — Ксенофонт очень немногословен. С полной ответственностью можно сказать лишь то, что среди тинов, транипсов и меландинов, о покорении которых сообщает этот автор, не нашлось ни одного племенного вождя, который противостоял бы Севту: «Они (твои подданные — *Т. З.*),— говорит Ксенофонт Севту,— покорились тебе не потому, что были подавлены нашей многочисленностью, но из-за отсутствия у них вождей» Также в другом месте (Hell., V, 2, 17) этот же автор называет «бесцарскими» тинов, транипсов и меландинов. В качестве заложников от фракийцев к грекам и Севту не попадает ни один вождь, но только «самые влиятельные люди» (*Xenoph.*, Anab., VII, IV, 21). Подобные же сведения можно почерпнуть и из Диодора (XIII, 105, 3), который сообщает, что накануне битвы при Эгоспотамах Алкивиад вел войну с «бесцарскими» фракийцами на Пропонтиде. Но эти сведения, касающиеся к тому же одного и того же небольшого района Фракии, нельзя распространять на всю страну. Они дают лишь повод предполагать ослабление роли племенных вождей некоторых из племен, вошедших в состав Одрисского царства, но не дают оснований считать, что этот процесс зашел далеко. Многочисленные гробницы (и очень богатые, и просто богатые), разбросанные по всей Фракии, свидетельствуют о сохранении экономической мощи племенных вождей и знати в V и IV вв. и позже [149]. К памятникам не менее ярким в этом отношении надо отнести и множество крепостей, служивших жилищем местной знати, о которых уже неоднократно шла речь (см. стр. 137, 168 сл.). Наиболее ярко сохранение института племенных руководителей прослеживается по источникам, освещающим порядок набора в армию. Весьма достоверные

[148] *Я. Тодоров*. Тракийските царе, стр. 27.

[149] В качестве предположения можно высказать мысль о том, что члены одрисского царского рода имели свое место захоронения в районе Дуванлия, подобно тому, как царей скифов и их родственников хоронили у р Герра (*Herod.*, IV, 71). Если это так, то богатые гробницы в других частях Фракии суть погребения местной (не одрисской) знати и не могут быть отнесены к числу погребений парадинастов — одрисов.

свидетельства одрисского и даже значительно более позднего времени указывают на племенной принцип формирования основных подразделений фракийской армии, когда во главе каждого племени стоит вождь [150].

Некоторый свет на изучение вопроса о роли племенных органов власти в Одрисском царстве проливают более поздние материалы, в том числе нумизматические. На монетах из бронзы с изображением головы Геракла на аверсе и быка на реверсе, чеканенных около 300 г. до н. э., имеются легенды ΟΔΡΟΗΣ, ΟΔΡΟΣΙΤΩΝ, ΟΔΡΟΣΩΝ, ΟΔΡΟΣ [151]. Как видим, надпись по грамматической форме напоминает нам те легенды на южнофракийских монетах, которые указывают на чекан монеты от имени племени и свидетельствуют, как мы утверждали, о сохранении родо-племенных институтов. Возрождение такой надписи на одрисских монетах в период упадка и распада Одрисского царства, происшедшего вследствие кельтского завоевания, может, как кажется, быть свидетельством сохранения племенных традиций и органов управления и во время существования мощной Одрисской державы даже у наиболее развитого из племен царства — у самих одрисов; их роль была, однако, ослаблена, так как над ними стояли вновь возникшие органы государства в виде царя, парадинастов и т. п. В этом сохранении племенных институтов под эгидой государственных органов управления мы видим одну из характерных черт раннего государства во Фракии. Их жизненность проявилась при первых же ударах, постигших непрочное Одрисское царство. И в период македонского подчинения, во время кельтского нашествия и римского завоевания отдельные племена и их руководители не сходят с исторической арены [152]. Представители этих племен даже после многих десятилетий существования нивелирующего местную культуру римского господства указывают в надписях свою принадлежность к тому или иному фракийскому племени, поклоняются местным божествам и т. п. [153] Жизненность племенной организации во Фракии доказывается и тем, что даже в период Римской империи провинция Фракия была поделена на 50 (по Плинию, NH, IV, 11 (18), 40) или на 14 (по Птолемею, Geogr., III, II, 6) стратегий, многие из которых были названы по именам фракийских племен: дентелетов (стратегия Δανθηλητική), медов (Μαιδική), койлалетов (Κοιλητική), сапеев (Σαπαϊκή), корпилов (Κορπιλική), бессов (Βεσσική), астов (Ἀστική) и др.

В исторической литературе широко дебатировался вопрос о том,

[150] См. подробнее об этом в разделе «Формы военной организации», стр. 251.

[151] *Н. А. Мушмов.* Античните монети, стр. 330, № 5683 и табл. XXXIX, 13. Однако Т. Герасимов высказал сомнение по поводу существования в одрисское время монет с легендами, представляющими наименование племени одрисов.

[152] О роли отдельных племен и их руководителей в период позднего Одрисского царства (в македонское время, во время кельтского царства в Тиле) см.: *Х. М. Данов.* Към историята на Тракия и Западното Черноморие от втората половина на III век до средата на I век преди н. е. ГСУ ФИФ, № 47, 1952.

[153] *Т. Д. Златковская.* Мёзия в I—II вв. н. э. М., 1951, стр. 130—133.

что следует понимать под strategia римской Фракии. В данной связи важно отметить мнение многих ученых о том, что римляне положили в основу стратегий племенное деление страны, существовавшее в Одрисском царстве: стратегию составляла или часть племенной территории, или территория всего племени [154].

Итак, области, управляемые парадинастами, были лишь наиболее крупными, основанными на территориальном принципе деления единицами Одрисского царства. Внутри них сохранялись племенные территории, прослеживаемые во все периоды существования этого государства. Можно сказать таким образом, что территориальный принцип деления не был в Одрисском царстве единственным; он касался лишь наиболее крупных административных округов и не охватывал всю политическую систему этого государства целиком. В своих низовых и средних звеньях Одрисское царство основывалось на племенном делении. В этой двойственности организационных принципов Одрисского царства (племенном и территориальном) улавливается тесная связь политической структуры только что возникшего фракийского государства с предшествовавшими ему племенными союзами.

К той же категории явлений, характеризующих возникновение государства, следует отнести появление служилой знати. Ксенофонт дает нам два ярких примера этой категории лиц. Первый из них — Медосад. Фракиец по происхождению, он «постоянно служил послом» Севта (*Anab.*, VII, II, 23). В качестве такового он трижды фигурирует в «Анабасисе» (VII, I, 5; VII, II, 10; VII, II, 23), ведя или сам от имени царя, или в присутствии царя переговоры с Ксенофонтом об условиях поступления воинов-греков на службу к Севту. Более широкий круг обязанностей лежит на другом лице — на Гераклиде, греке из Маронеи. Он — нечто вроде дипломата и советника Севта. То он успешно уговаривает гостей подарить Севту богатые подарки (VII, III, 16—20), то советует Севту отпустить войско греков и настраивает его против Ксенофонта (VII, VI, 2—7), то рекомендует Севту не выплачивать большую сумму солдатам-наемникам (VII, VII, 35); он выполняет также различные другие поручения царя (VII, IV, 2). И Медосад и Гераклид обладают деревнями и укреплениями (*Xenoph.*, Anab., VII, VII, 1 — Медосад; VII, VII, 19 — Гераклид). Нет сомнений в том, что эти владения достались им не по наследству, а получены от Севта за оказанные ему услуги: мы знаем, что до успехов Севта Медосад был беден и жил

[154] Т *Моммзен* («Römische Geschichte», V, S. 281) полагает, что стратегия во Фракии представляла собою племенной округ, составляя противоположность городу. У. *Марквардт* («Römische Staatsverwaltung», I², S. 315) добавляет, что лишь ко времени Птолемея (III в. н. э.) часть (14 из 50) стратегий превратилась в городские округа и приобрела характер военного округа. С ними согласны М. Ростовцев, А Бетц, Г. Кацаров. Д. П. Димитров («За стратегиите и за някои градски територии в римска Тракия». ГНМ, VI, 1936, стр. 123—146), однако, доказал, что стратегии не совпадали полностью с землями племен, по имени которых они названы. Г. Михайлов («Към въпроса за стратегиите в Тракия». ГСУ ФЗФ, LXI, 2, 1967, стр. 46) подчеркнул особое внимание римлян к этническим границам Фракии при организации провинций.

грабежом и что оба они обязаны своими земельными богатствами Севту (VII, VII, 1; VII, III, 19). Таким образом, перед нами явно служилая, а не родовая знать.

Можно полагать, что развитая система налогового обложения при одрисах требовала и чиновников, занимавшихся сбором налогов, подсчетом доходов и т. п. Однако имеются сведения только об одном лице, связанном с финансовым ведомством,— о казначее Котиса по имени Мильтокит (*Demosth.*, c. Polykl., 4; c. Aristokr., 169—170). Вероятно, это ведомство было весьма влиятельным: Мильтокит сумел в 362 г. поднять восстание против Котиса, захватить крупный пункт на Пропонтиде — Гиерон орос, вступить в переговоры с афинянами и за помощь обещать им владение всем Херсонесским полуостровом [155] (см. стр. 244).

Вероятно, в Одрисском царстве существовала и регистрация поступлений налогов, или хотя бы какие-то элементы регистрации. На это предположение наталкивает наличие в богатейших фракийских погребениях тяжелых золотых перстней, плоские щитки которых весьма подходят для того, чтобы играть роль печатей. На возможность такого назначения перстней обратили внимание Б. Филов (о перстне из Брезово) [156] и В. Добруски (о перстне из Гложене) [157].

Для изучения форм управления в Одрисском царстве было бы важно выяснить, имело ли оно столицу, и если да, то в какой мере играла она роль административного центра страны. К сожалению, эта проблема еще не может быть решена. В письменных источниках нет прямых указаний на существование столицы Тереса, Ситалка, Севта I и Медока. Археологическими исследованиями до настоящего времени также не обнаружено поселения, которое можно было бы считать столицей Одрисского царства V в. до н. э. Некоторые исследователи, однако, полагают, что молчание античных историков по поводу столицы первых одрисов объясняется тем, что цари не имели одного постоянного места пребывания, игравшего роль столицы: они обладали укреплениями в различных местах царства, где принимали иноземных послов, проводили военные советы, устраивали празднества, пиры, приносили жертвы богам и т. п. [158].

Есть и иное мнение, высказанное М. Тоневым, о том, что по крайней мере во времена Медока, о которых пишет Ксенофонт, одрисские цари имели столицу во внутренней части Фракии (*Xenoph*, Anab., VII, IV, 21; VII, V, 15; VII, VII, 2), где-то (судя по количеству дней перехода, необходимых для того, чтобы пройти от моря до места пребыва-

155 *А. Höck.* Odrysenreich..., S. 95.
156 *Б. Филов.* Паметници на тракийското изкуство, стр. 6—7.
157 *В. Добруски.* Материали по археология на България. Археологически известия на България. «Археологически известия на народния музей в София», кн. 1, София, 1967, стр. 601.
158 *Г. Кацаров.* България в древността, София, 1926, стр. 24; *он же.* Произход и пръв разцвет, стр. 752; *U. Kahrlstedt.* RE, XI, S. 1552; *D. P. Dimitrov.* Das Entstehen der thrakischen Stadt, S. 381.

ния Медока) в районе Свиленграда[159]. Однако интересные соображения, приведенные М. Тоневым, могут быть приняты во внимание только при решении вопроса о том, где находился царь Медок в течение одного месяца, когда войско греков под руководством Ксенофонта было на службе у Севта. Основного вопроса — имело ли Одрисское царство столицу — они все же не решают. Более определенно можно говорить о столице Одрисского царства лишь с IV в. до н. э.: возможно, во время Гебридзельма, Котиса и Керсоблепта (т. е. в первой половине этого века) — г. Кипсела в нижнем течении Марицы (совр. г. Ипсала), а в конце этого века — г. Севтополь, основанный Севтом III.

Не менее существен для нашей темы вопрос о границах Одрисского царства. Географические границы этого государства достаточно исследованы, нам приходилось о них говорить во введении, они отражены и на карте (см. карту 1). Здесь следует, однако, отметить некоторые особенности этих границ, характеризующие, как кажется, формы политической организации царства одрисов. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что границы царства не охватывали даже в эпоху расцвета при Ситалке все фракийские племена, т. е. проходили не по племенным и этническим пределам. Так, например, фракийские племена за Стримоном — эдоны, бизалты, одоманты и др., как известно (*Thuc.*, II, 97, 1; II, 101; IV, 107; *Herod.*, VII, 11), не входили в состав Одрисского царства исследуемого времени. С другой стороны, оно включало некоторые нефракийские племена, например пеонов. Причем югозападная граница царства, шедшая по р. Стримону, разделяла пеонов на «зависимых» и «не зависимых» от одрисов (*Thuc.*, II, 96, 3—4). Создается впечатление, что границы Одрисского царства не совпадали с границами области распространения тех племен, которые входили в состав этой державы. Стратегические рубежи играли немаловажную роль, и, если того требовали военные соображения, границы царства нарушали племенные границы. В этом нельзя не заметить отхода от принципов организации союзов фракийских племен, границы которых в общих чертах совпадали с внешними границами племенных областей членов союза. Более четко этот отход от племенных организационных принципов можно заметить в несколько более позднее время: после смерти Котиса I (359 г.) Одрисское царство было разделено на три части (их царями были Керсоблепт, Берисад и Амадок II), без всякого учета племенных границ[160]. Несмотря на отмечавшуюся уже подвижность границ Одрисского царства, в каждый данный момент они были четко определены (например: *Thuc.*, II, 96; II, 97, 1—2). Однако ранний период государственности у одрисов сказался и здесь: внутри царства находились племена, не признававшие власть одрисских царей, бывшие независимыми (αὐτόνομ) или жившие без царя (ἀβασιλέοντες).

[159] *М. Тонев.* Приноси, стр. 181—183.
[160] Там же, стр. 197—199.

С точки зрения исследования степени сохранения в государстве одрисов элементов организации первобытнородового общества и путей трансформации первобытных органов управления в раннегосударственные было бы важно выяснить, сохранялось ли, и если да, то какую роль играло во Фракии эпохи Одрисского царства народное собрание.

Для решения этого вопроса следует привлечь источники, касающиеся двух событий фракийской истории. Первое из них, описанное Полиеном (IV, 2, 4), произошло в 342 г. до н. э., когда в одном из фракийских городов было созвано народное собрание всех его жителей для того, чтобы обсудить предложения послов Филиппа Македонского [161].

Второе событие, описанное Демосфеном (C. Aristocr., 169—170), относится ко времени после смерти Котиса I, к 359 г. В конце правления Котиса Афины усилили свои стремления к овладению Херсонесом. Воспользовавшись связанными с этим военными затруднениями Котиса, против него в 362 г. до н. э. поднял восстание его казначей Мильтокит. Он захватил город Гиерон орос около побережья Пропонтиды и вскоре попросил поддержки в борьбе против Котиса у афинян, за что обещал им передать во владение весь Херсонесский полуостров. Борьбу против Мильтокита продолжал после смерти Котиса его сын Керсоблепт. В 359 г. Харидему — руководителю наемников, поддерживавших Керсоблепта, удалось захватить в плен Мильтокита [162]. Весьма любопытно и существенно то обстоятельство, что Харидем, желавший, так же как и Керсоблепт, смерти Мильтокита, передал его для расправы не фракийскому царю Керсоблепту, а грекам — жителям г. Кардии, которые сначала убили на глазах у Мильтокита его сына, а потом утопили его самого в море. Демосфен (C. Aristocr., 169) мотивирует поступок Харидема тем, что закон запрещал фракийцам смертную казнь по отношению к своим соплеменникам. Это свидетельство Демосфена требует объяснения, так как нельзя действительно думать, что фракийцы не применяли в качестве наказания смертную казнь [163]. Г. Глоц в

[161] Об этих событиях во Фракии во времена царя Керсоблепта см.: *A. Schaeffer*. Demosthenes und sein Zeit. Leipzig, 1886, II, S. 244 f. Г. Кацаров обратил внимание на сообщение Полиена, но считал, что оно все же недостаточно для положительного решения вопроса о наличии народного собрания в Одрисском царстве (см. «Beiträge», S. 20—21, Anm. 1). Однако ниже мы привлечем и другие источники, свидетельствующие, как кажется, о сохранении народного собрания еще в IV в. до н. э. Традиция созыва народного собрания прослеживается у фракийцев и в более позднее время: Диодор (XXI, 12) рассказывает о собрании гетских воинов после разгрома ими войска Лисимаха (292 г. до н. э.) для решения вопроса о судьбе македонцев-пленников. См. *Т. Д. Златковская*. Племенной союз гетов под руководством Буребисты, стр. 78.

[162] *G. Höck* Zur Geschichte des Thrakenkönigs Kotys I. «Klio», IV, 1904; *idem* Odrysenreich..., S. 5, 95, 101; *Я. Тодоров*. Тракийските царе, стр. 41; *G. Kazarow* Beiträge, S. 100.

[163] *G. Kazarow*. Beiträge, S. 101; *G. Glotz*. Solidarité de la famille dans la droit criminel en Grèce. Paris, 1904, p. 462, note 4. Фукидид отмечает кровожадность и жестокость

монографии, посвященной формам коллективной (в частности, семейной) ответственности в уголовном праве древней Греции, останавливался на этом вопросе. Он объяснял поступок Харидема, желавшего обязательно добиться смерти Мильтокита, прежде всего отличием норм греческого права от фракийских обычаев, не сформулированных ни в каких законах, не кодифицированных [164]. Эта точка зрения была принята, по-видимому, Г. Кацаровым, изложившим ее в положительных тонах и без комментариев [165].

Хотелось бы, однако, отметить некоторые несоответствия в трактовке Глоца и попытаться дать иную интерпретацию пассажа Демосфена. Непонятно, почему, по интерпретации Глоца, фракийскому царю и его первому «министру» было необходимо, чтобы его враг был казнен по греческому праву, а не по фракийским обычаям; естественнее предположить обратное. Совершенно очевидно, что и Керсоблепт, и его верный полководец Харидем [166] хотели смертной казни Мильтокита, поднявшего восстание против отца Керсоблепта — Котиса, отделившегося от Керсоблепта и захватившего часть Фракии в качестве автономного правителя, обещавшего к тому же отдать афинянам Херсонес, права на который с таким трудом отстаивали и Котис и Керсоблепт. И вот при таких обстоятельствах (если отбросить мотивировку Демосфена об отсутствии у фракийцев смертной казни, как это делает с полным основанием Глоц) фракийский царь Керсоблепт предпочел разделаться с Мильтокитом руками греков-колонистов. Для объяснения этой ситуации следует, как думается, обратиться к изучению аналогичных событий, имевших место в истории Македонии. Арриан и Квинт Курций, описавшие заговоры во время похода Александра Македонского, единодушны в том, что у македонского царя не было права над жизнью и смертью заговорщиков. Описывая заговор Филоты, сына Пармениона, против Александра, Арриан создает картину суда, проводимого собранием всех воинов, на котором обвиняемому дано право защиты, а обвинителю — право обвинения; выступают и свидетели (Anab., III, 26, 1—4). Ту же обстановку общего собрания воинов для решения судьбы Филоты воссоздает и Курций Руф, указывающий даже на то, что Александр настаивал на справедливой судебной борьбе сторон и принуждал Филоту произнести речь в свою защиту (VI, 9, 25—36). Совершенно таким же образом были судимы молодые знатные македонцы, составив-

фракийцев (VII, 29); Ксенофонт упоминает убийства при дележе награбленного после кораблекрушений имущества (Anab., VII, V, 13); Эврипид рассказывает об особой форме смертной казни у фракийцев — утоплении (Hec., 1259—1262); об убийствах царями своих подданных см. ниже. Я. Тодоров («Тракийските царе», стр. 41) понимает сообщение Демосфена дословно.

164 *G. Glotz*. Указ. соч., стр. 463. В качестве второй причины поступка Харидема Глоц считает стремление этого полководца избавить молодого царя от ухудшения отношений с Афинами в связи с казнью Мильтокита (там же).

165 *G. Kazarow*. Beiträge, S. 100—101.

166 Харидем, верный друг Керсоблепта, вел напряженную борьбу против двух других претендентов на престол Котиса — Берисада и Амадока.

шие заговор против Александра. Их руководитель Гермолай, сын Сополида, высказал перед собранием македонцев причины, заставившие его организовать заговор против Александра (*Arrian,* Anab., IV, 13 и 14). В обоих случаях исполнителями приговора выступают сами судьи — воины, побившие заговорщиков дротиками или камнями (Anab., III, 26, 3; IV, 14, 3).

Обстоятельства смерти Мильтокита есть основания связывать с аналогичными обычаями во Фракии IV в. до н. э. Фракийский царь еще и в это время не имел бесспорного права осуждать на смерть соплеменника, и в этом смысле следует понимать слова Демосфена об отсутствии смертной казни у фракийцев. Это право принадлежало в некоторых случаях компетенции народного собрания, к созыву которого Керсоблепт не решался прибегнуть, предвидя положительную оценку деятельности Мильтокита. Отходя от веками закрепленного обычая, он пытался действовать с наибольшей осторожностью: Мильтокит был утоплен в море, т. е. лишен жизни способом, который считался чисто фракийским; καταποντισμός, как сообщает Эврипид, — фракийский обычай (Hec., 1259—1262). Но тем не менее, когда в обход народного суда Мильтокит был казнен, во Фракии поднялось восстание против Керсоблепта, усилившее его противников. Незаконная расправа над Мильтокитом стоила Керсоблепту дорого: он вынужден был пойти на раздел Фракии между тремя претендентами на престол Котиса (*Demosth.,* C. Aristocr., 170).

Таким образом, перед нами источники, указывающие на созыв народного собрания в IV в. до н. э. или на необходимость такого созыва с точки зрения действующего права. Следует, однако, попытаться выяснить, насколько события, описанные этими источниками, характерны для политической жизни Фракии исследуемого периода. В первом случае, у Полиена, речь шла о переговорах членов народного собрания с македонскими послами, т. е. решались внешнеполитические вопросы. Однако, как известно, можно указать на другие, более многочисленные и документально подтвержденные данные о том, что переговоры с иноземными послами и вообще решение внешнеполитических вопросов были прерогативой одрисских царей или (значительно реже) особо влиятельных членов их семей. Поэтому в сообщении Полиена следует, как кажется, видеть отражение реального, но единичного и в целом не характерного для Одрисского царства явления — созыва народного собрания для решения внешнеполитических вопросов. Во втором случае Демосфен свидетельствует об ограничении судебных функций царя в решении тех вопросов, которые в более раннее время были полностью в компетенции народного собрания, наделенного правом решать вопросы жизни и смерти своих соплеменников. Однако и здесь можно привести более чем достаточно примеров из фракийской истории, свидетельствующих о самовластной расправе фракийских царей, не обращавшихся за разрешением к своим подданным, в том числе и к суду народного собрания, для того чтобы совершить убийство.

Таким образом, в приведенных сообщениях следует видеть указа-

ния на факты существования народного собрания, созыв которого, однако, проводился нерегулярно и, вероятно, в редких случаях. В каких именно, установить трудно. Видимо, лишение жизни Мильтокита — знатного человека и правителя части Фракии — требовало особенно веских обоснований и нуждалось в общенародном одобрении.

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О ПРАВЕ

Из весьма скудных сведений о праве у фракийцев можно все же сделать некоторые, правда, самые предположительные выводы.

События, развернувшиеся вокруг казни Мильтокита, дают основания полагать, что у фракийцев не было еще и в IV в. до н. э. кодифицированного права, когда запись закона гарантировала бы определенное наказание за одно и то же преступление [167]. Уровень развития письменности у фракийцев, применявшейся главным образом для записи магических формул, также скорее может указывать на преобладание во фракийском обществе неписанных, основанных на традиции обычаев. Любопытны сведения, сообщаемые Валерием Максимом (III, 7, 7). Этот автор рассказывает, что, когда Котис I узнал о том, что афиняне дают ему аттическое гражданство, он воскликнул: «И я дам вам право моего народа» («Et ego illis meae gentis ius dabo»). Употребленный Валерием Максимом термин «ius gentium» скорее можно рассматривать как указание на существование у фракийцев закрепленных устной народной традицией племенных обычаев, чем на существование кодифицированного права. Более определенно сообщение Аристотеля о том, что еще в его время агафирсы учили наизусть свои законы и исполняли их в форме песен (Problemata, 19, 28) [168].

На весьма архаическую ступень указывают и некоторые формы суда, которые есть основание воспринимать как указание на существование «суда бога», как обращение к божеству для определения виновности предполагаемого преступника. В таком смысле мы склонны трактовать эпизод, сохранившийся у Каллимаха (III в. до н. э.) и основанный (это существенно, так как очень повышает ценность этого известия) на литературной традиции, восходящей к Архилоху [169]. В этом произведении можно уловить отголоски событий на Фасосе, происшедших в период колонизации этого острова греками с Пароса в VII в. до н. э. В отрывке, насколько это можно понять из его текста, весьма фрагментарного [170], речь идет об убийстве фракийца по имени Ойсидрес [171]

[167] *G. Glotz.* Указ. соч., стр. 462.
[168] *G. Kazarow.* Beiträge, S. 98.
[169] *F. Hiller v. Gaertringen.* Noch einmal das Archilochosdenkmal von Paros. «Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», Philologisch-historische Klasse. Neue Folge, Bd. I, N 2, Berlin, 1934, S. 58.
[170] Публикация этого отрывка Каллимаха см.: *M. Norsa, G. Vitelli.* Διηγήσεις di poemi di Callimaco in un papiro di Tebtynis. Florenz, 1934, p. 39, N 9; *R. Pfeiffer.* Callimachus. vol. I. Fragmenta. Oxonii, 1949, fr. 104, p. 108.
[171] Οἰσύδρεω Θρήικος.

паросцами, за что последние претерпевали различные неприятности от соплеменников убитого и были осаждены ими; фракийцы потребовали обращения к дельфийскому оракулу для разбора этого дела и не успокоились, пока оракул не определил наказания за убийство. Обращение для разрешения конфликта к дельфийскому оракулу, который ничем не отличался от святилища Диониса, находившегося в Пангейских горах [172], и от аналогичных святилищ в других местах Фракии [173], весьма знаменательно. Оно дает повод предполагать, что такой метод разбора конфликтов был распространен в судебной практике фракийцев. Намек на божий суд можно уловить и в описании гетского обычая, когда «посланника к богу» Салмоксису берут за ноги и руки и бросают на копья; если проколотый человек умирает, считается, что божество милостиво к гетам; если же не умирает, то геты винят в том самого вестника, считая его человеком порочным (*Herod.*, IV, 94).

Очень любопытен в этой связи и рассказ Арриана о том, что у витинов был обычай произносить приговор под открытым небом, чтобы его мог услышать бог (*Arrian*, fr., 33; FHC, III, 592) [174].

Рассматривая вопрос о народном собрании, мы указывали на возможность трактовать эпизод с осуждением на казнь Мильтокига как свидетельство сохранения еще очень живой традиции коллективного вынесения приговора народным собранием. Бурная реакция фракийцев на нарушение царем Керсоблептом этой традиции указывает на то, что такое самовольное вынесение царем смертного приговора за политическое преступление было и в середине IV в. до н. э. явлением экстраординарным. На сохранение и в более позднее время коллективного суда, в котором принимали участие все воины, указывает эпизод, сообщаемый Диодором (XXI, 12). Речь идет об уже упоминавшемся периоде удачной борьбы гетов под руководством Дромихета против македонской армии Лисимаха в 292 г. до н. э., когда одрисские цари уже потеряли власть над северными областями своего царства. Пленив македонского царя, геты собрались, чтобы произнести над пленником свой приговор. «Они говорили, — сообщает Диодор, — что требуется дать возможность воинам, которые участвовали в опасностях, решить, как поступить с пленниками».

Эта форма коллективного суда проявилась и в коллективном исполнении приговора. Так, Геродот рассказывает о наказании перса Ойобаза, которого фракийцы-апсинты коллективно принесли в жертву своему богу (VIII, 119). Коллективным палачом выступали и геты в

172 *Herod.*, VII, 111: «Прорицалище находится в высочайших горах, а прорицателями в храме служат бессы из племени сатров; ответы оракула, так же как и в Дельфах, даются прорицательницей; ничего особенного сравнительно с Дельфами здесь нет».

173 Имеются свидетельства о фракийских святилищах Диониса близ устья р. Гебра (*Hygius*, Fab., XXXII); у бизалтов ([*Arist.*]. Mir. auscult., p. 842 A = 122); у сатров и бессов (*Herod.*, VII, III; *Dio Cass.*, LI, 25; LIV, 34; *Eurip.*, Hec., 1267), лигуреев (*Macrob.*, I. 18,1); два святилища (а может быть, одно и то же) где-то в юго-западной Фракии (*Suet.*, Aug., 94, 5—6).

174 *G. Kazarow*. Beiträge..., S. 99.

обряде жертвоприношения богу Салмоксису (*Herod.*, IV, 94), о котором речь шла выше. Если считать, что процедура осуждения народным собранием у фракийцев и македонцев была сходной, можно полагать, что сходно было и приведение приговора в исполнение: избиение камнями или дротиками.

Тем не менее история Одрисского царства дает больше примеров отхода от традиций первобытных форм суда, чем их сохранения. Так, например, известно, что Севт II сам безоговорочно решает вопросы жизни и смерти фракийцев (*Xenoph.*, Anab., VII, IV, 9—10). Отход от традиций народного суда, вероятно, был связан с изменением приведения приговора в исполнение. IV век до н. э. и более позднее время дают достаточно примеров собственноручной расправы одрисских царей со своими подданными (Севт: *Xenoph.*, Anab., VII, IV, 9—10; Котис: *Theopomp*, ap. Athen., I, 12; Диегилис (II в. до н. э.): *Diod.*, XXXIII, frg. 14; Зибелмий (II в. до н. э.): *Diod.*, XXXIII, frg. 12).

Отход от традиций первобытного общества можно заметить и в других моментах. Существенно, например, сравнение процедуры осуждения на смерть Мильтокита Керсоблептом и фракийцев-пленников Севтом. Эти пленные были фракийцами из племени тинов, и суд над ними все же нельзя рассматривать как суд над чужеземцами, хотя они и находились в состоянии войны с Севтом. Преступление Мильтокита носило в общих чертах тот же характер, что и преступление фракийцев-тинов. И тот и другие отложились от царя и добивались оружием независимости от него; и тот и другие попали в плен к своему врагу. Однако разделаться с Мильтокитом одрисский царь сам не имел права, его обходный маневр (передача Мильтокита в руки греков-кардийцев), поведший к казни Мильтокита, вызвал резкое недовольство фракийцев. Напротив, убийство пленных фракийцев, очевидно, не считалось действием, нарушающим принятый порядок.

Сопоставление этих эпизодов дает повод для размышлений о различном подходе к вынесению смертного приговора у фракийцев в IV в. до н. э. в зависимости от социального положения того лица, которое обрекалось на смерть. Этот дифференцированный подход выразился в необходимости судебного разбирательства, выступления сторон и т. п. перед лицом народного собрания, а также в коллективном вынесении приговора знатному и влиятельному лицу в отличие от казни рядовых фракийцев по воле царя, без какого-либо намека на разбор дела.

ФОРМЫ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Одним из существенных критериев уровня социального и политического развития общества являются формы военной организации, ему присущие [175].

Цифры, которые сообщают нам древние авторы о количественном составе фракийского войска, создают впечатление весьма большого (по отношению ко всему фракийскому населению) процента воинов, участвующих в походах. Фукидид (II, 98) сообщает о 150 000 воинов, составляющих армию одрисского царя Ситалка во время его похода в Македонию. Весьма внушительные цифры называет Диодор (XV, 36; XVIII, 14): 30 000 человек в войске фракийского племени трибаллов в 376 г. до н. э. и 28 000 воинов в войске фракийского царя Севта III в 323 г. Страбон (VII, fr. 47) считает, что население Фракии (к югу от Дуная) могло в его время выставить войско, состоящее из 215 000 человек. Многочисленность фракийского войска удивляла почти всех, писавших о нем. Фукидид говорит, что войско Ситалка II было «страшно своей многочисленностью» (II, 98, 4). Эта же мысль о необычайной многочисленности «варварского» войска высказана устами спартанского полководца Брасида во время его похода в 323 г. до н. э. в Македонию, против племени линкестов: «Многочисленность их [варваров] грозна на вид» (*Thuc.*, IV, 126, 5); «вы, воины Брасида, не должны страшиться многочисленности врагов» (*Thuc.*, IV, 126, 1). Существенна та часть этой речи, где Брасид описывает тактику варваров, основанную на многочисленности войска, которая, по мнению спартанца, заменяла им регулярный строй и дисциплину, поражая зрение и слух врагов (IV, 126, 5—6). Есть достаточно оснований полагать, что под варварами Брасид понимает отнюдь не только линкестов, а делится со своими воинами всем своим опытом (*Thuc.*, IV, 126, 4), который получил в многочисленных сражениях. Этот опыт спартанский военачальник накапливал главным образом во Фракии, где он прославился своими походами через Фракийское побережье Эгейского моря, взятием Амфиполя и города эдонов Миркина (*Thuc.*, IV, 70—121). Эти соображения дают, как думается, основания полагать, что представления об организации и тактике варварского войска составлены Брасидом на основании наблюдения главным образом над фракийцами.

Таким образом, сведения античных источников о необычайной многочисленности фракийского войска в разные периоды античной истории создают впечатление об отсутствии у фракийцев армии, отделенной от народа, характерной для политических объединений с четко оформившимися государственными устоями; напротив, они указывают на всенародный характер фракийского войска. Такое представление подтверждается, например, сведениями Ксенофонта о поголовном участии мужской части племени тинов в сражениях с Севтом: от совсем юных воинов (Anab., VII, IV, 7—10) до «немолодых уже людей» (Anab., VII,

[175] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 73—74; т. 33, стр. 7—11.

IV, 21). Любопытно, что Фукидид (II, 98, 3) для обозначения 150-тысячного войска Ситалка употребляет термин πλῆθος, который имеет значение «множество», «народ», «народные массы».

Общефракийское войско формировалось по племенному принципу (*Thuc.*, II, 96, 1—3; II, 98, 3). Представление о таком принципе формирования фракийского войска подтверждается и более поздними свидетельствами, относящимися к римскому времени. В консульство Лентула Гетулика и Гая Кальвизия (26 г. н. э.) во Фракии, находившейся под властью тогда уже вассальных Риму одрисских царей, вспыхнуло одно из самых крупных восстаний против римлян [176]. Главной причиной его была попытка нарушить существовавший во Фракии воинский порядок: римляне хотели заставить фракийцев служить в подразделениях римской армии, формируемых из разных племен. Фракийцы же требовали сохранить племенной принцип в формировании армии и прямо ссылались на традиционность такого рода воинского порядка (*Tacit*, Ann., IV, 46). Аналогичные сведения о тех же событиях можно почерпнуть из данных Веллея Патеркула, указывающего, что фракийский царь Реметалк II привел для поддержки римлян свое войско, состоявшее из отрядов, сформированных по племенному принципу; во главе каждого из них стояли племенные вожди — duces (*Vell. Pat.*, HR, II, 112, 4). Это свидетельство находится в соответствии с сообщением более раннего автора — Агатархида из Книда (II в. до н. э.) о том, что племя дарданов во время войны образовывало воинские части под предводительством своих вождей (*Athen.*, VI, 272a).

Имеющиеся в нашем распоряжении данные (*Thuc.*, II, 96—98; IV, 100, 1; IV, 102, 2) указывают на то, что ни войско Одрисского царства, ни тем более войско южнофракийского союза VI—V вв. до н. э. не носило регулярного характера, а собиралось каждый раз по мере необходимости. Существенно в этой же связи обратить внимание на характер фракийских походов. Самый прославленный из них — поход Ситалка I против Македонии в 429 г. Завоевав со своим огромным войском македонские земли, одрисский царь не стремился ввести здесь какую-либо административную систему для сбора податей и закрепить захваченные земли. Поход носит характер хотя и организованного, но все же грабительского набега. Фукидид прямо указывает (II, 96, 2; II, 98, 3), что в армию Ситалка множество племен привлекала надежда на богатую добычу. После разграбления страны армия фракийцев ушла из Македонии, не оставив здесь каких-либо наместников одрисского царя или управителей, могущих закрепить его власть. Такого рода экспансия, не ставившая своей целью планомерную эксплуатацию побежденных, характерна скорее для догосударственных или раннегосударственных образований, нежели для сложившихся государств. Таким образом, литературные свидетельства дают повод полагать, что основные

[176] *Н. Ф. Мурыгина.* Фракия и Рим. Борьба фракийских племен против римской агрессии во II—I вв. до н. э. и в начале I в. н. э. М., 1951 (автореферат); *Т. Д. Златковская.* Мёзия в I—II вв. н. э., стр. 50—51.

принципы военной организации у фракийцев (общенародный характер армии, племенной принцип формирования и нерегулярность ее существования) оставались неизменными как в предодрисское, так и в одрисское время, несмотря на попытки римлян изменить эти традиционные устои. Археологические данные подтверждают вывод о всенародном характере фракийского войска. Почти во всех мужских погребениях как предодрисского (VI в. до н. э.), так и одрисского (V в. до н. э.) времени имеется оружие. Это чаще всего наконечники копий, реже — наконечники стрел или мечи.

Тем не менее ряд черт в воинской организации древних фракийцев указывает на отход от принципов общинно-родового строя в организации войска, усиливающийся к V в. до н. э. Эти черты прежде всего заметны в количестве и качестве оружия во фракийских погребениях, указывающие не только на имущественное расслоение в обществе, но, возможно, и на то, что предводителями походов были не столько храбрые и воинственные, сколько знатные и богатые. В неравномерности распределения воинского инвентаря, конечно, отразился общий процесс закрепления за знатными и богатыми предводительских функций, как политических, так и военных. Изменения коснулись, видимо, и другого принципа, на котором было основано войско фракийских племен в доодрисский период, — принципа добровольности, который теперь претерпел существенные изменения. В этом отношении очень интересен отрывок из Фукидида (II, 96, 1—3), в котором описывается созыв Ситалком войска для похода 429 г. до н. э. против Македонии и ее царя Пердикки: «Отправляясь из земли одрисов, Ситалк созвал прежде всего живущих между горами Гемом и Родопою фракийцев, на которых простиралась его власть до моря, именно Евксинского Понта и Геллеспонта. Потом он созвал гетов, живущих по ту сторону Гема, и прочие племена, которые живут по сю сторону реки Истра, ближе к Евксинскому Понту... Ситалк призвал также много горных фракийцев, живущих независимо и вооруженных кинжалами; они называются диями и живут большей частью на Родопе; одних из них Ситалк склонил к войне наемною платою, другие последовали добровольно. Ситалк поднял также агриан, леев и все прочие подчиненные ему племена пеонов». Хотя для обозначения созыва в армию Фукидид употребляет нейтральный глагол — ἀνίστημι — «поднимать», «созывать», который не дает оснований для выводов о порядке призыва для участия в походе, все же во всем отрывке можно заметить различие в воинских обязанностях. Эти различия заметны в том разграничении, которое существует между независимыми («автономными») от Ситалка племенами и теми, которые находятся под его властью. Если в отношении последних упоминается лишь сам факт участия в походе по призыву царя, то при упоминании независимых фракийцев подчеркивается добровольность участия, а в двух случаях (II, 96,2 и 98,3) указывается и причина, побудившая их к участию в походе,— материальная заинтересованность: добыча и наемная плата. Очевидно, подчиненные одрисам племена обязаны были выставлять воинские подразделения; остальные могли

принимать или не принимать участия в походе по своему разумению[177].

Следует обратить внимание на порядок, в котором Фукидид перечисляет призванные к оружию племена Одрисского царства: прежде всего (πρῶτον) Ситалк созывает подвластные ему племена фракийцев, живущие между Старой Планиной и Родопами, т. е. племена, составлявшие ядро его царства; он созывает затем (ἔπειτα) гетов и другие племена, живущие к северу от Старой Планины, т. е. родственные одрисам и вообще южным фракийцам северофракийские племена, подвластные одрисам. Лишь в конце этого перечня племен, вошедших в число воинских подразделений, фигурируют нефракийские племена царства одрисов. Нельзя ли в этой последовательности усмотреть указание на различную степень воинских обязательств племен — членов Одрисского царства?

Далее следует отметить, что общефракийское ополчение по крайней мере с середины V в. до н. э. теряет характер единственной военной силы во Фракии. Появляются дружины царя и знати, организованные на иных принципах, чем общефракийское войско, и знаменующие, как представляется, отход от племенного принципа в организации подразделений и фракийского войска в целом. Мы знаем, что после изгнания и смерти отца Севт II воспитывался у одрисского царя Медока. Однажды Севт стал умолять его дать сколько он может людей, чтобы попытаться отомстить выгнавшим из страны отца Севта и его самого. «Тогда он [Медок] дал мне тех людей и коней, которых вы увидите, когда наступит день, и теперь я повелеваю ими и живу, грабя мое отечество» (*Xenoph.*, Anab., VII, II, 32—33). В этом рассказе, как и в других описанных Ксенофонтом эпизодах, есть достаточно оснований видеть оторванную от народа, приближенную к царю и высшей знати часть фракийцев, сделавшую войну своим постоянным ремеслом. Именно в этой среде могла оформиться столь ярко изложенная у Геродота (II, 167) мораль знати, основанная на восхвалении войны, грабежа и пренебрежении к производительному труду.

Погребальный инвентарь свидетельствует о появлении предводителей фракийского войска, кичащихся своим богатым набором оружия и доспехами. 2 железных копья и богатые бронзовые доспехи в погребении у с. Долбоки; 2 железных копья, 40 стрел, части меча, бронзовые доспехи в Башевой могиле; из погребения при Руец (Юруклер) происходят бронзовые доспехи (шлем и наколенники), множество стрел, же-

[177] С. Кэссон («Macedonia, Thrace and Illyria», p 201) предполагает, что граждане греческих городов, входивших в состав Одрисского царства, также служили во фракийском войске, подобно тому, как это известно о греках-ионийцах в армии персов или греках в македонской армии (*Thuc.*, IV, 124). По мнению этого автора, участие в походах фракийских царей греки могли заменить деньгами, т е. могли откупиться. Т. В Блаватская («Западнопонтийские города»), таких предположений, однако, не высказывает.

лезные меч, 2 наконечника копья и др.— все это свидетельства военного образа жизни фракийских предводителей [178].

Есть некоторые данные отмечать со времени возникновения Одрисского царства появление тенденции к увеличению роли именно этой категории войска. Если во всех фракийских погребениях VII—VI вв. оружие обязательно присутствует, то в средних и бедных погребальных наборах V — начала IV в. до н. э. оружие скорее редкость, чем правило. С другой стороны, следует отметить появление именно в это время очень богатых могил с дорогими доспехами и большим количеством оружия. В этих явлениях следует, как представляется, видеть признак увеличения роли дружины и ее богатых предводителей.

Таким образом, в Одрисском царстве можно констатировать существование двух видов воинских сил. Один из них, несмотря на ряд изменений, сохранял все же основные принципы племенного формирования и носил общенародный характер, т. е. представлял собой «самодействующую вооруженную организацию населения» [179]. Другой, типа дружины, имел в зачаточном виде черты, сближающие его с регулярной армией.

* * *

На пути становления рабовладельческого государства у фракийцев, оформившегося в более позднее, эллинистическое и римское время, лежал период, во время которого происходил переход от стадии племенных союзов к ранним формам государственности. Этот период характеризовался многообразием форм собственности и форм эксплуатации, каждая из которых выступала в ранней, еще далекой от завершения стадии развития; начальной стадии классообразования, зарождением классов-сословий, когда отношения к средствам производства, имущественное и социальное положение человека определялись знатностью и ролью в управлении страной; политической системой, в которой наряду с появлением (в верхних звеньях управления) государственных органов власти продолжали функционировать и сохраняли жизненность племенные институты и принципы управления периода существования союза племен.

[178] *Д. П. Димитров.* Тракийска гробна находка от с. Дълбоки, Старозагорско. РП, IV, 1949, стр. 230—231.
[179] *Ф. Энгельс.* ПСЧСГ, стр. 170.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БП	Беломорски преглед
ВИ	Вопросы истории
ГНБМП	Годишник на Пловдивската Народна библиотека и музей
ГНБП	Годишник на народната библиотека. Пловдив
ГНМ	Годишник на Народния археологически музей. София
ГНМП	Годишник на Народния археологически музей. Пловдив
ГСУ ФЗФ	Годишник на Софийския университет. Факултет по западни филологии
ГСУ ФИФ	Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет
ГСУ ФФ	Годишник на Софийския университет. Филологически факултет
ИАК	Известия императорской археологической комиссии
ИБАД	Известия на Българското археологическо дружество
ИБАИ	Известия на Българския археологически институт
ИВАД	Известия на Варненското археологическо дружество
ИЕИМ	Известия на Етнографския институт с музей
ИИБИ	Известия на Института за българска история
ИНМВ	Известия на Народния музей. Варна
ИНМК	Известия на Народния музей. Казанлък
ИНМШ	Известия на Народния музей. Шумен
ИП	Исторически преглед
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
МОГАИМК	Московское отделение Государственной академии истории материальной культуры
МТЦ	*Н. А. Мушмов.* Монетите на тракийските царе. ГНБП, 1925
НЭ	Нумизматика и эпиграфика
ПИДО	Проблемы истории докапиталистических обществ
РП	Разкопки и проучвания
СА	Советская археология

СНУНК	Сборник на народни умотворения, наука и книжнина
УП	Училищен преглед
Ф. Энгельс. ПСЧСГ	*Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 21.
AAPh	Acta Antiqua Philippopolitana
BCH	Bulletin de correspondance Hellénique
BMC	British Museum. A Cataloque of the Greek Coins
CAH	Cambridge Ancient History
CIL	Corpus Inscriptionum Latinarum
Dittenb., Syll.	Sylloge Inscriptionum Graecarum, ed. W. Dittenberger, 3 ed.
EB	Etudes Balkaniques
HN	*B. V. Head.* Historia numorum. Oxford, 1911
IGBR	Inscriptiones Graecae Bulgaria repertae
JHS	Journal of Hellenic Studies
JIAH	Journal international d'archéologie numismatique
MAIV	Materiale arheologice privind istoria veche a R. P. R.
MP	*G. Gaebler.* Die antiken Münzen von Makedonia und Paionia. Berlin, 1935
NChr	Numismatic Chronicl
RE	*Pauly — Wissowa — Kroll.* Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
RN	Revue numismatique
SBWA	Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse
SA	Studia archaeologica
SCIV	Studii şi cercetări de istorie veche
SHPh	Studia historica et philologica
ZfN	Zeitschrift für Numismatik

ОГЛАВЛЕНИЕ

Татьяна Давыдовна Златковская

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА У ФРАКИЙЦЕ

*

Утверждено к печати
Институтом этнографии
имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР

Редактор издательства *С. И. Васильченко*
Художник *Л. В. Коврижкин*
Художественный редактор *В. Н. Тикунов*
Технический редактор *Л. И. Куприянова*

Сдано в набор 19/I-1971 г. Подписано к печати 29/VII-197
Формат 70×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 19,48. Уч.-изд. л. 20,1
Тираж 2300. Бумага № 1. Тип. зак. 1909. Т-13015
Цена 1 р. 64 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
20	12 св.	После	Послы
32	24 сн.	βρίςα	βρίζα
91	12 сн.	ͻροι	ὅροι
101	21 сн.	ὁ νεμος	ὁ νόμος
106	14 сн.	χωρὶο	χωρίον
108	13 сн.	ΙΠΠΟΜΑΧΘΣ	ΙΠΠΟΜΑΧΟΣ
112	4 сн.	Les timbrées	Les timbres
128	13 св.	Вторая	Первая
144	22 сн.	ἀμφι πολει	ἀμφίπ λει
146	5 сн.	ορυρ ορτ δνυιν	δούλιον ἄρτον
154	15 св.	В районных	В районах
155	13 сн.	т. 26	т. 25
158	3 св.	᾿Οδρυῶον	᾿Οδρυσῶν
195	12 св.	опрресков	орресков
243	3 сн.	αὐτόνομ	αὐτόνομαι
254	10 сн.	стадии	стадией

Т. Д. Златковская